

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

ТОМ 25 • №4 • 2019 ГОД

Подписной индекс 78535
ISSN 2542-0445

Subscription Index 78535
ISSN 2542-0445

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

- *История*
- *Педагогика*
- *Языкознание*

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY

HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

- *History*
- *Pedagogics*
- *Linguistics*

Том 25 • № 4 • 2019

Vol. 25 • № 4 • 2019

«УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.

С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год

MAGAZINE FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

«Samara National Research University» (Samara University)

eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.

*On December 1, 2015, the journal is included in the new **List of peer-reviewed scientific publications**, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with new title*

Journal is published since 1995. It is published 4 times a year

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3345406, 3379954

E-mail: dubmane@mail.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street,
Samara, 443011, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 3345406, 3379954

E-mail: dubmane@mail.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Literatory editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС 77-67842** от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

The Certificate on registration of means of mass-media

PI № FS 77-67842 from 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название –

Вестник Самарского государственного университета,
ISSN 1810-5378

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 78535

ISSN 2542-0445

The former title –

Vestnik of Samara State University,
ISSN 1810-5378

0+

Цена свободная

Подписано в печать 25.12.2019.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 23,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

0+

Free price

Passed for printing 25.12.2019.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 23,5.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Авторские статьи не обязательно отражают
мнение издателя.

Author,s articles do not necessarily reflect
the views of the publisher.

Редакционная коллегия

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Алматы, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Москва, Институт российской истории РАН, Российская Федерация)

Брюс У. Меннинг, доктор истории, профессор (Лоренс, Университет Канзаса, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация)

Андрей Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Теннесси, Университет Мемфиса, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самара, Самарский социально-гуманитарный университет, Российская Федерация)

Анна Мантарова, д-р социол. наук (София, Институт изучения обществ и знания, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий (Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Игорь Ключанов, PhD, профессор коммуникации (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Бенджамин Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Талса, Колледж искусств и науки Генри Кенделла, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Андреас Эббингхаус, д-р филол. наук, профессор (Вюрцбург, Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Германия)

Галина Синекопова, PhD, профессор (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Тупикова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоград, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация)

Editorial board

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Almaty, Eurasian National University, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Bruce W. Menning, PhD in History, professor (Lawrence, University of Kansas, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Ekaterinburg, Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Andrei Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (Tennessee, University of Memphis, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation)

Anna Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Sofia, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy of Higher School and Modern Educational Technologies (Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, Samara, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

Igor Klyukanov, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

Bendzhamin Piters, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Tulsa, Henry Kendall College of Arts and Sciences, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

Andreas Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, professor (Würzburg, Julius-Maximilians University of Würzburg, Germany)

Galina Sinekopova, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd, Volgograd State University, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. Подготовка научных кадров высшей квалификации по историческим наукам в Самарском университете	7
Симонова Е.В., Биленко Н.А. Тульские ремесленники в условиях модернизации в XIX – начале XX вв.	23
Серых А.А. Российское общество 1917 г. глазами историка. По материалам дневника М.М. Богословского	32
Леонов М.И. Российская многопартийность в новейшей отечественной историографии	42
Кобозева З.М., Алексеенко Е.В. «Плавучий магазин – не богадельня»: будни советского города эпохи Торгсина	47
Романова Г.А., Трифонова В.В., Романов Н.Н. Фронтвой дневник: экзистенциальный опыт человека на войне	55
Бельцер А.А. Пограничные бароны и мировые судьи: семья Дакр и магистраты Камберленда и Нортумберленда, 1485–1534	62

ПЕДАГОГИКА

Мельник Н.М., Нестеренко В.М. Педагогические условия подготовки выпускников вуза к самореализации в профессиональной деятельности	67
Савельев А.И. Специфика военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков	73
Троицкая Ю.В. Коммуникативная мобильность в структуре профессиональной компетентности	79
Храмцов Е.Б. Содержание профессиональной одаренности юриста	85
Родина Л.И. Готовность преподавателя вуза к организации инклюзивного образования	91

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Малюга Е.Н. Синтаксические характеристики рекламного дискурса	100
Сафонова М.А. Стил и интертекстуальность романа Г.Х. Манро <i>The Unbearable Bassington</i> (1912) в контексте Эдуардианской эпохи	106
Чепорухина М.Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива»	116
Миронов М.В. Слово <i>brown</i> как название масти лошади: семантика и способы перевода	127
Данилова Н.К. Интенциональные сети дискурса	134
Темникова Н.Ю. Образ социального мира в повести Н.С. Лескова «Воительница»	140
Дунаев А.Е. Жанрово-стилистические характеристики атрибутов существительного в немецких городских хрониках XV–XVI вв.	149
Романова Т.П. Геобрендинговый потенциал самарских ивентонимов	156
Голубых А.А. «Медикализация» современной англоязычной интернет-рекламы (на материале рекламных видеороликов видеохостинга YouTube)	162
Доброрадных Т.А. Системные и функциональные свойства герундия как полифункциональной единицы английского языка	170

РЕЦЕНЗИИ

Шувалов В.И. Рецензия на книгу: Нефедов В.В. СЕПГ и культура ГДР. М.: Научно-политическая книга, 2019. 559 с.	177
Захарова К.Л. Рецензия на сборник документов: Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы и документы. К 100-летию создания совета рабочих и солдатских депутатов / авт.-сост. Г.В. Мордвинцев. Уфа: Информреклама, 2017. 726 с.: ил.	181
Тюрин В.А., Леонов М.И. Рецензия на монографию: Кабытов П.С., Елисеев А.И. Градоначальник Алексей Андреевич Росовский. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. 100 с.	185

CONTENTS

HISTORY

Kabytov P.S., Leontieva O.B. Training of scientists with higher qualifications in historical sciences at Samara University	7
Simonova E.V., Bilenko N.A. Tula handicrafts in terms of modernization in the XIX – early XX centuries	23
Serykh A.A. Russian society in 1917 through the eyes of the historian. By the materials of M.M. Bogoslovsky's diary	32
Leonov M.I. Russian multi-party system in the newest domestic historiography	42
Kobozeva Z.M., Alekseenko E.V. «Floating warehouse is not a poorhouse»: weekdays of a Soviet city in a time of Torgsin	47
Romanova G.A., Trifonova V.V., Romanov N.N. Diary of war: existential human experience in the war	55
Beltser A.A. Border barons and justices of peace: The Dacre family and magistrates in Cumberland and Northumberland, 1485–1534	62

PEDAGOGICS

Melnik N.M., Nesterenko V.M. Pedagogical conditions of preparation of university graduates for self-realization in professional activity	67
Savelev A.I. Specificity of military-professional activities of cadets – military pilots	73
Troitskaya Yu.V. Communication mobility within the structure of professional competence	79
Khramtsov Ye.B. Content of the professional giftedness of a lawyer	85
Rodina L.I. Readiness of a university professor to the organization of inclusive education	91

LINGUISTICS

Malyuga E.N. Syntactic characteristics of advertising discourse	100
Safonova M.A. Style and intertextuality of H.H. Munro's novel «The Unbearable Bassington» (1912) in the context of the Edwardian epoch	106
Cheporukhina M.G. On the distinction between the terms «dysphemism», «slang», «vulgarism» and «invective»	116
Mironov M.V. The word 'brown' as a horse colour name: semantics and ways of translation	127
Danilova N.K. Intentional networks of discourse	134
Temnikova N.Yu. Image of social world in the story «The Amazon» by N.S. Leskov	140
Dunaev A.E. Genre and stylistic characteristics of noun attributes in German town chronicles of the XV and XVI centuries	149
Romanova T.P. Geo-branding potential of Samara event names	156
Golubykh A.A. «Medicalisation» of modern internet advertising (based on English YouTube commercials)	162
Dobroradnykh T.A. Systemic and functional characteristics of gerund as a polyfunctional unit of the English language	170

REVIEWS

Shuvalov V.I. Review on the book: Nefedov V.V. Socialist Unity Party of Germany and culture of the German Democratic Republic. M.: Nauchno-politicheskaya kniga, 2019, 559 p.	177
Zakharova K.L. Review on the collection of documents: Ufa Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917: protocols and documents. On the 100th anniversary of creation of the Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies. Author-complier G.V. Mordvintsev. Ufa: Informreklama, 2017, 726 p.: il.	181
Tyurin V.A., Leonov M.I. Review on the monograph: Kabytov P.S., Eliseev A.I. Town governor Alexey Andreevich Rosovsky. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2019, 100 p.	185

ИСТОРИЯ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-7-22
УДК 930(47)

Дата поступления статьи: 15/X/2019
Дата принятия статьи: 22/XI/2019

П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ В САМАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© *Кабытов Петр Серафимович* – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. **Researcher ID:** S-2272-2016. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

© *Леонтьева Ольга Борисовна* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: oleontieva@yandex.ru. **WoS ID:** B-8653-2017. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-4245-1358>

АННОТАЦИЯ

В статье поставлена цель проследить роль историков Самарского (Куйбышевского) университета в подготовке кадров высшей квалификации – кандидатов и докторов исторических наук – для высших учебных заведений Российской Федерации и Самарского региона. Становление системы подготовки научных кадров в Самарском университете прослежено на фоне масштабных перемен в отечественной исторической науке, отразившихся в выборе тематики научных работ и методологических подходов к решению поставленных проблем. Исследование базируется на данных отчетов о деятельности Самарского государственного университета, материалах справочных и юбилейных изданий, источниках личного происхождения – воспоминаниях и интервью преподавателей университета. На основе привлеченных источников изучено формирование преподавательского состава кафедр исторического факультета, прослежены этапы становления аспирантуры и докторантуры в университете, создания и перепрофилирования диссертационного совета по историческим наукам. Приведены данные о динамике защит кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам в диссертационном совете Самарского (Куйбышевского) университета. Выделены основные направления подготовки научных кадров, охарактеризованы научные школы, сложившиеся к настоящему времени на историческом факультете Самарского университета и признанные российским ученым сообществом. Проведенный анализ позволил выделить несколько этапов становления системы подготовки кандидатов и докторов исторических наук в Самарском (Куйбышевском) университете и несколько поколений научных кадров с 1970-х гг. до настоящего времени.

Ключевые слова: Самарский университет, исторические науки, научные кадры высшей квалификации, аспирантура, докторантура, диссертационный совет.

Цитирование. Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. Подготовка научных кадров высшей квалификации по историческим наукам в Самарском университете // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 7–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-7-22>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-7-22
UDC 930(47)

Submitted: 15/X/2019
Accepted: 22/XI/2019

P.S. Kabytov, O.B. Leontieva

TRAINING OF SCIENTISTS WITH HIGHER QUALIFICATIONS IN HISTORICAL SCIENCES AT SAMARA UNIVERSITY

© Kabytov Petr Serafimovich – Doctor of Historical Sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. Researcher ID: S-2272-2016. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

© Leontieva Olga Borisovna – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: oleontieva@yandex.ru. WoS ID: B-8653-2017. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4245-1358>

ABSTRACT

The authors aimed to reveal the role of historians of Samara (Kuibyshev) University in the training of highly qualified scientists in the field of historical sciences (candidates and doctors of historical sciences) for higher educational institutions of the Russian Federation and the Samara Region. The formation of a system of training highly qualified scientists at Samara university is traced in the context of large-scale changes in Russian historical science, which affected the choice of subjects and methodology of theses. The study is based on the materials from reports on the activities of Samara State University, reference and anniversary editions, as well as on ego-sources, i.e., on memoirs and interviews with university professors. The authors examine the formation of the teaching staff of historical departments, highlight the key stages in the development of postgraduate school and doctorate at the university, the creation and reprofiling of the dissertation council on history. The article contains the data on the dynamics of defenses of the candidate and doctoral theses in history at the Dissertation Council of Samara (Kuibyshev) University. The authors identify the main areas of training of scientists, characterize the scientific schools that were formed at the historical faculty of Samara University and have received recognition from the Russian scientific community. Based on the study, the authors identify the most important stages in the training of highly qualified scientists and the main generations of historians at Samara (Kuibyshev) University from the 1970-ies to the present.

Key words: Samara University, historical sciences, scientists with higher qualifications, graduate school, doctoral training, Dissertation Council.

Citation. Kabytov P.S., Leontieva O.B. *Podgotovka nauchnykh kadrov vysshei kvalifikatsii po istoricheskim naukam v Samarskom universitete* [Training of scientists with higher qualifications in historical sciences at Samara University]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 7–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-7-22> [in Russian].

Введение

«Наука и научная работа отнюдь не являются, взятые в целом, результатом *только* работы отдельных ученых», – писал в 1930-е гг. академик В.И. Вернадский; он указывал, что научное знание немислимо «без одновременно существующих научной организации и научной среды», что научные открытия становятся достоянием человечества только при условии «их охвата организованным проявлением научной работы учеными, научным аппаратом данного времени» [Вернадский 1991, с. 47–49]. Трансляция научных знаний, воспроизводство научных кадров, формирование и деятельность научных школ являются жизненно важными условиями развития науки; это справедливо в отношении как человечества в целом, так и отдельных стран и регионов.

В современной историографии предпринят ряд интересных попыток оглянуться на тот путь, который прошла российская историческая наука в те-

чение XX века, оценить перемены, произошедшие в структуре научного сообщества, корпоративной культуре российских историков и практике их научных исследований на рубеже XX–XXI вв. [Очерки... 2005; Научное... 2011; Хут 2010]. Особое внимание уделяется эволюции проблематики и методологии диссертационных исследований по историческим наукам, поскольку изменение канонов научно-квалификационных работ наиболее выразительно свидетельствует о переменах в исследовательской культуре [Воробьева 2019; Леонтьева 2019]. Безусловно, постановка таких проблем важна и на региональном уровне.

В настоящей статье ставится цель проследить роль Самарского (Куйбышевского) университета в подготовке кадров историков высшей квалификации – кандидатов и докторов исторических наук – для высших учебных заведений Российской Федерации и Самарского региона. Данная проблема частич-

но нашла отражение в справочных, юбилейных изданиях [Энциклопедия... 2010–2012; Самарский... 1994; Самарский... 2009], историографической литературе [Аграрная... 2014; Кабытов 2014] и аналитических статьях о тенденциях развития университета [Яровой 2001; Леонов 2018]. Источниками для ее изучения могут служить отчеты о деятельности Самарского государственного университета за 1994–1998 гг. и за 1999–2003 гг. [Яровой 1999; Самарский... 2004], ежегодные отчеты о научной деятельности университета [Научная... 2009–2015], а также издания, подготовленные сотрудниками университета Е.А. Стенькиной, Г.И. Щербаковой и Л.А. Кругловой, где приведена информация о деятельности диссертационных советов и аспирантуры [Диссертационные... 2007; Аспирантура... 2010]. Ценные материалы содержат воспоминания преподавателей университета и издания *in memoriam* [Козенко 2008; Кабытов 2011; Кабытов 2012; В живых... 2016]. При подготовке статьи также использовались материалы интервью с преподавателями исторического факультета.

Становление исторических кафедр и формирование научных школ в Куйбышевском государственном университете

Начало университетскому историческому образованию в нашей области было положено 50 лет назад, в 1969 г., когда в открывшемся Куйбышевском государственном университете была сформирована кафедра истории СССР. Создание классического университета в Куйбышеве (ныне – Самара) было вызвано настоятельной потребностью времени: в регионе велась подготовка высококвалифицированных технических и экономических кадров, но ощущался острый дефицит специалистов высшей квалификации по естественным, общественным и гуманитарным наукам. Специальность «История» всегда была традиционной для классических университетов, и подготовка историков в стенах Куйбышевского университета началась с момента его открытия.

Уже на начальном этапе развития Куйбышевского государственного университета одними из приоритетных направлений деятельности ректората, ученого совета и общественных организаций вуза становятся формирование научных школ и подготовка высококвалифицированных кадров – кандидатов и докторов наук – для высших учебных заведений и научных учреждений Куйбышевской области. На первых порах ректор университета А.И. Медведев принял стратегическое решение – пригласить на работу профессоров, доцентов и выпускников аспирантуры из университетских центров Российской Федерации. Реализация этой кадровой политики позволила в кратчайшие сроки сформировать коллективы кафедр и факультетов и с первых же дней внедрять в учебный процесс университетские технологии преподавания и научные традиции.

В первые годы функционирования вуза ректорат практиковал направление выпускников и молодых сотрудников университета в целевую аспирантуру ведущих университетов страны. Наконец осенью 1974 г. при Куйбышевском государственном университете была открыта аспирантура, что придало мощ-

ный импульс процессу формирования в областном центре естественнонаучной и гуманитарной элиты.

Кафедра истории СССР была создана в 1969 г. под руководством доктора исторических наук, профессора Ефрема Игнатьевича Медведева [Балашов 2005]. В 1976 г. из ее состава была выделена кафедра советской истории и историографии (с 1991 г. – кафедра отечественной истории и историографии), заведующим которой до 2009 г. был заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор Л.В. Храмков. Кафедра истории СССР с 1976 г. стала называться кафедрой дореволюционной отечественной истории, а с 1991 г. – кафедрой российской истории; с 1983 г. ее возглавляет заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор П.С. Кабытов. В 1971 г. была сформирована кафедра всеобщей истории, заведующим которой до 2007 г. был доктор исторических наук, профессор Б.Д. Козенко; впоследствии кафедра была реорганизована в кафедру всеобщей истории, международных отношений и документоведения; заведующим кафедрой в настоящее время является доктор исторических наук, профессор Ю.Н. Смирнов.

Постоянное кадровое пополнение исторических кафедр стало возможным благодаря успешной работе профильной аспирантуры, а затем и докторантуры.

Можно условно выделить несколько периодов деятельности аспирантуры и работы диссертационных советов по историческим наукам при Самарском (Куйбышевском) университете. В 1970-е гг. в университете началась подготовка научных кадров в аспирантуре. Научное руководство аспирантурой по отечественной истории в 1970–1980-е гг. осуществляли Е.И. Медведев, Л.В. Храмков и П.С. Кабытов. Лидером формировавшейся в университете научной школы по истории США XX в. и научным руководителем аспирантов по всеобщей истории стал Б.Д. Козенко. Также был открыт прием в аспирантуру по престижной для того времени специальности «История КПСС»; научное руководство аспирантами в этой сфере осуществляли В.Г. Толкачев, А.И. Медведев, Н.П. Мышенцев и доктор исторических наук В.В. Рябов, возглавлявший Куйбышевский государственный университет в 1977–1984 гг.

Формирование научных школ в Куйбышевском университете создало условия для открытия диссертационных советов. В 1980–1990 гг. в университете функционировал диссертационный совет К.063.94.02 по специальностям «История КПСС» и «Теория научного коммунизма» (председателем совета до 1985 г. был профессор В.В. Рябов, а затем – профессор Л.В. Храмков). Всего в этот период было защищено 49 кандидатских диссертаций (Приложение, табл. 1). Аспиранты, специализирующиеся по истории СССР, в рассматриваемый период защищали кандидатские диссертации в диссертационном совете при Куйбышевском государственном педагогическом институте или Казанском государственном университете [Диссертационные... 2007, с. 7–9, 40–102].

Историко-партийная проблематика традиционно разрабатывалась аспирантами и соискателями в рамках марксистско-ленинской методологии: исследовалось воздействие региональных (областных) пар-

тийных организаций на развитие экономического потенциала – промышленности и сельского хозяйства – в период реализации новой экономической политики, накануне Великой Отечественной войны и в послевоенный период, уделялось внимание изучению вузовской системы образования, подготовке высококвалифицированных кадров и адаптации рабочей молодежи на предприятиях Куйбышевской области, а также формам и методам воспитания молодежи в условиях строительства социалистического общества.

Важным фактором эффективности работы аспирантуры и деятельности диссертационных советов стало признание научным сообществом исследований научных руководителей, а также установление прочных контактов с кафедрами истории российских университетов и научно-исследовательскими институтами АН СССР. В 1976 г. Л.В. Храмков защитил докторскую диссертацию на тему «Советы Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Храмков 1974]. П.С. Кабытов в 1983 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Аграрные отношения в Поволжье периода империализма» [Кабытов 1982]. Докторская диссертация Б.Д. Козенко, защищенная в 1983 г., была посвящена теме «“Новая демократия” и война. Внутренняя политика США (1914–1917)» [Козенко 1980].

Тематика научной работы руководителей аспирантуры определила направления формирования научных школ по отечественной и зарубежной истории. В кандидатских диссертациях, защищенных под научным руководством профессора Е.И. Медведева в 1970-х гг. (диссертациях Н.Н. Кабытовой, Н.Я. Ратнер, В.Ф. Тулузакова и других), основное внимание уделялось истории российских революций и Гражданской войны. Под руководством профессора Л.В. Храмкова в 1980-е гг. были защищены кандидатские диссертации по истории Среднего Поволжья (работы Л.М. Артамоновой, В.Я. Мачнева, Г.С. Шерстневой и других). Аспиранты профессора П.С. Кабытова изучали социально-экономическую историю Юго-Востока Европейской России (Н.Ф. Амирова (Тагирова), Э.Л. Дубман, П.И. Савельев и другие), деятельность самарского земства (Н.А. Арнольдов) и другие аспекты региональной истории. Диссертации учеников профессора Б.Д. Козенко (А.А. Знаменского, А.Б. Окуня) были посвящены проблемам истории США.

Всего за 1970–1980-е гг. было подготовлено 80 кандидатов исторических наук по специальностям «История СССР», «История КПСС» и «Всеобщая история» [Аспирантура... 2010, с. 28–38]; многие из них успешно продолжили академическую карьеру. Таким образом, за 1970–1980-е гг. в стенах университета была создана система подготовки научных кадров, заложены основы научных школ.

Историки Самарского университета в 1990-е гг.

Время зрелости университета совпало с эпохой больших перемен в жизни нашего общества: в конце 1980-х гг. стало меняться не только историческое время, но и пространство развития исторической науки. Для российских ученых открылись возможности установления контактов с мировым научным

сообществом, прохождения научных стажировок в ведущих зарубежных университетах, работы в зарубежных библиотеках и архивах. Научное сообщество историков стало пересматривать методологические принципы научных исследований; события глобального масштаба – распад Советского Союза и крушение социалистической системы – ускорили процессы отказа от марксистско-ленинской методологии и освоения современного методологического инструментария.

В новых исторических условиях была изменена номенклатура научных специальностей. В 1991 г. диссертационный совет по историческим наукам К 063.94.02 был перепрофилирован, и ему было дано право проводить защиты диссертаций по двум специальностям: всеобщей истории (новой и новейшей истории) и истории общественных движений и политических партий (диссертации по этой специальности совет принимал к рассмотрению до 1993 г.). Затем совет, во главе которого по-прежнему стоял доктор исторических наук профессор Л.В. Храмков, получил право рассматривать диссертации по специальности «Отечественная история» [Диссертационные... 2007, с. 9–14].

Динамика защит кандидатских диссертаций по указанным специальностям (Приложение, табл. 2) свидетельствует о возрастающем научном и общественном интересе к проблемам отечественной истории [Диссертационные... 2007, с. 9–14, 103–185].

К числу новых явлений в деятельности аспирантуры по историческим наукам следует отнести подготовку кандидатских диссертаций по специальности «Археология», что стало основой формирования самарской научной археологической школы, работавшей в 1990–2000-е гг. под научным руководством профессора кафедры российской истории Г.И. Матвеевой. Ее ученики (Н.А. Лифанов, Д.В. Серых, Д.А. Сташенков, С.А. Трибунский и другие) изучали проблемы археологии Среднего Поволжья и прилегающих регионов, а также историю археологической науки.

В 1990-е гг. был сделан следующий важный шаг в создании системы подготовки научных кадров: открыта докторантура по специальности «Отечественная история» (научный консультант – П.С. Кабытов).

Направленность докторских и кандидатских диссертаций, которые были подготовлены и защищены на кафедре российской истории в 1990-е гг., наглядно свидетельствует о качественных изменениях, происходивших в тот период как в проблематике, так и в методологии исторических исследований. На историческом переломе все больший интерес у историков стали вызывать проблемы взаимоотношений власти и общества в период реформ и революций. Так, докторская диссертация М.И. Леонова была посвящена истории партии эсеров – непримиримых врагов российского самодержавия. В отличие от трудов советского периода, где изобличалась «мелкобуржуазная» сущность эсеровской партии, в работе М.И. Леонова идеология партии социалистов-революционеров трактовалась как «неонародничество», «крестьянский социализм» – иной путь воплощения социалистического идеала, противостоявший «пролетарско-

му социализму» социал-демократов [Леонов 1995]. Изучение истории неонароднических партий впоследствии было продолжено в диссертационных исследованиях К.Н. Морозова и А.В. Сыпченко – учеников М.И. Леонова и П.С. Кабытова, – посвященных судьбе партии эсеров в Советском государстве и истории Трудовой народно-социалистической партии [Морозов 2006; Сыпченко 2006].

Н.Н. Кабытова в своей докторской диссертации обратилась к истории взаимоотношений власти и общества в российской провинции в 1917 г. Ей удалось вскрыть механизмы формирования властных структур в провинции в тот «межеумочный» период, когда самодержавная власть уже пала, а у Временного правительства не было реальных возможностей контролировать политическое строительство на местах [Кабытова 1999]. В кандидатских диссертациях, подготовленных на кафедре в тот период, предметом исследования неоднократно становились формы сотрудничества имперской власти и провинциального общества в пореформенный период – история земства и городского самоуправления; были предприняты первые шаги в изучении социокультурного пространства провинциального города XIX – начала XX вв.

Проблематику аграрной истории активно разрабатывали докторанты П.С. Кабытова. Работы научного консультанта и его учеников были выполнены в русле «нового направления» советской исторической науки, сложившегося в 1960-е гг. и поставившего проблему многоукладности аграрного строя России накануне революции 1917 г. П.И. Савельев в своей докторской диссертации успешно применил методы компьютерной обработки статистических данных, кластерного анализа, построив многомерные модели развития помещичьего и крестьянского хозяйства в Поволжье и выявив несколько возможных путей формирования нового аграрного строя [Савельев 1995]. Н.Ф. Тагирова исследовала развитие инфраструктуры хлебного рынка Среднего Поволжья – региона, который во второй половине XIX – начале XX в. по праву считался житницей России; она доказала, что в Поволжье в изучаемый период сложился самостоятельный региональный рынок, органически вошедший в структуру общероссийского и мирового рынка [Тагирова 1999]. Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, П.И. Савельев с 1990-х гг. стали осуществлять научное руководство аспирантами; тематика кандидатских диссертаций по отечественной истории становилась все более разнообразной, охватывая историю российского дворянства и крестьянства, проблемы взаимоотношений власти и общества, историю политических партий, российского парламентаризма и местного самоуправления.

В 1990-е гг. на кафедре российской истории началась разработка проблем истории не только Самарского края, но и более обширного региона – Юго-Востока Европейской России. Э.Л. Дубман и Ю.Н. Смирнов в своих докторских диссертациях обратились к изучению истории хозяйственного и военно-административного освоения Понизового Поволжья и Заволжья в XVII и XVIII вв.; опираясь на традиции, заложенные классиками российской исторической науки – С.М. Соловьевым и

В.О. Ключевским, – они показывали взаимодействие многих акторов на юго-восточной окраине страны, выявляли активную роль государства и вольного народного переселения в колонизации новых земель [Дубман 2000; Смирнов 1999]. В докторской диссертации Л.М. Артамоновой прослежено становление системы образования и просвещения в юго-восточных губерниях Европейской России как результат плодотворного взаимодействия верховной власти, органов местного управления, сословных групп и частных лиц – «ревнителей просвещения» [Артамонова 2002].

Таким образом, к концу XX века на историческом факультете сформировалась научная школа, объединенная не только проблематикой исследований, но и опытом коллективной научно-исследовательской работы. Специалистов по отечественной истории в Самарском университете связывало совместное участие в масштабных научных проектах: написании и издании двухтомной «Самарской летописи», а затем многотомной «Истории Самарского Поволжья» [Самарская... 1993; История... 2000].

Подготовка научных кадров высшей квалификации по историческим наукам в Самарском университете в начале XXI в.

Рубеж XX–XXI вв. для отечественной исторической науки стал временем формирования новой исследовательской культуры; ее отличительными чертами стали теоретико-методологическая рефлексия, интерес к новаторским течениям зарубежной исторической науки и обращение к традициям дореволюционной отечественной историографии. Российские историки смелее ставят новые исследовательские проблемы и обращаются к неизученным аспектам традиционных тем; формируются новые научные направления, среди которых выделяются историческая антропология и «новая социальная история». Сложившаяся в начале нового века научная повестка включает вопросы изучения истории повседневности, обыденного сознания, стратегий и тактик выживания различных социальных групп, в том числе тех, которые ранее не являлись предметом изучения в советской исторической науке. Эти тенденции отразились и в научной работе самарских историков.

К началу XXI в. в Самарском университете сложилась целостная система подготовки кадров высшей квалификации по историческим наукам: с 2001 г. по настоящее время в университете активно функционируют аспирантура, докторантура и диссертационный совет по историческим наукам. Диссертационный совет Д 212.218.02, учрежденный в 2001 г. (председатель совета – профессор П.С. Кабытов), стал принимать к рассмотрению не только кандидатские, но и докторские диссертации по отечественной и всеобщей истории. Статистические данные, представленные в таблице 3, показывают, что за период 2001–2012 гг. совет рассмотрел 110 работ по специальности «Отечественная история» (в том числе 20 докторских диссертаций) и 8 работ по специальности «Всеобщая история» (из них 1 докторскую диссертацию) [Диссертационные... 2007, с. 15–21, 186–298; Научная... 2009–2015].

В 2015 г. приказом Минобрнауки был создан объединенный диссертационный совет Д 999.011.02 при Самарском государственном университете и Пензенском государственном университете, получивший право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации по отечественной истории, а также по историографии, источниковедению и методам исторического исследования. В настоящее время объединенный совет при Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева и Пензенском государственном университете функционирует под шифром Д 999.102.02.

Создание объединенного совета означало, что он выполняет миссию кузницы научных кадров в масштабе двух крупных региональных университетов; в совете проходят защиты выпускников аспирантуры и докторантуры Самарского и Пензенского университетов, а также принимают к защите диссертации, выполненные в Самарском государственном социально-педагогическом университете, Ленинградском государственном университете имени А.С. Пушкина, Мурманском арктическом государственном университете, Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова и др. Динамика защит (Приложение, табл. 4) и «география» организаций, где выполнены диссертации, показывают, что объединенный совет завоевывает известность и авторитет в научном сообществе Российской Федерации [Диссертационные... 2019].

На кафедре всеобщей истории к настоящему времени сложилось несколько основных направлений подготовки аспирантов: антиковедение, медиевистика, новая и новейшая история стран Европы и Америки, славистика; была открыта докторантура [Аспирантура... 2010, с. 63]. Основа изучения античной истории на кафедре была заложена научными работами И.Г. Гурина, возглавлявшего кафедру всеобщей истории в 2007–2013 гг. [Гурин 2003]. В его докторской диссертации освещались малоизученные проблемы истории Испании в начальный период гражданских войн I в. до н. э. в Римской Республике – во время Серторианской войны. В этой работе впервые был использован не только весь спектр нарративных источников по теме исследования, но и новейшие археологические, нумизматические, эпиграфические источники, которые оказали помощь в реконструкции событий и дали основания для выводов о политике восставших и об их контроле над некоторыми районами Испании. Докторантуру по кафедре всеобщей истории окончили А.Б. Окунь и С.В. Занин. Докторская диссертация С.В. Занина, посвященная наследию Ж.-Ж. Руссо (научный консультант – профессор Б.Д. Козенко), выполнена в русле современной интеллектуальной истории и посвящена эволюции системообразующих представлений мыслителя о свободе, совести и «разумном порядке» под воздействием субъективного опыта философа, социального опыта и интеллектуальных влияний эпохи. Для анализа социокультурной среды, в которой жил Руссо, в диссертации изучен комплекс источников, ранее не вводившийся в научный оборот, в том числе донесения русских посланников во Франции [Занин 2009].

На кафедре отечественной истории и историографии сформировалась научная школа по изучению истории Великой Отечественной войны и вклада Среднего Поволжья в победу над врагом; это направление разрабатывал заведующий кафедрой Л.В. Храмков, а также Г.А. Широков [Широков 2005]. Выпускниками докторантуры по кафедре отечественной истории и историографии стали А.Ю. Конев, В.Н. Парамонов, Е.Н. Филимонова и В.Н. Якунин [В живых... 2016, с. 162–168; Аспирантура... 2010, с. 63]. В диссертациях В.Н. Парамонова и В.Н. Якунина (научный консультант – профессор Л.Н. Храмков), успешно защищенных в диссертационном совете Самарского государственного университета, проблематика истории Великой Отечественной войны – индустриальное развитие РСФСР и правовой статус, деятельность и внешние связи Русской православной церкви – разрабатывалась на общероссийском материале [Парамонов 2000; Якунин 2002].

Руководителем докторантуры и научным консультантом докторских диссертаций, подготовленных на кафедре российской истории Самарского университета, является профессор П.С. Кабытов. Его докторанты в начале XXI в. успешно разрабатывают перспективные направления «новой социальной истории», социально-экономической истории, истории местного самоуправления, интеллектуальной истории, исторической биографистики.

В изучении классических научных сюжетов ученики П.С. Кабытова используют новые исследовательские подходы. Так, докторская диссертация И.Е. Козновой «Историческая память российского крестьянства в XX веке» выполнена на стыке двух направлений современной исторической науки – крестьяноведения (международного научного направления, для которого характерно восприятие крестьянина как особого антропологического типа, а «крестьянского мира» – как саморегулирующейся социокультурной системы) и изучения исторической памяти [Кознова 2005]. Опираясь на богатейшие материалы, собранные в том числе в ходе этнографических экспедиций, И.Е. Кознова предпринимает «вертикальный срез» состояния социальной памяти российского крестьянства XX века, проследивает, как запечатлелись в этой памяти узловые события века: революция 1917 г., нэп, коллективизация и «раскулачивание», Великая Отечественная война, выявляет, как со сменой поколений изменялись формы сохранения памяти и ее смысловые акценты. Докторская диссертация О.Р. Хасянова «Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей» сочетает особенности подходов, характерных для крестьяноведения, истории повседневности, новой локальной истории и изучения культурной памяти: в ней введены в научный оборот новые архивные документы и материалы устной истории, позволяющие реконструировать многоаспектную картину повседневной жизни послевоенной колхозной деревни, а именно – хозяйственный быт, трудовые отношения, религиозную и праздничную культуру, формы девиантного поведения, взаимоотношения крестьянства и власти, тех-

ники пассивного сопротивления и приспособления к реалиям жизни [Хасянов 2017].

Отличительной чертой данной научной школы стало стремление к изучению истории повседневности различных социальных групп. Так, докторская диссертация З.М. Кобозевой, защищенная в 2015 г. в Саратовском государственном университете, посвящена повседневной жизни самого многочисленного из городских сословий дореволюционной России – мещанства; ее проблематика соответствует нескольким направлениям современной исторической науки: новой социальной истории, истории повседневности, исторической урбанистики, новой культурной истории, микроистории. Автором выявлен и введен в научный оборот особый тип источников – «делопроизводственные документы личного характера»: многочисленные обращения мещан во власть, жалобы, прошения, ходатайства и т. д. На основе анализа этих источников сквозь призму историко-антропологического подхода З.М. Кобозева выявляет «болевы точки» повседневного быта горожан, реконструирует мир «сословной повседневности» провинциального мещанства в условиях модернизации [Кобозева 2015].

На пересечении таких направлений современной исторической науки, как «новая социальная история» и история повседневности, выполнена докторская диссертация Е.В. Годовой «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.». В ее работе определены грани изучения двух сфер повседневности казачьего социума – военной и гражданской; исследованы социо-психологические характеристики казака-комбатанта; в структуре повседневности гражданской жизни рассмотрены взаимоотношения казаков с властью, экономические и трудовые отношения, быт и семейная жизнь, формы проведения будней, досуга и праздников. Особую проблему исследования составила трансформация традиционной казачьей жизни в начале XX в., когда явление новой боевой техники поставило под вопрос эффективность использования казачьей конницы, а под влиянием модернизационных процессов размывались привычные семейно-бытовые и станично-общинные устои [Годова 2018].

Многоаспектный анализ социально-экономической и политической истории российского помещичьего дворянства в начале XX в. представлен в докторской диссертации Е.П. Бариновой (научный консультант – профессор В.Г. Тюкавкин). Сосредоточив внимание на истории региональных корпоративных организаций дворянства Центрально-Черноземного и Поволжского регионов, Е.П. Баринова предприняла анализ влияния экономических и политических перемен в стране на трансформацию моделей поведения и ценностных установок помещичьего дворянства. В диссертации выявлен широкий диапазон способов и методов воздействия дворянских обществ на власть в сложный исторический период, когда самодержавная власть искала пути выхода из системного кризиса и пыталась разработать концепцию «обновления» России; тем самым выявлена еще одна грань взаимоотношений власти и общества на историческом рубеже [Баринова 2003].

Традиционная проблематика научной работы кафедры российской истории – история взаимоотношений власти и общества – нашла продолжение в исследованиях докторантов, посвященных советскому периоду отечественной истории. Так, в докторской диссертации О.В. Ягова освещается история кооперативного движения в Поволжье в первое десятилетие советской власти. Восстанавливая сложную и многоаспектную картину взаимоотношений властных структур и кустарно-промысловой кооперации в период нэпа, ученый прослеживает, как трансформировались практики взаимодействия кооперативных объединений и государственно-партийных органов в течение 1920-х гг.: как осуществлялся переход от военно-коммунистических методов к политике государственной поддержки кооперативов, и как впоследствии произошел поворот к встраиванию кооперативного аппарата в систему партийно-государственного управления и фактическому подчинению его властному контролю. Убедительно звучал вывод автора о необходимости учитывать позитивные и негативные стороны опыта взаимоотношений власти и кооперации на современном этапе формирования российского общества [Ягов 2009].

Докторская диссертация А.Г. Подмарицына «Религиозная жизнь православного населения Средней Волги в системе церковно-государственных отношений: 1943–1965 гг.», выполненная на кафедре российской истории Самарского университета и защищенная в Оренбургском государственном педагогическом университете, охватывает период от фактической институционализации Русской православной церкви в советском государстве во время Великой Отечественной войны до окончания массовой антирелигиозной кампании хрущевских времен. Диссертация основана на материалах уникальных источников церковного и светского происхождения, большинство из которых впервые введены в научный оборот; история духовенства Куйбышевской и Ульяновской епархий рассмотрена с помощью проопографического метода. Подробно рассматривается внутренняя жизнь церкви, проблема восстановления епархиальных органов и воспроизводства духовных кадров после долгих лет репрессий, сложные церковно-государственные отношения, осуществлявшиеся в изучаемый период с помощью института уполномоченных Совета по делам РПЦ, многообразные практики народной религиозности, распространившиеся после Великой Отечественной войны, и ход антирелигиозных кампаний [Подмарицын 2017].

М.Н. Матвеев в своей докторской диссертации, научным консультантом по которой выступил П.С. Кабытов, обратился к изучению последнего периода советской истории и становления современной российской государственности. На основе большого источникового материала, зачастую уникального характера, впервые введенного в научный оборот (от делопроизводственных документов органов местной власти до интервью с участниками описываемых событий), исследователь доказывает, что жизнеспособность различных моделей местной власти и самоуправления напрямую связана со степенью полити-

ческого участия органов местной власти в общегосударственных процессах, а причиной низкой эффективности реформирования местного самоуправления в России является отчуждение власти от общества, отсутствие реальных прав и механизмов ответственности власти и прямого участия в самоуправлении населения [Матвеев 2006].

По мере того как преподаватели кафедры российской истории осваивали современные исследовательские практики, происходили изменения в проблематике научных исследований аспирантов и докторантов. Помимо традиционных для кафедры тем по истории взаимоотношений власти и общества в период реформ и революций, а также истории политических партий, аграрной истории и крестьяноведения, в начале XXI в. увеличилось число диссертаций по историографии и методологии исторической науки, интеллектуальной истории России. Анализ проблематики кандидатских диссертаций показывает, что существенно возрос интерес к изучению биографий и творческого наследия государственных деятелей и ученых, оставивших заметный след в российской истории и науке: В.П. Мещерского, Я.И. Ростовцева, В.Н. Коковцева, И.А. Горемыкина, Н.А. Бердяева, С.Б. Веселовского, А.Ф. Лабзина, П.А. Сорокина, Е.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, Е.И. Медведева и других.

Новый подход к изучению политической истории России рубежа XIX–XX вв. представлен в докторской диссертации М.М. Леонова «Патронат и протектирование: российские салоны второй половины XIX – начала XX вв.» (научный консультант – профессор Н.Л. Пушкирева): в ней освещается значение салонов как общественного явления, прослеживается роль неформальных, закулисных связей – протектирования и лоббирования – в жизни русского чиновного мира рубежа веков, исследуются скрытые механизмы назначения на государственные должности и продвижения во власть «своих» кандидатур [Леонов 2011].

В докторской диссертации О.Б. Леонтьевой, защищенной в Казанском государственном университете, история «субъективной школы» в российской общественной и научной мысли конца XIX – начала XX в. рассмотрена на пересечении интеллектуальной истории, с одной стороны, и теории и методологии исторической науки – с другой; исследованы воззрения теоретиков «субъективной школы» – П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева – на проблемы исторической закономерности, свободы и необходимости, роли личности в истории; установлено место «субъективной школы» в развернувшемся на рубеже XIX–XX веков процессе выбора парадигм исторического знания [Леонтьева 2005].

Работа диссертационного совета способствует формированию научных кадров и профессорско-преподавательского состава вузов не только Самарской области, но и других регионов России.

Среди докторских диссертаций, защищенных в начале XXI в. в диссертационном совете при Самарском университете, но выполненных в других вузах или научных учреждениях, следует выделить диссертации А.И. Попова (выполнена в Самарском

государственном педагогическом университете) и С.В. Белоусова (выполнена в Пензенском государственном университете). В этих диссертациях представлен нестандартный взгляд на историю Отечественной войны 1812 г. А.И. Попов, опираясь в том числе на источники французской стороны, ранее не использовавшиеся российскими исследователями, изучил деятельность тыловых служб и коммуникаций Великой армии, реконструировал созданную Наполеоном систему управления захваченными территориями, что позволило дополнительно прояснить причины катастрофической гибели Великой армии [Попов 2003]. С.В. Белоусов выявляет, как война 1812 г. повлияла на жизнь населения тыловых средневолжских губерний, прослеживает историю комплектования Пензенского и Симбирского народного ополчения и его участия в военных действиях, освещает судьбу военнопленных и беженцев, размещенных в этих губерниях, анализирует спектр общественных настроений [Белоусов 2007].

Стержневыми направлениями работы диссертационного совета при Самарском университете остаются социально-экономическая история России, аграрная история и крестьяноведение. Диссертация М.И. Роднова, выполненная в Уфимском научном центре РАН, посвящена демографической и социальной дифференциации крестьянства Уфимской губернии в период разрушения общинных структур и формирования элементов рыночной экономики. Исследователь выявил не только социальную неоднородность крестьянства, но и соперничество двух разных аграрных укладов, неоднозначность взаимоотношений между традиционным общинным крестьянством с присущей ему патриархальной ментальностью и слоем сельских предпринимателей-фермеров, у которых формировалась «протестантская этика предпринимателя»; это позволило оценить глубину ментального, ценностного раскола деревни в канун революции 1917 г. [Роднов 2003].

В диссертации О.А. Суховой, выполненной в Пензенском государственном педагогическом университете и освещающей историю средневолжского крестьянства в 1902–1922 гг., разработаны проблемы социально-психологических и ментальных характеристик уникальной крестьянской цивилизации (исследователь выделяет десять ключевых «мифов» крестьянского сознания – о власти, о земле, об общине и т. д.), прослежены качественные изменения традиционной крестьянской «картины мира» в период перехода от традиционного к индустриальному обществу [Сухова 2007].

В диссертации В.В. Кондрашина, выполненной в Институте российской истории РАН и защищенной в диссертационном совете Самарского государственного университета, крестьяне Поволжья предстают как деятельные участники революционных событий и Гражданской войны, боровшиеся за свои представления о социальной справедливости, свой вариант развития сельского хозяйства страны. На материалах архивных источников, многие из которых были рассекречены и впервые введены в научный оборот, прослежена история многочисленных крестьянских выступлений против Советского госу-

дарства в Среднем Поволжье в 1918–1922 гг. – «зеленого» движения, «чапанного» и «вилочного» восстаний, мятежа Сапожкова и др. Изучение идеологии крестьянского движения позволило исследователю опровергнуть шаблонные суждения советской историографии об антикоммунистическом и монархическом характере таких выступлений и сделать выводы о сложном сочетании антибольшевистских, общинно-коллективистических (социалистических по существу) и религиозных мотивов действий крестьян [Кондрашин 2001].

В дальнейшем В.В. Кондрашин, М.И. Роднов, О.А. Сухова, О.В. Ягов вошли в состав объединенного диссертационного совета при Самарском университете и Пензенском государственном университете.

Можно констатировать, что в начале XXI в. на исторических кафедрах Самарского университета сформировалось второе поколение научных школ. Защитили докторские диссертации ученые, окончившие аспирантуру Самарского государственного университета в 1990-е гг. Расширился круг научных руководителей диссертаций по историческим наукам, и зачастую в этом качестве стали выступать недавние выпускники аспирантуры и докторантуры Самарского университета: ряды научных руководителей аспирантуры по кафедре российской истории с 2000-х гг. дополнили Л.М. Артамонова, Е.П. Барина, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, З.М. Кобозева, О.Б. Леонтьева; по кафедре всеобщей истории – И.Г. Гурин, В.В. Кутявин, С.А. Мартышкин, Л.Н. Попкова, Г.М. Садовая, С.Б. Семенов; по кафедре отечественной истории и историографии – Г.А. Широков, по кафедре философии и истории – В.Н. Парамонов. В состав кафедр вошли молодые ученые, защитившие кандидатские диссертации в 2000-е гг.

Заключение

Таким образом, становление системы подготовки кандидатов и докторов исторических наук в Самарском (Куйбышевском) университете прошло несколько стадий. На первом этапе (1970-е гг.) шло формирование преподавательского состава исторических кафедр за счет приглашения на постоянную работу преподавателей и выпускников аспирантуры вузов других городов страны, направления студентов в целевую аспирантуру; затем началась подготовка научных кадров в аспирантуре Куйбышевского государственного университета по специальностям «История КПСС», «История СССР», «Всеобщая история». На втором этапе (1980-е гг.) в университете был открыт диссертационный совет по специальности «История КПСС». За 1970–1980-е гг. сложился кадровый состав кафедр исторического факультета Куйбышевского государственного университета; многие выпускники аспирантуры, защитившие кандидатские диссертации в те годы, впоследствии успешно продолжили академическую карьеру. Характерными особенностями третьего этапа (1990-е гг.) стало переупорядочивание диссертационного совета, начавшего защиту диссертаций по специальностям «Всеобщая история» и «Отечественная история», активный приток выпускников университета в аспирантуру (в том числе на новую специальность «Археология»)

и открытие докторантуры. Четвертый этап подготовки научных кадров (с начала XXI в. по настоящее время) характеризуется формированием целостной системы подготовки научных кадров высшей квалификации по историческим наукам, включающей аспирантуру, докторантуру и диссертационный совет. На этом этапе сформировалось второе поколение научных школ, пополнился кадровый состав кафедр; преподаватели, окончившие аспирантуру и защитившие кандидатские диссертации в 1990-е гг., в начале XXI века сами начали выступать в качестве научных руководителей аспирантов.

К настоящему времени в Самарском университете сформировались научные школы по историческим наукам, признанные российским ученым сообществом, сложились прочные контакты с вузами и научно-исследовательскими учреждениями других регионов. Диссертационные исследования самарских историков выполняются в русле таких актуальных направлений исторической науки, как «новая социальная история», история повседневности, крестьяноведение, интеллектуальная история, новая локальная история, историческая биографистика.

Наступил период, когда судьба исторической науки в Самарском университете определяется тем, насколько успешным будет формирование следующего поколения научных школ. Будут ли выпускники исторического факультета поступать в аспирантуру, останутся ли молодые кандидаты наук работать на кафедрах университета, создадут ли недавно защитившиеся доктора наук когорту своих учеников, наконец, насколько привлекательной будет представляться молодежи карьера ученого и преподавателя – все это зависит не только от самого университета, но и от приоритетов государственной и региональной политики, а в конечном итоге – от статуса науки и образования в современном российском обществе.

Библиографический список

Аграрная... 2014 – *Аграрная история XX века: историография и источники*: монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 486 с. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografi/Agrarnaya-istoriya-XX-veka-istoriografiya-i-istochniki-Elektronnyy-resurs-kollektiv-monogr-67068/1/%D0%9A%D0%B0%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9D.%20%D0%90%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.pdf>.

Артамонова 2002 – *Артамонова Л.М.* Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв.: Юго-восточные губернии Европейской России: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. Самара, 2002. 484 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/prosveshchenie-vlasti-i-obshchestvo-v-russkoi-provintsii-xviii-nachala-khikh-vv-yugo-vostochn>.

Аспирантура... 2010 – *Аспирантура Самарского государственного университета за 35 лет* / сост. Л.А. Круглова. Самара: б.и., 2010. 84 с.

Балашов 2005 – *Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С.* Ефрем Игнатьевич Медведев – человек, ученый, педагог. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 176 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19700996>.

- Баринаова 2003 – *Баринаова Е.П.* Власть и поместное дворянство России в начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2003. 409 с. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/vlast-i-pomestnoe-dvorjanstvo-rossii-v-nachale-xx-v.html>.
- Белоусов 2007 – *Белоусов С.В.* Провинциальное общество и Отечественная война 1812 г. (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2007. 452 с.
- Вернадский 1991 – *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. URL: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html>.
- В живых... 2016 – «В живых сердцах оставить свет...»: памяти профессора Самарского государственного университета Ленера Васильевича Храмова (1934–2009): историко-мемориальное исследование / сост. Н.П. Храмова, Е.Л. Храмова; науч. ред. Г.С. Шерстнева. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. 308 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25699720>.
- Воробьева 2019 – *Воробьева О.В.* Эпистемологические основания и стандарты научности в российских диссертационных исследованиях 1995–2015 гг. // Историки в поисках новых перспектив. коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 206–273. URL: https://www.researchgate.net/publication/334326555_Istoriki_v_poiskah_novykh_perspektiv_Kollektivnaa_monografiya_Pod_red_ZACekancevoj.
- Годовова 2018 – *Годовова Е.В.* Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2018. 532 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-rossiiskogo-kazachestva-vo-vtoroi-pолоvine-xix-nachale-xx>.
- Гурин 2003 – *Гурин И.Г.* Испания в первый период эпохи гражданских войн в Риме: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Самара, 2003. 408 с. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/ispanija-v-pervyj-period-jepohi-grazhdanskih-vojn-v-rime.html>.
- Диссертационные... 2019 – *Диссертационные советы // Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева: официальный сайт.* URL: <https://ssau.ru/science/nid/diss>.
- Диссертационные... 2007 – *Диссертационные советы Самарского государственного университета (1977–2006 годы)* / сост. Е.А. Стенькина, Г.И. Щербакова; предисл. и закл. Г.П. Ярового, П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Универс групп», 2007. 328 с.
- Дубман 2000 – *Дубман Э.Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2000. 629 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/promyslovoe-predprinimatelstvo-i-osvoenie-ponizovogo-povolzhya-vo-vtoroi-pолоvine-xvi-xvii-v>.
- Занин 2009 – *Занин С.В.* Формирование и развитие общественного идеала Ж.-Ж. Руссо: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Самара, 2009. 511 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-obshchestvennogo-ideala-zh-zh-russo>.
- История... 2000 – *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней* / Российская акад. наук. Самарский науч. центр; [редкол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.: в 8 кн.]. М.: Наука, 2000. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/%27%27Istoriya_Samarskogo_Povolj%27ya_%27%27Istoriya_Samarskogo_Povolj%27ya_%27%27.html.
- Кабытов 1982 – *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье периода империализма (1900–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Куйбышев, 1982. 442 с.
- Кабытов 2014 – *Кабытов П.С.* Самарская научная школа историков-аграрников: разработка проблем аграрной истории и их интеграция в новые исследовательские проекты // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 483–493. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22979945>.
- Кабытов 2012 – *Кабытов П.С.* Сквозь «лихие» и «нулевые»: Воспоминания. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 288 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3170699/4eb308>.
- Кабытов 2011 – *Кабытов П.С.* Судьба-Эпоха: автобиография историка. М.: Кучково поле, 2011. 352 с. URL: http://rushist.samsu.ru/books1/Kabytov_bio.pdf.
- Кабытова 1999 – *Кабытова Н.Н.* Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 1999. 462 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/vlast-i-obshchestvennyye-organizatsii-povolzhya-v-1917-godu>.
- Кобозева 2015 – *Кобозева З.М.* Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX в. – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2015. 738 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/meshchanskaya-povsednevnost-provintsialnykh-gorodov-rossii-vo-vtoroi-pолоvine-xix-v-nachale>.
- Козенко 2008 – *Козенко Б.Д.* Избранные труды / Федеральное агентство по образованию; сост. А.Б. Окунь, Г.М. Садовая. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 527 с.
- Козенко 1980 – *Козенко Б.Д.* «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США: 1914–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Саратов, 1980. 287 с.
- Кознова 2005 – *Кознова И.Е.* Историческая память российского крестьянства в XX веке: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2005. 509 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/istoricheskaya-pamyat-rossiiskogo-krestyanstva-v-xx-veke>.
- Кондрашин 2001 – *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2001. 561 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/krestyanskoe-dvizhenie-v-povolzhe-v-1918-1922-gg>.
- Леонов 1995 – *Леонов М.И.* Партия эсеров в революции 1905–1907 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 1995. 528 с.
- Леонов 2011 – *Леонов М.М.* Патронат и протектирование: российские салоны второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2011. 453 с.
- Леонов 2018 – *Леонов М.М., Кабытов П.С.* Траектория развития Самарского государственного университета в 2009–2015 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 35–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-35-41>.
- Леонтьева 2019 – *Леонтьева О.Б.* Исследовательская культура российских историков в диссертациях по отечественной истории // Историки в поисках новых перспектив: коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 159–205. URL: https://www.researchgate.net/publication/334326555_Istoriki_v_poiskah_novykh_perspektiv_Kollektivnaa_monografiya_Pod_red_ZACekancevoj.
- Леонтьева 2005 – *Леонтьева О.Б.* «Субъективная школа» в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX вв.: Проблемы теории и методологии истории: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Самара, 2005. 349 с. URL: <http://>

cheloveknauka.com/subektivnaya-shkola-v-obschestvennoy-mysli-rossii-posledney-treti-xix-nachala-xx-vv-problemy-teorii-i-metodologii-istorii.

Матвеев 2006 – *Матвеев М.Н.* Власть и общество в системе местного самоуправления России в 1977–2003 годах: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2006. 472 с. URL: <http://cheloveknauka.com/vlast-i-obschestvo-v-sisteme-mestnogo-samoupravleniya-rossii-v-1977-2003-godah>.

Морозов 2006 – *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2006. 833 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sudebnyi-protsess-sotsialistov-revolutsionerov-i-tyuremnnoe-protivostoyanie-1922-1926-etika>.

Научная... 2009–2015 – *Научная деятельность Самарского государственного университета.* 2008–2014 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009–2015.

Научное... 2011 – *Научное сообщество историков России: 20 лет перемен* / Ассоц. исслед. российского об-ва; под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 519 с. URL: https://www.istmira.ru/download/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_20%20%D0%BB%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD.pdf.

Очерки... 2005 – *Очерки истории отечественной исторической науки XX века:* монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 684 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19699110>.

Парамонов 2000 – *Парамонов В.Н.* Индустриальное развитие РСФСР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2000. 594 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/industrialnoe-razvitie-rsfsr-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-gg>.

Подмарицын 2017 – *Подмарицын А.Г.* Религиозная жизнь православного населения Средней Волги в системе церковно-государственных отношений: 1943–1965 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2017. 643 с.

Попов 2003 – *Попов А.И.* Великая армия в России: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Самара, 2003. 370 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/velikaya-armiya-v-rossii>.

Роднов 2003 – *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): Социальная структура, социальные отношения: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Уфа, 2003. 443 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/krestyanstvo-ufimskoi-gubernii-v-nachale-xx-veka-1900-1917-gg-sotsialnaya-struktura-sotsialn>.

Савельев 1995 – *Савельев П.И.* Пути аграрного капитализма в России. XIX век: (По материалам Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 1995. 42 с.

Самарская... 1993 – *Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века:* в 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Самара: Изд-во «Самарский университет»; Изд-во «АртМакет», 1993.

Самарский... 2004 – *Самарский государственный университет в 1999–2003 гг.* / сост. Г.П. Яровой, В.П. Гарькин, Ю.Н. Горелов, П.С. Кабытов [и др.]; под ред. П.С. Кабытова. Самара. Изд-во «Самарский университет», 2004. 66 с.

Самарский... 1994 – *Самарский государственный университет: 25 лет возрождения* / [В.И. Астафьев, В.П. Баракин, Л. А. Барсукова [и др.]; сост. Л.В. Храмов]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. 161 с.

Самарский... 2009 – *Самарский государственный университет. 1969–2009. К 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения* / под общ. ред. проф. И.А. Носкова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 332 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20097062>.

Смирнов 1999 – *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья, XVIII – середина XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1999. 539 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/narod-i-vlast-v-osvoenii-rossiiskogo-zavolzhyia-xviii-seredina-xix-vv>.

Сухова 2007 – *Сухова О.А.* Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг.: по материалам Среднего Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2007. 654 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialnye-predstavleniya-i-povedenie-rossiiskogo-krestyanstva-v-nachale-xx-veka-1902-1922-g>.

Сыпченко 2006 – *Сыпченко А.В.* Трудовая народно-социалистическая партия: идеология, программа, организация, тактика: 1906 г. – середина 1920-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2006. 591 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/trudovaya-narodno-sotsialisticheskaya-partiya-ideologiya-programma-organizatsiya-taktika-190>.

Тагирова 1999 – *Тагирова Н.Ф.* Хлебный рынок Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 1999. 473 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/khlebyi-rynok-povolzhya-vo-vtoroi-pолоvine-xix-nachale-xx-vv>.

Хасянов 2017 – *Хасянов О.Р.* Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2017. 458 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/povsednevnyia-zhizn-sovetskogo-krestyanstva-v-poslevoennoe-vremya-1945-1953-gg-na-materialak>.

Храмов 1974 – *Храмов Л.В.* Советы Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1974. 482 с.

Хут 2010 – *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: монография. М.: Прометей, 2010. 704 с. URL: <https://ru.book.cc/book/3284070/c39c40>.

Широков 2005 – *Широков Г.А.* Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2005. 485 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/uchenye-povolzhya-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945>.

Энциклопедия... 2010–2012 – *Энциклопедия Самарской области:* в 6 т. / М-во образования и науки Самар. обл. (т. 1, 2), Правительство Самар. обл. (т. 3–6); [ред. совет: Ю.Н. Горелов [и др.] (т. 1, 2, 5, 6), чл. редкол.: П.С. Кабытов [и др.] (т. 3, 4)]. Самара: СамЛюксПринт, 2010–2012. URL: <http://nlr.ru/res/epubl/rue/samara.html>.

Ягов 2009 – *Ягов О.В.* Кустарно-промышленная кооперация Поволжья в условиях нэпа: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2009. 439 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kustarno-promyslovaya-kooperatsiya-povolzhya-v-usloviyakh-nepa>.

Якунин 2002 – *Якунин В.Н.* Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, 1941–

1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара, 2002. 444 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovoi-status-polozhenie-deyatelnost-vneshnie-svyazi-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-v-gody-v>.

Яровой 1999 – Яровой Г.П., Астафьев В.И., Гарькин В.П., Кабытов П.С., Симатова В.Н., Шикалов В.И. Самарский государственный университет в 1994–1998 гг. (материалы к отчету) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 1999. № 1. С. 11–56. URL: http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web1/life/199911402_1.html.

Яровой 2001 – Яровой Г.П. Регионализация высшего образования и классические университеты // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2001. № 1. С. 5–8. URL: <http://www.rcde.ru/method/990.html>.

References

Agrarnaya... 2014 – *Agrarnaya istoriya XX veka: istoriografiya i istochniki: monografiya. Pod red. N.N. Kabytovo, P.S. Kabytova, V.V. Kondrashina* [Agrarian history of the 20th century: historiography and historical sources: monograph. N.N. Kabytova, P.S. Kabytov, V.V. Kondrashin (Eds.)]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2014. 486 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Agrarnaya-istoriya-XX-veka-istoriografiya-i-istochniki-Elektronnyi-resurs-kollektiv-monogr-67068/1/%D0%9A%D0%B0%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9D.%D0%9D.%20%D0%90%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.pdf> [in Russian].

Artamonova 2002 – *Artamonova L.M. Prosveshchenie, vlast' i obshchestvo v russkoi provintsii XVIII – nachala XIX vv.: Yugo-vostochnye gubernii Evropeiskoi Rossii: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Enlightenment, power, and society in the Russian province in the XVIII – early XIX century: the South-Eastern provinces of the European part of Russia: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2002, 484 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/prosveshchenie-vlast-i-obshchestvo-v-russkoi-provintsii-xviii-nachala-khikh-vv-yugo-vostochn> [in Russian].

Aspirantura... 2010 – *Aspirantura Samarskogo gosudarstvennogo universiteta za 35 let. Sost. L.A. Kruglova* [Post-graduate school of Samara State University within 35 years. Compiler L.A. Kruglova]. Samara: b.i., 2010, 84 p. [in Russian].

Balashov 2005 – *Balashov G.V., Dubman E.L., Kabytov P.S. Efrem Ignat'evich Medvedev – chelovek, uchenyi, pedagog* [Efrem Ignatievich Medvedev – human being, scholar, teacher]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2005, 176 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19700996> [in Russian].

Barinova 2003 – *Barinova E.P. Vlast' i pomestnoe dvoryanstvo Rossii v nachale XX v.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Power and landed gentry in Russia in the early XX century: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2003, 409 p. Available at: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/vlast-i-pomestnoe-dvorjanstvo-rossii-v-nachale-xx-v.html> [in Russian].

Belousov 2007 – *Belousov S.V. Provintsial'noe obshchestvo i Otechestvennaya voina 1812 g. (na materialakh Srednego Povolzh'ya): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Provincial society and the Patriotic War of 1812 (on the materials of the Middle Volga Region): Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2007, 452 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/provintsialnoe-obshchestvo-i-otechestvennaya-voina-1812-g-na-materialakh-srednego-povolzhya> [in Russian].

otechestvennaya-voina-1812-g-na-materialakh-srednego-povolzhya [in Russian].

Vernadsky 1991 – *Vernadsky V.I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific thought as a global phenomenon]. M.: Nauka, 1991, 271 p. Available at: <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html> [in Russian].

V zhivikh... 2016 – «*V zhivikh serdtsakh ostavit' svet...: pamyati professora Samarskogo gosudarstvennogo universiteta Lenara Vasil'evicha Khramkova (1934–2009): istoriko-memorial'noe issledovanie. Sost. N.P. Khramkova, E.L. Khramkova; nauch. red. G.S. Sherstneva* [«To leave light in living hearts»: in memoriam of Lenar Vasilievich Khramkov, professor of Samara State University (1934–2009); historical and memorial study. Compilers N.P. Khramkova, E.L. Khramkova; G.S. Sherstneva (Ed.)]. Samara: OOO «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2016, 308 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25699720> [in Russian].

Vorobyova 2019 – *Vorobyova O.V. Epistemologicheskie osnovaniya i standarty nauchnosti v rossiiskikh dissertatsionnykh issledovaniyakh 1995–2015 gg.* [Epistemologic foundations and standards of scientificity in Russian dissertation researches, 1995–2015]. In: *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv. kollektivnaya monografiya. Pod obshch. red. Z.A. Chekantsevoi* [Historians in search of new prospects: multi-authored monograph. Z.A. Chekantseva (Ed.)]. M.: Akvilon, 2019, pp. 206–273. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37287718> [in Russian].

Godovova 2018 – *Godovova E.V. Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Daily life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – beginning of the XX century: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2018, 532 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-rossiiskogo-kazachestva-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx> [in Russian].

Gurin 2003 – *Gurin I.G. Ispaniya v pervyi period epokhi grazhdanskikh voyn v Rime: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.03* [Spain in the first stage of the Roman civil wars: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.03]. Samara, 2003, 408 p. Available at: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/ispaniya-v-pervyj-period-jepohi-grazhdanskikh-voyn-v-rime.html> [in Russian].

Dissertatsionnye... 2019 – *Dissertatsionnye sovery* [Dissertation councils]. Retrieved from Samara National Research University official website. Available at: <https://ssau.ru/science/nid/diss> [in Russian].

Dissertatsionnye... 2007 – *Dissertatsionnye sovery Samarskogo gosudarstvennogo universiteta (1977–2006 gody). Sost. E.A. Sten'kina, G.I. Shcherbakova; predisl. i zakl. G.P. Yarovoi, P.S. Kabytov* [Dissertation councils of Samara State University (1977–2006). Compilers E.A. Sten'kina, G.I. Shcherbakova; G.P. Yarovoy, P.S. Kabytov (Introduction, Conclusion)]. Samara: Izd-vo «Univers grupp», 2007, 328 p. [in Russian].

Dubman 2000 – *Dubman E.L. Promyslovoe predprinimatel'stvo i osvoenie Povolzh'ya vo vtoroi polovine XVI–XVII vv.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Fishery business activity and colonization of the Middle and Lower Volga Region in the second half of the XVI–XVII centuries: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2000, 629 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/promyslovoe-predprinimatelstvo-i-osvoenie-povolzhya-vo-vtoroi-polovine-xvi-xvii-v> [in Russian].

Zanin 2009 – *Zanin S.V. Formirovanie i razvitie obshchestvennogo ideala Zh.-Zh. Russo: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.03* [Formation and evolution of the social ideal of Jean Jacques Rousseau: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.03]. Samara, 2009, 511 p. Available at: <https://www.dissertat.ru>

www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitiye-obshchestvennogo-ideala-zh-zh-russo [in Russian].

Istoriya... 2000 – *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rossiiskaya akad. nauk. Samarskii nauch. tsentr; [redkol.: P.S. Kabytov (gl. red.) i dr.: v 8 kn.]* [History of Samara Volga Region from the ancient times to the present. Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. [P.S. Kabytov et al. (Eds.): in 8 books]. M.: Nauka, 2000. Available at: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/I/%27%27Istoriya_Samarskogo_Povolj%27ya_%27%27/%27%27Istoriya_Samarskogo_Povolj%27ya_%27%27.html [in Russian].

Kabytov 1982 – *Kabytov P.S. Agrarnye otnosheniya v Povolzh'e perioda imperializma (1900–1917 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Agrarian relations in the Volga Region in the imperialistic period (1900–1917): Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Kuibyshev, 1982, 442 p. [in Russian].

Kabytov 2014 – *Kabytov P.S. Samarskaya nauchnaya shkola istorikov-agrarnikov: razrabotka problem agrarnoi istorii i ikh integratsiya v novye issledovatel'skie proekty* [The Samara school of historians-agrarians: development of problems of agrarian history and their integration into new research projects]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Yearbook on agrarian history of the Eastern Europe], 2014, no 1, pp. 483–493. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22979945> [in Russian].

Kabytov 2012 – *Kabytov P.S. Skvoz' «likhie» i «nulevye»: Vospominaniya* [Through the «wild 90s» and the «noughties»: Memoires]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2012, 288 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3170699/4eb308> [in Russian].

Kabytov 2011 – *Kabytov P.S. Sud'ba-Epokha: avtobiografiya istorika* [Fate and Epoch: memoirs of a historian]. M.: Kuchkovo pole, 2011, 352 p. Available at: http://rushist.samsu.ru/books1/Kabytov_bio.pdf [in Russian].

Kabytova 1999 – *Kabytova N.N. Vlast' i obshchestvennye organizatsii Povolzh'ya v 1917 godu: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Power and public organizations in the Volga Region in 1917: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 1999, 462 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/vlast-i-obshchestvennye-organizatsii-povolzhya-v-1917-godu> [in Russian].

Kobozeva 2015 – *Kobozeva Z.M. Meshchanskaya povsednevnost' provintsial'nykh gorodov Rossii vo vtoroi polovine XIX v. – nachale XX v.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Daily life of petit-bourgeoisie in Russian provincial towns in the second half of the XIX – beginning of the XX century: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Saratov, 2015, 738 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/meshchanskaya-povsednevnost-provintsialnykh-gorodov-rossii-vo-vtoroi-polovine-xix-v-nachale> [in Russian].

Kozenko 2008 – *Kozenko B.D. Izbrannye trudy. Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu; sost. A.B. Okun', G.M. Sadovaya* [Selected works. Compilers A.B. Okun', G.M. Sadovaya. Edited by the Federal Agency for Education]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2008, 527 p. [in Russian].

Kozenko 1980 – *Kozenko B.D. «Novaya demokratiya» i voina. Vnutrennyaya politika SShA: 1914–1917 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.03* [«New democracy» and the war. Internal policy of the USA in 1914–1917: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.03]. Saratov, 1980, 287 p. [in Russian].

Koznova 2005 – *Koznova I.E. Istoricheskaya pamyat' rossiiskogo krest'yanstva v XX veke: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Historical memory of Russian peasantry in the XX century: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2005, 509 p. Available at: <https://www.dissercat.com/>

content/istoricheskaya-pamyat-rossiiskogo-krestyanstva-v-xx-veke [in Russian].

Kondrashin 2001 – *Kondrashin V.V. Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1922 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Peasant movement in the Volga Region in 1918–1922: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Penza, 2001, 561 p. [in Russian].

Leonov 1995 – *Leonov M.I. Partiya eserov v revolyutsii 1905–1907 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Party of Socialists-Revolutionaries in the Russian Revolution of 1905–1907: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 1995, 528 p. [in Russian].

Leonov 2011 – *Leonov M.M. Patronat i protezhirovanie: rossiiskie salony vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Patronage and protection: Russian salons of the second half of the XIX – beginning of the XX century: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2011, 453 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/patronat-i-protezhirovanie-rossiiskie-salony-vtoroi-poloviny-xix-nachala-xx-vv> [in Russian].

Leonov 2018 – *Leonov M.M., Kabytov P.S. Traektoriya razvitiya Samarskogo gosudarstvennogo universiteta v 2009–2015 gg.* [Trajectory of development of Samara State University in 2009–2015]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 4, pp. 35–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-35-41> [in Russian].

Leonteva 2019 – *Leonteva O.B. Issledovatel'skaya kul'tura rossiiskikh istorikov v dissertatsiyakh po otechestvennoi istorii* [Research culture of Russian historians in dissertations on Russian history]. In: *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv. Kollektivnaya monografiya. Pod obshch. red. Z.A. Chekantsevoi* [Historians in search of new prospects: multi-authored monograph. Z.A. Chekantseva (Ed.)]. M.: Akvilon, 2019, pp. 159–205. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334326555_Istoriki_v_poiskakh_novykh_perspektiv_Kollektivnaya_monografiya_Pod_red_ZAChekancevoj [in Russian].

Leonteva 2005 – *Leonteva O.B. «Sub'ektivnaya shkola» v obshchestvennoi mysli Rossii poslednei treti XIX – nachala XX vv.: Problemy teorii i metodologii istorii: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.09* [«Subjective school» in the public thought of Russia in the last third of the XIX – beginning of the XX century: issues of theory and methodology of history: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.09]. Samara, 2005, 349 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/subektivnaya-shkola-v-obshchestvennoy-mysli-rossii-posledney-treti-xix-nachala-xx-vv-problemy-teorii-i-metodologii-istorii> [in Russian].

Matveev 2006 – *Matveev M.N. Vlast' i obshchestvo v sisteme mestnogo samoupravleniya Rossii v 1977–2003 godakh: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Power and society in the system of local self-government in Russia in 1977–2003: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2006, 472 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/vlast-i-obshchestvo-v-sisteme-mestnogo-samoupravleniya-rossii-v-1977-2003-godah> [in Russian].

Morozov 2006 – *Morozov K.N. Sudebnyi protsess sotsialistov-revolyutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Trial of Socialists-Revolutionaries and the prison confrontation: ethics and tactics of resistance: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. M., 2006, 833 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sudebnyi-protsess-sotsialistov-revolyutsionerov-i-tyuremnoe-protivostoyanie-1922-1926-etika> [in Russian].

Nauchnaya... 2009–2015 – *Nauchnaya deyatel'nost' Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008–2014 gg.*

[Scientific activities of Samara State University, 2008–2014]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2009–2015 [in Russian].

Nauchnoe... 2011 – *Nauchnoe soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen / Assots. issled. rossiiskogo ob-va; pod red. Gennadiya Bordiyugova* [Scholarly community of Russian historians: 20 years of changes. G. Bordiugov (Ed.), Association of explorers of Russian society]. M.: AIRO-XXI, 2011, 519 p. Available at: https://www.istmira.ru/download/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_20%20%D0%BB%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD.pdf [in Russian].

Ocherki... 2005 – *Ocherki istorii otechestvennoi istoricheskoi nauki XX veka: monografiya. Pod red. V.P. Korzun* [Essays of history of the Russian historical science of the XX century: monograph. V.P. Korzun (Ed.)]. Omsk: Izd-vo OmGU, 2005, 684 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19699110> [in Russian].

Paramonov 2000 – *Paramonov V.N. Industrial'noe razvitie RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Industrial development of the Russian Soviet Federative Socialist Republic during the Great Patriotic War, 1941–1945: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2000, 594 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/industrialnoe-razvitiie-rsfsr-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-gg> [in Russian].

Podmaritsyn 2017 – *Podmaritsyn A.G. Religioznaya zhizn' pravoslavnogo naseleniya Srednei Volgi v sisteme tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii: 1943–1965 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Religious life of the Orthodox population of Middle Volga Region in the system of relations between the church and the state: 1943–1965: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Orenburg, 2017, 643 p. [in Russian].

Popov 2003 – *Popov A.I. Velikaya armiya v Rossii: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.03* [The Grand Armée in Russia: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.03]. Samara, 2003, 370 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/velikaya-armiya-v-rossii> [in Russian].

Rodnov 2003 – *Rodnov M.I. Krest'yanstvo Ufimskoi gubernii v nachale XX veka (1900–1917 gg.): Sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Peasantry of the Ufa province in the beginning of the XX century (1900–1917): social structure, social relations: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Ufa, 2003, 443 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/krestyanstvo-ufimskoi-gubernii-v-nachale-xx-veka-1900-1917-gg-sotsialnaya-struktura-sotsialn> [in Russian].

Savel'ev 1995 – *Savel'ev P.I. Puti agrarnogo kapitalizma v Rossii. XIX vek: (po materialam Povolzh'ya): avtoreferat dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Ways of agrarian capitalism in Russia. XIX century: (on the materials of the Volga Region): author's abstract of Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Ekaterinburg, 1995, 42 p. [in Russian].

Samarskaya... 1993 – *Samarskaya letopis': Ocherki istorii Samarskogo kraya s drevneishikh vremen do nachala XX veka: v 2 kn. Pod red. P.S. Kabytova, L.V. Khramkova* [Samara chronicle: Essays on history of the Samara Region from the ancient times to the beginning of the XX century: in 2 books. P.S. Kabytov, L.V. Khramkov (Eds.)]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet»; Izd-vo «ArtMaket», 1993 [in Russian].

Samarskii... 2004 – *Samarskii gosudarstvennyi universitet v 1999–2003 gg. Sost. G.P. Yarovoi, V.P. Gar'kin, Yu.N. Gorelov, P.S. Kabytov i dr. Pod red. P.S. Kabytova* [Samara State University in 1999–2003. Compilers G.P. Yarovoi, V.P. Garkin, Yu.N. Gorelov, P.S. Kabytov et al. P.S. Kabytov (Ed.)]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2004, 66 p. [in Russian].

Samarskii... 1994 – *Samarskii gosudarstvennyi universitet: 25 let vozrozhdeniya. [V.I. Astaf'ev, V.P. Barakin, L.A. Barsukova i dr.; sost. L.V. Khramkov]* [Samara State University: 25 years from the rebirth. V.I. Astaf'ev, V.P. Barakin, L.A. Barsukova et al. (Eds.); compiler L.V. Khramkov]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 1994, 161 p. [in English].

Samarskii... 2009 – *Samarskij gosudarstvennyj universitet. 1969–2009. K 90-letiyu so dnya osnovaniya i 40-letiyu so dnya vozrozhdeniya / [Pod obsch. red. prof. I.A. Noskova]* [Samara State University. 1969–2009. On the 90th anniversary of the founding and the 40th anniversary of the rebirth [I.A. Noskov (Ed.)]]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2009, 332 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20097062> [in Russian].

Smirnov 1999 – *Smirnov Yu.N. Narod i vlast' v osvoenii Rossiiskogo Zavolzh'ya, XVIII – seredina XIX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [People and power in the colonization of the Russian Trans-Volga Region, XVIII – middle of the XIX century: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. M., 1999, 539 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/narod-i-vlast-v-osvoenii-rossiiskogo-zavolzhya-xviii-seredina-xix-vv> [in Russian].

Sukhova 2007 – *Sukhova O.A. Sotsial'nye predstavleniya i povedenie rossiiskogo krest'yanstva v nachale XX veka. 1902–1922 gg.: po materialam Srednego Povolzh'ya: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Social perceptions and behavior of Russian peasantry in the beginning of the XX century. 1902–1922: on the materials of the Middle Volga Region: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Penza, 2007, 654 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sotsialnye-predstavleniya-i-povedenie-rossiiskogo-krestyanstva-v-nachale-xx-veka-1902-1922-g> [in Russian].

Sypchenko 2006 – *Sypchenko A.V. Trudovaya narodno-sotsialisticheskaya partiya: ideologiya, programma, organizatsiya, taktika: 1906 g. – seredina 1920-kh gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Labor People Socialist Party: ideology, program, structure, tactics: 1906 – middle of the 1920-ies: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2006, 591 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/trudovaya-narodno-sotsialisticheskaya-partiya-ideologiya-programma-organizatsiya-taktika-190> [in Russian].

Tagirova 1999 – *Tagirova N.F. Khlebnyi rynek Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Bread market in the Volga Region in the second half of the XIX – beginning of the XX century: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 1999, 473 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/khlebnii-rynek-povolzhya-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv> [in Russian].

Khasyanov 2017 – *Khasyanov O.R. Povsednevnyaya zhizn' sovetского krest'yanstva v poslevoennoe vremya, 1945–1953 gg.: na materialakh Kuibyshevskoi i Ulyanovskoi oblastei: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Daily life of Soviet peasantry after the Great Patriotic War, 1945–1953: on the materials of Kuibyshev and Ulyanovsk Regions: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2017, 458 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-sovetского-krestyanstva-v-poslevoennoe-vremya-1945-1953-gg-na-materialakh> [in Russian].

Khramkov 1974 – *Khramkov L.V. Sovety Povolzh'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: dis. ... d-ra ist.*

nauk: 07.00.02 [Soviets of the Volga Region during the Great Patriotic war of 1941–1945: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Saratov, 1974, 482 p. [in Russian].

Khut 2010 – *Khut L.R. Teoretiko-metodologicheskie problemy izucheniya istorii Novogo vremeni v otechestvennoi istoriografii rubezha XX–XXI vv.: monografiya* [Theoretical and methodological problems of studying the history of Modern times in the Russian historiography at the turn of the XX and XXI centuries: monograph]. M.: Prometei, 2010, 704 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3284070/c39c40> [in Russian].

Shirokov 2005 – *Shirokov G.A. Uchenye Povolzh'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Scholars of the Volga Region during the Great Patriotic War of 1941–1945: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2005, 485 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/uchenye-povolzhya-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voyny-1941-1945> [in Russian].

Entsiklopediya... 2010–2012 – *Entsiklopediya Samarskoi oblasti: v 6 t. M-vo obrazovaniya i nauki Samar. obl. (t. 1, 2), Pravitel'stvo Samar. obl. (t. 3–6); [red. sovet: Yu. N. Gorelov i dr. (t. 1, 2, 5, 6), chl. redkol.: P.S. Kabytov i dr. (t. 3, 4)]* [Encyclopedia of the Samara Region: in 6 vols. Published by the Ministry of Education and Science of the Region (vols. 1, 2), the Government of the Samara Region (vols. 3–6). Yu.N. Gorelov et al. [Eds.] (vols. 1, 2, 5, 6), P.S. Kabytov et al. (vols. 3, 4)]. Samara: SamLyuksPrint, 2010–2012. Available at: <http://nlr.ru/res/epubl/rue/samara.html> [in Russian].

Yagov 2009 – *Yagov O.V. Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Povolzh'ya v usloviyakh nepa: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02*

[Handicraft cooperation in the Volga Region in the context of the New Economic Policy: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2009, 439 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/kustarno-promyslovaya-kooperatsiya-povolzhya-v-usloviyakh-nepa> [in Russian].

Yakunin 2002 – *Yakunin V.N. Pravovoi status, polozhenie, deyatel'nost', vneshnie svyazi Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, 1941–1945 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [Legal status, position, activity, external relations of the Russian Orthodox Church in the years of the Great Patriotic War, 1941–1945: Doctoral of Historical Sciences thesis: 07.00.02]. Samara, 2002, 444 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pravovoi-status-polozhenie-deyatelnost-vneshnie-svyazi-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-v-gody-v> [in Russian].

Yarovoi 1999 – *Yarovoi G.P., Astafiev V.I., Garkin V.P., Kabytov P.S., Simatova V.N., Shikalov V.I. Samarskii gosudarstvennyi universitet v 1994–1998 gg. (materialy k otchetu)* [Samara State University in 1994–1998 (report materials)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya* [Vestnic of Samara State University. Humanitarian series], 1999, no. 1, pp. 11–56. Available at: http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1999web1/life/199911402_1.html [in Russian].

Yarovoi 2001 – *Yarovoi G.P. Regionalizatsiya vysshego obrazovaniya i klassicheskie universitety* [Regional turn of higher education and classical universities]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnic of Samara State University], 2001, no 1, pp. 5–8. Available at: <http://www.rcde.ru/method/990.html> [in Russian].

Приложение

Динамика защит кандидатских диссертаций по специальности «История КПСС» в 1980–1990 гг.¹

Таблица 1

Table 1

Dynamics of defense of candidate's theses in the specialty «History of the CPSU» in 1981–1990

Годы	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	Итого
------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	-------

Таблица 2

Динамика защит кандидатских диссертаций по специальностям «Отечественная история», «История общественных движений и политических партий», «Всеобщая история (новая и новейшая история)» в 1991–2000 гг.²

Table 2

Dynamics of defense of candidate's theses in the specialties of «Domestic History», «History of Social Movements and Political Parties», «General History (New and Recent History)» in 1991–2000

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Итого
История общественных движений и политических партий	5	2	–	–	–	–	–	–	–	–	7
Отечественная история	–	–	–	5	9	3	3	10	5	14	49
Всеобщая история	–	–	–	1	1	1	1	1	1	–	6

Таблица 3

Динамика защит диссертаций по историческим наукам в 2001–2012 гг.³

Table 3

Dynamics of defense of theses in historical sciences in 2001–2012

Годы	По специальности «Отечественная история»		По специальности «Всеобщая история»	
	докт. дис.	канд. дис.	докт. дис.	канд. дис.
2001	1	7	–	2
2002	1	7	–	2
2003	1	10	1	1
2004	2	9	–	2
2005	1	9	–	–
2006	3	7	–	–
2007	3	5	–	–
2008	–	–	–	–
2009	2	15	–	–
2010	1	11	–	–
2011	4	8	–	–
2012	1	2	–	–
Итого	20	90	1	7

Таблица 4

Динамика защит диссертаций по историческим наукам в 2015–2019 гг.⁴

Table 4

Dynamics of defense of theses in historical sciences in 2015–2019

Годы	По специальности «Отечественная история»		По специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»	
	докт. дис.	канд. дис.	докт. дис.	канд. дис.
2015	–	2	–	–
2016	–	–	–	–
2017	1	1	–	1
2018	1	1	–	–
2019	1	5	–	–
Итого	3	9	–	1

¹ Диссертационные советы Самарского государственного университета (1977–2006 годы). Самара, 2007. С. 7–9, 40–102.² Диссертационные советы Самарского государственного университета. С. 9–14, 103–185.³ Диссертационные советы Самарского государственного университета. С. 15–21, 186–298; Научная деятельность Самарского государственного университета в 2008–2014 гг. Самара, 2009–2015.⁴ Диссертационные советы // Сайт Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. URL: <https://ssau.ru/science/nid/diss>.

Е.В. Симонова, Н.А. Биленко

ТУЛЬСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© Симонова Елена Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, 300026, Российская Федерация, г. Тула, пр. Ленина, 125.

E-mail: e-simonova@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8350-3057>

© Биленко Никита Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, 300026, Российская Федерация, г. Тула, пр. Ленина, 125.

E-mail: nikitabilenko@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу динамики численности ремесленников, определению их представительства среди городского населения Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX в. на основе статистических и делопроизводственных источников при помощи количественного и качественного анализа данных, историко-генетического и историко-системного методов. Показаны тенденции развития провинциального ремесла в условиях модернизационных процессов и правительственной политики. Рассмотрена противоречивая сущность цеховой системы, с одной стороны, поддерживающей членов ремесленной корпорации, но, с другой стороны, ограничивающей процесс расширения слоя предпринимателей. Разветвление спектра ремесленных специальностей и появление новых в пореформенный период свидетельствовало о возрастании бытовых потребностей горожан, производстве товаров повседневного спроса. В городах Тульской губернии ремеслом занимались в первой половине XIX в. 1–4 % горожан, к началу XX в. – уже 7–10 %, в годы Первой мировой войны – больше (такая ситуация была связана с тем, что ремеслом занимались многие горожане для поддержания семьи). Установлено, что в ремесле было занято больше горожан, чем на немногочисленных промышленных предприятиях.

Авторы пришли к выводу, что медленное увеличение городского населения и с небольшими колебаниями увеличение ремесленников при сохранении цеховой и ремесленной корпорации, конкуренции со стороны промышленных предприятий придавало определенную устойчивость местному товарному рынку. Мелкотоварное ремесленное производство, ориентированное на удовлетворение местных потребностей, расширение специализаций, способствовало «накоплению» городского образа жизни, развитию урбанизации.

Ключевые слова: Тульская губерния, модернизация, ремесленники, промышленность, города, городское население.

Цитирование. Симонова Е.В., Биленко Н.А. Тульские ремесленники в условиях модернизации в XIX – начале XX вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 23–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-23-31>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-23-31
UDC 94(47).081+94(47).082

Submitted: 10/XI/2019
Accepted: 25/XI/2019

E.V. Simonova, N.A. Bilenko

TULA HANDICRAFTS IN TERMS OF MODERNIZATION IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

© Simonova Elena Viktorovna – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenina Avenue, Tula, 300026, Russian Federation.
E-mail: e-simonova@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8350-3057>

© Bilenko Nikita Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, associate Professor of the Department of history and archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation.
E-mail: nikitabilenko@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the dynamics of the number of artisans, the definition of their representation among the urban population of the Tula province in the second half of the XIX – early XX century. on the basis of statistical and record-keeping sources using quantitative and qualitative data analysis, historical-genetic and historical-system methods. The tendencies of development of provincial craft in the conditions of modernization processes and government policy are shown. The contradictory essence of the shop system, on the one hand supporting the members of the craft corporation and at the same time limiting the process of expansion of the layer of entrepreneurs, is considered. The branching of the spectrum of handicraft specialties and the emergence of new ones in the post-reform period testified to the increase in the household needs of citizens, the production of everyday goods. In the cities of Tula province, the craft was engaged in the first half of the XIX century 1–4 % of citizens, by the beginning of the XX century. – already 7–10 %, during the First World War – more (this situation was due to the fact that the craft was engaged in many citizens to support the family). It is established that more citizens were employed in the craft than in a few industrial enterprises.

The authors concluded that the slow increase in the urban population and with small fluctuations in the increase of artisans while maintaining the guild and craft corporation, competition from industrial enterprises gave a certain stability to the local commodity market. Small-scale handicraft production focused on meeting local needs, the expansion of specializations contributed to the “accumulation” of the urban lifestyle, the development of urbanization.

Key words: Tula province, modernization, artisans, industry, cities, urban population.

Citation. Simonova E.V., Bilenko N.A. *Tul'skie remeslenniki v usloviyakh modernizatsii v XIX – nachale XX vv.* [Tula handicrafts in terms of modernization in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 23–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-23-31> [in Russian].

Введение

Вторая половина XIX в. вошла в историю России как период модернизации, активного развития промышленного производства. Развитие экономики страны сопровождалось глубокими изменениями в социальной и культурной жизни империи: постепенно размывались сословные перегородки, развивался процесс урбанизации, формировалась предпринимательская культура. Вместе с тем и в начале XX в. российская экономика отличалась многоукладностью, где натуральное хозяйство соседствовало с товарным, а фабричное и заводское производство – с мелкими ремесленными и кустарными заведениями.

Как развивался мелкотоварный сектор российской экономики, стимулировало или тормозило правительство развитие ремесленного производства? Какова динамика ремесленного производства в Центральной России по сравнению с фабрично-заводским? Изучение динамики развития ремесленного производства в условиях

складывающегося товарного рынка (зачастую состоящего из местных и локальных рынков [Тагирова 2001; Ивонин 2005; Биленко 2019]) позволяет приблизиться к пониманию процессов модернизации и урбанизации, хозяйственных практик.

Данная тема нашла отражение в исследованиях ученых [Симонова 2002; Чистова 2010; Бурцева 2015; Симонова 2015; Григорова 2017; Корнеева 2017; Пономарев, Денисюк 2017; Келлер 2018], которые отмечали устойчивость развития ремесленного производства в период индустриализации и урбанизации. Тульскими материалами подтверждается тезис о том, что в условиях действующего законодательства и институциональных рамок провинциальное мелкое производство развивалось стабильнее по сравнению с промышленным производством.

Статья написана на основе делопроизводственных документов (отчетов губернатора, уездных исправников, ремесленной управы, статистического комитета), отложившихся в фондах Государствен-

ного архива Тульской области (далее – ГУ ГАТО), таких как: 52 «Тульский губернский статистический комитет (1847–1917)», содержащий погодные данные о состоянии городов и уездов о движении населения, фабриках и заводах, ремесленных заведениях; 1300 «Тульское губернское жандармское управление (1867–1917)», в делах которого имеются сведения к статистическим отчетам по фабрикам и заводам губернии; 174 «Тульская городская управа», 314 «Белёвская ремесленная управа», 517 «Тульская ремесленная управа», содержащие материалы о деятельности сословных самоуправлений. Отчеты уездных исправников и отчеты губернатора сохранились в фонде 90 «Канцелярия тульского губернатора», позволившие уточнить и дополнить сведения о численности и составе ремесленников.

Результаты исследования

Исследователи экономической истории сходятся на том, что именно ремесленники удовлетворяли спрос городского населения на товары повседневного пользования [Рындзюнский 1959, с. 64; Терещенко 2008, с. 50]. Ремесленники быстрее реагировали на все изменения рыночной конъюнктуры. Подобная хозяйственная «гибкость» являлась основой их стабильной деятельности и в конечном счете делала местный товарный рынок более устойчивым к природным и социально-экономическим катаклизмам.

Работа ремесленников регламентировалась «Уставом ремесленным» (СЗРИ. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1857), который в основных своих частях базировался на документах, принятых еще в XVIII в. [Порова 2009, с. 14]. Под ремеслами подразумевались «занятия, имеющие предметом обработку вещей, посредством ручной работы» (ст. 1). Ремесленники подразделялись на мастеров, подмастерьев и учеников. Последние две категории фактически относились к вспомогательному персоналу. В соответствии со ст. 117 Устава ремесленного только мастер имел право открывать мастерскую и держать у себя подмастерьев и учеников, которые не имели права без его ведома работать в заведении (ст. 134–135). В последующем в Устав неоднократно вносились изменения (в 1879, 1887, 1893 и 1913 гг.), однако ни в одном из новых его редакций существенных изменений в цеховую организацию внесено не было.

Вовлечению различных слоев населения в ремесленничество способствовало «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863 г. (и его обновленная редакция 1865 г.) (ПСЗРИ – II. Т. XXXVIII. СПб., 1866. № 39118. С. 3–31; ПСЗРИ – II. Т. XL. СПб., 1867. № 41779. С. 157–175). В частности, ст. 20 закона позволяла приобретать свидетельства на право торговли и промыслов (причем как купеческие, так и промысловые) русским подданным обоего пола и всех состояний, а также иностранцам. Данное положение способствовало развитию частного предпринимательства. Однако ряд положений Ремесленно-

го устава фактически нивелировали право зависящих от мастера подмастерьев и учеников от своего имени заниматься предпринимательской деятельностью. Цеховое устройство в пореформенный период, по сути, двояко влияло на процесс модернизации: и способствовало (тем, что поддерживало ремесленников – корпоративно защищало в социальном и экономическом плане), и в то же время тормозило (так как сдерживало процесс увеличения количества ремесленников из-за действующих ограничений).

Система сословного управления поддерживала корпорацию ремесленников, которая отличалась разветвленностью. В тех городах, посадах и местечках, где «ремесленная промышленность получила большее развитие», было организовано «полное» ремесленное управление. В этом случае ремесленники объединялись в цехи, руководимые цеховыми управами. Для организации цеха в городе требовалось не менее пяти мастеров одной специальности, причем в состав цехов включались также подмастерья и ученики. В зависимости от сроков пребывания в цехе ремесленники градируются на временноцеховых и вечноцеховых. Если городская промышленность была слабо развита, разрешалась организация «упрощенного» цехового устройства. В этом случае ремесленники не разделялись на цехи, а входили в единое ремесленное общество, руководимое одной ремесленной управой. В Ремесленном уставе декларировалось, что цеховое устройство было призвано содействовать развитию ремесленной промышленности и «соблюдению должного порядка». По подсчетам чиновников Министерства финансов, в середине 1890-х гг. цехи существовали в 136 городах 53 губерний Российской империи. Однако полное ремесленное управление имелось лишь в 87 населенных пунктах. Тула занимала 5-е место среди всех городов империи по числу ремесленников после Москвы, Петербурга, Бердичева и Одессы [Иванова, Желтова 2010, с. 480–481].

Из 12 городов Тульской губернии ремесленные управы имелись только в губернском центре Туле и уездном городе Белёве. Ремесленная и цеховая управы занимались, по сути, одними и теми же вопросами: призрением больных ремесленников и сирот, организовывали сбор повинностей (контролировали уплату единовременных платежей при вступлении в цех или записи ученика, а также ежегодных, шедших на содержание ремесленных благотворительных и просветительных учреждений), документировали «движение» ремесленников (вступление и выход из цеха), следили за качеством работ, ведали казной. Вступать в цеха (в местностях, где имелось цеховое учреждение или хотя бы упрощенное ремесленное управление) были обязаны все, кто желал заниматься ремеслом. Исключение составляли лица, для которых занятие ремеслом было необходимо «для дневного пропитания», без использования наемной рабочей силы. В Тульской губернии размер сборов с ремесленников составлял около 3 руб., что было типич-

но и для других регионов. За отказ от приписки и неуплату сборов полагался штраф от 5 до 50 руб. с человека (ГУ ГАТО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–18).

Действующее законодательство разрешало временное вступление в цех представителей других сословных групп: купцов, мещан и крестьян, причем с сохранением своего социального статуса. Однако в этом случае они должны были наряду со своими нести еще и дополнительные повинности в пользу ремесленного общества. Тем не менее во второй половине XIX в. в Тульской губернии значительное число лиц воспользовалось возможностью временного вступления в цеха.

Ремесленная организация обеспечивала передачу профессионального хозяйственного опыта. Родители заключали договоры с мастерами-ремесленниками, которые обязывались научить детей основам своей рабочей специальности. В Государственном архиве Тульской области сохранились маклерские и нотариальные книги с текстами подобных договоров, которые определяли сроки, условия обучения. Так, тульская цеховая Варвара Сергеевна Черкасова отдала сына Василия Степановича Черкасова временнообязанному крестьянину Алексинского уезда Василию Сергеевичу Котареву на обучение самоварному мастерству на три года, при этом определялись условия обучения («кондиции»): «1) Платье верхнее, нижнее, обувь, белье, мытье белья, банное и содержание пищею должно быть от меня, Котарева. 2) Жить сыну моему у него, Котарева, в доме и находиться в должном послушании и повиновении, без позволения никуда не отлучаться; а я, Котарев, обязуюсь наблюдать за его поведением и обучить данному мастерству. 3) Я, Черкасова, обязуюсь сына своего раньше срока не брать и ему самовольно не отходить; если отойдет, обязуюсь заплатить неустойку 25 руб. сер. 4) Я, Котарев, обязуюсь по отжитии срока выдать ему, Василию, честно вознаграждение – одежду [стоимостью] 10 руб[лей] сер[ебром]...» (Договор на обучение... 2011, с. 52–53).

Цеховая организация была реорганизована в начале XX в. Ремесленные общества и их управления были сохранены только в 29 городах империи: 24 города имели полное ремесленное управление (Тула вошла в их число, в Белёве цехи прекратили существование); 4 города – упрощенное. Тульская ремесленная управа проработала вплоть до ноября 1917 г. Сами цеховые высказывались за сохранение цехового устройства. О том, что ремесленные корпорации помогают выживать, говорили делегаты I Всероссийского съезда по ремесленной промышленности (1900 г.) в Петербурге и II Всероссийского ремесленного съезда (1911 г.).

За столетие скорректировалась специализация ремесел, что свидетельствовало об изменяющейся повседневности и, как следствие, востребованности определенной продукции. В отчетах ремесла подразделялись на группы: 1) «изготовление предметов пищи»; 2) «изготовление предметов одежды»; 3) «приготовление предметов хозяйства» (сюда относились печники, столяры, стекольщики, медники, слесари) и 4) «прочих ремесленни-

ков, не входящих в первые 3 разряда» (извозчики, часовщики, коновалы, маляры, цирюльники, живописцы, токари, садовники, мостовщики, гравёры, литографы, типографы, гармонщики, фотографы, фортепианные мастера).

В Тульской губернии во второй половине XIX в. спектр ремесленных специальностей не отличался разнообразием, однако варьировался по уездным от 13 (Венёв) до 28 (Епифань). Наибольшее многообразие ремесленного труда демонстрировал губернский город Тула (59 специальностей). По этому показателю к нему приближались Белёв (32) и Богородицк (45) (см. табл. 1). В начале XX в. спектр ремесленных специальностей существенно расширился, к примеру, в Алексине было представлено уже 45 видов ремесел, Белёве – 41, Венёве – 38, Ефремове – 39, Кашире – 50, Крапивне – 35, Новосилю – 30, Одоеве – 43, Черни – 34, немного сократился спектр ремесленных занятий в Богородицке (42) и Епифани (25) (ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1238. Л. 14 об.–15).

Во всех городах спросом пользовалась продукция ремесленников-пищевиков – хлебников, булочников, калачников, бараночников, мясников, колбасников, а также производящих «предметы одежды» – портных, модисток, сапожников, картузников. Практически везде трудились плотники, кровельщики, столяры, печники, кузнецы, слесари, маляры, стекольщики, бондари, кожевники, красильщики, жестянщики. Специфика профессиональной специализации в различных местностях губернии была обусловлена во многом природно-географическим фактором. Например, в уездных Белёве, Алексине и Кашире, стоявших на реке Оке, трудились рыбники, в то время как в других городах такого вида ремесла не было. С конца 70-х гг. XIX в. уездными исправниками фиксируется заметное разветвление специальностей одной категории (например, помимо хлебников указываются булочники, кондитеры, крендельщики, калачники). В начале XX века существенных изменений в специализации ремесленного труда не отмечено. Единственное – произошло расширение перечня ремесел, относящихся к четвертому разряду, что обусловлено расширением сферы услуг. Такое явление наблюдается во многих городах. Например, в 1907 г. мостовщики были только в Туле и Кашире (1 мастер и 18 работников), к 1915 г. они появились еще в четырех городах – Алексине, Богородицке, Белеве, Крапивне.

Специфика повседневной жизни в губернском центре определяла и новые потребности горожан. Рост масштабов строительства и ремонта домов сделали востребованными кровельщиков, плотников, маляров, печников, обойщиков. Светский образ жизни зажиточных горожан (посещение балов, городских гуляний, театра) определял потребность населения не только в повседневной одежде, но и в праздничной. Удовлетворению спроса содействовало множество портных, сапожников, модисток, шляпников, башмачников, картузников, перчаточников, рукавичников. И если в 1905 г. ремесленников по изготовлению одежды было всего 951 человек, то к 1915 г. – уже 2584.

Table 1

Таблица 1

**The number of craft specialties in the cities
of the Tula province**

**Количество ремесленных специальностей
в городах Тульской губернии***

Города Тульской гу- бернии	Число ремесленных специальностей					
	1860 г.	1865 г.	1877 г.	1880 г.	1890 г.	1902 г.
Тула	45	52	59	55	59	57
Алексин	12	11	13	12	20	38
Белёв	25	24	21	24	33	36
Богородицк	13	12	37	31	39	37
Венёв	10	11	13	13	10	36
Епифань	16	18	21	18	18	25
Ефремов	17	18	19	18	18	39
Кашира	18	16	20	20	12	37
Крапивна	11	11	13	14	13	35
Одоев	14	12	18	18	16	31
Новосиль	16	17	16	16	18	39

(*Посчитано и составлено по: ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2 об.; Д. 80. Л. 1–2 об.; Д. 252. Л. 2; Д. 297. Л. 2–2 об.; Д. 442. Л. 4 об.–7; Д. 653. Л. 7; Ф. 90. Оп. 1. Т. 47. Д. 40602. Л. 39; Ф. 52. Оп. 1. Д. 16. Л. 37–37 об.; Д. 80. Л. 15–15 об.; Д. 152. Л. 55–55 об.; Д. 442. Л. 4 об.–7; Д. 653. Л. 35; Д. 16. Л. 39–39 об.; Д. 80. Л. 18–18 об.; Д. 158. Л. 19–19 об.; Д. 252. Л. 240; Д. 297. Л. 3; Д. 442. Л. 4 об.–7; Д. 653. Л. 77; Ф. 52. Оп. 1. Д. 16. Л. 46–46 об.; Д. 80. Л. 22–22 об.; Д. 153. Л. 19; Д. 280. Л. 273; Д. 289. Л. 48; Д. 442. Л. 4 об.–7; Д. 653. Л. 145; Д. 16. Л. 44–44 об.; Д. 80).

О модернизации социокультурной среды в городах губернии свидетельствует появление сначала в Туле, а затем и в Богородицке мастеров фортепианных дел, увеличивается число типографий: в 1907 г. они действовали в трех городах – Туле, Алексине и Белёве, к 1915 г. – уже в 7 (Богородицке, Венёве, Епифани, Ефремове Кашире, Новосили и Черни) в отчетах указаны типографы. Появились фотоателье: в конце XIX в. в Туле работало 5 фотографов, в 1907 г. – уже 20 чел., а в 1915 г. – 13 мастеров, 150 рабочих и 31 ученик. В 1907 г. фотографы были в 5 уездных городах – Алексине, Кашире, Ефремове, Новосили, Белёве, то в 1915 г. в этот список вошли Богородицк и Венёв.

Городское население (по данным переписи 1897 г.) в империи составляло 12 %, в Тульской губернии – около 11 %. Практически все города, кроме губернского центра, заметно отличавшегося своим «капиталистическим» видом (наличием крупных промышленных предприятий, товарооборотами частных промышленных и торговых предприятий, заметно притягивавших к себе жителей окрестностей на заработки, более развитой инфраструктурой), были похожи на села, с малым количеством мелких предприятий с нестабильным оборотом. Численность горожан была мала, в начале века – в пределах 1,5–3 тыс., 3–4,5 тыс., во второй половине века численность горожан колебалась от 5 до 10 тыс. (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 3. Д. 476. Л. 30–31; Т. 32. Д. 25389. Л. 8; Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. Л. 3 об.–5). Естественно, что в таком городе найти работу было сложно, поэтому переселенцы сочетали ремесленный труд с иными занятиями – садоводством и огородничеством, а также мелкой торговлей.

По данным уездных исправников, в первой половине века ремеслом занимались в городах 1–4 % мужчин (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 15. Д. 11477. Л. 6). Типичными были записи в отчетах: «...ремесленников не имеется, кроме мастеровых порт-

ных и сапожников из каширских мещан, которых весьма малое количество» (Кашира) (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 47. Д. 40413. Л. 6), «...некоторые из мещан и занимаются кузнечной работой и частью из вольноотпущенных портному мастерству, но таковое занятие бывает временно» (Одоев) (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 47. Д. 40413. Л. 14), в Черни указано 6 сапожников, 5 кузнецов и 4 портных – «вот и вся ремесленность города», «ремесленность города Крапивны крайне ничтожна». В 1843 г. уездные исправники большинства уездных городов отмечали, что ремесленники отсутствовали вовсе или что ремесленное производство ничтожно. Но даже среди имеющих многие занимались ремеслом в зимнее время, а летом – садоводством, торговлей, наемными работами [Рындзюнский 1958, с. 275].

В губернском городе профессиональный уровень ремесленников и качество их продукции были значительно выше, чем в уездных городах. В 1831 г. в Туле действовало 9 цехов: чернодельный (77 мастеров и 282 работника), серебряный (34 и 302), деревообделочный (113 и 297), живописный (33 и 31), свечной (15 и 50), портняжный (92 и 185), кафельный (2 и 14), хлебный (199 и 511), сапожный (171 и 358). Таким образом, в общей сложности в губернском центре ремеслом занималось 2766 человек, или 20 % мужчин (ГУ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 3629). В 1833 г. в Туле насчитывался 741 мастер, а всего проживало 2236 ремесленников (21 % мужского населения города) (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 15. Д. 11477. Л. 6; Т. 47. Д. 40413. Л. 17). По данным 1843 г. – 535 мастеров и 1774 подмастерьев (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 47. Д. 40413. Л. 86). Однако горожан, занимающихся ремеслом, было значительно больше. В источниках встречаются данные о том, что многие бывшие оружейники и часть мещан широко занимаются «разного рода ремеслами, выделывают на своих заведениях самовары, скобяные и слесарные изделия, оружие и другие

домашние металлические вещи» (ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 80. Л. 2 об.).

Конкретная историческая ситуация, связанная с традиционной специализацией тульских кузнецов и оружейников, продукция которых была известна далеко за пределами губернии, способствовала дальнейшему развитию ремесла в губернском центре (и не только оружейного дела). П.Г. Рындзюнский приводит данные о том, что в губернском центре уже в первой половине XIX в. ремесло достигло уровня, когда начался процесс перерастания ремесленной мастерской в промышленное заведение. С наибольшей интенсивностью этот процесс шел в тех специальностях, которые были теснее всего связаны с рынком – в среде самоварщиков и гармонщиков. Бытовые стальные изделия тульских ремесленников уже давно пользовались спросом почти по всей России, что способствовало росту производства. По данным ученого, в Туле на каждого мастера приходилось по 3–4 работника. В сторону увеличения численности именно работников выделяются цехи серебряный (чаще объединявший ювелиров, но не только) и чернodelный.

Количественные показатели динамики доли ремесленников в уездных городах демонстрируют медленные темпы. В Белёве, Венёве и Богородицке динамика численности ремесленников на протяжении всего XIX века развивалась по синусоиде.

Стабильна была численность мастеров в Кашире, Новосили, Одоеве, Черни и Туле, планомерный рост численности ремесленников фиксировался в Алексине, Ефремове и Крапивне. Ремесленников, приписанных к цехам «навечно», было значительно меньше, чем «временных». К примеру, в Туле вечноцеховыми ремесленниками было менее 10 % всех мастеров. С 1870 по 1915 г. численность цеховых Тулы возросла в 3 раза, но их доля в общем составе населения города кардинально не изменилась и находилась в пределах 12–18 % (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 38. Д. 31373. Л. 1; Ф. 52. Оп. 1. Д. 520. Л. 3–4; Ф. 52. Оп. 1. Д. 890. Л. 441 об.–443; Ф. 52. Оп. 1. Д. 1237. Л. 9). Мужчин, занимавшихся ремеслом, в Туле было почти в 2 раза больше, чем приписанных к цехам: так, в 1915 г. в губернском центре насчитывалось 12 287 мужчин, приписанных к «цеховым» (15,9 % от мужского населения), а всего ремесленников насчитывалось 23 128 чел. (29,9 %). Общее количество занятых в ремесле в городах губернии увеличилось и к 1915 г. составило 33 928 чел.: 21 346 мастеров, 8619 рабочих и 3963 ученика, из коих 73,5 % (24 943 человека) проживало в Туле (ГУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1238. Л. 180б.–19).

Ремеслом занималась небольшая часть горожан, но их доля была значительно выше, чем тех, кто добывал себе пропитание на промышленных заведениях (см. табл. 2 и 3).

Table 2

Таблица 2

Craftsmen in the cities of the Tula province in the second half of the XIX century

Ремесленники в городах Тульской губернии во второй половине XIX в.**

Города	Число ремесленников (Процент от мужского населения)															
	1860		1865		1870		1877		1880		1890		1895		1904	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Алексин	49	2,7	64	3,5	?	?	?	?	80	4,3	222	7	171	5,6	127	7,4
Белев	339	9,1	777	19	599	14	591	14,1	577	13,2	823	16	699	16	145	2,4
Богородицк	192	5,2	184	5	150	4	498	12,6	256	6,3	454	11	630	26	265	8,6
Венев	144	5,2	228	13	188	7,3	143	8	?	?	165	9	444	2,4	?	?
Епифань	127	11,5	148	11	152	12	?	?	193	10	233	11	?	?	248	11
Ефремов	260	5	?	?	?	?	551	13,6	591	14,5	452	9	567	12	1149	20
Кашира	124	7,3	111	6	131	7	189	10,4	186	8	57	2,3	72	3	35	1,3
Крапивна	122	11	113	11	159	12	237	17,1	291	20	215	17	222	15	60	0,6
Новосиль	141	9	216	14,2	?	?	223	10	238	11	191	9	186	10	40	2,3
Одоев	163	7,1	309	14	?	?	321	13,1	305	12,1	266	9	262	9	88	3
Чернь	183	12	182	10,1	?	?	127	8,4	123	9,1	152	13	168	9	229	19
Тула	2697	15,6	6794	23,6	?	?	7417	23,7	7630	22,1	8889	25	12416	25	?	?

Continuation of table 2

Продолжение табл. 2

Города	Число ремесленников (Процент от мужского населения)							
	1905		1907		1914		1915	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Алексин	304	10,3	248	8,4	420	13,5	385	12,4
Белев	585	10	634	9,1	?	?	848	10,2
Богородицк	435	14,3	587	18	?	?	538	16,7
Венев	418	?	367	14,3	?	?	830	41,6
Епифань	348	14,5	229	9	?	?	144	5,7
Ефремов	860	15,2	920	16	?	?	2056	31,6
Кашира	176	4,5	240	6	710	18	636	14,6
Крапивна	307	18,7	369	32	244	17,7	235	17,5
Новосиль	471	26,2	440	23,6	292	16,1	208	12
Одоев	275	9	334	8,3	?	?	957	22,8
Чернь	256	22	246	21,2	307	27	295	23,5
Тула	21629	33,5	28942	47	24943	36,7	23128	30

(**Составлено по: ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 32. Д. 25389; Ф. 52. Оп. 1. Д. 73. Л. 24 об.–28; Д. 152; Д. 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163; Д. 443. Л. 6–6 об.; Ф. 90. Оп. 1. Т. 32. Д. 25389; Ф. 52. Оп. 1. Д. 73. Л. 24 об.–28).

Table 3

Таблица 3

Employment of citizens in industry in the second half of the XIX century, %

Занятость горожан в промышленности во второй половине XIX в., %***

Города	1870	1877	1878	1880	1885	1887	1890	1894	1896
Тула	13		11	13,1	13,1	23	60	40	20
Алексин	0,7	0,5	0,6	0,3	2,5	2,8	2,3	2,2	0,1
Белев	3	1,1		1,3		2,3	2	1,6	1,2
Богородицк	1		1,2	1,2	1,1	1	1		1,2
Венев	2,1	0,1	0	0	2,2	2,3	2,4	4,6	3
Епифань	5	2,5	2,5	2,3	5	3,5	0,6	0	2
Ефремов	?	1,2	1,5	2,7	2	1,7	1	0,6	0,7
Кашира	2,5	1	1,6	1,7	0,7	0,3	1	0,6	0,7
Крапивна	11	11,3	11	11,6	23,5	23,1	8	7	7,4
Новосиль	1,1	1,6	1	0,6	0,4	0,3	0,3	4,3	3,1
Одоев	1,4	1	1	1,2	1	1	1	1	1
Чернь	0,6	0,4	0,6	0,6	0,4	1	1	1	0,5

Continuation of table 3

Продолжение табл. 3

Города	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1910	1911	1912	1913	1914
Тула	14,7	11,2	13	16,2	20	19,2	16	14,4	17,1	16,6	15	18	16
Алексин	0,6	-	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-
Белев	0,2	0,1	0,8	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,07	0,1	0,1	0,1	0,1
Богородицк	1	0,8	7	0,4	0,4	0,5	0,5	0,7	0,6	0,2	0,3	0,1	0,5
Венев	2,5	3,4	4,2	1,5	0,1	1,4	1,2	1,4	1,1	1,3	0,7	1,1	1,5
Епифань	1	1	1	1	1	1,1	0,9	0,8	1,3	1,1	1,1	1	1
Ефремов	3,9	3,2	3,2	3,2	3,1	1,3	1,3	1,4	2,2	2	2,2	2,2	1,7
Кашира	0,7	1,3	0,6	0,5	0,1	0,1	0,3	0,3	0,3	0,2	0,7	1,5	1
Крапивна	3,3	3,5	4	4,1	2,4	3	3,5	2,2	4,8	4,5	2,2	2	2,1
Новосиль	0,2	0,1	0,2	0,2	0,8	0,2	0,2	0,2	0,8	0,7	0,7	1,1	0,7
Одоев	0,7	0,5	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4	0,1	0,4	0,5	0,2	0	0,2
Чернь	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

(***Составлено по: ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 32. Д. 25389; Ф. 52. Оп. 1. Д. 73. Л. 24об.–28; Д. 152; Д. 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163; Д. 443. Л. 6–6 об.; Ф. 90. Оп. 1. Т. 32. Д. 25389; Ф. 52. Оп. 1. Д. 73. Л. 24 об.–28).

В Туле в 1890-е гг. на предприятиях работало более половины мужского населения, в остальных городах на производстве было занято от 0,1 до 4–7 % мужчин. В связи с изменившейся экономической ситуацией этот показатель снизился по всем городам. Таким образом, ремесло и труд на промышленных предприятиях были основным средством заработка на жизнь менее четверти горожан.

Выводы

Таким образом, в пореформенный период ремесленное производство, развивающееся с разной степенью интенсивности, придавало стабильность функционированию местных товарных рынков, так как продукция ремесленников была ориентирована на удовлетворение бытовых потребностей горожан. Во второй половине XIX в. увеличилась численность ремесленников, небольшое снижение наблюдается в начале XX в., особенно в годы Первой мировой войны. Наиболее успешно развивалось ремесло в Туле, которая ярко демонстрирует процесс превращения в капиталистический город. Как профессионально-производственная организация, ремесленные цехи Тулы испытывали определенные трудности, связанные с конкуренцией со

стороны фабрично-заводских предприятий. Тем не менее в течение рассматриваемого периода увеличивалось число ремесленников и их заведений, наблюдалась стабильность денежных доходов.

Под влиянием модернизационных процессов происходило «размывание» сословных границ: все больше представителей различных слоев населения пополняли ряды ремесленников. В то же время сохраняемая государством цеховая система суживала пути расширения ремесленной страты, хотя компетенция органов сословного самоуправления (как ремесленников, так и мещан и купцов) на фоне разворачивающейся успешной деятельности всесословных городских дум сводилась к благотворительной, контролирующей деятельности и сбору финансов на содержание управ. Ремесленное производство, ориентированное на местный рынок, может, и не соответствовало набирающей обороты индустриализации из-за своих сословных ограничений, но в то же время придавало определенную стабильность сложившейся хозяйственной системе, что и стало опорой в условиях социальных катаклизмов начала XX в. – войн и революций.

Источники фактического материала

ГУ ГАТО – *Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области».*

Договор на обучение... – *Договор на обучение самоварному мастерству В.С. Черкасова, сына тульского цехового, временнообязанным крестьянином В.С. Котаревым // Профессии в повседневной жизни губернского города Тулы первой половины XIX века: сборник документов / отв. сост. и редактор И.А. Антонова. Тула, 2011. С. 52–53.*

ПСЗРИ – II – *Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XL. СПб., 1867. № 41779. С. 157–175; Т. XXXVIII. СПб., 1866. № 39118. С. 3–31.*

СЗРИ – *Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1857.*

Библиографический список

Биленко 2019 – *Биленко Н.А. Товарный рынок Тульской губернии в процессе модернизации России второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2019. 26 с. URL: https://cloud.kursksu.ru/kursksu.ru/pages/pages_11.02.19_2y9e3zN9.pdf.*

Бурцева 2015 – *Бурцева Е.Е. Всесословное и сословное и самоуправление в городах Тульской губернии в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 22 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/vsesoslovnnoe-i-soslovnnoe-samoupravlenie-v-gorodakh-tul'skoi-gubernii-v-poslednei-treti-xix-na/read>.*

Григорова 2017 – *Григорова В.А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017. 36 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kustarnye-promysly-tsentralnogo-chnozemya-i-ikh-vliyanie-na-razvitie-promyshlennogo-proizv/read>.*

Иванова, Желтова 2010 – *Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3707409/cbb528>.*

Ивонин 2005 – *Ивонин А.Р. Структура регионального рынка дореформенной Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начало XX вв.: сборник науч. тр. Барнаул, 2005. С. 128–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35220660>.*

Келлер 2018 – *Келлер А.В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2018. 38 с. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/62602/1/urfu1871.pdf>.*

Кореева 2017 – *Корнеева Ю.В. Городские ремесленники Симбирской губернии во второй половине XIX века // Научный диалог. 2017. № 9. С. 144–152. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-144-152.*

Перова 2009 – *Перова М.В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX века: функции, общественное значение и направление деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 13–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15237016>.*

Пономарев, Денисюк 2017 – *Пономарев Н.В., Денисюк Н.Ф. Кустарные промыслы в России. Кустарная Россия: очерки. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. 319 с. URL: <https://hydrusbook.xyz/books/n-v-ponomarev-kustarnyie-promy>.*

Рындзюнский 1958 – *Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.*

Рындзюнский 1959 – *Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность (ремесло и мелкотоварное производство) // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М.: Соцэкгиз, 1959. 403 с.*

Симонова 2015 – *Симонова Е.В. Города Тульской губернии в процессе социальных трансформаций начала XX в. Тула, 2015. 240 с.*

Симонова 2002 – *Симонова Е.В. Города Тульской губернии во второй половине XIX века: население и экономика. Тула, 2002. 151 с.*

Тагирова 2001 – *Тагирова Н.Ф. Типология региональных рынков Европейской России конца XIX – начала XX в. (на примере поволжских губерний) // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2001. С. 342–356.*

Терещенко 2008 – *Терещенко А.А. Городское ремесленное производство Центрально-Черноземного края во второй половине XIX в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2008. № 1. С. 50–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoe-remeslennoe-proizvodstvo-tsentralno-chnozemnogo-kрая-vo-vtoroy-polovine-xix-v>.*

Чистова 2010 – *Чистова С.М. Отечественная историография городского ремесленного производства России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 30 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/otechestvennaya-istoriografiya-gorodskogo-remeslennogo-proizvodstva-rossii/read>.*

References

Bilenko 2019 – *Bilenko N.A. Tovarnyi rynek Tul'skoi gubernii v protsesse modernizatsii Rossii vtoroi poloviny XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Commodity market of the Tula province in the process of modernization of Russia in the second half of the XIX century: author's abstract of the Candidate's of Historical Sciences thesis]. Tula, 2019, 26 p. Available at: https://cloud.kursksu.ru/kursksu.ru/pages/pages_11.02.19_2y9e3zN9.pdf [in Russian].*

Burtseva 2015 – *Burtseva E.E. Vsesoslovnnoe i soslovnnoe i samoupravlenie v gorodakh Tul'skoi gubernii v poslednei treti XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*

[Class-inclusive and class self-government in the cities of Tula province in the last third of the XIX – early XX centuries: author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. M., 2015, 22 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/vsesoslovnnoe-i-soslovnnoe-samoupravlenie-v-gorodakh-tul'skoi-gubernii-v-poslednei-treti-xix-na/read> [in Russian].

Grigorova 2017 – Grigorova V.A. *Kustarnye promysly Tsentral'nogo Chernozem'ya i ikh vliyanie na razvitie promyshlennogo proizvodstva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Handicrafts of the Central Black Earth Region and their influence on the development of industrial production in the second half of the XIX – early XX century: author's abstract of Doctoral of Historical Sciences thesis]. Tambov, 2017, 36 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/kustarnye-promysly-tsentralnogo-chernozemya-i-ikh-vliyanie-na-razvitie-promyshlennogo-proizv/read> [in Russian].

Ivanova, Zheltova 2010 – Ivanova N.A., Zheltova V.P. *Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Class society of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. M.: Novyi khronograf, 2010, 752 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3707409/cbb528> [in Russian].

Ivonin 2005 – Ivonin A.R. *Struktura regional'nogo rynka doreformennoi Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Structure of the regional market of pre-reform Western Siberia (second half of the XVIII – early XX century)]. In: *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachalo XX vv.: sbornik nauchn. tr.* [Modern historical Siberia study of the XVII – beginning of the XX century: collection of research works]. Barnaul, 2005, pp. 128–142. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35220660> [in Russian].

Keller 2018 – Keller A.V. *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Craft of St. Petersburg of the XVIII – early XX century: author's abstract of Doctoral of Historical Sciences thesis]. Ekaterinburg, 2018, 38 p. Available at: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/62602/1/urfu1871.pdf> [in Russian].

Korneeva 2017 – Korneeva Yu.V. *Gorodskie remeslenniki Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka* [Urban Artisans in Simbirsk Governorate in the Second Half of the 19th Century]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 9, pp. 144–152. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-144-152 [in Russian].

Perova 2009 – Perova M.V. *Tsekhovaya organizatsiya remeslennogo naseleniya Rossii sere diny XIX veka: funktsii, obshchestvennoe znachenie i napravlenie deyatel'nosti* [The shop organization of the craftsmen in Russia in the middle of XIX century: functions, public value and activity areas]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2009, no. 1 (75), pp. 13–18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15237016> [in Russian].

Ponomarev, Denisuk 2017 – Ponomarev N.V., Denisuk N.F. *Kustarnye promysly v Rossii. Kustarnaya Rossiya: ocherki* [Handicrafts in Russia. Artisanal Russia: essays]. M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2017, 319 p. Available at: <https://hydrusbook.xyz/books/n-v-ponomarev-kustarnye-promysly> [in Russian].

Ryndzyunskii 1958 – Ryndzyunskii P.G. *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii* [Urban citizenship of pre-reform Russia]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958, 559 p. [in Russian].

Ryndzyunskii 1959 – Ryndzyunskii P.G. *Melkaya promyshlennost' (remeslo i melkotovarnoe proizvodstvo)* [Small industry (craft and small commodity production)]. In: *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka* [Essays on the economic history of Russia in the first half of the XIX century]. M.: Sotsekgiz, 1959, 403 p. [in Russian].

Simonova 2015 – Simonova E.V. *Goroda Tul'skoi Gubernii v protsesse sotsial'nykh transformatsii nachala XX v.* [Cities of the Tula province in the process of social transformations of the early XX century]. Tula, 2015, 240 p. [in Russian].

Simonova 2002 – Simonova E.V. *Goroda Tul'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka: naselenie i ekonomika* [Cities of the Tula province in the second half of the XIX century: population and economy]. Tula, 2002, 151 p. [in Russian].

Tagirova 2001 – Tagirova N.F. *Tipologiya regional'nykh rynkov Evropeiskoi Rossii kontsa XIX – nachala XX v. (na primere povolzhskikh gubernii)* [Typology of regional markets of European Russia of the late XIX – early XX century (on the example of the Volga provinces)]. In: *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv.: Sovremennyy vzglyad* [Economic history of Russia of the XIX–XX centuries: modern view]. M., 2001, pp. 342–356 [in Russian].

Tereshchenko 2008 – Tereshchenko A.A. *Gorodskoe remeslennoe proizvodstvo Tsentral'no-Chernozemnogo kraya vo vtoroi polovine XIX v.* [Urban handicraft industry of the Central Chernozem Area in the second half of the XIX century]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2008, no. 1, pp. 50–57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoe-remeslennoe-proizvodstvo-tsentralno-chernozemnogo-kraya-vo-vtoroy-polovine-xix-v> [in Russian].

Chistova 2010 – Chistova S.M. *Otechestvennaya istoriografiya gorodskogo remeslennogo proizvodstva Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic historiography of urban handicraft industry in Russia: author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. M., 2010, 30 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/otechestvennaya-istoriografiya-gorodskogo-remeslennogo-proizvodstva-rossii/read> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-32-41
УДК 94(47)

Дата поступления статьи: 11/VIII/2019
Дата принятия статьи: 22/IX/2019

А.А. Серых

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО 1917 Г. ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА. ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА М.М. БОГОСЛОВСКОГО

© *Серых Анна Александровна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Самарский государственный технический университет, Российская Федерация, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

E-mail: serykha@mail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5435-7185>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию основных социокультурных типажей, сформулированных в дневниковых записях профессора Московского императорского университета М.М. Богословского. Определены специфические черты каждой из социальных групп, выделяемых историком. По мнению М.М. Богословского, основу российского общества в 1917 г. составляет «русский народ», включающий в себя три социальные категории: крестьяне, рабочие и солдаты. В статье прослеживается связь между обобщенным понятием «русский народ» и профессиональными взглядами М.М. Богословского.

Следующим важным для историка социокультурным образом является интеллигенция, отношение к которой у М.М. Богословского неоднозначное по причине ее разобщенности. В ситуации социокультурного кризиса 1917 г. особое место занимает новая социальная группа – революционеры. В статье раскрыто отношение М.М. Богословского к этой социальной группе, а также рассмотрены профессиональные взгляды историка на понятие «революция». Венцом социальной структуры общества, по мнению М.М. Богословского, является монархия. Российская монархия в начале XX в. оставалась очень специфичной, историк с сожалением отмечал незавершенность социокультурных преобразований, которые, по его мнению, должны были произойти в обществе под руководством монарха.

Через анализ дневниковых записей была сделана попытка выявить и проанализировать единую социокультурную модель российского общества, сформулированную М.М. Богословским.

Ключевые слова: М.М. Богословский, революция, социальная структура, рабочие, крестьяне, партии, монархия, интеллигенция, революционер.

Цитирование. Серых А.А. Российское общество 1917 г. глазами историка. По материалам дневника М.М. Богословского // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 32–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-32-41>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**RUSSIAN SOCIETY IN 1917 THROUGH THE EYES OF THE HISTORIAN.
BY THE MATERIALS OF M.M. BOGOSLOVSKY'S DIARY**

© Serykh Anna Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.
E-mail: serykha@mail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5435-7185>

ABSTRACT

This article is devoted to the opening of the main social–cultural types which were formulated in the diaries' notes of professor M. M. Bogoslovsky from Moscow Imperial University. The specific characters of each of the social group which were marked out by the historian are defined in this item. In Bogoslovsky opinion, the base of the Russian society in 1917 is «Russian nation», which is divided into three social categories: peasants, workers and soldiers. The link between the generalized notion «Russian nation» and Bogoslovsky's professional views is revealed.

The next important social – cultural image for the historian is intelligentsia and Bogoslovsky's attitude to it is controversial because of its disunity. In the situation of the social – cultural crisis in 1917 a new social group – revolutionaries – takes a special place. In this article Bogoslovsky's attitude to this social group is revealed as well as his professional view on the concept “revolution”. The wreath of the social structure of the society in Bogoslovsky's opinion is monarchy. At the beginning of the 20th century Russian monarchy has remained very specific, the historian remarked regretfully the incompleteness of social cultural conversions, which, to his mind, must have taken place in the society under the rule of the monarch.

Through the analysis of the diaries' notes there was made an attempt to identify and analyze the unified social – cultural model of Russian society, formulated by Bogoslovsky.

Key words: M.M. Bogoslovsky, revolution, social structure, workers, peasants, parties, monarchy, intelligentsia, revolutionary.

Citation. Serykh A.A. *Rossiiskoe obshchestvo 1917 g. glazami istorika. Po materialam dnevnika M.M. Bogoslovskogo* [Russian society in 1917 through the eyes of the historian. By the materials of M.M. Bogoslovsky's diary]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 32–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-32-41> [in Russian].

Введение

Научное сообщество российских историков начала XX века, являясь частью общества, принимало участие в социокультурных трансформациях. При этом эта профессиональная группа имела специфические профессиональные навыки, которые позволяли им видеть происходящие события в контексте отечественной и мировой истории. Историки невольно стали свидетелями социокультурного слома, который проник во все сферы жизни и деятельности социума. Кризис проявился также и в трансформации социокультурной модели общества.

С точки зрения изучения социальной структуры российского общества первой четверти XX в. дневники М.М. Богословского представляют собой интересный источник, поскольку Михаил Михайлович вел достаточно подробные дневниковые записи в один из самых сложных периодов российской истории – в 1917 году. Существуют также и более ранние записи 1913 и 1915 гг., однако именно записи 1917 г. оказываются наиболее информативными с точки зрения образа и детализации социокультурной структуры общества. Возможно, это связано с кризисностью самого момен-

та, отсюда и формирование более ярких и красноречивых образов.

Рассматривая дневники как источник по социальной истории, мы принимаем во внимание его субъективизм и профессионализм автора. М.М. Богословский подошел к 1917 г. состоявшимся, успешным историком. В марте 1917 г. ему исполнилось 50 лет, это своего рода рубежный возраст, о чем сам историк писал в дневнике: «Здравствуй – Старость!» [Богословский 2011, с. 328].

К 1917 г. М.М. Богословский был профессором Московского императорского университета и Московской духовной академии, на 1910-е гг. приходится зенит профессиональной карьеры М.М. Богословского. К этому моменту времени у М.М. Богословского сложились мировоззренческие и профессиональные взгляды на окружающий его социокультурный контекст. Поэтому дневниковые записи тем и интересны, что их делал профессиональный историк, который вписывал окружающие его социокультурные и политические процессы в контекст мировой истории.

Биография и научная деятельность М.М. Богословского долгое время оставалась вне исследовательского поля историков. Первым, кто стал пред-

метно изучать наследие историка, стал Л.В. Черепнин в 1974 г. Для раскрытия темы Л.В. Черепнин использовал архивные материалы и отрывки из дневниковых записей [Черепнин 1974, с. 223–271]. Позже к эпистолярному наследию М.М. Богословского обратилась Л.А. Черная, подготовив вступительную статью к книге избранных сочинений историка [Богословский 1987, с. 3–12]. Педагогическая деятельность М.М. Богословского была впервые раскрыта в работах Т.И. Халиной [Халина 1996, с. 658–685; Халина 2001, с. 426–433]. В настоящее время одним из основных исследователей биографии и профессиональной деятельности М.М. Богословского является А.В. Мельников. Исследователь составил список печатных трудов М.М. Богословского [Список печатных трудов М.М. Богословского 2000, с. 320–335], а также выявил цензурную правку при издании в 1940–1948 гг. биографии Петра I, составленной историком. Предметом изучения для А.В. Мельникова стали научные труды, рецензии историка, эпистолярное наследие, а также воспоминания о нем коллег и близких людей [Мельников 2001, с. 280–300; Мельников 2004, с. 119–134; Мельников 2005, с. 432–477]. К исследованию дневниковых записей М.М. Богословского обратились Е.В. Неберекутина, Т.В. Сафронова [Неберекутина, Сафронова 2001, с. 271–279; Неберекутина, Сафронова 2009, с. 91–111] и А.Е. Иванов [Иванов 2012, с. 109–111]. Несколько статей С.О. Шмидта включают в себя обширный спектр вопросов, касающихся не только биографии и творчества М.М. Богословского, но и социокультурного контекста первой четверти XX века [Шмидт 2005, с. 414–431; Шмидт 2011 а, с. 69–74; Шмидт 2011 б, с. 5–52]. С.О. Шмидт выявил основные тематические блоки дневниковых записей и сформулировал мысль о необходимости дальнейшего анализа этого исторического источника, так как он остается актуальным не только для изучения биографии самого М.М. Богословского, но и для исследования научного сообщества в целом. К вопросам отражений революционной повседневности на страницах дневника М.М. Богословского обращаются также П.С. Кабытов и Е.П. Барина [Кабытов, Барина 2018, с. 1217–1230; Кабытов, Барина 2018, Оренбург, с. 32–35; Кабытов, Барина 2019, с. 269–275]. Историки провели анализ дневниковых записей М.М. Богословского и выявили отдельные моменты, характеризующие самоанализ М.М. Богословского в период его работы над биографией Петра I.

Наша задача заключается в раскрытии образов основных социокультурных типажей, выделенных автором на страницах дневника, определении их места в общей социокультурной модели общества. Мы попытаемся раскрыть взаимосвязь между выделяемыми социальными типажам и профессиональными знаниями автора.

При определении методологической основы работы мы посчитали возможным использовать модель, сформулированную Ю. Слезкиным в

его новой работе «Дом Правительства» [Слезкин 2019], и представить структуру российского общества 1917 г., нашедшую отражение в дневниковых записях М.М. Богословского в образе дома с несколькими этажами. Каждый из этажей – это отдельная социальная группа, занимающая определенное положение в общей социокультурной системе.

«Русский народ» как основа социокультурной модели общества

В политическом спектре 1917 г. М.М. Богословскому по убеждениям были ближе всего монархисты и консерваторы. Отметим некоторую нетипичность подобной позиции. В 1905 г. начала свою политическую деятельность либеральная партия кадетов, которую создали и в которую впоследствии входили видные представители отечественного исторического сообщества П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер и другие ученые. М.М. Богословский, будучи практически ровесником П.Н. Милюкова и А.А. Кизеветтера (П.Н. Милюков был старше М.М. Богословского на 8 лет, а А.А. Кизеветтер – на год) и являясь представителем той же исторической школы Московского университета, не поддерживал либеральные политические настроения, более того, был крайне резок в оценке политической деятельности своих коллег. Размышляя о статье А.А. Кизеветтера в «Русских ведомостях» [Кизеветтер 1917, с. 5–6] по поводу возвращения А.Э. Вормса на юридический факультет Московского университета в качестве приват-доцента, М.М. Богословский записал: «Интересно, кто это выбрал Кизеветтера в цензоры нравов? Вот он, кадетский деспотизм: не смеешь ничего предпринять индивидуально без благословения кадетского коллектива. Вот она, партия народной свободы!» [Богословский 2011, с. 295].

Основываясь на дневниковых записях, мы можем предполагать, что государство видится М.М. Богословскому в образе тюрьмы или казармы, которая потеряла своего главу и превратилась в трактир. Государство, по мнению историка, есть необходимое зло, и при этом оно является связующим элементом, выстраивающим всю структуру общественных отношений: «Государство мне всегда не казалось привлекательным учреждением, всегда я видел в нем необходимое зло; в моем представлении оно неразрывно соединялось с казармой и тюрьмой. Теперь тюрьма раскрыта, казарма пустует или буйствует, и государство обратилось в какой-то грязный трактир II-го разряда без крепких напитков. Было бы ужасно, если б было с крепкими напитками» [Богословский 2011, с. 358].

На страницах дневника М.М. Богословский выделяет несколько социальных групп, которые присутствуют в этой казарме, превратившейся в трактир. К особо популярным социальным категориям, которые в 1917 г. активно участвуют в различных революционных событиях и процессах, относятся: крестьяне, рабочие, армия, интеллигенция, ре-

волюционеры и представители династии. Мы попытаемся разместить эти социальные группы на разных «этажах» казармы-трактира и таким образом сформулировать общую социокультурную модель общества, созданную М.М. Богословским.

До 1917 г. социокультурная модель общества выглядела следующим образом: ее основу составлял «русский народ», включающий в себя крестьян, рабочих и солдат, на втором «этаже» располагалась интеллигенция, буржуазия и крупное дворянство, и увенчивалась вся структура монархом. М.М. Богословский выделяет важную, на наш взгляд, черту, характеризующую народ, – это его инертность и консервативность, а отсюда большая связь с прошлым, чем у представителей других социальных групп. Историк несколько раз сравнивает современных представителей крестьянства с историческими образами: «В Замоскворечье древнемосковского духа сохранилось больше, чем в других местах. В толпе, к которой я присматривался, много типов – из мелкого торгового люда, которые не ушли еще из XVII века и, если бы их переодеть в платье того времени, совершенно могли бы вдвинуться в толпу XVII столетия» [Богословский 2011, с. 127]. Чуть позже историк описывает двух женщин, пытавшихся продать ему какие-то продукты, при описании их образа историк вновь возвращается к историческому контексту: «...пришли две бабы продавать масло и кур, торговались битых два часа <...> поднимая при этом необычайный крик. Вот они “бабы-торговки”, о которых писал Петр Великий, предписывая сенаторам вести себя пристойно, не подражая им» [Богословский 2011, с. 225].

В приведенных цитатах для нас важными оказываются два момента. Во-первых, идеальными для М.М. Богословского являются представления о русском народе из допетровской истории России. Это связано, скорее всего, с профессиональными интересами историка. На протяжении 1916 г. и в 1917 г. он собирает и затем начинает писать биографию Петра I. Эта тема становится для М.М. Богословского ключевой, поэтому при описании событий или образов настоящего историк постоянно сравнивает их с образами отечественной истории конца XVI – начала XVIII веков. Во-вторых, важными оказываются те позитивная оценка и эмпатия, которые М.М. Богословский высказывает по отношению к «историческому русскому народу». И реплика о «бабах-торговках», и размышления о сохранении «древнемосковского духа» говорят о позитивной оценке М.М. Богословским первооснов народных образов. Еще одна реплика историка подтверждает, на наш взгляд, эту мысль, но одновременно иллюстрирует и разочарованность М.М. Богословского народом. 3 июля 1916 г. историк записал: «Душа русская – драгоценность, но оправа у нее дрянь» [Богословский 2011, с. 211].

При этом М.М. Богословский, анализируя историческое развитие государства и изменения, которые происходили с русским народом, приходит к

выводу о том, что «темный народ» неподготовлен к революции. 2 августа 1917 г. историк под впечатлением от новости об отправке царской семьи в Тобольск записал: «Народ наш еще не французы XVIII в., а немцы эпохи Реформации XVI столетия, когда, переставая верить в иконы и мощи, выволакивали их из церквей и всячески надругались над ними» [Богословский 2011, с. 399]. И именно потому, что российское общество не столь развито, как народы других стран, ликвидация монархии была, по мнению М.М. Богословского, одной из очевидных и серьезных ошибок революции. В революционном контексте кризисной ситуации народ проявил себя негативно, что отмечает М.М. Богословский и что находит отражение в его оценках: «Наш солдат и мужик поняли, очевидно, что с падением царя пала всякая власть и стало возможно делать что хочешь, между прочим, и грабить» [Богословский 2011, с. 444].

Заметим, что при этом меняется и терминология автора. Если, упоминая исторические традиции и события прошлого, М.М. Богословский пишет о «русском народе» и о его «древнемосковском духе», то, освещая бытовые вопросы, описывая повседневные проблемы, он говорит о «народной массе», «публике» и «толпе», которая поет на улице «визгливыми голосами “Вставай, подымайся, рабочий народ!”» [Богословский 2011, с. 325]. Подобного рода выражения выдают негативное отношение автора к этой социальной группе в настоящий момент. Отметим, что сам термин «народ» для М.М. Богословского является обобщающим, он не раз подчеркивает это [Богословский 2011, с. 346].

В термине «народ» историк объединяет нескольких социальных групп: крестьян, рабочих и солдат. Если говорить об эмоциональном принятии этих социальных общностей, то мы можем предположить, что самые теплые чувства М.М. Богословский испытывает по отношению к крестьянам, но здесь опять проявляется профессиональные взгляды историка. Он рассматривает крестьян сквозь призму исторических процессов. Историк наделяет их самыми лучшими качествами, которые относятся к «русскому народу» в целом, и в этом аспекте эти понятия являются синонимичными. Также историк отмечает присущую крестьянам наивность. 14 июля М.М. Богословский описал встречу с типичным крестьянином: «Он стоит за “поравнение” земли, но не знает, что такое “социализация”, и думает, что это значит “правда на земле”. Вот ведь, как эти понятия преломляются в крестьянских головах, а наш собеседник зарекомендовал себя весьма неглупым и начитанным в Святом писании человеком» [Богословский 2011, с. 385].

Образ и положение рабочих в социальной структуре общества

Характеризуя положение рабочих в условиях революционной действительности, М.М. Богословский

отмечает, что пролетариат резко изменил свое положение в социальной структуре общества: «Теперь времена совершенно изменились: не рабочие кланяются господам, а господа рабочим, и кланяются, пожалуй, ниже первых» [Богословский 2011, с. 84]. История с малярами и поклонами повторяется через год и, по всей видимости, разряжает М.М. Богословского: «Им теперь, как и вообще рабочим людям, надо 20 раз поклониться» [Богословский 2011, с. 239]. Однако сами рабочие в ситуации революции не ощутили серьезного продвижения по социальной лестнице, они продолжают чувствовать себя одной из самых бесправных социальных групп. И степень своей бесправности сравнивают с положением крестьян. В августе 1917 г. М.М. Богословский, находясь на буксирном пароходе, наблюдал «ругань между фабричной работницей <...> и крестьянином о том, кто теперь больше страдает, фабричные или крестьяне» [Богословский 2011, с. 410].

Рабочие в начале XX в. были тем самым социальным слоем, который, по мнению представителей левых политических сил, и должен был совершить революцию. Но М.М. Богословский неоднократно отмечал, что рабочие в силу своей необразованности не всегда понимают конечную цель своих выступлений, поэтому отношение к ним у историка постоянно менялось от снисходительного до пренебрежительного и наоборот. После начала очередной забастовки рабочих историк констатировал: «Мало смысла в этих головах» [Богословский 2011, с. 72]. А в мае 1917 г. М.М. Богословский стал свидетелем политической агитации рабочего и еще раз сформулировал мысль о неподготовленности российских рабочих к революции: «Голова рабочего, где нет никакого твердого, прочного, начинялась обрывками поверхностных и звонких фраз. Так этот сумбур и распространяется по России!» [Богословский 2011, с. 355].

Историк не вмешивался в происходящий политический процесс, более того, его источники информации были неполными, однако на страницах дневника он считал возможным высказать свою позицию о происходящих процессах. В апреле 1917 г. после «ноты Милюкова» разразился очередной конфликт между Советами рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством. Несмотря на то что М.М. Богословский не поддерживал либеральные политические партии и не раз негативно высказывался о партии кадетов, в сложившейся ситуации сохранение власти в руках Временного правительства казалось ему более приемлемым, нежели передача власти Советам. Историк был убежден в том, что ни рабочие, ни тем более солдаты в силу объективных причин не могут и не должны единолично принимать политические решения: «Если оно уйдет в отставку и передаст власть Совету рабочих и солдатских депутатов, мы ввергнемся в бездну и хаос! Мне временами кажется, что Россия обратилась в грандиозный сумасшедший дом, в необъятных размеров

Бедлам, или, может быть, я теряю рассудок» [Богословский 2011, с. 346].

Эмоциональный окрас и тон высказываний М.М. Богословского на страницах дневника меняется в зависимости от двух условий. Во-первых, от времени, если в 1915 и 1916 гг. прослеживается минимальная надежда на то, что ситуация изменится к лучшему, то в 1917 г. историк не раз констатирует неизбежность массовых беспорядков и волнений и выражает свое крайне негативное отношение ко всем происходящим событиям. В 1919 г. в записях М.М. Богословского прослеживаются упадническое настроение и состояние безысходности «уставшего» человека. Во-вторых, стилистика и характер формулируемых образов во многом зависят от субъективного отношения автора к данной социальной группе. Если по отношению к крестьянам и рабочим М.М. Богословский был достаточно сдержан и во многом даже оправдывал их положения и действия, то по отношению к солдатам как ярким представителям «русского народа» практически все его высказывания остаются максимально резкими.

Социокультурный образ и внешний облик солдат в представлениях историка

Образ солдат, сформулированный М.М. Богословским, остается неоднозначным, с одной стороны, солдат и крестьянин для историка – это представители «русского народа», более того, это могли быть они и те же люди в разные моменты времени, но, с другой стороны, позиция солдат отлична тем, что они начиная с 1914 г. ведут активные боевые действия на фронтах Первой мировой войны и обязаны защищать интересы государства, однако солдаты все чаще дезертируют. Заметим, что военные действия, по мнению историка, приносят финансовый доход почти всем социальным группам. В январе 1916 г. историк пишет о том, что военные действия приносят доходы крестьянам в форме пайков семьям солдат и повышенной заработной платы, офицеры и рабочие оборонных предприятий также получают повышенные жалования, купцы выигрывают за счет перепродажи военных товаров. Без финансовой выгоды остаются только две социальные группы – чиновники и интеллигенция [Богословский 2011, с. 128]. Однако позиция государства на фронтах с каждым годом становится все более сложной, и во многом М.М. Богословский винит в этом солдат. Историк выделяет несколько черт, характеризующих образ «типичного солдата». Основными характеристиками этого социального слоя в 1917 г. для историка является неприятный, неопрятный внешний вид, лень и часто аморальное поведение по отношению к офицерству и окружающим. Отсюда оценка действий солдат со стороны историка остается, как правило, негативной.

В революционной ситуации 1917 г. Богословский не раз обращает внимание на то, что на улицах много солдат, которые ходят «толпами»

и с оружием. При этом многие солдаты ходят с «красными бантиками» в петлице. Основная масса этих солдат являлась дезертирами. М.М. Богословский пишет об общей деморализации армии: «Солдаты переполняют поезда, врываются в вагоны без билетов, чинят насилия над железнодорожными служащими <...> Разве это армия? Это просто толпы крестьян в серых шинелях, разбегающиеся домой на праздники» [Богословский 2011, с. 335].

В апреле автор возвращается к теме солдатских беспорядков: «В поезд влезает их человек по 500–600, бьют железнодорожных служащих, сами распоряжаются движением поездов <...> Грустно» [Богословский 2011, с. 337]. Это рефлексия М.М. Богословского по поводу воззвания Временного правительства «Солдаты!» <...> насилие, совершаемое над железнодорожными служащими, будет насилием над вашими товарищами, находящимися в окопах, а нарушение железнодорожных правил окажется покушением на нарушение целостности нашего фронта» [Воззвание временного правительства к солдатам 1917, с. 5]. М.М. Богословский считал, что подобного рода обращения министров в сложившейся ситуации бессмысленны.

Историк отмечает, что государство благодаря действиям солдат, а точнее, Совета рабочих и солдатских депутатов, которые однажды историк назвал «Советами невежд и псевдонимов» [Богословский 2011, с. 375], все больше превращается в «говорилюню», при этом солдаты «не хотят» выполнять свои обязанности. М.М. Богословский описывает ситуацию, которая сложилась в мае 1917 года. Войска московского гарнизона должны были выехать в летние лагеря для подготовки рот пополнения. Однако полковые и ротные комитеты высказались против, аргументируя это решение тем, что в лагерях нет одеял и матрацев, а также нет возможности вести культурно-просветительскую работу. Историк высказал крайне негативное отношение к сложившейся ситуации: «Московские солдаты не хотят выходить в лагерь, ссылаясь на то, что там они будут лишены возможности “вести культурно-просветительскую работу”. Как будто государство держит их, кормит, поит, одевает и обувает не для военного дела, а для культурно-просветительной работы! Идут дебаты по этому вопросу в ротных и прочих комитетах и в Совете солдатских депутатов – и это называется “армия”!» [Богословский 2011, с. 357].

В июне М.М. Богословский вновь возвращается к образу солдат и красочно описывает внешний вид и поведение «распущенной солдатчины» [Богословский 2011, с. 416]. Важно, что в этой оценке отражается отношение автора к этому социальному слою: «Село много солдат, крайне грязно одетых. Некоторые вызываясь нагло держат себя перед офицерами. Непременно надо подойти к офицеру не иначе, как с папироской в зубах, заложив руки в карманы. Чести, разумеется, никто уже не отдает» [Богословский 2011, с. 370]. В августе М.М. Богословский дает еще более резкую харак-

теристику солдатам и при этом красочно (но субъективно) описывает их внешний образ: «В Рыбинске на пристанях и на набережной масса поражающих грязным и неряшливым видом оборванцев-солдат, в защитных рубахах без погон, стоят без дела и грызут подсолнухи, необыкновенно тупо смотря на окружающее <...> И эта рвань – наша армия! Куда же ей сражаться с обученными и вымуштрованными немцами? Это тунеядцы, бездельничающие по целым дням, на которых жалко смотреть <...> Я думаю, что даже турецкая армия теперь более обучена, занята и более военного вида, чем этот паскудный сброд» [Богословский 2011, с. 399].

Упадок дисциплины в армии, по мнению М.М. Богословского, становится результатом деятельности революционно настроенных политических групп: «Декларация прав солдата, уничтожение дисциплины, развал армии, не так еще давно показывавшей чудеса храбрости <...> уход наиболее видных и талантливых вождей <...> Вот к чему привела ваша деятельность, создатели “самоуправления армии”» [Богословский 2011, с. 387].

Социокультурный образ интеллигенции

Крестьяне, рабочие и солдаты составляют основу русского общества, если социокультурную модель рассматривать в образе «казармы», то перечисленные социальные группы располагаются на первом этаже этого сооружения, на втором этаже находится интеллигенция. Согласимся, что на одном уровне с интеллигенцией находятся также буржуазия и дворянство. Однако в рамках дневниковых записей М.М. Богословский не дает отдельных сформулированных образов этих социальных групп. В социокультурном кризисе 1917 г. эти социальные группы во многом «размываются» и теряют свои яркие отличительные черты, ключевыми становятся политические и общественные взгляды представителей дворянства и буржуазии, но не их социальная принадлежность.

Отношение М.М. Богословского к интеллигенции как социальной группе очень неоднозначно. С одной стороны, он, будучи профессором Университета, историком, сам является ярким представителем этой группы. С другой стороны, М.М. Богословский старается дистанцироваться от этой социальной группы, обвиняя ее в том, что из-за неправильных непродуманных действий интеллигенции страна находится в крайне тяжелом положении. Характерными чертами этой социальной группы, по мнению историка, являются «верхоглядство и стадность» [Богословский 2011, с. 77]. М.М. Богословский не воспринимает интеллигенцию как целостную социальную группу, способную противостоять левым политическим силам. Причина отсутствия единения в среде интеллигенции, которую историк эмоционально называет «интеллигентщина» [Богословский 2011, с. 217], заключается в нигилистической основе ее мировоззрения: «Наша интеллигенция – всегда была нигилистической: не знала ни веры в Бога, ни патриотизма.

У нее не было ни одной из этих двух положительных сил. Теперь она и принуждена расплачиваться за атеизм и космополитизм; она оказалась дряблым, бессильным сбродом, который разлетается от разыгравшейся бури» [Богословский 2011, с. 389]. На страницах дневника М.М. Богословский вновь возвращается к мысли о том, что российское общество в целом не готово к революции, это относится к оценке и характера, структуры «русского народа», и элитарной части общества.

Еще одна проблема интеллигенции, по мнению М.М. Богословского, заключается в том, что она часто выступает незримым помощником радикально настроенных революционных политических сил. Именно в нерешительности интеллигенции как социальной группы заключается успех и популярность революционных сил, которые в условиях 1917 г., занимают новое положение в социокультурной модели общества. М.М. Богословский формулирует четкий образ «революционера» и, на наш взгляд, ставит его выше интеллигенции, то есть выводит на третий этаж социокультурной модели общества.

Революционеры как ключевая социальная категория в условиях 1917 года

Отношение М.М. Богословского к революционерам однозначно негативное, оно не меняется в течение времени, скорее, напротив, историк все больше убеждается в правоте своих мыслей и формулирует все более детальный портрет революционера. Это касается и внешнего образа, и оценки мировоззренческих и идейных взглядов.

Внешний образ революционера на страницах дневника практически не меняется, это, как правило, молодой человек «гнусного вида с длинными космами в широкополой шляпе» [Богословский 2011, с. 354]. Мировоззренческие взгляды, по мнению историка, также не вызывают доверия. Основная претензия М.М. Богословского по отношению к революционерам заключается в том, что их политические взгляды очень поверхностные: «Наши верховоды играют теперь во французскую революцию XVIII в., о которой они кое-что почитали» [Богословский 2011, с. 399]. При этом революционеры, считает историк, не осознают неподготовленность народа к революции.

Сама революция как социокультурное событие, по мнению историка, может быть полезной, но при условии, что в процессе революционных событий изменения происходят к лучшему: «Революция – роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы. <...> Революция 1917 г. плохой порядок, но все же порядок, сменила беспорядком и развалом и потому может быть для нас гибельна» [Богословский 2011, с. 358]. М.М. Богословский плохо ориентировался в политических силах. Так, 18 июля, критикуя узость и в некоторой степени ограниченность политических и исторических взглядов социалистов, М.М. Богословский называет лидера меньшевиков Ю.О. Мартова «большевик-писака» [Богословский 2011, с. 388]. Однако это не поме-

шало ему сформулировать обобщенный и очень эмоциональный образ революционеров как отдельной социальной группы. «В головах той шайки, которая ими (Советами рабочих и солдатских депутатов. – А.С.) руководит, одни узенькие теории, у иных даже простых шаблонов и никакого практического смысла, никакой способности видеть действительность. Просидев много лет в подполье, где они учились по плохоньким переводам с немецких брошюр, они разучились присматриваться к настоящему миру Божьему и его понимать» [Богословский 2011, с. 388]. Ключевым, на наш взгляд, является то, что М.М. Богословский рассматривает общество с различных позиций, и в контексте настоящего времени, и в контексте истории. Профессиональные взгляды позволили ему включить революционеров как отдельную социальную группу в общую социокультурную структуру и, более того, задаться вопросом о дальнейших изменениях, которые могут произойти с этой социальной группой. Историк ставит вопрос о будущей судьбе революционеров как важного социального элемента общества: «Есть люди, для которых революционная деятельность была приятна своею таинственностью и опасностью. Как же они теперь будут себя чувствовать? Чем займутся, раз уже ни подпольной, ни опасной деятельности не будет? А между тем этот род людей едва ли сразу исчезнет; он нарождался столетием» [Богословский 2011, с. 333].

Монархия – венец социальной структуры общества

Вершиной социальной структуры общества, или «крышей казармы», является монархия. Отношение к монархам и лично к Николаю II у М.М. Богословского такое же неоднозначное, как и к остальным социальным группам. Однако если революционеров историк готов, скорее всего, обвинять во многих ситуациях, то императорскую семью и монархию как политический режим М.М. Богословский скорее оправдывает, отмечая при этом отдельные недостатки. Историк в дневниковых записях позволяет себе быть откровенным и эмоциональным, что дает ему возможность формулировать очень яркие образы. На страницах дневника М.М. Богословский пишет о монархии в контексте революции 1917 г. как о живом существе, именно поэтому 4 марта он позволяет себе говорить о «смерти» монархии, а не о ее «свержении» или «ликвидации»: «Итак, монархия Божию милостью у нас кончилась, точно умерла; <...> неотвзвизывая тяжелая дума о будущем России все время владела мною и давила меня. Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно» [Богословский 2011, с. 319].

Историк считал, что монархия как политический режим должна была преследовать одну цель – создание целостного общества, не раздираемого внутренними противостояниями. Однако российская монархия не достигла поставленной цели. «Монархия в России не доделала своего, может быть, жестокого и неблагоприятного, но не-

обходимо дела <...> Она не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое. Части эти только и держались монархом, а когда его не стало – они начали разваливаться» [Богословский 2011, с. 395]. М.М. Богословский приходит к этим выводам, основываясь на анализе и сравнении революционной ситуации в России в 1917 г. и во Франции накануне революции. Понимая и принимая отдельные недостатки монархии, М.М. Богословский постоянно делает акцент на прямой взаимосвязи между монархом и народом. Если монарх – это «крыша» казармы, то «народ» является ее фундаментом. По мнению М.М. Богословского, русский народ глубоко монархичен, именно в этом проявляется его прямая и прочная связь с монархией. Более того, в монархичности народа заложена основа русской культуры. Соответственно, при разрыве связи между монархом и народом теряются практически все установленные социокультурные связи.

Это находит отражение в действиях отдельных социальных групп. Если крестьяне и рабочие уходят в преступную деятельность, то представители партий ведут активную «борьбу с властью» [Богословский 2011, с. 278]. Все это приводит к общей ситуации беспорядка и безвластия. При этом сам факт общественного беспорядка кажется историку вполне естественным состоянием. Он убежден, что монархия и народ не только взаимосвязаны, они еще и управляют друг другом, именно поэтому, не раз останавливаясь на недостатках российского общества, историк в 1915 г. формулирует мысль, характеризующую его отношение и народу, и к монархии. Историк отмечает: «Каждый народ достоин своего управления. <...> А все наша безалаберщина! У нас нет двух семей, которые бы обедали и ужинали в одно и то же время, у всех все по-своему и в полном беспорядке. Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами! Ведь оно из нас же самих пополняется» [Богословский 2011, с. 60].

Еще одной ключевой характеристикой монархии является ее надпартийность. Монархия как политический режим и как один из основных элементов общественного мировоззрения находится над государством и над политическими партиями и группировками: «То, что она может беспристрастно выситься над партиями и взирать только на государство как единое общее, – есть ценное свойство монархии» [Богословский 2011, с. 391]. Общественная убежденность в божественном происхождении монархической власти ставит ее вне политической системы общества и делает, с одной стороны, непогрешимой, с другой стороны, недосыгаемой для отдельных партийных структур. Основная претензия, которую М.М. Богословский предъявляет всем активно действующим политическим партиям, включая и либеральное крыло, заключается в том, что они лишили народ символа власти в лице императора и не представили другого, нового символа: «Грустное и воз-

мутительное зрелище: погромы помещичьих имений и фабрик, но ведь вы же сами, господа родзянки, трубецкие, болконские, коноваловы, рябушинские и прочие, содействовали им, сведя с престола символ права и не сумев заменить его другим символом, необходимым для темного народа» [Богословский 2011, с. 444]. Отсюда, по мнению историка, тот социокультурный и политический кризис, который мы наблюдаем в 1917 году.

Заключение

На страницах дневника М.М. Богословского постепенно формулируется и с каждой следующей записью все более детализируется социальная модель общества, актуальная для 1917 г. Основу этой модели составляет «русский народ», включающий в себя крестьян, рабочих и солдат. Это самый архаичный по характеру социальный блок, он создает основу российского общества и в то же время является связующим звеном с прошлым страны, его историей и культурой. На следующем уровне находится интеллигенция, которая, с одной стороны, также является хранительницей культурных ценностей. Именно они сохраняют традиции и преемственность научных школ. С другой стороны, в актуальном общественно-политическом контексте интеллигенция в силу своей разобщенности и потери авторитета у «народа» не становится устойчивым «противовесом» для радикально настроенных революционных групп. На третьем уровне социальной структуры располагаются революционеры. Это обобщенная социальная группа, включающая в себя политически активных представителей и интеллигенции, и пролетариата, и армии. Ключевой отличительной чертой этой группы, по мнению М.М. Богословского, является поверхностность политических взглядов и недальновидность, то есть отсутствие способности «видеть» политические процессы в историческом контексте. Вершиной социальной структуры общества, по мнению М.М. Богословского, остается монархия. Причем монархия в России – это не столько политический режим, сколько системообразующий элемент культуры и общественного сознания. Представители династии Романовых в различные периоды истории принимали как удачные, так и неудачные политические решения. И М.М. Богословский как историк стремится к объективности при анализе политических решений прошлого. Он признает, что в начале XX в. российская монархия совершила множество ошибок, но были и удачные решения, например введение винной монополии. Все это не позволяет М.М. Богословскому в революционном контексте 1917 г. рассматривать монархию как политический институт прошлого. Историк считает, что при всех недостатках российская монархия – это единственный политический институт, который стоит над всеми политическими партиями и объединениями, и именно в этом заключается его ценность.

Монархия, являясь «венцом» социальной структуры общества, скрепляет ее и противоре-

ит внутренним социальным конфликтам. Однако при ликвидации монархии социальная структура общества распадается на множество отдельных элементов, неспособных органично взаимодействовать между собой, что историк и наблюдает в 1917 году.

Библиографический список

Богословский 1987 – *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие) / сост. Л.А. Черная; отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1987. 214 с. URL: <http://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=93AA4D1E-3085-548E-625F-5E82241267AF&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up>.

Богословский 2011 – *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Время, 2011. 800 с. URL: <http://russiahistory.ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf>.

Воззвание временного правительства к солдатам 1917 – *Воззвание временного правительства к солдатам* // Русские ведомости. 1917. № 74. С. 5. URL: <http://www.illuminats.ru/home/29-new/4664-peasant-movement>.

Иванов 2012 – *Иванов А.Е.* Михаил Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 109–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17833189>.

Кабытов, Баринава 2018 – *Кабытов П.С., Баринава Е.П.* Драматическая рефлексия М. М. Богословского // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 4. С. 1217–1230. DOI: 10.15826/qr.2018.4.356.

Кабытов, Баринава, Оренбург 2018 – *Кабытов П.С., Баринава Е.П.* Повседневная жизнь историка М.М. Богословского в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.) // Региональные модернизации Российской империи в XIX–XX вв.). Урал. Сибирь. Казахстан: междунар. науч. конф. Оренбург: ОГУ, 2018. С. 32–35.

Кабытов, Баринава 2019 – *Кабытов П.С., Баринава Е.П.* Геополитические «страдания» М.М. Богословского // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб. 2019. С. 269–275. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37533066>.

Кизеветтер 1917 – *Кизеветтер А.А.* К возвращению А.Э. Вормса в университет // Русские ведомости. 1917. № 18. С. 5–6

Мельников 2005 – *Мельников А.В.* К истории рукописи труда академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии»: предварительные археографические наблюдения // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. / отв. ред. А.В. Мельников, С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 432–477. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29852079>.

Мельников 2001 – *Мельников А.В.* М.М. Богословский в воспоминаниях современников // Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Наука, 2001. С. 280–300. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29844996>.

Мельников 2004 – *Мельников А.В., Шмидт С.О.* Мастера русской историографии: Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) // Исторический архив.

2004. № 2. С. 119–134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11911771>.

Неберекутина, Сафронова 2001 – *Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В.* Дневник М.М. Богословского // Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Наука, 2001. С. 271–279.

Неберекутина, Сафронова 2009 – *Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В.* Из дневника академика М.М. Богословского // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 91–111.

Слезкин 2019 – *Слезкин Ю.Л.* Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019. 976 с. URL: <http://e-libra.ru/read/581418-dom-pravitel-stva-saga-o-russkoy-revoljucii.html>.

Список печатных трудов М.М. Богословского 2000 – *Список печатных трудов академика М.М. Богословского* (подготовил А.В. Мельников) // Археографический ежегодник за 1999 г. М.: Наука, 2000. С. 320–335. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29845003>.

Халина 2001 – *Халина Т.И.* Богословский Михаил Михайлович // Историки России: Биографии / отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 426–433.

Халина 1996 – *Халина Т.И.* В науке приятно быть и простым чернорабочим: Михаил Михайлович Богословский // Историки России: XVIII – начало XX века / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Скрипторий, 1996. С. 658–685.

Черепнин 1917 – *Черепнин Л.В.* Академик М.М. Богословский // Исторические записки. 1974. Т. 93. С. 223–271.

Шмидт 2005 – *Шмидт С.О.* Многотомное исследование академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 414–431. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002684136.

Шмидт 2011 а – *Шмидт С.О.* Образ истории в дневнике московского историка М.М. Богословского (1915–1917 гг.) // Достоинство историка / отв. ред. В.А. Тишков; сост. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2011 а. С. 64–79.

Шмидт 2011 б – *Шмидт С.О.* Дневник московского историка и его особенности // Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Время, 2011 б. С. 5–52. URL: <http://russiahistory.ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf>.

References

Bogoslovsky 1987 – *Bogoslovsky M.M.* Istoriografiya, memuaristika, epistolariya: (Nauchnoe nasledie). Sost. L.A. Chernaya; отв. ред. А.И. Клибанов [Historiography, memoiristics, epistolary: (Scientific heritage). Compilier L.A. Chernaya; А.И. Клибанов (Ed.)]. М.: Nauka, 1987, 214 p. Available at: <http://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=93AA4D1E-3085-548E-625F-5E82241267AF&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up> [in Russian].

Bogoslovsky 2011 – *Bogoslovsky M.M.* Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Отв. ред. С.О. Шмидт [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum. S.O. Schmidt (Ed.)]. М.: Vremya, 2011, 800 p. Available at: <http://russiahistory.ru>.

ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf [in Russian].

Vozzvanie vremennogo pravitel'stva k soldatam 1917 – *Vozzvanie vremennogo pravitel'stva k soldatam* [Interim government appeal to soldiers]. *Russkie vedomosti* [Russian Gazette], 1917, no. 74, p. 5. Available at: <http://www.illuminati.ru/home/29-new/4664-peasant-movement> [in Russian].

Ivanov 2012 – *Ivanov A.Ye. Mikhail Bogoslovskii. Dnevnik. 1913–1919: Iz sobraniya gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Mikhail Bogoslovsky. Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 2012, no. 4, pp. 109–111. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17833189> [in Russian].

Kabytov, Barinova 2018 – *Kabytov P.S., Barinova E.P. Dramaticheskaya refleksiya M.M. Bogoslovskogo* [M.M. Bogoslovsky's Dramatic Reflection]. *Quaestio Rossica*, 2018, Vol. 6, no. 4, pp. 1217–1230. DOI: 10.15826/qr.2018.4.356 [in Russian].

Kabytov, Barinova, Orenburg 2018 – *Kabytov P.S., Barinova E.P. Povsednevnyaya zhizn' istorika M.M. Bogoslovskogo v gody Pervoi mirovoi voyny (1915–1916 gg.)* [Daily life of historian M. M. Bogoslovsky during the First World War (1915–1916)]. In: *Regional'nye modernizatsii Rossiiskoi imperii v XIX–XX vv.: Ural. Sibir'. Kazakhstan: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [Regional modernization of the Russian Empire in the XIX–XX centuries: Ural. Siberia. Kazakhstan: international research conference]. Orenburg: OGU, 2018, pp. 32–35 [in Russian].

Kabytov, Barinova 2019 – *Kabytov P.S., Barinova E.P. Geopoliticheskie «stradaniya» M.M. Bogoslovskogo* [Geopolitical «sufferings» of M.M. Bogoslovsky]. In: *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Natural and geographical factors in everyday life of the population of Russia: history and modernity. Proceedings of the international scientific conference]. SPb., 2019, pp. 269–275. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37533066> [in Russian].

Kizevetter 1917 – *Kizevetter A.A. K vozvrashcheniyu A.E. Vormsa v universitet* [To the return of A.E. Worms to the university]. *Russkie vedomosti* [Russian Gazette], 1917, no. 18, pp. 5–6 [in Russian].

Mel'nikov 2005 – *Mel'nikov A.V. K istorii rukopisi truda akademika M.M. Bogoslovskogo «Petr Velikii: materialy dlya biografii»: predvaritel'nye arkheograficheskie nablyudeniya* [On the history of the manuscript of work of academician M.M. Bogoslovsky «Peter the Great: materials for biography»: preliminary archaeological observations]. In: *Bogoslovsky M.M. Petr Velikii: materialy dlya biografii: v 6 t. Otv. red. A.V. Mel'nikov, S.O. Shmidt* [Peter the Great: Materials for biography: in 6 vols. A.V. Melnikov, S.O. Schmidt (Eds.)]. M.: Nauka, 2005, vol. 1, pp. 432–477. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29852079> [in Russian].

Mel'nikov 2001 – *Mel'nikov A.V. M.M. Bogoslovskii v vospominaniyakh sovremennikov* [M.M. Bogoslovsky in the memoirs of contemporaries]. In: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 2000 god* [Archaeographic Yearbook during the year 2000]. M.: Nauka, 2001, pp. 280–300. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29844996> [in Russian].

Mel'nikov 2004 – *Mel'nikov A.V., Shmidt S.O. Masters russkoi istoriografii: Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii (1867–1929)* [Masters of Russian historiography: Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky (1867–1929)]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 2004, no. 2, pp. 119–134. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11911771> [in Russian].

Neberekutina, Safronova 2001 – *Neberekutina Ye.V., Safronova T.V. Dnevnik M.M. Bogoslovskogo* [Diary of M.M. Bogoslovsky]. In: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 2000 god* [Archaeographic Yearbook during the year 2000]. M.: Nauka, 2001, pp. 271–279 [in Russian].

Neberekutina, Safronova 2009 – *Neberekutina Ye.V., Safronova T.V. Iz dnevnika akademika M.M. Bogoslovskogo* [From the diary of the academician M.M. Bogoslovsky]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2009, no. 2, pp. 91–111.

Slezkin 2019 – *Slezkin Yu.L. Dom pravitel'stva. Saga o russkoi revolyutsii* [Government House. The saga of the Russian revolution]. M.: Corpus, 2019, 976 p. Available at: <http://e-libra.ru/read/581418-dom-pravitel'stva-saga-orusskoy-revol'yucii.html> [in Russian].

Spisok pechatnykh trudov M.M. Bogoslovskogo 2000 – *Spisok pechatnykh trudov akademika M.M. Bogoslovskogo (podgotovil A.V. Mel'nikov)* [List of printed works of academician M.M. Bogoslovsky (prepared by A.V. Melnikov)]. In: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 1999 g.* [Archaeographic Yearbook during the year 1999]. M.: Nauka, 2000, pp. 320–335. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29845003> [in Russian].

Khalina 2001 – *Khalina T.I. Bogoslovskii Mikhail Mikhailovich* [Bogoslovsky Mikhail Mikhailovich]. In: *Istoriki Rossii: Biografii. Otv. red. A. A. Chernobaev* [Historians of Russia: Biographies. A.A. Chernobaev (Ed.)]. M.: ROSSPEN, 2001, pp. 426–433 [in Russian].

Khalina 1996 – *Khalina T.I. V nauke priyatno byt' i prostym chernorabochim: Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii* [It's nice to be a simple laborer in science: Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky]. In: *Istoriki Rossii: XVIII – nachalo XX veka. Otv. red. A.N. Sakharov* [Historians of Russia: XVIII – beginning of the XX century. A.N. Sakharov (Ed.)]. M.: Skriptorii, 1996, pp. 658–685 [in Russian].

Cherepnin 1917 – *Cherepnin L.V. Akademik M.M. Bogoslovskii* [Academician M.M. Bogoslovsky]. *Istoricheskie zapiski*, 1974, Vol. 93, pp. 223–271 [in Russian].

Schmidt 2005 – *Schmidt S.O. Mnogotomnoe issledovanie akademika M.M. Bogoslovskogo «Petr Velikii: materialy dlya biografii»* [Multivolume study by the academician M.M. Bogoslovsky «Peter the Great: materials for biography»]. In: *Bogoslovsky M.M. Petr Velikii: materialy dlya biografii: v 6 t. Otv. red. S.O. Schmidt* [Peter the Great: Materials for biography: in 6 vols. S.O. Schmidt (Ed.)]. M.: Nauka, 2005, Vol. 1, pp. 414–431. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002684136 [in Russian].

Schmidt 2011 a – *Schmidt S.O. Obraz istorii v dnevnike moskovskogo istorika M.M. Bogoslovskogo (1915–1917 gg.)* [The image of history in the diary of the Moscow historian M.M. Bogoslovsky (1915–1917)]. In: *Dostoinstvo istorika. Otv. red. V.A. Tishkov; sost. V.B. Zhiromskaya* [Dignity of the historian. V.A. Tishkov (Ed.); compiler V.B. Zhiromskaya]. M.: ROSSPEN, 2011 a, pp. 64–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21236829> [in Russian].

Schmidt 2011 b – *Schmidt S.O. Dnevnik moskovskogo istorika i ego osobennosti* [Diary of a Moscow historian and its peculiarities]. In: *Bogoslovsky M.M. Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Otv. red. S.O. Schmidt* [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum. S.O. Schmidt (Ed.)]. M.: Vremya, 2011 b, pp. 5–52. Available at: <http://russiahistory.ru/download/library/memuaryx-vospominaniya/bogoslovskij-m.-dnevniki-1913-1919.pdf> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-42-46
УДК 930.057.634

Дата поступления статьи: 10/X/2019
Дата принятия статьи: 25/XI/2019

М.И. Леонов

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© Леонов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: mleonov40@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

АННОТАЦИЯ

Исследованию российской многопартийности положила начало конференция, состоявшаяся в 1990 г. в Институте марксизма-ленинизма, важнейшими моментами его можно считать конференцию 2003 г. в Институте истории РАН в ноябре и международный круглый стол «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.» (Москва, 27 марта 2015 г.). Основными системными принципами многопартийности на первых порах называли целостность, структурность, иерархичность; обусловленность развития системы ее отношениями с окружающей средой, а складывание системы политических партий датировали концом 1905 г. – началом 1906 г. Считалось, что партии выражали интересы определенных социальных групп-классов и были связаны с массами. В последующем исследователи пришли к заключению, что чисто классовых партий ни по своему социальному составу, ни по социальным группам и слоям, интересы которых декларировались в программах и лозунгах, в России не существовало, а характерной чертой российской многопартийности являлось то, что ее творцом и основным действующим лицом была интеллигенция. В дальнейшем ряд авторов настаивали на чисто интеллигентской сути отечественных партий, называя российскую многопартийность мифом; большинство авторов, отмечая ведущую роль интеллигенции в организации и функционировании партий, были связаны с определенными массами. В целом российская многопартийность существенно отличалась от многопартийной системы развитых стран.

Ключевые слова: партия, многопартийность, интеллигенция, конфронтация, миф.

Цитирование. Леонов М.И. Российская многопартийность в новейшей отечественной историографии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 42–46. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-42-46>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

RUSSIAN MULTI-PARTY SYSTEM IN THE NEWEST DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

© Leonov Mikhail Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: mleonov40@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

ABSTRACT

The study of the Russian multi-party system was laid by the conference held in 1990 at the Institute of Marxism-Leninism, the most important points of it can be considered the 2003 conference at the Institute of History of the Russian Academy of Sciences in November and the international round table «Russian multi-party system and Russian crises of the XX–XXI centuries» (Moscow, March 27, 2015). At first, the main systemic principles of a multi-party system were called integrity, structurality, hierarchy; conditionality of the development of the system by its relations with the environment, and the folding of the system of political parties was dated from the end of 1905 – the beginning of 1906. It was believed that parties expressed the interests of certain social group classes and were associated with the masses. Subsequently, the researchers came to the conclusion that there were no purely class parties either in terms of their social composition or social groups and strata, whose interests were declared in programs and slogans; and a characteristic feature of the Russian multi-party system was that its creator and main character was the intelligentsia. Subsequently, a number of authors insisted on the purely intellectual essence of domestic parties, calling the Russian multi-party system a myth; most authors, noting the leading role of the intelligentsia in the organization and functioning of parties, were associated with certain masses. In general, the Russian multi-party system was significantly different from the multi-party system of developed countries.

Key words: party, multi-party system, intelligentsia, confrontation, myth.

Citation. Leonov M.I. *Rossiiskaya mnogopartiinost' v noveishei otechestvennoi istoriografii* [Russian multi-party system in the newest domestic historiography]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 42–46. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-42-46> [in Russian].

Введение

В течение десятилетий в советской историографии господствовал культ РСДРП-РКП (б)-КПСС как революционной партии пролетариата, выразительницы «единственно научной» теории социализма. Ее истории, заменявшей реальность, придавали особое значение. Остальные партии шли по разряду «непролетарских»: контрреволюционных, антинародных, соглашательских, носителей ненаучной, реакционной, дворянской, буржуазной, мелкобуржуазной идеологии. Констатировалась эксплицитно выраженная связь партий с определенными классами. Активное исследование «дворянских», «буржуазных», «мелкобуржуазных» партий началось в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В 1984 г. вышла монография «Непролетарские партии России. Урок истории». Ее авторы в контексте знаменитой дефиниции «партия – передовой отряд рабочего класса» представляли партии как самые активные части класса или его части («слоя»), которые наиболее последовательно защищали его интересы и вели политическую борьбу за них [Непролетарские партии России 1984, с. 4]. Понятие «многопартийность» в те годы применительно к истории России в 1960-е – 1980-е гг. не использовалось.

Основная часть

В 1990 г. на состоявшейся в Институте марксизма-ленинизма конференции К.В. Гусев и В.И. Миллер озвучили понятие «система политических партий». По их мнению, «система политических партий России», складывавшаяся с конца 1905-го – начала 1906 года, отражала интересы и взгляды «активной части населения» [Кентавр 1992, с. 93–96]. Широкого распространения эта дефиниция не получила. С начала 1990-х гг. в лексикон исследователей вошло понятие «многопартийность» как антитеза прежним представлениям о «пролетарских и непролетарских» строго классовых политических объединениях, жестко увязанных с общественным положением и интересами определенных социальных групп. В опубликованной в 1994 г. «Истории политических партий России» отсутствовало подразделение партий на «пролетарские» и «непролетарские», равным образом отсутствовали отсылки на теорию отражения. Определяя сущность партий, авторы констатировали, что «классообразующий принцип» является одним из многих факторов, характеризующих политические объединения [История политических партий России 1994, с. 5, 6, 9]. Дефиниция «система политических партий» трансформирова-

лась в определение «многопартийная система». О сущности многопартийной системы России, ее характерных чертах авторы указанной работы речь не вели.

В опубликованной двумя годами позднее энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» термин «многопартийность» использовался чрезвычайно активно. По определению авторов вводной статьи, в России не было «чисто классовых» партий; российские партии были созданы интеллигентами, они же определяли «лицо» партий, соответственно, российские партии являлись организациями интеллигентского типа. Российская многопартийность, констатировали авторы вводной статьи, насчитывала 12 лет и не сложилась в многопартийную политическую систему, поскольку отсутствовал существенный ее признак – смена партий у власти [Политические партии России 1996, с. 5–7, 9]. Так же трактовали сущность российских политических партий, как детища интеллигенции, организаций интеллигентского типа, авторы учебника «Политические партии России: история и современность» [Политические партии России 1996, с. 5–7] и других обобщающих изданий того времени.

Многие исследователи 1990-х – начала 2000-х гг. идеализировали многопартийность как антитезу авторитарности КПСС, о чем свидетельствуют широко распространенные в сочинениях тех лет колоритные выражения: «многопартийное многоцветье», «партийная многоцветность» [Политические партии России: история и современность 2000].

Новые подходы были озвучены на состоявшейся в Институте истории РАН в ноябре 2003 г. Всероссийской конференции «Политические партии в российских революциях в начале XX века». По мнению В.В. Шелохаева, в странах «синхронного типа развития» формирование партий осуществлялось органически и в течение продолжительного промежутка времени; партии складывались сначала в центре и лишь потом на окраинах; в первую очередь создавались правые партии, а лишь затем левые; в государственную систему, стабилизируя ее, партии «врастали» постепенно. В России, стране «асинхронного типа развития», продолжал он, модернизация была инициирована сверху и не была синхронизирована с уровнем ее экономического и социального развития, в силу чего российские политические партии появились с опозданием примерно на 50–80 лет, «насаждались интеллигенцией “сверху”» и были сравнительно слабо связаны с массами. Интеллигентские по своему характеру российские политические партии, подчеркивал В.В. Шелохаев [Шелохаев 2005], были в высшей степени склонны к межпартийным конфликтам. Российские партии, продолжал он, предпочитали действовать авторитарными методами, воспроизводя тем самым авторитарную ментальность страны. Повторив высказанное в рассмотренной выше энциклопедии

положение об исключительно интеллигентском, а отнюдь не классовом характере российских политических партий, В.В. Шелохаев заключал, что российская многопартийность «висела в воздухе» [Шелохаев 2005, с. 98–100].

С.В. Тютюкин, связывая бурный рост числа российских партий с ростом политической активности и политического сознания россиян, вместе с тем отмечал «особенно мозаичный и причудливый» характер русской многопартийности [Тютюкин 2005, с. 112]. М.И. Леонов говорил о существенном воздействии Запада на формирование российских либеральных, социалистических и консервативных концепций и программ. В конце XIX – начале XX в. явственно выявились общие черты семантического пространства западноевропейских и российских политических партий. Вместе с тем явления традиционалистского строя оказывали сильнейшее воздействие на ментальность российской интеллигенции и российских политических партий. Самодержавное устройство страны, судьбы многомиллионного крестьянства, проблемы землевладения и землепользования в России были крайне злободневны. В концепциях и программах российских партий, в отличие от партий западноевропейских, аграрный вопрос занимал особое место. Российские политические партии отличались повышенной конфронтационностью. Совместные форумы типа межпартийной конференции в Париже в сентябре-октябре 1904 г., завершившейся публикацией совместной декларации, были исключением, а жесткая полемика, нередко перемежавшаяся с бранью, – постоянным явлением. Обвинить социалиста в недостаточной революционности означало оскорбить его. Когда на I съезде партии эсеров крайне эмоциональный А.И. Рубанович в пылу полемики назвал В.А. Мякотина либералом (или «полулибералом»), делегация литераторов «Русского богатства» в знак протеста решила покинуть заседание съезда и осталась только после того, как обидчик извинился за «либерала».

И РСДРП, и партия эсеров включили в свои программы положение о социалистической революции и установлении революционной диктатуры (в программе социал-демократов – «диктатуры пролетариата», в программе эсеров – «временной революционной диктатуры» рабочего класса). Социалисты стран западной демократии не ставили как практическую задачу подготовки и осуществления социалистической революции, тем более установления диктатуры. В 1917 г., придя к власти в России, либералы и социалисты немедленно обрушили репрессии на консерваторов: запретили печатные органы консервативных политических партий, арестовали видных консерваторов, создали судебно-следственную комиссию [Леонов 2005, с. 407–410].

Начало дискуссии на международном форуме «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.», состоявшемся в марте 2015 г.,

положило выступление П.П. Марчени, заявившего, что российская многопартийность была явлением «искусственным», а не почвенным, «сыграла крайне негативную роль» в российской истории [Российская многопартийность... 2016, с. 11–13]. Нужно отметить, что подобные мысли ранее неоднократно высказывались многими исследователями, в частности В.П. Булдаковым. На форуме, о котором идет речь, против изложенных П.П. Марчени идей решительно выступил В.В. Шелохаев. Он энергично отверг попытку изображения российской многопартийности «как мифологического конструкта», не связанного с исторической реальностью. Далее, он призывал не обособлять историю России и российскую многопартийность от общемировой истории, подчеркивая, что российские партии были адекватны состоянию русского общества. То обстоятельство, говорил В.В. Шелохаев, что российские политические партии возглавляли интеллигенты, не было чем-то исключительным, поскольку западноевропейские партии также создавали интеллектуалы [Российская многопартийность... 2016, с. 14–15].

В представленной для форума статье «Дискуссия о типе политической партии в российском политическом пространстве» В.В. Шелохаев повторил основные положения работы, подготовленные для ноябрьской конференции 2003 г., о различии формирования и функционирования политических партий в странах «синхронного» и «асинхронного» типа, о неукорененности российской многопартийности. В принципе, подчеркивал В.В. Шелохаев, партийные лидеры представляли себе ту роль, которую должны были играть российские партии, однако в силу отсутствия массовой социальной базы российские партии на практике оказались способными быть лишь «детонатором» социальных потрясений. По его мнению, большевики стремились к созданию авторитарной партии, адекватной российской ментальности, в то время как меньшевики и эсеры отдавали предпочтение демократически организованным партиям [Булдаков 2016, с. 347–349].

По мнению автора данной статьи, проблема взаимосвязи масс и партий чрезвычайно важна. Действительно, ядро отечественных партий составляли интеллигенты, они же разрабатывали партийные доктрины и программы, возглавляли партийные издания, составляли подавляющее большинство в центральных и губернских комитетах. Голоса рабочих и крестьян редко слышались на общепартийных съездах. В то же время следует отметить, что рабочие и крестьяне революционных и консервативных партий играли активную и заметную роль в низовых местных организациях, в частности волостных, уездных и некоторых городских. Особенно значима была их роль в популяризации партийных лозунгов. Партийные городские «рабочие организации», уездные, волостные, сельские «крестьянские организации» насчитывали в своих рядах десятки, а порой и сотни человек. Не следует забывать, что в партиях социал-демократов и

эсеров в 1905–1907 гг. и в 1917 г. рабочие и крестьяне составляли большинство. Тысячи и тысячи «разъездных агитаторов» из простонародья агитировали в городах и селах, осуществляя коммуникацию партийных лозунгов понятным народу языком. На выборах в Государственную думу по рабочей и крестьянской курии представители революционных партий либо побеждали, либо получали значительное число голосов. О том же свидетельствовали и выборы в Учредительное собрание [Российская многопартийность... 2016, с. 17–19].

В.П. Булдаков в опубликованной вскоре после упоминаемого выше форума 2015 г. статье с говорящим названием «Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности» энергично протестовал против увлечения исследователей «эфемерной», по его выражению, историей партий, интеллигентских по своей сути и содержательно утопических. Исторически малосодержательная российская многопартийность, «своеобразный пустоцвет», продолжал он, свидетельствовала о фрагментарности общества, провоцировала смуту, но отнюдь не была симптомом демократизации страны [Булдаков 2016, с. 22–25].

В.А. Демин обратился к недостаточно исследованной проблеме взаимоотношений политических партий и Государственной думы. Он напомнил о тезисе выдающегося исследователя М. Дюверже о том, что в странах западной демократии возникновение и функционирование политических партий тесно увязано с деятельностью общенациональных представительных учреждений, в первую очередь парламента. В России, говорил В.А. Демин, политические партии были созданы задолго до появления Государственной думы. В Думе лишь некоторые партии создавали свои фракции; попытки использовать думские объединения для формирования политических партий ощутимого результата не дали. Тем не менее, по мнению В.А. Демина, Государственная дума содействовала «складыванию целостной многопартийной системы» [Российская многопартийность ... 2016, с. 347–349].

Заключение

По мнению большинства исследователей, российская многопартийность в конце XIX – начале XX в. представляла собой явление, отличное по многим параметрам от многопартийной системы развитых стран. Расхождение мнений свидетельствует о необходимости дальнейшего обстоятельного анализа структуры политических партий, численности и состава местных организаций, взаимодействия партий с населением, Государственной думой и Государственным советом.

Библиографический список

Булдаков 2016 – Булдаков В.П. Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности // Полис. 2016. № 4. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.09.

История политических партий России 1994 – *История политических партий России*. М., 1994.

Кентавр 1992 – *Кентавр*. М., 1992.

Леонов 2005 – *Леонов М.И.* Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века – 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

Непролетарские партии России 1984 – *Непролетарские партии России*. Урок истории. М., 1984. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3143567/44ebed>.

Политические партии России 1996 – *Политические партии России*. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18959102>.

Политические партии России: история и современность 2000 – *Политические партии России: история и современность* / под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 631 с. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/content.htm>.

Российская многопартийность... 2016 – Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: материалы дискуссии международного круглого стола. М., 2016. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27151918>.

Тютюкин 2005 – *Тютюкин С.В.* Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

Шелохаев 2005 – *Шелохаев В.В.* Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-rossii-nachala-hh-veka-v-svete-novykh-istochnikov/viewer>.

References

Buldakov 2016 – Buldakov V.P. *Rossiiskaya mnogopartiinost': illyuzii proshlogo, khimery sovremennosti* [Russian multi-party system: illusions of the past, the chimera of contemporaneity]. *Polis* [Polis. Political Studies], 2016, no. 4, pp. 100–114. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.09

Istoriya politicheskikh partii Rossii 1994 – *Istoriya politicheskikh partii Rossii* [History of political parties of Russia]. М., 1994 [in Russian].

Kentavr 1992 – *Kentavr*. М., 1992 [in Russian].

Leonov 2005 – *Leonov M.I. Partiya eserov: seredina 90-kh godov XIX veka – 1907 god* [Party of the Socialists-Revolutionaries: middle of the 90-ies of the XIX century – 1907]. In: *Politicheskie partii v rossiiskikh revolyutsiyakh v nachale XX veka* [Political parties in Russian revolutions in the beginning of the XX century]. М., 2005 [in Russian].

Neproletarskie partii Rossii 1984 – *Neproletarskie partii Rossii. Urok istorii* [Non-proletarian parties of Russia. History lesson]. М., 1984. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3143567/44ebed> [in Russian].

Politicheskie partii Rossii 1996 – *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka. Entsiklopediya* [Political parties of Russia. The end of the XIXth – the thirties of the XXth centuries: Encyclopedia]. М., 1996. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18959102>.

Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost' 2000 – *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'*. Pod red. prof. A.I. Zeveleva, prof. Yu.P. Sviridenko, prof. V.V. Shelokhaeva [Political parties of Russia. History and modernity. A.I. Zevelev, Yu.P. Sviridenko, V.V. Shelokhaev (Eds.)]. М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000, 631 p. Available at: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/content.htm> [in Russian].

Rossiiskaya mnogopartiinost'... 2016 – *Rossiiskaya mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX–XXI vv.: materialy diskussii mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Russian Multiparty System and the Russian crises of the XX–XXI centuries: materials of discussion of the International round table]. М., 2016. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27151918> [in Russian].

Tyutyukin 2005 – *Tyutyukin S.V. Rozhdenie rossiiskoi mnogopartiinosti* [Birth of Russian multi-party system]. In: *Politicheskie partii v rossiiskikh revolyutsiyakh v nachale XX veka* [Political parties in Russian revolutions in the beginning of the XX century]. М., 2005 [in Russian].

Shelokhaev 2005 – *Shelokhaev V.V. Politicheskie partii Rossii v svete novykh istochnikov* [Political parties of Russia in the light of new sources]. In: *Politicheskie partii v rossiiskikh revolyutsiyakh v nachale XX veka* [Political parties in Russian revolutions in the beginning of the XX century]. М., 2005. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-rossii-nachala-hh-veka-v-svete-novykh-istochnikov/viewer> [in Russian].

З.М. Кобозева, Е.В. Алексеенко

**«ПЛАВУЧИЙ МАГАЗИН – НЕ БОГАДЕЛЬНЯ»:
БУДНИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА ЭПОХИ ТОРГСИНА**

© Кобозева Зоя Михаловна – доктор исторических наук, профессор исторического факультета, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

© Алексеенко Елена Вячеславовна – магистрант исторического факультета, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: elenaalekseenko163@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5017-1877>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется один из векторов трансформации городского сословия дореволюционной России, мещанства, в новые социальные страты советского общества через тексты повседневного поведения горожан в эпоху поворота государственной политики к вещизму в середине 1930-х годов, произошедшего в связи с необходимостью проведения индустриализации и получения средств на нее. Анализируется контаминация понятий: мещанства как названия городского сословия и мещанства как качественной характеристики души, то есть этической категории. Следуя логике исторического построения «снизу», изучаются повседневные практики городского населения, сформированные деятельностью в Самаре филиалов Торгсина, которые можно определить как «мещанские». Микроуровневый подход используется для того, чтобы показать, как в конкретном историческом явлении, в частности в деятельности Торгсина, происходит возвращение к привычным практикам городской торговли, связанным с ними практикам обмана, спекуляции, как в советской повседневности начинается свою «историческую судьбу» слово «блат», как власть вынуждает маленького человека города добывать себе комфорт, используя такие лазейки, как посылки и переводы из-за границы или сдача семейных реликвий. Анекдотичность и литературность повседневности заключена в таком микрособытии, как проломленный потолок магазина, из которого можно похитить товар. Но степень серьезности преступления, как и масштаб исторического факта, – лишь еще одна грань исторического исследования, в чей «объектив» должны входить как институциональные события, так и мельчайшие поведенческие практики.

Источниковую базу работы составили архивные документы из фондов ЦГАСО.

Цель исследования состоит в изучении особенностей трансформации социальной мещанской повседневности русского провинциального города в первые годы советской власти, в частности в ситуации влияния на городскую повседневность практик, вызванных учреждением Торгсина.

Сделан вывод, что в ситуации, когда «сверху» происходило временное отступление от социалистического строительства в сторону допущения в повседневность советских людей «мелкобуржуазных» текстов поведения, «снизу» бывшая мещанская торговая среда города начинала использовать эту ситуацию для того, чтобы сделать свой повседневный мир комфортнее, что в мифологии новой социалистической этики получило название «мещанство» и «обывательщина».

Ключевые слова: Торгсин, мещанство, вещизм, обывательщина, повседневность, советский город, социальная история, культурная история, валютные операции, ОГПУ, торговля, магазин.

Цитирование. Кобозева З.М., Алексеенко Е.В. «Плавучий магазин – не богадельня»: будни советского города эпохи Торгсина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54
UDC 94(47)084.2

Submitted: 22/IX/2019
Accepted: 27/X/2019

Z.M. Kobozeva, E.V. Alekseenko

«FLOATING WAREHOUSE IS NOT A POORHOUSE»: WEEKDAYS OF A SOVIET CITY IN A TIME OF TORGsin

© Kobozeva Zoya Mikhailovna – Doctor of Historical Sciences, professor of the Faculty of History, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

© Alekseenko Elena Vyacheslavovna – Master of Historical Sciences, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: elenaalekseenko163@yandex. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5017-1877>

ABSTRACT

The article analyzes one of the vectors of transformation of the urban estate of pre-revolutionary Russia, petty bourgeoisie into new social strata of Soviet society through the texts of everyday behavior of citizens in the era of the turn of state policy to materialism in the mid – 1930-ies, which occurred in connection with the need for industrialization and obtaining funds for it. The article analyzes the contamination of concepts: petty-bourgeois as the name of the urban class and petty-bourgeois as a qualitative characteristic of the soul, that is, an ethical category. Following the logic of historical construction «from below», the daily practices of the urban population, formed by the activities of the branches of Torgsin in Samara, which can be defined as «petty-bourgeois», are studied. The micro-level approach is used to show how in a particular historical phenomenon, in particular, in the activities of Torgsin, there is a return to the usual practices of urban trade, the associated practices of deception, speculation, as in Soviet everyday life begins its «historical destiny» the word «blat», as the government forces the little man of the city to get comfort, using loopholes such as parcels and transfers from abroad or the surrender of family heirlooms. Anecdotal and literary everyday life lies in such a micro-event, as a broken ceiling of the store, from which you can steal the goods. But the seriousness of the crime, as well as the scale of the historical fact – is only one more facet of historical research, in whose «lens» should include both institutional events and the smallest behavioral practices.

The sources of this work are archival documents from the funds of TSGASO.

The aim of the study is to study the peculiarities of transformation of the social petty-bourgeois everyday life of the Russian provincial city in the first years of the Soviet power, in particular, in the situation of influence on the urban daily life of practices caused by the establishment of Torgsin.

It is concluded that in a situation where «from above» there was a temporary retreat from socialist construction towards the admission of «petty-bourgeois» texts of behavior into the daily life of Soviet people, «from below» the former petty-bourgeois commercial environment of the city began to use this situation to make its everyday world more comfortable, which in the mythology of the new socialist ethics was called «meschanstvo» and «obyvatel'schina».

Key words: Torgsin, petty bourgeoisie, materialism, everyday life, Soviet city, social history, cultural history, currency operations, OGPU, trade, shop.

Citation. Kobozeva Z.M., Alekseenko E.V. «Plavuchii magazin – ne bogadel'nya»: budni sovetskogo goroda epokhi Torgsina [«Floating warehouse is not a poorhouse»: weekdays of a Soviet city in a time of Torgsin]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54> [in Russian].

Введение

Исследования повседневной жизни мещанского сословия русских городов в дореволюционный период показали, что существовала много-слойная общественная жизнь, или, вернее, много-векторная общественная жизнь русского города [Кобозева 2013; Кобозева 2014]. С позиций закона, эта жизнь протекала по сословиям. Для каждого сословия в городе была отведена своя ниша, свой набор прав и обязанностей. Так как мещане представляли собой самое большое городское сословие, мы не можем игнорировать их роль в жизни города. Но русская история весьма своеобраз-

на. Просвещенная власть с XVIII столетия начинает формировать русскую жизнь по образцу западноевропейской. Но просвещенная элита, культурная элита страны, получив и усвоив эту «прививку» западноевропейской культуры, создает мощную антибюргерскую, антиобывательскую, антимещанскую рефлексию, которая, распутившись прекрасно в XIX столетии в реалистическом искусстве, принесла свои плоды: мещанское сословие стало при жизни «забытым сословием» русских городов. При этом оно существовало в социальной жизни страны, в законодательстве, а в культуре и в политической жизни – его как буд-

то бы не было. Мещанство игнорировалось. Как игнорировался и «средний класс» как таковой, с его особой картиной мира, этикой и эстетикой. Л.В. Кошман вообще считает, что в России перед революцией «не сложились условия для появления среднего класса, составляющего “ядро общества”, способное нивелировать социальные крайности и создавать необходимую стабильность» [Кошман 2018, с. 16]. Нам же видится, что средний класс в России существовал, но был сокрыт «демиургами т. н. “высокой” культуры» под до предела мифологизированным знаком «мещанства» [Аккуратов 2002, с. 131]. И вот происходит революция 1917 года. Никуда не девшееся за один октябрь месяц самое большое сословие русских городов остается в этих русских городах. Но сословий отныне нет. Они отменены. Есть классы нового общества. Но куда, к какому классу приписать большинство городского населения? Вопросами «приписывания к классу» замечательно занимается американская исследовательница Шейла Фицпатрик [Фицпатрик 2011, с. 33]. Интересно, что мещанство снова оказывается неудобным и враждебным уже для новой советской культуры, которая начинает вести борьбу с ним как с качественной характеристикой души. Классовое презрение к мелкой буржуазии становится частью государственной идеологии: «в подновленном “советском” мифе о мещанстве, как в кривом зеркале, в гиперболизированном виде предстали черты “предыдущего” мифа... обыватель все так же выглядел как мелкий буржуа, собственник с мелочными интересами, человек, живущий только ради пополнения семейного бюджета... антимещанство нашло прекрасную почву в общинно-эгалитаристском сознании крестьянства и рабочего класса советского общества» [Аккуратов 2002, с. 133]. А под эти мещанством скрывались на самом деле не какие-нибудь одиозные личности, исключения, меньшинство, а оставшееся, неубитое, неистребленное, сохранившееся на своих местах, в своих городах вчерашнее самое большое городское сословие. До революции были не в фаворе, после революции – опять не нашли себе места в новой модели общества. Что же делать? И тогда, и сейчас люди этой социальной среды были не по душе тонко чувствующей все несправедливости мира интеллигенции из-за своей мирной (или обывательской?) позиции. Поторговать бы, выжить, дома чтобы все было хорошо и уютно, насколько позволяют средства. И мещане снова, пользуясь своей «забытостью», «ложатся на дно». Они есть, но их как будто бы нет. Потому что теперь есть пролетариат, недобитые всякие «бывшие», крестьяне, приехавшие в город. Как точно отметил в своем выступлении перед судебными работниками в Уфе в марте 1934 г. нарком юстиции Н.В. Крыленко: «Помещичий класс есть или нет? Нет, уничтожен, разбит. Капиталисты? Нет, разбиты, уничтожены. Торговцы? Уничтожены. Где же классы? Как будто нет! Ошибка! Трижды ошибка! Классов нет... А люди есть, они остались... Мы

их физически не уничтожали, и они остались со всеми их классовыми симпатиями, антипатиями, традициями, навыками, взглядами, воззрениями и т. д.». Поэтому особенную тревогу у большевиков вызывала опасность «обуржуазивания своих кадров» и «мещанства», которое в «глазах коммунистической молодежи... являлось антонимом всего пролетарского, революционного...», представляло «деспотические, патриархальные, узко-традиционные взгляды на секс, брак и семью...». Как писал А. Фадеев: «Мы живем в Стране Советов, и стыдно бы нам было походить на мещан». Сами представители чуждого пролетариату сословия нередко скрывали свою социальную идентичность или изобретали новую, хотя нередко внешность и манеры ставили ее под сомнение.

Игнорировать городское население с дореволюционными корнями не представляется возможным. Они же не убежали из страны, как богатые купцы и дворяне. И не сгинули, оставшись, от рук новой власти. Они остались. Но где они, мещане постсословного периода? Их можно обнаруживать и выхватывать из новой постреволюционной городской истории, только занимаясь какими-нибудь узкими вопросами жизни города. Один из таких «микроскопов», позволяющий рассмотреть практики существования мещан в новых условиях, – Торгсин, который, подобно нэпу, заставил обывателя воспрянуть и обнаружить привычные тактики и стратегии повседневного существования, то есть всего того, что великий пролетарский поэт В. Маяковский называл «мурло мещанина»: *Утихомирились бури революционных лон / Подернулась тиной советская мещанина/ И вылезло из-за спины РСФСР/ Мурло мещанина / (Меня не поймаете на слове, / Я вовсе не против мещанского сословия. / Мещанам без различия классов и сословий / Мое славословие* [Маяковский 1956, с. 73].

Практики повседневной жизни провинциального города, вызванные Торгсином

«Торгсин» был создан в 1930 году. Вокруг этого учреждения начинают создаваться повседневные практики горожан. Под словом «практика» мы понимаем тоже, что и А. Людке: «...поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (выживания)» [Людтке 2010, с. 58]. Вчерашний мещанин, привыкший к практикам городского торгова, особенно в таком живущем торговлей городе, как Самара, стал вырабатывать (вернее, искать, выживая в новых условиях) возможности «диалога» с этим новым учреждением.

Первоначально правительство запрещало советским гражданам покупать товары в Торгсине. Валюта у советских граждан была. Как пишет исследователь Торгсина Е.А. Осокина, «она лежала в кубышках, оставшись от царского времени, нелегальной торговли времен Гражданской войны и валютных операций нэпа. Валюта продолжала поступать из-за границы контрабандой... от родственников и друзей за границей, вложен-

ная в письма и посылки. «Черный рынок» служил главным механизмом перераспределения и растекания валюты внутри страны» [Осокина 2009, с. 25]. В ответ на это происходила силовая валютная интервенция, репрессии против «держателей валюты» [Осокина 2009, с. 38]. Однако власти нужно было собрать с населения и другие ценности, золото. Золото носили все. В 1931 г. Наркомфин разрешил Торгсину принимать монеты царской чеканки в уплату за товары. После этого разрешили сдавать в Торгсин бытовое золото в обмен на дефицитные товары [Осокина 2009, с. 40].

Несмотря на значительный пласт современных исторических исследований, посвященных советской повседневности, этот ракурс жизни по-прежнему остается «залит светом торжествующей пропаганды», «покрыт толстым слоем лака», как образно, правда применительно к более позднему периоду, замечает в своей работе о «городе М» О.Л. Лейбович [Лейбович 2009, с. 5]. Одна часть страны строила коммунизм, боролась с врагами, а другая – торговала на черном рынке и шила наряды у портних. «В городе процветал черный рынок; там продавалось или обменивалось то, что перепало населению от предприятий, было украдено в колхозах или было добыто благодаря родственным связям» [Кухер 2012, с. 61]. Самару, конечно, нельзя было сравнить с Одессой 1920-х гг. с ее достигшей невероятного размаха бандитско-хулиганской повседневностью [Савченко 2012, с. 263–281], но влияние нэпа на повседневность ощущалось и после его свертывания, вызывая невероятное многообразие несоветских практик приспособления обывателя к советской жизни.

В 1921 г. В.И. Ленин настаивал на решительном бое «с мелкобуржуазной стихией у себя дома» [Ленин 1970, с. 140]. Но население советских городов не хотело опускаться в нищенство и оборванство. Город одевался, как мог. Ел, как мог. Жил, как мог. Даже мода разрывалась в 1930-е гг. между «большим стилем» номенклатуры и элементами криминальной моды [Лебина 2015, с. 164].

В 1932 г. отделение самарского Торгсина констатировало срыв валютного плана (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Чтобы справиться со своими задачами, в декабре 1932 г. Крайконтора приступила к развертыванию торговой сети Торгсина по Средней Волге. В январе 1933 г. действовало 13 торговых единиц (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Пока, с одной стороны, советская власть боролась с торгашеством, с другой стороны, филиалы Торгсина искали особые кадры для работы в своих точках: оценщиков-приемщиков (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 2). Кто мог подходить для такой работы? Как правило, не представители рабочего класса. А все та же городская торгующая среда, умеющая приспосабливаться к разным эпохам и разным общественно-экономическим формациям, знакомая с практиками торговли. Самарский филиал Торгсина взволнованно докладывал о хищениях, злоупотреблениях с ценностями, недо-

стаках (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3). Оценщики Торгсина вообще сгубили много антикварного серебра, сваливая его в одну кучу с простым, так как низкая квалификация этих кадров не позволяла определять ценность предметов [Осокина 2009, с. 123]. В отчетах в основном указывается: «серебро – лом» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Но время было такое, что рядовым советским горожанам было не до антиквариата и семейных реликвий, лишь бы выжить.

Людям в любые эпохи для комфортности жизни необходимо самое основное, это основное и предлагал Торгсин в обмен на валюту и золото: муку, крупу, сахар, масло растительное, обувь, сапоги, трикотажные товары, хозяйственную утварь (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 4). Почему-то в продаже в универмагах Торгсина залеживались меховые и резиновые ботинки. Может быть, потому, что цена на них была чрезмерно высока для обнищавшего городского населения: полуботинки стоили 56–72 рубля (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). Еще дороже стоило готовое платье – 90–120 рублей (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). Если отдавать шить, то торгсиновский крепдешин можно было купить по 12–18 рублей за метр, тогда наряд обходился немного дешевле (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). Галоши резиновые можно было приобрести за 10–15 рублей; меховое пальто – за 500–600 рублей; зеркала туалетные – за 50–11 рублей (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). За простым перечислением товаров, завозимых в универмаги Торгсина, стоит повседневность первых лет советской власти, пытавшая сохранить элементарный комфорт жизни, не шикарное что-то, а просто милое и комфортное, то, что и называли «мещанством» или «мещанским вкусом»: дешевенький комфорт города, что было сравнимо просто с элементарным теплом в доме, с теплом в жизни. Или, как это называет Е. Осокина, «безделицы благополучной жизни» [Осокина 2009, с. 204]. Как бы долгие десятилетия марксистско-ленинской историографии ни приучали историков пренебрежительно относиться к «мелкотемью», именно в пространстве «мелкотемья» обнаруживаются выразительные маркеры эпохи. Перед тем как Торгсин стал обслуживать и советских граждан, его магазины не открывались на центральных улицах, не велась широкая реклама, гражданам не разрешалось даже заходить в эти магазины, чтобы не искушать. Ни с чем не борются те или иные идеологические системы просто так. И с мещанством боролись не просто так. А именно потому, что это мещанство было глубоко заложено в душах горожан как символ хорошей городской жизни в отличие от тяжелой крестьянской. Изобретательность повседневных практик советских горожан не знала пределов, и в универмаги Торгсина просачивались спекулянты.

С 1930-х годов сеть торгсиновских магазинов покрыла всю страну, «подлинная история (Торгсина) началась тогда, когда Торгсин открыл две-

ри советскому покупателю» [Осокина 2009, с. 49]. Вокруг была несытая жизнь снова после временного благополучия городской жизни эпохи нэпа. В Торгсин несли все ценное, что имели. «Торгсину разрешалось принимать только валюту и золото, но голодные несли серебро, бриллианты, изумруды, картины, статуэтки» [Осокина 2009, с. 50]. И с 1932 г. правительство разрешило Торгсину принимать серебро, а с 1933 г. – бриллианты, платину, позднее – антиквариат и произведения искусства [Осокина 2009, с. 50]. Так как с апреля 1932 г. появился первый пятилетний план работы Торгсина на 1933–1937 гг., то Средне-Волжская контора, находящаяся в Самаре, старалась изо всех сил выполнить этот план. Но наткнулась на противодействие местных властей. Управляющий самарской конторой А. Мерзоев докладывал в апреле 1933 г. «лично Председателю в/о Торгсин т. Сташевскому: С первых дней моей работы в Самаре нет ни одного дня, чтобы я не встречал тормозов в своей работе и излишних дерганий, так как до сих пор по ряду причин субъективного порядка (свойственных только Самаре) отдельные товарищи из разных организаций недостаточно вникают в мои просьбы...», а именно: в «1. Вопрос помещений; Вопрос кадров... Мне прямо задали вопрос: а что именно, кроме арендной платы, ТОРГСИН даст городу? Мои указания, что ТОРГСИН создает ценности для всего Союза, в том числе и для Самары, что план и реализация являются фактически экспортным... не учитывались» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 8. Л. 9).

Действительно, руководству Торгсина на местах приходилось иметь дело и с партийными начальниками, и с собственным неквалифицированным персоналом, нарушающим всякие правила. Для этого создавались инвентаризационные комиссии. Но и для работы комиссий нужны были специалисты, а их не было. В Заключении по результатам инвентаризации крайбазы на 28.03.33 отмечалось, что «работа инвентаризационной комиссии проводилась без должного контроля и при отсутствии нужных специалистов, в результате чего ряд товаров совершенно учтены не были... таких как текстиль, суконно-шерстяные и вина – перепутаны артикулы; неоформленную полочку кондитерских изделий из Сызрани считаю халатностью Завбазой...; равным образом и в части копченостей, колбасы и масла – халатность» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 12). При инвентаризации магазина № 1 были обнаружены манная крупа в количестве 344 кг на сумму 137 рублей 60 копеек, которая от долгого хранения имела уже «остро затхлый запах» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 14). Ставший во главе самарского Торгсина А. Мерзоев писал во все инстанции письма, докладывая о халатности прежнего руководства, злоупотреблениях работников Торгсина (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 15). Из этих писем видно, что предлагали магазины Торгсина жителям Самары: «хлебо-фуражные продукты, обувно-одежные

товары; кустарно-художественные товары» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 29).

Интересно, что товарищ с активной позицией, А. Мерзоев, пишет и пишет руководству о нежелании разных самарских структур власти содействовать деятельности Торгсина, о «саботажах» в адрес лично его, Мерзоева. Что показательно, в письме некоему Артуру Карловичу Мерзоев упоминает слово «блат», рассказывая о дефицитных товарах, получаемых без бухгалтерского оформления (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 69). И «страсти Мерзоева» заканчивает письмо заведующему плавучим магазином товарищу Карсалову, в котором Мерзоев рождает просто поэтический лозунг: «Плавучий магазин – не богадельня!»; «Вам нужно напрягаться из всех сил для выполнения плана, а вы вместо того, чтобы мобилизовать все силы всего коллектива, стоящего нам больших денег, отпускали его на заработки на стороне – катание на лодке за плату посторонних граждан» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 104). Вот эта деталь, заработок на стороне в виде платного катания на лодке, принадлежащей плавучему магазину Торгсина, характеризует то, что А. Людтке называет *Eigensinn*, «своенравное упрямство», подразумевая под этим «отстаивание работником определенной атмосферы на рабочем месте», «не мытьем, так катаньем», «валяние дурака», «ниши» в порядках [Людтке 2010, с. 19]. Это тоже повседневные практики выживания «маленького человека» в экстремальных условиях социалистического конструирования нового порядка «сверху».

Неблагонадежность вокруг магазинов Торгсина, как внутри в коллективах сотрудников, так и вне, в кругах валютчиков и спекулянтов, толпившихся вокруг них, ощущалась в Самарском крае повсеместно, чем занималось уже ОГПУ, заводя дела «на заведующего магазином в Чапаевске: о неблагонадежности в отношении материального доверия» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4. Л. 2). Однако не так уж и трудно было ограбить магазин Торгсина, достаточно было всего лишь проломить потолок, что и было проделано на станции Инза в ночь с 28 на 29 апреля (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4. Л. 20).

Население в 1933 г. прочувствовало всю прелесть магазинов Торгсина для приобретения там товаров, так необходимых для «мещанской» жизни, то есть для нормальной жизни. У людей в «кубышках» находилась не только привычная валюта европейских государств и США, но и монгольские тугрики, упоминаемые в источниках как «тухрики». Никто толком не имел опыта работы с валютой. В 1933 г. в Самаре не смог выдать сдачу со 100 франков, так как не были приписаны к кассе Госбанка (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 13. Л. 5). Кроме того, сообщалось: «Все неотоваренные ТОРГСИНом переводы МОНГОЛБАНКа, выставленные в долларах или монгольских тухриках, подлежат оплате путем перечисления на ТОРГСИН» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 13. Л. 25).

Магазины Торгсина открывались и в селах Самарского края, о чем в переписке так и говорилось, как о «скорейшей выкачке ценностей» из населения (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 73). «В районном центре в селе... открыт магазин ТОРГСИН, имеющий серьезное значение в деле выполнения валютного плана по мобилизации у населения золота и серебра в монетах царской чеканки и иностранной валюте» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 23). Все, что тогда было проделано с населением с помощью Торгсина, как справедливо отмечает в своем исследовании Е. Осокина, привело к тому, что «общество материально опростилось» [Осокина 2009, с. 85], у него просто изъяли все ценности и переплавили, все семейные реликвии. Семейные реликвии были не только у дворян, но и у городских сословий в дореволюционный период. «...от прежних времен... сохранился реликтовый средний класс. Статус среднего класса определялся в немалой степени и материальными ценностями, остатками прежнего благополучия в семейном владении. Изъятие ценностей через Торгсин еще более нивелировало общество, опустило его к бедности и в этом смысле было новым ударом по среднему классу, сохранившемуся от прежних времен. Социалистическому обществу предстояло создавать свой средний класс» [Осокина 2009, с. 86]. Одни их потеряли, другие – приобрели в результате черных рынков, спекуляций и прочей важной части городской повседневности, которая, как правило, игнорируется официальной исторической наукой и официальной нравственностью.

Особая часть жизни горожан была связана с валютными переводами из-за границы. Валютная помощь от родственников поступала как до революции, так и после. Но с 1920-х годов государство стало «зажимать» валютные выплаты населению [Осокина 2009, с. 147]. Выход подсказали голод 1930-х и Торгсин: родственники в ответ на мольбы о помощи посылали валюту из-за границы, а советские люди получали не валюту, а боны Торгсина, чтобы отоваривать их в торгсиновских магазинах. Но вокруг этих валютных переводов сразу же стали возникать опасные для населения ситуации: «Сегодня в универмаг явился гражданин Фаст Яков Абрамович (по национальности немец) из поселка Мариенталь Кошкинского района за получением заграничного перевода на его имя в сумме 8 американских долларов, или 15 рублей 45 коп. При разговоре с таковым случайно выяснено, что он якобы был свидетелем при задержании (в качестве задержанного) лица получившего перевод из-за границы на сумму 500 долларов как наследство, оставшееся после смерти родственника, живущего за границей. И по его объяснению этот человек был арестован милицией в Кошках и сидит до настоящего времени. Кроме того, по заявлению гражданина Фаст видно, что будто бы в настоящее время идет пропаганда среди населения, чтобы они писали за границу, чтобы не

посылали оттуда переводы на ТОРГСИН, опасаясь быть преследованными. Из дальнейших разговоров с товарищем Фаст выяснено, что лицо, которое арестовано милицией Кошкинского района, является гражданином Родэ Юлиусом Андреевичем, происходящим из граждан немецких колоний Кошкинского района... Из наводящихся справок было установлено, что гражданином Родэ 14 октября было сдано на счет в Госбанке 30 американских долларов, на которые было взято из универмага ТОРГСИН 91 кг сахара на сумму 45 р. 50 коп. и на 12 р. 70 коп. – 2 одеяла, 5 кг перца, 4 кг гречневой крупы, 100 гр чая и 2 куска мыла и 1 кг карамели... Это самое лицо арестовывают в Кошках органами милиции, при каких обстоятельствах – нам неизвестно» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 75. Л. 75 об.). Везде среди населения ползли слухи («В настоящее время темными личностями ведется усиленная агитация и пропаганда среди населения как в городе, так и в деревне против ТОРГСИН» о том, что «ловят сдатчиков золота и после отправляют в Самару через органы ОГПУ» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 75. Л. 75 об.). «Аресты покупателей в Торгсинах органами ОГПУ/НКВД, которые охотились за ценными сбережениями граждан, превращали рутинный поход в магазин в опасное предприятие. История Торгсина позволяет сказать, что риск и приключение сопровождали советского потребителя в повседневной жизни» [Осокина 2009, с. 335]. И все эти нервные слухи перемежались с простым, будничным, постоянным воровством товаров из торгсиновских точек. В документах пишется: «исчезли товары» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 95). Вокруг магазинов Торгсина орудовали и подростковые шайки спекулянтов, спекуляция осуществлялась бонами Торгсина (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 20. Л. 35 а). Это только кажется, что комсомольцы не были задействованы в этой повседневной полукриминальной жизни города. На практике в делах Торгсина можно было обнаружить сообщение о том, что «гражданин Афанасьев П.Г., член ВЛКСМ с 1927 г. 1912 г.р., по окончании трехмесячных курсов директоров универмагов ТОРГСИН, получив назначение, с работы дезертировал и скрылся неизвестно куда» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 29. Л. 8).

Интересно, что и в послереволюционный период Самара воспринималась как купеческий город. Озабоченные выполнением валютного плана деятели местного отделения Торгсина размышляли: «...хороший урожай угрожает деятельности ТОРГСИН. В целях увеличения приема ценностей контора считает своевременным и необходимым организацию скупки драгоценных камней... Принимая во внимание бывшее торгово-купеческое значение города Самары и некоторых крупных районов края и массовый приезд из столичных городов бывших состоятельных людей в связи с паспортизацией, имеются предположения, что драгоценные камни должны быть в нашем крае...» (ЦГАСО.

Ф. 1078. Оп. 31. Д. 5). В 1930-е гг. интуристы путешествовали по Волге на пароходах. «Для большего и лучшего обслуживания приезжающих на пароходах интуристов, средневолжской конторой открыт на пристани Самары магазин» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 31. Д. 61).

У М. Булгакова в «Мастере и Маргарите» описываются товары Торгсина в эпизоде, где магазин посещают Коровьев и Бегемот: «Сотни штук ситцу богатейших расцветок виднелись в полочных клетках. За ними громоздились миткали и шифоны и сукна фракные. В перспективу уходили целые штабеля коробок с обувью, и несколько гражданок сидели на низеньких стульчиках, имея правую ногу в старой, потрепанной туфле, а левую – в новой сверкающей лодочке, которой они и топали озабоченно в коврик. Где-то в глубине за углом пели и играли патефоны» (Булгаков 1984, с. 265). В Самарском краевом отделении Торгсина сохранился перечень товаров, отправленных в Орское агентство: «...пике белая, платки носовые, креп-дешин, фуляр, плюш, карамель, печенье, сыр голландский, сигары, папиросы, пластинки патефонные, велосипед дамский, спирт, коньяк, шампанское, портвейн, ликер, скатерть, мыло японское, мыло туалетное, 9 наименований мыла» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 31. Д. 61). Если задуматься, то все наименования торгсиновских товаров, будь то Сызранский универмаг Торгсин, говорят о дефиците самого необходимого для нормальной жизни горожан в XX веке: «...мука, крупа, хлеб, сахарный песок, колбаса и копчености, масло, рыбные товары, консервы, водочные изделия, кондитерские изделия, масло растительное, макароны, чай, бакалея, обувь, белье, ткани» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 369. Л. 8). Уровень жизни горожан в 1930-е гг. по материалам Торгсина порой напоминает рассказы М. Зощенко в плане анекдотичности и грусти. В самарский Торгсин пришла телеграмма из Саранска: «Жена приехала пайком разрешения нет дети голодуют ускорьте высылку лопатов» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 375. Л. 168).

Заключение

Е. Осокина в своей книге о Торгсине делает интересный вывод о «радикальном повороте государственной политики к вещизму и одобрению потребительских ценностей, произошедшем в середине 1930-х гг.» [Осокина 2009, с. 335]. Если рассматривать мещанскую культуру русского города, особенно такого торгово-«благоспешного» города, каким была Самара в дореволюционный период, становится ясно, что сословная категория «мещанства», превращенная в качественную характеристику души, – явления одного порядка, связанные с важностью такой ценности, как вещь. Накопление горожанами вещей, разорванное в некоторой степени революцией и первыми послереволюционными годами, эстетизация вещи, сакрализация вещи, бережливость, накопление, желание обустроить свой городской дом, наполнить его ую-

том, вещизм как текст поведения противопоставлялись новой советской официальной культурой пролетариату, которому «нечего терять, кроме собственных цепей», и крестьянству, чей вещный мир несколько иной, чем мир горожанина-мещанина. Новая официальная социальная сигналетика города делала «невидимкой» то, что оставалось в реальной повседневной жизни, – «вещизм» и «мещанство», приоткрытые на время нэпом и деятельностью Торгсина. Есть эмоции акторов, направленные на нечто великое, на государство, на идеи, к примеру. А есть эмоции, связанные с мыслями о повседневном выживании. Есть эмоции любви акторов к героям и великим свершениям. А есть эмоции любви к комфорту, теплу, еде, красивым нарядам. Героическое и великое оставляют более четкий след в исторических источниках. А то, что кажется повседневным, ничтожным, неважным, менее заметно и выражено. В этой связи данная статья ставила своей целью не проанализировать деятельность Торгсина в провинциальной Самаре и ее округе, а показать, как в контексте определенной стратегии власти, задающей систему координат для маленького человека, обнаруживаются социальные практики, имеющие глубокие социальные корни предшествующего периода, и как действуют культурные мифы, превращающие реальную социальную среду русского города в «невидимку» «Большого Нарратива».

Источники фактического материала

Булгаков, 1984 – Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. М.: Современник, 1984. 367 с.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

Библиографический список

Аккуратов 2002 – Аккуратов Б.С. Феномен мещанства в российской общественно-политической мысли и политической теории: дис. ... канд. ист. наук. Казань. 2002. 182 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-meshchanstva-v-rossiiskoi-obshchestvenno-politicheskoi-mysli-i-politicheskoi-teorii>.

Кобозева 2013 – Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013. 608 с. URL: <http://rushist.samsu.ru/books1/kobozeva.pdf>.

Кобозева 2014 – Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 738 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/meshchanskaya-povsednevnost-provintsialnykh-gorodov-rossii-vo-vtoroi-pолоvine-xix-v-nachale>.

Кошман 2018 – Кошман Л.В. Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты. М., 2018. 192 с.

Кухер 2012 – Кухер К. Парк Горького: культура досуга в сталинскую эпоху, 1928–1941 / пер. с нем. А.И. Симонова.

М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 349 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2770034/5c6c7a>.

Лебина 2015 – Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От вселенского коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с. URL: <http://e-libra.ru/read/373264-covetskaya-povsednevnost-normy-i-anomalii-ot-voennogo-kommunizma-k-bol-shomu-stilyu.html>.

Лейбович 2008 – Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 395 с. URL: <http://www.fedy-diary.ru/oleg-leibovich-v-gorode-m-ocherki-socialnoj-povsednevnosti-sovetskoj-provincii-v-40-50-x-godax-1>.

Ленин 1970 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство полит. лит., 1970. Т. 43. 553 с. URL: http://politazbuka.info/downloads/Knigi/lenin_sow_5th_edition_ru_vol_43.pdf.

Людтке 2010 – Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с. URL: https://www.studmed.ru/lyudtke-a-istoriya-povsednevnosti-v-germanii-novye-podhody-k-izucheniyu-truda-voyny-i-vlasti_33194278045.html.

Маяковский 1956 – Маяковский В.В. Полное собр. соч.: в 13 т. М., 1956. Т. 2. URL: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms2/ms2.html>.

Осокина 2009 – Осокина Е.А. Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 592 с. URL: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/e-osokina-zoloto-dlya-industrializacii-torgsin-chast-i>.

Савченко 2012 – Савченко В.А. Неофициальная Одесса эпохи нэпа (март 1921 – сентябрь 1929). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 287 с. URL: <http://kraeved.od.ua/book/s/savchenko2.php>.

Фицпатрик 2011 – Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 375 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2948482/b6ae81>.

References

Akkuratov 2002 – Akkuratov B.S. *Fenomen meshchanstva v rossiiskoi obshchestvenno – politicheskoi mysleni i politicheskoi teorii: dis. ... kand. ist. nauk* [Phenomenon of philistinism in Russian socio-political thought and political theory: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Kazan, 2002, 182 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/fenomen-meshchanstva-v-rossiiskoi-obshchestvenno-politicheskoi-mysli-i-politicheskoi-teorii> [in Russian].

Kobozeva 2013 – Kobozeva Z.M. *Meshchanskoe soslovie g. Samary v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.), ili Rasskaz o «dushe s povinnostyami»* [Petty-bourgeois class of the city of Samara in the space of power and everyday life (second half of the XIX – early XX centuries), or the Story about the «soul with duties»]. Samara, 2013, 608 p. Available at: <http://rushist.samsu.ru/books1/kobozeva.pdf> [in Russian].

Kobozeva 2014 – Kobozeva Z.M. *Meshchanskaya povsednevnost' provintsial'nykh gorodov Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Bourgeois everyday life of the provincial cities of Russia

in the second half of the XIX – early XX centuries: Doctoral of Historical Sciences thesis]. Saratov, 2014, 738 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/meshchanskaya-povsednevnost-provintsialnykh-gorodov-rossii-vo-vtoroi-polovine-xix-v-nachale> [in Russian].

Koshman 2018 – Koshman L.V. *Gorod v poreformennoi Rossii. Sotsiokul'turnye i pravovye aspekty* [The city in post-reform Russia. Sociocultural and legal aspects]. M., 2018, 192 p. [in Russian].

Kucher 2012 – Kucher K. *Park Gor'kogo: kul'tura dosuga v stalinskuyu epokhu, 1928–1941. Per. s nem. A.I. Simonova* [Gorky Park: leisure culture in the Stalin era, 1928–1941. Translation from German by A.I. Simonov]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, 349 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2770034/5c6c7a> [in Russian].

Lebina 2015 – Lebina N. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot vselenskogo kommunizma k bol'shому stilyu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From global communism to great style]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 488 p. Available at: <http://e-libra.ru/read/373264-covetskaya-povsednevnost-normy-i-anomalii-ot-voennogo-kommunizma-k-bol-shomu-stilyu.html> [in Russian].

Leibovich 2008 – Leibovich O.L. *V gorode M. Ocherki sotsial'noi povsednevnosti sovetskoi provintsii v 40–50-kh gg.* [In the city of M. Essays on the social everyday life of the Soviet province in the 40–50-ies]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008, 395 p. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/oleg-leibovich-v-gorode-m-ocherki-socialnoj-povsednevnosti-sovetskoj-provincii-v-40-50-x-godax-1> [in Russian].

Lenin 1970 – Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd.* [Complete works. 5th edition]. M.: Izdatel'stvo polit. lit., 1970, Vol. 43, 553 p. Available at: http://politazbuka.info/downloads/Knigi/lenin_sow_5th_edition_ru_vol_43.pdf [in Russian].

Ludtke 2010 – Ludtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [Everyday History in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and Power]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2010, 271 p. Available at: https://www.studmed.ru/lyudtke-a-istoriya-povsednevnosti-v-germanii-novye-podhody-k-izucheniyu-truda-voyny-i-vlasti_33194278045.html [in Russian].

Mayakovsky 1956 – Mayakovsky V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. M., 1956, Vol. 2. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms2/ms2.html> [in Russian].

Osokina 2009 – Osokina E.A. *Zoloto dlya industrializatsii: «TORGSIN»* [Gold for industrialization: «TORGSIN»]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009, 592 p. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/e-osokina-zoloto-dlya-industrializacii-torgsin-chast-i/> [in Russian].

Savchenko 2012 – Savchenko V.A. *Neofitsial'naya Odessa epokhi nepa (mart 1921 – sentyabr' 1929)* [Unofficial Odessa of the NEP era (March 1921–September 1929)]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, 287 p. Available at: <http://kraeved.od.ua/book/s/savchenko2.php> [in Russian].

Fitzpatrick 2011 – Fitzpatrick S. *Sryvaite maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka. Per. s angl. L.Yu. Pantinoy* [Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. Translation from Russian by L.Yu. Pantina]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011, 375 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2948482/b6ae81> [in Russian].

Г.А. Романова, В.В. Трифонова, Н.Н. Романов

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ

© Романова Галина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, директор представительства Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева в г. Сызрань, 446001, Самарская область, г. Сызрань, ул. Советская, 112.

E-mail: g_romanova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9616-1041>

© Трифонова Виктория Валериевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: vitolda08@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-7557-2802>

© Романов Николай Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил, Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Сызрани, 446007, Самарская область, г. Сызрань-7, ул. Маршала Жукова, 1.

E-mail: nic.nic.rrr@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4539-9310>

АННОТАЦИЯ

В последние годы в исторической науке возрос интерес к антропологическим, социальным, культурологическим аспектам войны вообще и Великой Отечественной войны в частности.

Экзистенциальный опыт человека на войне – тема, позволяющая исследователям взглянуть на историю войны с позиций гуманитарной составляющей. В статье отмечена роль дневников как источников сведений о личных переживаниях, которые после определенного осмысления становятся экзистенциальным опытом. Указано на уникальность дневниковых записей, отличающихся от других источников личного происхождения – воспоминаний и фронтовых писем. Во-первых, они фиксируют сиюминутное восприятие событий, не искаженное временем; во-вторых, они точно передают атмосферу эпохи через описание быта, природы, минут отдыха. Сделан вывод об огромном потенциале фронтовых дневников как источников изучения событий Великой Отечественной войны.

В статье анализируется экзистенциальный опыт младшего лейтенанта З.С. Рудницкого, порожденный экстремальными условиями войны. Источником исследования стал фронтовой дневник З.С. Рудницкого, ранее неизвестный исследователям. Рассматривается влияние пережитых эмоций, обстановки смертельной опасности, ближайшего окружения на становление личности офицера Красной армии и его дальнейшую судьбу.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, источники личного происхождения, фронтовой дневник, человек на войне.

Цитирование. Романова Г.А., Трифонова В.В., Романов Н.Н. Фронтвой дневник: экзистенциальный опыт человека на войне // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 55–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-55-61>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-55-61
UDC 94(571)“1942/1943”

Submitted: 17/X/2019
Accepted: 25/XI/2019

G.A. Romanova, V.V. Trifonova, N.N. Romanov

DIARY OF WAR: EXISTENTIAL HUMAN EXPERIENCE IN THE WAR

© Romanova Galina Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, associate professor, head of the representative office of the Samara National Research University in Syzran, 112, Sovetskaya Street, Syzran, 446001, Russian Federation.

E-mail: g_romanova@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9616-1041>

© Trifonova Victoria Valerievna – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: vitolda08@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-7557-2802>

© Romanov Nikolay Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Branch of the Military Educational and Scientific Center, Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy in Syzran, 1, Marshal Zhukov Street, Syzran-7, 446007, Russian Federation.

E-mail: nic.nic.rrr@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4539-9310>

ANNOTATION

In the recent years, historical science has increased interest in anthropological, social, cultural aspects of the war in general, the Great Patriotic War – in particular.

The existential experience of man in war is a topic that allows researchers to look at the history of war from the standpoint of the humanitarian component. The article notes the role of diaries as sources of information about personal experiences, which after a certain understanding become an existential experience. The uniqueness of diary entries, which differ from other sources of personal origin – memories and front-line letters, is pointed out. First, they capture the momentary perception of events, undistorted by time; secondly, they accurately convey the atmosphere of the era through the description of life, nature, minutes of rest. The conclusion is made about the huge potential of front-line diaries as sources of studying the events of the Great Patriotic War.

The article analyzes the existential experience of Lieutenant Z.S. Rudnitsky, generated by the extreme conditions of the war. The source of the study was the front diary of Z.S. Rudnitsky, previously unknown to researchers. The influence of the emotions experienced, the situation of mortal danger, the immediate environment on the formation of the identity of the officer of the Red Army and his fate is considered.

Key words: existential experience, sources of personal origin, front-line diary, man at war.

Citation. Romanova G.A., Trifonova V.V., Romanov N.N. *Frontovoi dnevnik: ekzistentsial'nyi opyt cheloveka na voine* [Diary of war: existential human experience in the war]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 55–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-55-61> [in Russian].

Введение

Актуальность темы не вызывает сомнения. Во-первых, фронтовые дневники – редкий исторический источник. Во-вторых, история человека на фронте – это мало исследованная тема. В настоящее время исследователи войн – психологи, философы, культурологи и социологи – сходятся во мнении, что воюющий человек – это особое явление. Они считают, что экстремальная ситуация войны выявляет в человеке его истинные качества, часто меняет его мировоззрение, оказывает влияние на дальнейший жизненный путь [Сенявская 1999, с. 34]. Активно обсуждается тема экзистенциального опыта, который связан с формированием целостного видения природы и исторического развития человека в контексте современной культуры. Так, в 2018 году состоялась научная дискуссия на тему «Экзистенциальный опыт: таинство и проблема», материалы которой были опублико-

ваны в «Философском журнале». В центре дискуссии – проблема понимания экзистенциального опыта как сферы переживания, «таинства», открывающего непосредственный контакт человека с миром; как непрерывного и проблемного процесса самопознания экзистирующего субъекта, его конституирования в мире в отношении к культурным смыслам и ценностям; как создание личностью онтологии экзистенции – собственной личной истории, позволяющей интегрировать ее ситуации, события, смыслы и ценности как фрагменты единой судьбы в контексте связи прошлого, настоящего и будущего. [Философский журнал 2018, с. 123].

Следует учесть, что в преддверии 75-летия Великой Победы кое-где в Европе усилилась тенденция ревизии оценок роли Советской Армии во Второй мировой войне, дошло до попыток представить советских солдат и офицеров варварами, готовыми только к одному – убивать. Наших геро-

ев, победителей фашизма пытаются лишить человечности. Им отказывают в нормальных чувствах, эмоциях, способности мыслить вообще. Показательна в этом плане реакция директора музея Второй мировой войны в г. Гданьске на исполнение песни «Темная ночь», которую он назвал «пропагандистской песней». Песня была исполнена Петром Косевским в рамках фестиваля «Ночь в музее» в мае 2019 года. На странице самого музея в социальных сетях позиция по песне и ее содержанию формулируется еще более остро: «Это пример создания легенды о романтическом красноармейце, который воюет за страну Советов и тоскует по дому. Однако хочу спросить: происходит ли эта ностальгия до, после или в перерыве между убийствами, грабежами и изнасилованиями женщин (а часто и детей), массово осуществлявшимися «романтичными» Советами по дороге на Берлин, через земли, населенные поляками» [<https://gia.ru/20190521/1554649016.html>]. На наш взгляд, изучение военных дневников позволяет опровергнуть миф о варварстве советских воинов, раскрыть богатейший внутренний мир бойцов Красной армии – романтический и мужественный.

Целью настоящей статьи является анализ трансформации личности, экзистенциальный опыт молодого человека в условиях фронта, в один из самых драматических этапов Великой Отечественной войны – на рубеже 1942–1943 годов. В основу анализа положен личный дневник (*ранее неизвестный исследователям*) младшего лейтенанта Красной армии З.С. Рудницкого.

Историография вопроса

Дневники, письма, мемуары являются уникальными источниками для исследователя темы экзистенциального опыта. Причем эта тема становится междисциплинарной, в которой тесно взаимодействуют категории философии, истории, социологии и антропологии. М.Ф. Румянцева указывает на направленность источников личного происхождения на установление связей в коэкзистенциальном целом, то есть на совокупность взаимосвязанных элементов, которые существуют в действительности на определенном отрезке времени. К ним она относит личную переписку и дневники. [Румянцева 2002, с. 202]

И.А. Люцай полагает, что ценность источников личного происхождения определяется прежде всего особенностями их происхождения, так как они принадлежат конкретному автору и отображают непосредственное восприятие им окружающего мира, исторических событий и явлений. В них заложена своеобразная информация социально-психологического уровня, которую в других источниках найти сложно [Люцай 2017, с. 377].

Источниковеды относят дневник наряду с письмами и мемуарами к историческим источникам личного происхождения [Ковальченко 2003, с. 57]. Дневники являются прекрасным дополнением к официальной историографии войны. Личные чув-

ства и переживания, изложенные в военных дневниках, позволяют лучше понять логику поступков людей на войне.

Основная проблема состоит в том, что как источник военные дневники – большая редкость, так как они попросту были запрещены. Формального запрета в виде приказа на ведение записей на войне не было. Однако их ведение совсем не поощрялось. История с дневником майора НКВД Ивана Шабалина, погибшего осенью 1941 года, показывает, что подобного рода меры имели обоснование. Дневник попал в руки немецкого командования. Руководство фашистской Германии полагало, что документ показывает напряжение в советских войсках, поэтому дневник Шабалина был переведен на немецкий язык и использован немецкой пропагандой [Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет 2006].

Лишь несколько военных дневников были опубликованы в последние годы. Так, А.Б. Изюмский анализирует фронтвой дневник младшего сержанта Героя Советского Союза Георгия Славгородского. Автор публикации уверен, что дневник как исторический документ заслуживает большего доверия, чем письма бойцов с фронта или воспоминания. Письма, как известно, проходили цензуру, а воспоминания писались не в режиме реального времени [Обстановка на фронте непонятна... 2016].

Темы абсолютных ценностей в военном дневнике

В данной статье тема экзистенциального опыта человека на войне раскрывается через анализ записей в военном дневнике Зангвильда Самуиловича Рудницкого, который был сохранен в семейном архиве. Представляется, что фронтвой дневник Зангвильда Рудницкого выполнял функцию установления межличностной коммуникации, определения самосознания личности, соотнесения важнейших ценностных ориентиров, уже сложившихся в структуре личности молодого офицера с беспощадной реальностью войны. Ведь З. Рудницкий был совсем мальчишкой, когда оказался на фронте. Его взросление, становление как личности, мужчины пришлось на военные годы. Другой важной функцией фронтвого дневника З. Рудницкого была функция эмоциональной разгрузки. Именно дневнику он доверяет самое сокровенное, о чем, возможно, не с кем было поговорить. Здесь и рассуждения о влиянии войны на знакомых девушек, и о товарищах, о тоске по родному дому. Дневнику поверяет автор свои стихи, очень искренние, поэтически восторженные.

Временные рамки исследуемых дневниковых записей охватывают период с 18 августа 1942 года по 18 мая 1943 года, то есть они практически совпадают с периодом Сталинградской битвы, двух ее этапов – обороны и контрнаступления. З. Рудницкий перестал вести дневник в силу непреодолимых обстоятельств. За оставление орудия вра-

гу во время выхода из окружения он был отправлен трибуналом в штрафную роту. В новых условиях делать записи стало невозможно. Территориально автор располагался в районе Сталинграда и далее дошел до Ростова-на-Дону. По тематическому охвату дневник является источником сведений о боевых действиях Красной армии глазами младшего лейтенанта-артиллериста, о личных переживаниях молодого 19-летнего бойца, о быте красноармейцев.

Автор дневниковых записей родился в 1923 году в Белоруссии, в г. Речица Гомельской области, в интеллигентной еврейской семье. Его отец работал начальником горфинотдела, мама – домохозяйка. Детей в семье было трое – старший брат Лева, средний – Зангвильд (Золя) и младший Волик. В дневнике Зангвильда чувствуется глубокая привязанность юноши к своим родным. Он часто пишет о плохой работе полевой почты, невыносимой безвестности, о судьбе родных и близких. Иногда совсем по-мальчишески вспоминает мамины вкусы. Позже, когда связь с родным домом налаживалась, он обменивается стихами со своим братом – очень патристичными. Необыкновенно трогательны и письма-открытки его отца, в которых перед нами предстает человек, глубоко любящий, страдающий за своего сына. В этих открытках главный и единственно верный тогда посыл – семья любит и ждет.

Перед самой войной Зангвильд учился на I курсе в Днепропетровске в металлургическом институте. Но война смешала все его планы. Старший брат Лева был призван на фронт, и Золя не захотел отставать от брата, с которым был духовно очень близок. Однако по возрасту ему отказали в призыве на фронт, и он направляется в артиллерийскую школу Ростова-на-Дону, по окончании которой летом 1942 года оказывается в самой гуще военных событий – под Сталинградом. Здесь же он начинает вести свой дневник.

Записи сделаны чернилами или химическим карандашом. На обложке заголовок: З.С. Рудницкий «Дневник войны». Судя по всему, сначала Зангвильд намеревался вести дневник ежедневно, тщательно записывая все увиденное и пережитое. Очевидно его старание писать литературным языком. По мере развития событий записи неоднократно прерываются на несколько дней, иногда даже месяцев. Почерковедом было бы интересно отследить психологическое состояние автора. Если первые записи выполнены аккуратным убогим почерком, то ближе к концу буквы увеличиваются в размере, строчки идут неровно, фразы сложены отрывисто, кратко, в телеграфном стиле.

В начале дневника идет перечень населенных пунктов, которые З. Рудницкому пришлось проехать. От Днепропетровска через Ростов-на-Дону, Краснодар, Сталинград до Москвы. В общей сложности перед глазами молодого бойца Красной армии предстало 17 городов страны, находящейся в состоянии войны. Завершает список населенных

пунктов почти театральная фраза: «Жизнь полна моя скитаний, переездов и переживаний!» (Дневник Рудницкого, с. 12). Заметим, что Зангвильд еще не был на фронте, на его переднем крае, за его спиной пока только учеба в артиллерийском училище.

По мере того как росло напряжение на фронте, когда наш герой побывал на жуткой переправе под Сталинградом, где потерял много своих товарищей, записи в его дневнике становятся все лаконичнее, жестче. Он взрослеет, научился не обращать внимания на болезни, которые причиняли ему физические страдания. «30.10.42 г. У меня все в порядке. Вот только проклятый живот, да и пиодермия не дают покоя. Неужели они меня так крепко любят, что целый год не слезают с моего тела. Погода стоит холодная, не пригодная для жизни на поверхности земли. Необходимо зарываться в землю, да и печечку притапливать все-таки. Но все это ерунда. Живой человек не пропадает, везде устроится, как только можно. Но теперь пришло раз время, нужно все выжимать из себя и людей для общего дела – разгрома врага» (Дневник Рудницкого, с. 17).

Удивительно одно его замечание от 9 января 1943 года, свидетельствующее о том, что юноша духовно вырос: «Да, сейчас истинно роковое время, сейчас время, которое необходимо СУМЕТЬ прожить, ибо умереть здесь проще всего. Будем надеяться. Надежда – все» (Дневник Рудницкого с. 25). А ведь прошло всего 3 месяца его пребывания на войне.

Первое, на что обращаешь внимание при изучении дневника З. Рудницкого, – это его огромная привязанность к семье, родному дому, братьям и сестре. Практически постоянно он пишет о своей тревоге за родителей. Полагаем, что такая сильная духовная связь с родными – следствие хорошего воспитания, крепких традиций семьи. Вечером 9 января 1943 г. он пишет: «Ночь всю не спал. Замерз и шея замучила. Все думал о пролетевших годах, о далеко ушедшем детстве и беззаботной счастливой юности, а теперь не то, не то времечко, думаешь совершенно о другом, как быстро меняется русло человеческой жизни. Это просто удивительно. Думаешь и то по-другому. Недаром говорят: «Жизнь всему научит». И действительно учит и крепко. Здесь конечно о себе не думаешь. Главное, что беспокоит меня это отец и мать. Как дорого для меня их здоровье, особенно это чувствуешь здесь, когда полгода ничего не знаешь ни о ком. Когда же, наконец, наступит та счастливая минута встречи? Неужели никогда? Не хочется этому верить. Да и не бывать такому. Встретиться я должен. Это необходимо» (Дневник Рудницкого, с. 8).

Воспоминания о доме не оставляют Рудницкого ни на день. «8.01.43. Настроение какое-то непонятное. Чего-то хочется невозможного. И никак не могу отогнать от себя различные мысли прошлого. В голову лезут картинки давно прошедшего времени, моего пребывания дома. Ведь фактически 3-й год, а какие это года! Мне кажется, что я

абсолютно отвык от домашнего уюта. Да вот уже 5,5 лет как я не имел счастья быть вместе с дорогими отцом и матерью, а прожито всего 19 лет. И как-то не представляю себе этого. И вот когда здесь один в тиши своей землянки я произношу имена родных, они как-то странно звучат. Это, вероятно, от долгой, тяжелой разлуки. Эх, какими будут счастливыми часы нашей встречи. Если таковой придется сбыться» (Дневник Рудницкого, с. 16).

Этот еще очень молодой человек не научился мыслить позитивно, настраивая себя на хорошее всякий раз, когда ему было плохо.

Поэтому вполне понятны его восторг и радость, когда он получает первое письмо от брата с поздравлениями с 19-летием в стихотворной форме.

«Недавно получил 2 письма - одно от Левика, другое от Вильки, адресованные на Кунцево. Левик молодец. Хотя и поздно я получил, и мне уже не 19, а 19 с 3,5 месяца лет, но все же оно и раньше соответствовало действительности, стихотворение:

Юбилейное Золе!

В жизни было много перемен:

Счастье неудачами сменялось

И когда мы чувствовали крен,

Унывали мало – выпрямлялись.

Грусть ютилась только не у нас,

Прогонять умели ее ловко.

Тяжело бывало много раз,

И сносили тяжести с сноровкой.

Помнишь, Золя, детские дела,

Раменские летние охоты?

Помнишь, как фортуна нас вела

На Днепре на «легкие работы»?

И в годину тяжкую войны

От друзей своих мы не отстали.

Собрали котомочки свои

И за честь своих с винтовкой встали.

Девятнадцать лет тебе сейчас,

Измучило призрачное время.

Слезы пусть не омывают глаз, стойкости показывай пример.

Зорким будь у вверенных орудий

И в Победу, Золя, крепко верь.

Верь, не подкачают наши люди

Солнце нам свой излучает свет,

Ветер нам поет о жизни,

Шлю тебе свой боевой привет,

Пламя нашей дружбы, крепче брызги!

Молодец, Левик! Большое спасибо, что напомнил о былом забытом сейчас, детстве, настоящем положении. Нужно отдохнуть. Кончаю» (Дневник Рудницкого, с. 23).

Часто в дневнике встречаются отрывки, в которых Зангвильд ведет внутренний диалог с самим собой, стараясь не раскисать от трудностей. «26.10.1942. Сейчас подполковник Базырь уехал получать боевую задачу к генерал-майору в штаб фронта. Куда отсюда поедет, не знаю, но, вероятно, в район Сталинграда. Наперед гадать и лезть

не следует. Всему свое время. Пора себя приучить. Ясно или нет? Ясно!» (Дневник Рудницкого, с. 19). Запись от 1.11.1942: «Вот что одно меня интересует. Изменится ли наш адрес? Хоть успеть получить на него пару писем, и хотелось бы маленькую посылочку с мамкиными изделиями, и теплые перчатки, и носки, и часы. Но не хочется тревожить родных. Можно прожить без этого? Конечно! Ну и весь разговор окончен. Наша жизнь – война. Так, нужно воевать» (Дневник Рудницкого, с. 22). «27.09.1942. Сегодня уже 27 число, то есть уже 20 дней со дня вступления в действующую армию. Как быстро идут дни, но удивительно медленно ползут минуты и часы. Чем это объяснить? Вообще здесь как-то не так, хотя это вполне естественно. Война есть, была и будет войной. Пора это осознать» (Дневник Рудницкого, с. 7). Как видим, наш герой постоянно убеждает себя, что жить надо уметь в любых условиях. Представляется, что этот своеобразный психотренинг был нужен Рудницкому. Человек в первые дни нахождения на фронте испытывает страх, настоящую ломку созданных им стереотипов, постепенно превращаясь, по выражению Е. Синявской, в «человека воюющего». На этом этапе «врастания» в армейскую фронтовую действительность Рудницкий ищет опору в собственных резервах – семье, воспитании, характере.

Вот почему фронтовой дневник был так важен для Рудницкого. В отличие от Г.В. Славгородского, человека много старше, имеющего опыт гражданской войны, для которого его записи были способом передачи информации будущим поколениям (он понимал значение своих записей для истории) [5, с. 75], Рудницкий рассматривал свой дневник как друга, которому можно поверить сокровенное: «Сейчас думаю написать родным письмецо. Сегодняшний день, 14 сентября, послужит началом связи между мною и моими родными. А боевые друзья! Как вы дороги, и каждый раз при воспоминании о вас ставится и приятно и тяжело, что вы сейчас где-то вдалеке. Сейчас нужно трогаться, а то бы еще писал, так как писать в этот боевой дневник сродни горячей дружеской беседе (самочувствие хорошее)» (Дневник Рудницкого, с. 14).

Как любой молодой человек на фронте, Золя Рудницкий ценил редкие моменты общения с девушками, женщинами. Вот как он пишет 24 октября 1942 года о случайной встрече со знакомыми девушками из Днепропетровска, которые до войны учились в медицинском институте: «Откровенно скажу, что разговор с некоторыми доставил мне удовольствие и после счастливые минуты воспоминаний. Они говорят, что я здорово изменился, по сравнению с Днепропетровском. По их словам, я стал старше, пропала улыбка веселости, обычно сияющая на моем лице. Это, вероятно, из-за фронтового костюма и усов, т. к. все-таки военная форма, пистолет автомат, снаряжение и усы делают старее, серьезнее. Ну и, конечно, обстановка, здесь я забыл даже о том, что думал раньше... Я огрубел

за время войны, стал курить, многому себя подчинил, многое делал, что требовалось, а не то, что хотелось, т. е. вразрез себе шел. В общем, ломал. Коверкал себя, когда от меня этого требовалось. И результаты всего этого мне передали эти девушки. Но я все же мужчина. А вот они – девушки 1922, даже есть 1923 г.р., и все курят. Говорят – война. Если бы на них взглянули ихние родные. Конечно, они молодцы. Честь и хвала им за ихние заботы и первую мед. помощь, за то, что пожертвовали собой, но все же... После коротеньких разговоров с этими девушками всю ночь не спал, все думал о доме и вообще о всем прошлом и сравнил с настоящей обстановкой» (Дневник Рудницкого, с. 11).

В приведенном отрывке перед нами предстает не просто молодой человек, взволнованный встречей с мирным прошлым, с девушками, что абсолютно естественно. В этих записях – рефлексирующая личность, которая в экстремальных условиях войны все чувствует обостренно и очень верно. Поражает зрелость мышления 19-летнего человека, для которого война стала экзистенциальным кризисом. Этот кризис был вызван многими факторами – напряженной боевой обстановкой, потерей боевых товарищей, возросшей ответственностью за людей, разлукой с близкими. В результате осмысления новых вызовов жизни происходит взросление личности З. Рудницкого. Он приходит к собственному Я гораздо быстрее, чем его сверстники в тылу.

Особого внимания заслуживают записки Рудницкого, связанные с бытом бойцов Красной армии. Он избегает оценочных суждений, но из простого фиксирования фактов складывается не слишком благополучная ситуация первых лет войны в плане обеспечения войск. «1.11.1942. мы переехали на новое место. Находимся около Дона. За это время побывал во многих местах, многое увидел. Сейчас случилась маленькая неприятность. Хоз. часть где-то в песках застряла или черт ее знает что, а мы вторые сутки без пищи. Но это ерунда, было еще хуже. Ведь мы привыкли ко многому» (Дневник Рудницкого, с. 16). «2.11.1942. Сегодня уже сразу поправились. Привезли хлеба, масло, комбижира, мяса, гречки, печенья, консервы, табак, спички, картошки и т. д. Теперь опять можно жить. Правда, я уже привык, так что если приходится по 2–3-е суток не спавши и без пищи, легко переносишь, ибо знаешь, что находишься не дома, а на фронте, где всяк бывает» (Дневник Рудницкого, с. 21). «3.02.43. Уже февраль. На мою долю досталось с 13.01. сидеть в х. Еланский в то время, как наши за 100 км в Мешкове стоят на охране штаба фронта. Мне приходится сидеть и ждать. Но ведь с 7 января продуктов почти не получали. Даже хлеб и тот уже более полу-месяца не получаем. Где достану для всех – хорошо, нет – тоже хорошо. Вот же как плохо без машины» (Дневник Рудницкого, с. 11).

После войны наш герой восстанавливается в металлургическом институте Днепропетровска и заканчивает его с отличием за 3,5 года. Он очень торопился встать на ноги, быть самостоятельным. Его дипломная работа восхитила аттестационную комиссию, ему предложили развить ее в кандидатскую диссертацию. Он получает предложение ехать в Барнаул в профильный НИИ. Но З. Рудницкий отказывается от всех заманчивых предложений. Опыт войны убедил его, что нет большей ценности, чем семья, родители и братья. Он возвращается в город Сызрань, и очень скоро его знания и квалификация оказываются востребованными. Он становится главным инженером крупнейшего в Европе химического предприятия страны – завода «Пластик». Его авторитет на заводе и в Министерстве промышленности был непререкаем.

Выводы

Экзистенциальный опыт войны, безусловно, оказал влияние на юного офицера З. Рудницкого. Война сделала его старше, мудрее. Не случайно время службы на фронте засчитывается военному служащему как 1 день за три дня, а в штрафбате и того больше: день за шесть. Человек, которому посчастливилось выжить в условиях риска для жизни, анализирует полученный опыт. В результате этой когнитивной и регулятивной рефлексии с ним очень часто происходят качественные изменения, обнаруживается тяготение к новым знаниям, происходит переоценка ценностей. Для Рудницкого война стала своеобразным моментом истины, когда он сумел возвыситься над переживаниями, чтобы занять осмысленную позицию по отношению к происходящему и вынести тяготы существования.

Источники фактического материала

Дневник Рудницкого – *Дневник Рудницкого З.С.* Рукопись из домашнего архива Рудницких.

Библиографический список

Ковальченко 2003 – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 277 с. URL: <http://www.pseudology.org/History/KovalchenkoMetodyIstorIssledovaniya2.pdf>.

Люцай 2017 – Люцай И.А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6. С. 375–378. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28395572>.

Музей в Гданьске... – *Музей в Гданьске объяснил запрет на исполнение песни «Темная ночь»* // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190521/1554649016.html>.

Нам запретили белый свет... 2006 – *Нам запретили белый свет...*: Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 416 с. (Серия: Человек на обочине войны).

Обстановка на фронте непонятна... 2016 – *Обстановка на фронте непонятна: или мы окружены, или немцы* // Из дневника сержанта Красной армии Г.В. Славгородского. 5–31 августа 1941 г. Отечественные архивы. 2016. №3. 321 с. URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/1858/obstanovka-na-fronte-neponyatna-ili-my-okruzheny-ili-nemcy-iz-dnevnika-serzhanta-krasnoy-armii-slavgorodskogo-1941>.

Румянцева 2002 – *Румянцева М.Ф.* Теория истории: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. 319 с. URL: https://www.studmed.ru/rumyantseva-mf-teoriya-istorii_05549b48fc2.html.

Сенявская 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России и материалы круглого стола. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с. URL: http://www2.e-reading.club/bookreader.php/1019663/Senyavskaya_-_Psikhologiya_voyny_v_XX_veke._Istoricheskiy_opyt_Rossii.html.

Знаков, Касавина, Синеокая 2018 – *Знаков В.В., Касавина Н.А., Синеокая О.В.* Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 2. С. 123–137. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137.

References

Kovalchenko 2003 – *Kovalchenko I.D.* *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. М.: Nauka, 2003, 277 p. Available at: <http://www.pseudology.org/History/KovalchenkoMetodyIstorIssledovaniya2.pdf> [in Russian].

Lutsay 2017 – *Lutsay I.A.* *Istoricheskie istochniki lichnogo proiskhozhdeniya i ikh informatsionnaya tsennost'* [Historical sources of personal origin and their informational value]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2017, no. 6, pp. 375–378. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28395572> [in Russian].

Muzei v Gdan'ske – *Muzei v Gdan'ske ob "yasnil zapret na ispolnenie pesni «Temnaya noch'»* [Museum in Gdansk explained the ban on the performance of the song «Dark

Is the Night»]. *RIA «Novosti»*. Available at: <https://ria.ru/20190521/1554649016.html> [in Russian].

Nam zapretili belyi svet... 2006 – *Nam zapretili belyi svet...: Al'manakh dnevnikov i vospominanii voennykh i poslevoennykh let. Sost. P. Polyan, N. Pobol'* [We were forbidden white light ...: Almanac of diaries and memoirs of the war and post-war years. Compilers P. Polyan, N. Pobol']. М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2006, 416 p. (Series: A Man on the Roadside of the War) [in Russian].

Obstanovka na fronte neponyatna... 2016 – *Obstanovka na fronte neponyatna: ili my okruzheny, ili nemtsy. Iz dnevnika serzhanta Krasnoi armii G.V. Slavgorodskogo. 5–31 avgusta 1941 g.* [The situation at the front is not clear: either we are surrounded, or the Germans. From the diary of a sergeant of the Red Army G.V. Slavgorodsky. August 5–31, 1941]. *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic archives], 2016, no. 3, 321 p. Available at: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/1858/obstanovka-na-fronte-neponyatna-ili-my-okruzheny-ili-nemcy-iz-dnevnika-serzhanta-krasnoy-armii-slavgorodskogo-1941> [in Russian].

Rumyantseva 2002 – *Rumyantseva M.F.* *Teoriya istorii: uchebnoe posobie* [Theory of history: textbook]. М.: Aspect Press, 2002, 319 p. Available at: https://www.studmed.ru/rumyantseva-mf-teoriya-istorii_05549b48fc2.html [in Russian].

Senyavskaya 1999 – *Senyavskaya E.S.* *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: historical experience of Russia]. М.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1999, 383 p. Available at: http://www2.e-reading.club/bookreader.php/1019663/Senyavskaya_-_Psikhologiya_voyny_v_XX_veke._Istoricheskiy_opyt_Rossii.html [in Russian].

Znakov, Kasavina, Sineokaya 2018 – *Znakov V.V., Kasavina N.A., Sineokaya O.V.* *Ekzistentsial'nyi opyt: tainstvo i problema: materialy kruglogo stola* [Existential experience: a mystery and a problem]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophy Journal], 2018, Vol. 11, no. 2, pp. 123–137. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-62-66
УДК 94(415).05

Дата поступления статьи: 19/X/2019
Дата принятия статьи: 17/XI/2019

А.А. Бельцер

ПОГРАНИЧНЫЕ БАРОНЫ И МИРОВЫЕ СУДЬИ: СЕМЬЯ ДАКР И МАГИСТРАТЫ КАМБЕРЛЕНДА И НОРТУМБЕРЛЕНДА, 1485–1534

© Бельцер Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: abelhist@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3545-4948>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию способов влияния аристократа эпохи Тюдоров на работу местного управления. Проблема становления государства раннего нового времени тесно связана с вопросом о переменах в отношениях между центральной властью в лице монарха и его окружения и существующих элит, особенно региональных. Возможность влияния на работу местной администрации традиционно считается одной из важнейших характеристик власти нобилитета позднего Средневековья. В качестве примера выбраны Томас, барон Дакр (Северная ветвь), один из влиятельных пограничных баронов, и его сын и наследник Уильям. Они на протяжении нескольких десятилетий играли ведущую роль в регионе. Графства, граничащие с Шотландией, и современникам, и потомкам представлялись оплотом непокорной знати. Исследование основано на анализе государственных бумаг эпохи первых Тюдоров: переписки, королевских патентов и грамот.

На протяжении нескольких десятков лет Дакры сами входили в число мировых судей пограничных графств. Они активно принимали участие в работе мировой комиссии, предлагали кандидатуры для включения в состав судей. В мировую комиссию Камберленда, где располагались основные владения баронов, входило значительное число их родственников и слуг. В Нортумберленде, где Дакры недавно приобрели владения, им не удалось настолько повлиять на состав магистратов. Если Томас Дакр в качестве стража Средней и Восточной пограничных марок принимал активное участие в работе мировой комиссии не только Камберленда, но и Нортумберленда, то Уильям Дакр сосредоточился исключительно на деятельности в составе магистратов Камберленда. В работе мировых судей Нортумберленда он не принимал столь живого участия.

Ключевые слова: мировые судьи, мировая комиссия, местное управление, Дакр, аристократия, Тюдоры, англо-шотландское пограничье.

Цитирование. Бельцер А.А. Пограничные бароны и мировые судьи: семья Дакр и мировые судьи Камберленда и Нортумберленда, 1485–1534 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 62–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-62-66>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**BORDER BARONS AND JUSTICES OF PEACE: THE DACRE FAMILY
AND MAGISTRATES IN CUMBERLAND AND NORTHUMBERLAND, 1485–1534**

© Beltser Alexander Anatolievich – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of World History, International Relations and Documentation, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: abelhist@yandex.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3545-4948>.

ABSTRACT

The article describes the ways of aristocratic influence on the local government. The problem of the early modern times state formation is closely related to the issue of changes in the relations between the central authority in the person of the monarch and his entourage and existing elites, especially regional ones.

The influence on the local administration work is traditionally considered one of the most important characteristics of the nobility of the late Middle Ages. For example, Thomas, Baron Dacre (Northern Branch), one of the influential border barons, and his son and heir, William, were selected. For several decades, they played a leading role in the region. From the contemporaries and descendants' point of view the shires, bordering Scotland were taken the stronghold of the rebellious nobility. The research is based on the analysis of the first Tudors era state papers: correspondence, royal patents and letters.

For several decades, the Dacres themselves were one of the border shires magistrates. They took an active part in the work of the commission of the peace, proposed candidates for inclusion in the justices of peace. The Cumberland peace commission, where the main possessions of the barons were, included a significant number of their relatives and servants. In Northumberland, where the Dacres recently acquired property, they were not able to influence immensely the composition of the magistrates. While Thomas Dacre, as the Warden of the Middle and East Border Marches, took an active part in the work of the peace commission not only of Cumberland, but also of Northumberland, William Dacre focused exclusively on activities as part of the Cumberland magistrates. In the activities of the justices of Northumberland, he did not take such a lively part.

Key words: justices of peace, commission of peace, Dacre, aristocracy, Tudors, anglo-scottish border.

Citation. Beltser A.A. *Pogranichnye barony i mirovye sud'i: sem'ya Dakr i mirovye sud'i Kamberlenda i Nortumberlenda, 1485–1534* [Border barons and justices of peace: The Dacre family and magistrates in Cumberland and Northumberland, 1485–1534]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 62–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-62-66> [in Russian].

Введение

Проблема становления государства раннего нового времени тесно переплетается с вопросом о трансформации отношений центральной власти и региональных элит. В случае ренессансной монархии речь идет о взаимоотношениях Короны и аристократии. Данная проблема имеет богатую историографическую традицию, но продолжает оставаться предметом весьма острых дискуссий [Scott 2011]. В англо-американской историографии стимулом интереса к истории английской знати стал выход фундаментального труда Л. Стоуна, посвященного английской знати при Тюдорах и Стюартах [Stone 1965]. Л. Стоун считал, что в этот период экономическое и политическое положение нобилитета постепенно приходило в упадок. За последующие десятилетия концепция Стоуна была в значительной мере пересмотрена, появилось множество исследований, посвященных различным сторонам жизни английского нобилитета Тюдоровской эпохи [Coward 1986; Tudor nobility...

1992; Ross 2011]. Дискуссии относительно перемен в политических и социальных позициях знати велись преимущественно на материалах центральных графств Англии. Пограничным регионам в этих спорах уделялось гораздо меньше внимания. Обращаясь к землям Уэльса и Северной Англии, особенно шотландского пограничья, или английских владений в Ирландии исследователи начинали больше спорить об особости или типичности этих регионов, отличии королевской политики в отношении местной знати на этих землях [Beckingsale 1969; James 1986; Ellis 1995; Ellis 2018].

Менее зависимая от центра власть знати традиционно считается одной из характеристик северной Англии в позднем Средневековье и Раннетюдоровскую эпоху. Примером такого господства магнатов в регионе считаются аристократические семьи Камберленда и Нортумберленда, двух графств, граничащих с Шотландией и составляющих основу трех особых районов – Западной, Средней и Восточной марок. Одним из показате-

лей власти аристократа в регионе служит возможность влиять на персонал и деятельность местной администрации, прежде всего мировой комиссии. Должность мирового судьи к эпохе Тюдоров стала ключевой в системе местного управления. Попробуем рассмотреть, насколько контроль над местными властями был реализован в деятельности представителей одного из могущественных родов баронов Северной Англии, Томаса Дакра, барона Дакра (Северная ветвь) и его сына и наследника Уильяма.

Томас Дакр с 1485 года и на протяжении сорока лет, вплоть до своей кончины в 1525 году, был одной из влиятельнейших фигур в регионе. Генрих VII первоначально сделал Томаса Дакра наместником Западной марки, в 1504 г. доверил ему должность стража все той же Западной марки [Etty 2012, p. 340]. Генрих VIII не только сохранил за бароном этот пост, но и распространил его полномочия и на две другие марки. В 1511 г. Томас, 3-й лорд Дакр, был назначен стражем всех трех марок и оставался на этом посту до весны 1525 года. Весной 1525 года Дакр был смещен, предстал перед судом по ряду обвинений и приговорен к солидному штрафу и вскоре скончался. Его сын и наследник, Уильям, только в 1528 году смог получить пост стража Западной марки шотландского пограничья. Эту должность он занимал до 1534 года, когда был арестован по обвинению в измене и смещен со всех занимаемых постов.

Дакры и персонал мировых комиссий

Томас, барон Дакр, входил во все мировые комиссии Камберленда с 1487 года и вплоть до своего смещения в 1525 году. В Нортумберленде Дакр был в составе всех мировых комиссий за исключением 1515 года. Насколько активно Дакр принимал участие в работе мировой комиссии, не было ли его членство в ней формальным? Такой вопрос применительно к тюдоровской знати в целом уже ставился в литературе [Stasevich 2015, с. 130]. Судя по сохранившимся документам, барон регулярно проводил заседания мировой комиссии в своих владениях, в частности в замке Морпет, в Нортумберленде. Например, в обвинениях нортумберлендских дворян, выдвинутых против Дакра, говорится о том, что некий Кокс Карлтон был обвинен в преступлениях и вызван на сессию мирового суда в Морпете, однако там барон не позволил предать его правосудию (Articles of Accusation... 1828, p. 31–40). В 1514 году в качестве мирового судьи графства Нортумберленд Дакр писал кардиналу Уолси о преступлениях Хамфри Лайла против приора монастыря Бринкберн [Charlton 1871, p. 44]. Пытался Дакр и влиять на назначение магистратов. В 1521 году он писал, что *custos rotulorum* в Камберленде мертв, и предлагал назначить на этот пост Уильяма Бьюли или его сына Ричарда (Letters and papers... 1867, № 1225).

Насколько представительным было количество слуг и родственников Дакра в числе миро-

вых судей? Первые мировые комиссии Генриха VII в Камберленде демонстрируют отсутствие людей, связанных с бароном. Первый Тюдор сохранил в основном в составе комиссии слуг Ричарда III, разбавив их своими людьми (Calendar... 1970 a, p. 484). Только во второй половине царствования Генрих VII включил в состав магистратов Камберленда последователей Дакра – Хамфри Конингсби, Томаса Беверли, Генри Дентона и Томаса Кервена (Calendar... 1970 b, p. 634) [Etty 2005, p. 116]. В первые комиссии Генриха VIII кроме самого барона Дакра попали его брат Кристофер, Томас Кервен, Хамфри Конингсби, Генри Дентон и Джон и Хью Хаттоны (Letters and papers... 1862, № 717, 1048, 3553, 5506). В число мировых судей Камберленда в ноябре 1520 года вошли Кристофер Дакр, Томас Кервен, Хью Хаттон и Уильям Бьюли, которого год спустя барон будет рекомендовать в *custos rotulorum* (Letters and papers... 1867, № 1081 (17)). Наконец, в апреле 1524 года в мировую комиссию графства попали Кристофер Дакр, Кристофер Кервен, родственник Дакра, и клиенты барона – Джеффри и Уильям Ланкастеры (Letters and papers... 1875, № 297 (22)) [Ellis 1995, p. 104].

В Нортумберленде после того, как Томас Дакр стал генеральным стражем марок, в состав магистратов графства попали два его брата, Филипп и Кристофер. Сэр Эдвард Ратклифф и Роджер Фенвик, лейтенанты Дакра и выходцы из местного дворянства, также числились в комиссии. К числу слуг Дакра можно отнести еще одного мирового судью – Джона Беднелла (Letters and papers... 1862, № 3553, 5506). В качестве слуги Дакра его в 1518 году указывает канцлер епископа Даремского Уильям Франклин (Letters and papers... 1864, № 4258). В 1515 году в Нортумберленде из числа людей Дакра в мировую комиссию не попал никто (Letters and papers... 1864, № 249).

В мировые комиссии 1525 года, сформированные уже после осуждения барона, ни он, ни его наследник Уильям не попали. В Нортумберленде комиссия полностью была очищена от людей Дакра. В Камберленде сохранили пост мирового судьи Кристофер Дакр и два дворянина, тесно связанные с семьей Дакр, Уильям и Джеффри Ланкастеры (Letters and papers... 1875, № 1610).

После того как Уильям, лорд Дакр, был восстановлен в должности стража Западной марки, его включили в мировую комиссию в Камберленде, где он числился и в декабре 1530 года и декабре 1532 года (Letters and papers... 1875, № 6803; Letters and papers... 1880, № 1694). В феврале 1531 года Уильям Дакр был включен в мировую комиссию Нортумберленда и в следующих списках от марта и декабря 1532 года также упоминался в ее составе (Letters and papers... 1880, № 119, 909, 1694). Число родственников и клиентов барона среди магистратов Нортумберленда ограничивалось дядей лорда Уильяма, Кристофером Дакром. В Камберленде, где позиции Дакра были прочнее, число родственников и слуг среди

магистратов было большим. В число мировых судей входил дядя барона, сэр Кристофер Дакр, родственники барона лорд Коньерс и Уильям Парр и давние слуги семьи Джеффри и Уильям Ланкастеры (Letters and papers... 1880, № 119, 909, 1694).

Уильям Дакр так же, как и его отец, принимал участие в работе мировой комиссии, но активность его была ограничена исключительно Камберлендом. Весной 1528 года лорд Дакр общал Уолси, что организовал сессию мирового суда в Карлайле, где разбирал дела преступников. В этом же письме барон просил издать новый список мировых судей и включить в состав кворума мировой комиссии Камберленда новых магистратов, поскольку его малочисленность мешает проведению сессий (State Papers 1836, p. 492). В другом письме Дакр рассказывал о сессии мирового суда, проведенной 4 апреля 1528 года по его приказу. Она была посвящена разбирательству относительно побега опасного преступника Ричи Грэма. Лорд Уильям не только дал в письме отчет о разбирательстве, но и приложил материалы дела (State Papers 1836, p. 493).

Влияние Уильяма Дакра на работу мировых судей Камберленда проявлялось не только в том, что он мог организовать сессию суда. Если магистраты должны были разбирать дела, связанные с преступлениями слуг Дакра, то барон мог и помешать проведению сессии. Так случилось при разборе дел о нападениях слуг Уильяма, барона Дакра, на людей Генри Клиффорда, графа Камберленда. Граф обвинял Дакра в срыве сессии мировых судей. Дакр приказал шерифу, которым был один из его клиентов, оставаться в Науорте, одной из резиденций барона, и заниматься ее ремонтом и задержал в этом же замке Джеффри Ланкастера, судью из кворума и *custos rotulorum*. В результате сессия не смогла состояться (Letters and papers... 1875, № 4790).

Заключение

В результате мы видим, что как Томас, так и Уильям Дакр не только обладали приверженцами в числе магистратов, но и сами лично принимали участие в работе мировой комиссии, пытались повлиять на ее состав. Они могли не только помочь, но и помешать работе мировых судей, когда это было им выгодно. В то же время в Нортумберленде провести своих людей в мировые судьи Томасу Дакру не всегда удавалось. Связано это было, судя по всему, с тем, что в данном графстве он получил владения недавно благодаря выгодному браку и не смог обзавестись достаточным количеством влиятельных приверженцев. Влияние его в большей степени основывалось на занимаемой должности. В Камберленде у Дакра были большие компактные владения, поэтому в числе мировых судей Камберленда всегда было много людей барона.

Как показывает казус Дакров, наибольшего влияния на состав мировой комиссии у магната получалось достигнуть в том случае, когда совпа-

дали два условия: наличие обширных земельных владений в графстве и обладание должностями на королевской службе в его пределах. В такой ситуации аристократ имел возможность снизить вероятность появления альтернативного центра влияния и одновременно привлечь на службу авторитетных представителей местного дворянства. В противном случае он вынужден был постоянно бороться за исполнение своих приказов и был подвержен риску вовлечения в тяжбы с местными джентри.

Источники фактического материала

Articles of Accusation... 1828 – *Articles of Accusation preferred against Lord Dacre*, Warden of the East and Middle Marches between England and Scotland, by the inhabitants of Northumberland//Hodgson J. History of Northumberland. Newcastle, 1828. Vol. III (i). P. 31–40.

Calendar... 1970 a – *Calendar of Patent Rolls*. Henry VII. L.: HMSO, 1914: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 1. 1485–1494. 704 p.

Calendar... 1970 b – *Calendar of Patent Rolls*. Henry VII. L.: HMSO, 1916: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 2. 1495–1509. 908 p.

Letters & papers ... 1862 – *Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII*, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: 21 vols. L.: 1862–1921. Vol. 1. L.: HMS Office. 1862. 506 p.

Letters & papers... 1864 – *Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII*, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: 21 vols. L.: 1862–1921. Vol. 2. L.: HMS Office. 1864. URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol2> (accessed 11.10.2019).

Letters & papers... 1867 – *Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII*, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: 21 vols. L.: 1862–1921. Vol. 3. L.: HMS Office. 1867. URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol3> (accessed 11.10.2019).

Letters & papers... 1875 – *Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII*, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: 21 vols. L.: 1862–1921. Vol. 4. L.: HMS Office. 1875. URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol5> (accessed 11.10.2019).

Letters & papers... 1880 – *Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII*, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: 21 vols. L.: 1862–1921. Vol. 5. L.: HMS Office. 1880. URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol5> (accessed 11.10.2019).

State Papers... 1836 – *State Papers Henry VIII*: 11 vols. L.: 1830–1841. Vol. 4. L.: John Murray, 1836. 716 p.

Библиографический список / References

Beckingsale 1969 – *Beckingsale B.* The Characteristics of the Tudor North. *Northern History*, 1969, Vol. 4, pp. 67–83. DOI: <https://doi.org/10.1179/nhi.1969.4.1.67> [in English].

Charlton 1871 – *Charlton E.* Memorials of North Tynedale and its Four Surnames. Newcastle, 1871, 101 p. Available at: <https://archive.org/details/memorialsnortht00chargoog> [in English].

- Coward 1983 – *Coward B.* The Stanleys, Lords Stanley & Earls of Derby. 1385–1672. Manchester: Manchester university press, 1983, 252 p. DOI: 10.1017/S0003581500081105 [in English].
- Ellis 1995 – *Ellis S.G.* Tudor Frontiers and Noble Power: The Making of British State. Oxford: Oxford University Press, 1995, 332 p. [in English].
- Ellis 2018 – *Ellis S.G.* A crisis of lordship: Robert Ogle, Fifth Lord Ogle, and the Rule of Early Tudor Northumberland. *Northern History*, 55:1, pp. 61–75, DOI: 10.1080/0078172X.2018.1448565 [in English].
- Etty 2012 – *Etty C.* «Noo man indented for the keeping of the Borders»: Royal Administration of the Marches, 1483–1509. In: *England and Scotland at War, 1296–1513*. Leiden, Brill, 2012, pp. 329–353 [in English].
- Etty 2005 – *Etty C.* Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. Unpublished PhD thesis. Durham: Durham University, 2005. Available at: <http://etheses.dur.ac.uk/1283> [in English].
- Hodgson 1828 – *Hodgson J.* History of Northumberland. Newcastle, 1828. Vol. III (ii), 557 p. Available at: <https://archive.org/details/historyofnortpt202hodguoft> [in English].
- James 1986 – *James M.* Society, Politics and Culture. Studies in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 485 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511560613> [in English].
- Ross 2011 – *Ross J.* John de Vere, Thirteenth Earl of Oxford, 1442–1513. 'The Foremost Man of the Kingdom'. Woodbridge: Boydell press, 2011, 294 p. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.7722/j.ctt81hh0> [in English].
- Scott 2011 – *Scott H.* The early modern European nobility and its contested historiographies, c. 1950–1980. In: *Contested Spaces of Nobility in Early Modern Europe*. Ed. by M. Romaniello and C. Lipp. Aldershot: Ashgate press, 2011, pp. 11–39 [in English].
- Stone 1965 – *Stone L.* Crisis of Aristocracy. 1558–1640. Oxford: Clarendon press, 1965. 841 p. [in English].
- Tudor nobility... 1992 – *The Tudor nobility*. Ed. by G. Bernard. Manchester: Manchester university press, 1992, 312 p. [in English].
- Stasevich 2015 – *Stasevich V.A.* Titulovannaya znat' v sostave mirovykh sudei pri Genrikhe VIII [Titled nobility among the justices of the peace under Henry VIII]. *Vestnik SPbGU. Ser. 2* [Vestnik of Saint-Petersburg University. History], 2015, Issue 1, pp. 122–131. Available at: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s02/s02v1/13.pdf> [in Russian] = Стасевич В.А. Титулованная знать в составе мировых судей при Генрихе VIII // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 1. С. 122–131. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s02/s02v1/13.pdf>.

ПЕДАГОГИКА

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-67-72
УДК 378.14.015.62

Дата поступления статьи: 27/IX/2019
Дата принятия статьи: 5/XII/2019

Н.М. Мельник, В.М. Нестеренко

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА К САМОРЕАЛИЗАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Мельник Надежда Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Психология и педагогика», Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

E-mail: prfgo@rambler.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-2422-954X>

© Нестеренко Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Психология и педагогика», Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

E-mail: nesterenko.fgo@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1381-6992>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема конвертируемости человеческого потенциала, создаваемого в процессе получения высшего образования, в человеческий капитал, обеспечивающий высокие темпы инновационного роста конкурентоспособной национальной экономики. Доказываются необходимость и возможность формирования интеллектуально-информационной поддержки коэволюции человеческого потенциала и человеческого капитала в условиях инновационной экономики. Утверждается, что коэволюция человеческого потенциала и человеческого капитала обеспечивается умением специалиста реализовать взаимодействие с быстро меняющейся реальной профессиональной средой в реальном времени с целью создания инновационного продукта. Предложена и математически обоснована концепция создания интеллектуально-информационной поддержки коэволюции человеческого потенциала и человеческого капитала. В результате внедрения разработанной системы решается задача подготовки выпускника вуза к самореализации в будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: коэволюция, человеческий потенциал, человеческий капитал, деятельностная модель дидактической платформы, интеллектуально-информационная поддержка.

Цитирование. Мельник Н.М., Нестеренко В.М. Педагогические условия подготовки выпускников вуза к самореализации в профессиональной деятельности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 67–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-67-72>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-67-72
UDC 378.14.015.62

Submitted: 27/IX/2019
Accepted: 5/XII/2019

N.M. Melnik, V.M. Nesterenko

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF PREPARATION OF UNIVERSITY GRADUATES FOR SELF-REALIZATION IN PROFESSIONAL ACTIVITY

© Melnik Nadezhda Mihailovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 433100, Russian Federation.

E-mail: prfgo@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2422-954X>

© Nesterenko Vladimir Mihailovich – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 433100, Russian Federation.

E-mail: nesterenko.fgo@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1381-6992>

ABSTRACT

The article examines the problem of convertibility of human potential created in the process of obtaining higher education into human capital, ensuring high rates of innovative growth of a competitive national economy. The necessity and possibility of formation of intellectual-informational support for the co-evolution of human potential and human capital in an innovative economy are proved. It is argued that the co-evolution of human potential and human capital is ensured by the ability of a specialist to interact with a rapidly changing real professional environment in real time in order to create an innovative product. The concept of creating intellectual-informational support for the co-evolution of human potential and human capital is proposed and mathematically justified. As a result of the implementation of the developed system, the task of preparing a university graduate for self-realization in future professional activities is solved.

Key words: co-evolution, human potential, human capital, effective model of the didactic platform, intellectual-information support.

Citation. Melnik N.M., Nesterenko V.M. *Pedagogicheskie usloviya podgotovki vypusknikov vuza k samorealizatsii v professional'noi deyatel'nosti* [Pedagogical conditions of preparation of university graduates for self-realization in professional activity]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 67–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-67-72> [in Russian].

Постановка проблемы

Каждый этап общественного развития, отличающийся наукоемкостью технологий, модификацией видов и форм профессиональной деятельности, глубиной, сложностью, новизной, вариативностью профессиональных задач, соотношением времени «жизни» наличествующих технологий и продолжительности периода трудовой деятельности человека, обуславливает существенные изменения в высшей школе.

Именно сфера высшего образования, откликаясь на общественные и цивилизационные проблемы, будучи чувствительна к ним, способна и обязана оказывать существенное влияние на развитие тех или иных тенденций в обществе, поддерживать их, находить свои специфические возможности решения глобальных и локальных проблем [Гершунский 1997].

Высшее образование играет особую роль в создании человеческого потенциала, являющегося сегодня главным стратегическим ресурсом, основным источником инновационного роста конкурентоспособной национальной экономики и качества жизни [Как сделать образование... 2019; Кузьминов, Песков 2017; Collins 2017]. Исследовате-

ли под человеческим потенциалом понимают: совокупность физических и интеллектуальных способностей человека; приобретенный запас знаний, умений, навыков, компетенций; готовность человека целесообразно использовать свои физические и интеллектуальные способности, знания, умения, навыки, компетенции в той или иной сфере профессиональной деятельности.

В условиях цифровой экономики, создания и реализации технологий искусственного интеллекта решающим фактором инновационного развития экономики и общества является базовый элемент человеческого капитала – интеллектуальный капитал: это знание, воплощенное в нематериальных активах (в технологических, производственных, продуктовых, управленческих инновациях); это способность генерировать и осваивать инновации [Склярова 2012; Levy, Murnane 2017]. Человеческий потенциал становится капиталом в результате продуктивной производительной деятельности. Утверждается, что человеческий капитал – это умение не только преуспевать на рабочем месте, но и совершенствоваться и создавать новые рабочие места, структуры и виды деятельности [Как сделать образование... 2019].

Основой человеческого капитала является человеческий потенциал [Базылева 2018; Мокроносов, Крутин 2017]. В то же время многие исследователи обращают внимание на то, что колоссальный человеческий потенциал, создаваемый традиционной системой высшего образования, не конвертируется в высокие темпы экономического роста [Kuzminov, Sorokin, Froumin 2019; Bosio eds 2018; Переверзева 2011]. Ученые отмечают неизбежность роста «некапитализированного» человеческого потенциала – людей с набором полезных навыков, не включенных в экономику в полной мере, поскольку они не находят себе места на рынке труда, так как не обладают теми знаниями, умениями, способностями, компетенциями, которые давали бы существенно большую отдачу, как личную, так и для общества в целом [Как сделать образование... 2019; Estrin, Mickiewicz, Stephan 2016].

Концептуальные положения

Исследования показывают, что до сих пор основная идея высшего образования заключалась в улучшении подготовки специалистов. Данная идея целесообразна в условиях, когда время «жизни» технологий соизмеримо со временем трудовой жизни человека, что делает процесс обучения линейно управляемым, а результат обучения – предсказуемым.

В условиях научно-технологической революции, когда каждая следующая волна технологической революции проходит быстрее, чем предыдущая, возникают большие сложности в прогнозировании результатов профессиональной подготовки, которые уже не соответствуют тем критериям, которые на протяжении более полувека развивались в русле теории человеческого капитала. Несмотря на существенный рост инвестиций в образование в большинстве стран мира, экспертное сообщество признает невысокую эффективность систем высшего образования для повышения качества человеческого капитала.

Исследованиями доказано, что устранения данного противоречия можно достичь за счет создания педагогических условий, позволяющих реализовать коэволюцию человеческого потенциала и человеческого капитала.

С позиций системного и синергетического подходов феномен коэволюции представляет собой соразвитие взаимодействующих открытых, развивающихся систем, обладающих определенным внутренним содержанием и обменивающихся энергией и информацией [Аршинов; Хакен 1991; Bertalanffy 1950]. Изменение одной системы приводит к изменению другой, эти изменения, в свою очередь, вызывают изменения в первой и так далее. Процесс коэволюции, вследствие согласованности и одновременности эволюции участвующих в нем систем, играет роль положительной обратной связи, что многократно ускоряет процесс эволюции каждой отдельной системы [Князева, Курдюмов].

Коэволюционирующие системы фактически направляют и «подталкивают» развитие друг друга. Коэволюция человеческого потенциала и человеческого капитала создает комплекс совместных коадаптаций к изменениям внешних условий (большие вызовы, вызовы глобальной конкуренции и т. д.), повышающих эффективность взаимодействия с внешней средой, обеспечивающих долговременную стабильность и оптимизацию использования человеческого потенциала.

В традиционном высшем образовании создание педагогических условий для коэволюции человеческого потенциала и человеческого капитала не является приоритетной целью. Опосредованно данное соответствие обеспечивается за счет формирования компетенций, отвечающих требованиям профессионального стандарта в процессе обучения в университете, повышения квалификации, переподготовки, ценность которых ограничена временем и местом применения. С ускорением развития профессиональной среды (технологическая трансформация, цифровая экономика, новые бизнес-модели и др.) процесс доучивания, переучивания становится практически постоянным, затратным, занимающим все больше времени и в конечном итоге тупиковым.

Исследования авторов показывают, что коэволюция человеческого потенциала и человеческого капитала обеспечивается умением специалиста реализовать взаимодействие с быстро меняющейся реальной профессиональной средой в реальном времени и профессиональном пространстве с целью создания качественно нового продукта (новые свойства, новые функции), в том числе не имеющего аналогов.

Обеспечению отношений человека с миром, его системе деятельности способствует процесс преобразования форм получаемой информации. Именно этот процесс становится механизмом развития потребностей – способностей специалиста, что составляет сущность профессионального саморазвития: средствами профессионального саморазвития специалиста являются системы активного мира, взаимодействие с которыми учит созиданию. Результатом профессионального саморазвития специалиста являются созидательные способности, которые и меняют позиции, ценностные ориентации, сознание, деятельность.

В ходе осмысления проблемы была разработана концепция создания интеллектуально-информационной поддержки (ИИП) потенциала человека в реальной профессиональной деятельности конкретных организаций, вследствие чего вырабатывается персональная культура созидания актуального продукта. Ключевым понятием в образовательной политике становится «свобода конструирования и выбора технологий, дифференциации путей и методов образовательной деятельности». Исходной позицией в принятой концепции является аксиома, что объективная информация содержит лишь отображение изменений па-

раметров объекта, возникающих при воздействии субъекта на объект и воспринимаемых субъектом. Сложным при формировании персональной культуры созидания актуального продукта является процесс трансформации накопленного человеческого потенциала в человеческий капитал конкретного производства в течение всей трудовой деятельности.

С позиций системного подхода обучающийся относится к классу систем высокого уровня сложности – активным системам. Для внешнего описания поведения таких систем возникает необходимость создания языка, который мог бы описывать поведение любых (в том числе активных) систем в одних и тех же терминах. Такими аксиоматическими свойствами мы наделяем направления активности ИИП [Nesterenko 2018].

Рассмотрим вариант активных систем S_1 и S_2 (человеческий потенциал и человеческий капитал) и пассивной среды E . В нашем случае возможен лишь вариант $S_1 \xrightarrow{+} E \xleftarrow{+} S_2$. Система S_1 воздействует на пассивную среду E , но пассивная среда E не воздействует на систему S_2 . Система S_2 воздействует на пассивную среду E , но пассивная среда E не воздействует на систему S_1 . Обнаруживается парадоксальная ситуация, когда каждая из систем (человеческий потенциал и человеческий капитал), несмотря на то что обе воздействуют друг на друга, воздействий со стороны другой не получает (состояние не изменяется).

В реальности система S_1 реализуется в различных типах и видах сред E , сочетание которых представляет инфраструктуру конкретных организаций или предприятий. План поведения системы S_1 при этом строится на основе согласованного соотношения отображений состояний систем S_1 и S_2 в единой системе параметров порядка ИИП для актуального состояния среды, что обеспечивает аксиоматическое определение возможности реализации того или иного типа взаимодействия систем со средой. Новая целостная система должна различать требуемое воздействие от нетребуемого. Такие свойства в целостную систему привносит подсистема ИИП за счет ее направленности на отражение изменений состояния параметров объекта на каждом шаге созидания продукта деятельности, трансформируя человеческий потенциал в человеческий капитал. Основная функция отображающей подсистемы ИИП заключается в детерминации направленности действий по отношению к той или иной среде и ее элементам, что подтверждает ее мотивационную функцию. Очевидно, что в случае изменения окружающей среды для реализации системы того или иного воздействия необходимо знание сред и их характеристик. Подсистема ИИП отображает эти изменения в функции актуализированных аксиоматических направлений активности.

Данные логико-системного анализа позволяют обосновать необходимость и достаточность управления системой и средой на основе согласования

взаимовлияния человеческого потенциала и человеческого капитала. Источником осознанного создания новых знаний является не только естественная эволюция среды, но и согласованная самоорганизация знания [Нестеренко 2015], на фоне которой действует механизм отбора.

Педагогические условия реализации

В ходе исследования были определены педагогические условия, обеспечивающие воплощение данных концептуальных положений в реальность.

1. Деятельность как «единственно исходно существующее» [Щедровицкий 2005], причина всех возможных изменений состояния любого объекта вызывает изменения в объекте воздействия, которые отражаются в виде информации. Результат воздействия на объект оценивается по информации, отражающей изменение параметров состояния объекта, что позволяет субъекту деятельности (обучающему, специалисту) осознавать, прогнозировать, оценивать результат своей деятельности, проявляющийся в создании качественно нового продукта с инновационной ценностью, нового капитализируемого знания о процессе организации и реализации взаимодействия с реальной средой в реальном времени (капитализируемое знание – это знание, преобразованное в интеллектуальный капитал).

2. Системообразующим фактором деятельности модели дидактической платформы является интеллектуально-информационная поддержка специалиста, сущность которой заключается в параметрическом (на основе параметров порядка с сетевым и реляционным представлением и обработкой информации) управлении конструированием нового ценного знания, реализованного в инновационном продукте [Мельник 2018].

3. Основой интеллектуально-информационной поддержки специалиста выступает сформированная в сознании обучающегося конвергентная модель продуктивной деятельности специалиста [Мельник 2017]. В данном представлении изначально заложены исходные условия и механизм создания нового ценного знания о процессе организации и реализации взаимодействия с реальной средой профессиональной деятельности.

Содержание пространства представления продуктивной деятельности специалиста выражается унарными параметрами порядка, которые представляют набор изменений состояния параметров объекта преобразовательной деятельности, системе мер и критериев оценки актуальности [Нестеренко 2016].

Пространство представления продуктивной деятельности специалиста (ПППДС) ценно в течение всей трудовой жизнедеятельности человека, так как его параметры не зависят ни от времени, ни от места профессиональной деятельности, ни от состояния среды профессиональной деятельности.

Выводы

В условиях быстро меняющейся профессиональной среды, когда невозможно заранее определить востребованные трудовые функции, знания, умения, способности, компетенции специалиста, конвертация человеческого потенциала в высокие темпы экономического роста может быть обеспечена в результате управляемой коэволюции человеческого потенциала и человеческого капитала.

В процессе обучения необходимо оказывать интеллектуально-информационную поддержку коэволюции человеческого потенциала и человеческого капитала, что позволяет конструировать новое ценное конвертируемое знание в ходе профессиональной деятельности без ограничения: в любое время в любой точке профессионального пространства.

Реализация прямой связи «деятельность – знание – деятельность по изменению параметров состояния объекта на качественно новом уровне» позволяет обеспечивать непрерывный процесс профессионального саморазвития субъекта деятельности в процессе обучения в вузе и в ходе профессиональной деятельности.

Библиографический список

- Bertalanffy 1950 – *Bertalanffy L. von.* (1950) An Outline of General System Theory // *British Journal for Philosophy of Science*, Vol. 1, No 2, pp. 139–164. URL: http://www.isnature.org/Events/2009/Summer/r/Bertalanffy1950-GST_Outline_SELECT.pdf.
- Bosio, Minola, Origo, Tomelleri 2018 – *Bosio G., Minola T., Origo F., Tomelleri S. (eds.)* (2018) Rethinking Entrepreneurial Human Capital: The Role of Innovation and Collaboration. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-90548-8 [in English].
- Collins 2017 – *Collins A.* (2017) What's worth teaching: Rethinking curriculum in the age of technology. New York: Teachers College Press.
- Estrin, Mickiewicz, Stephan 2016 – *Estrin S., Mickiewicz T., Stephan U.* (2016) Human capital in social and commercial entrepreneurship // *Journal of Business Venturing*. 31 (4): 449–467. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2016.05.003.
- Kuzminov, Sorokin, Froumin 2019 – *Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I.* (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 2, pp. 19–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41.
- Levy, Murnane 2017 – *Levy F., Murnane R.J.* (2017) How Computerized Work and Globalization Shape Human Skill Demands // *Learning in the Global Era: International Perspectives on Globalization and Education* / M. Suarez-Orozco, ed. University of California Press: Berkeley, CA, USA. DOI: 10.1525/california/9780520254343.003.0008.
- Nesterenko 2018 – *Nesterenko V.M.* (2018) Conceptual principles of engineering education based on the approach to evolutionary activity, in *Handbook on research in the field of engineering education in a global context* (pp. 463–476). IGI Global, Hershey, Pennsylvania, USA. DOI: 10.4018/978-1-5225-3395-5.ch039.
- Аршинов – *Аршинов В.И.* Время синергетики. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/vremya-sinergetiki>.
- Базылева 2018 – *Базылева М.* Человеческий потенциал и проблемы его трансформации в человеческий капитал // *Наука и инновации*. 2018. № 179. С. 15–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35086618>.
- Гершунский 1997 – *Гершунский Б.С.* Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры (прогностическая гипотеза образовательного триумфа). М.: МПСИ, 1997. 120 с.
- Как сделать образование... 2019 – *Как сделать образование двигателем социально-экономического развития?* / Я.И. Кузьминов [и др.]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 284 с. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2019/06/21/1488487037/Obrazovanie-text.pdf>.
- Князева, Курдюмов – *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Коэволюция: человек как соучастник коэволюционных процессов. URL: <http://km.ru/referats/80DB4B7016834B3CB9F9DE30384B03B1>.
- Кузьминов, Песков 2017 – *Кузьминов Я.И., Песков Д.Н.* Дискуссия «Какое будущее ждет университеты» // *Вопросы образования*. 2017. № 3. С. 202–233. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-202-233.
- Мельник 2017 – *Мельник Н.М.* Эволюционно-деятельностное образование – основа системной консолидации инновационной деятельности университета, предприятий, бизнеса // *Научное мнение*. 2017. № 12. С. 62–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30780686>.
- Мельник 2018 – *Мельник Н.М.* Деятельностная дидактическая платформа развития опорного университета // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2018. Т. 4. № 4. С. 20–31. URL: <http://rrpedagogy.ru/journal/article/1527>.
- Мокроносов, Крутин 2017 – *Мокроносов А.Г., Крутин Ю.В.* Человеческий капитал или человеческий потенциал // *Идеи и Идеалы*. 2017. Т. 2. № 2 (32). С. 80–89. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-80-89.
- Нестеренко 2015 – *Нестеренко В.М.* Концептуальные положения системной генерации решения актуальных профессиональных задач // *Вестник Самарского государственного технического университета*. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2015. № 3 (27). С. 161–169. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25109275>.
- Нестеренко 2016 – *Нестеренко В.М.* Концептуальные основы эволюционно-деятельностного инженерного образования. Управление качеством инженерного образования. Возможности вузов и потребности промышленности: тезисы доклада // *Вторая международная научно-методическая конференция в рамках Международного научного конгресса «Наука и инженерное образование»*. М., 2016. С. 255–257.
- Переверзева 2011 – *Переверзева А.В.* Человеческий потенциал и человеческий капитал: взаимосвязь и взаимовлияние // *Проблемы развития инновационно-креативной экономики*. 2011. С. 449–456. URL: <http://bgscience.ru/lib/10847>.
- Склярова 2012 – *Склярова Е.Е.* Концептуальная модель инновационной экономики // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 9. С. 155–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-innovatsionnoy-ekonomiki>.
- Хакен 1991 – *Хакен Г.* Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991. 240 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3374359/34a68a>.
- Щедровицкий 2005 – *Щедровицкий Г.П.* Знак и деятельность. Кн. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания. М.: Восточная литература, 2005. 464 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_poznaniya/shhedrovickij_znak_deyatelnost_1-struktura_znaka/45-1-0-5176.

References

- Bertalanffy 1950 – Bertalanffy L. von. (1950) An Outline of General System Theory. *British Journal for Philosophy of Science*, Vol. 1, No. 2, pp. 139–164. Available at: http://www.isnatura.org/Events/2009/Summer/r/Bertalanffy1950-GST_Outline_SELECT.pdf [in English].
- Bosio, Minola, Origo, Tomelleri 2018 – Bosio G., Minola T., Origo F., Tomelleri S. (Eds.) (2018) Rethinking Entrepreneurial Human Capital: The Role of Innovation and Collaboration. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-90548-8 [in English].
- Collins 2017 – Collins A. (2017) What's worth teaching: Rethinking curriculum in the age of technology. New York: Teachers College Press [in English].
- Estrin, Mickiewicz, Stephan 2016 – Estrin S., Mickiewicz T., Stephan U. (2016) Human capital in social and commercial entrepreneurship // *Journal of Business Venturing*. 31(4): 449–467. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2016.05.003 [in English].
- Kuzminov, Sorokin, Froumin 2019 – Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 2, pp. 19–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41 [in English].
- Levy, Murnane 2017 – Levy F., Murnane R.J. (2017) How Computerized Work and Globalization Shape Human Skill Demands. In: *Learning in the Global Era: International Perspectives on Globalization and Education*. M. Suarez-Orozco, ed. University of California Press: Berkeley, CA, USA. DOI: 10.1525/california/9780520254343.003.0008 [in English].
- Nesterenko 2018 – Nesterenko V.M. (2018) Conceptual principles of engineering education based on the approach to evolutionary activity. In: *Handbook on research in the field of engineering education in a global context* (pp. 463–476). IGI Global, Hershey, Pennsylvania, USA. DOI: 10.4018/978-1-5225-3395-5.ch039 [in English].
- Arshinov – Arshinov V.I. *Vremya sinergetiki* [Synergy time]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/vremya-sinergetiki> [in Russian].
- Bazyleva 2018 – Bazyleva M. *Chelovecheskii potentsial i problemy ego transformatsii v chelovecheskii kapital* [Human potential and the problems of its transformation into human capital]. *Nauka i innovatsii* [The Science and Innovations], 2018, no. 179, pp. 15–19. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35086618> [in Russian].
- Gershunsky 1997 – Gershunsky B.S. *Obrazovanie v tret'em tysyacheletii: garmoniia znaniya i very (prognosticheskaya gipoteza obrazovatel'nogo triumfa)* [Education in the third millennium: the harmony of knowledge and faith (prognostic hypothesis of educational triumph)]. M.: MPSI, 1997, 120 p. [in Russian].
- Kak sdelat' obrazovanie... 2019 – Ya.I. Kuzminov [et al.] *Kak sdelat' obrazovanie dvigatelem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya?* [How to make education the engine of socio-economic development]. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 284 p. Available at: <https://ioe.hse.ru/data/2019/06/21/1488487037/Obrazovanie-text.pdf> [in Russian].
- Knyazeva, Kurdyumov – Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Koevolutsiya: chelovek kak souchastnik koevolutsionnykh protsessov* [Co-evolution: man as an accomplice in co-evolutionary processes]. Available at: <http://km.ru/referats/80DB4B7016834B3CB9F9DE30384B03B1> [in Russian].
- Kuzminov, Peskov 2017 – Kuzminov Ya.I., Peskov D.N. *Diskussiya «Kakoe budushchee zhdet universitetu»* [Discussion «What Tomorrow Holds for the Universities»]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow], 2017, no. 3, pp. 202–233. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-202-233 [in Russian].
- Melnik 2017 – Melnik N.M. *Evolutsionno-deyatelnostnoe obrazovanie – osnova sistemnoi konsolidatsii innovatsionnoi deyatelnosti universiteta, predpriyati, biznesa* [Evolution- and activity-based education as a basis of the systemic consolidation of innovation activity of universities, enterprises and business]. *Nauchnoe mnenie* [The Scientific Opinion], 2017, no. 12, pp. 62–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30780686> [in Russian].
- Melnik 2018 – Melnik N.M. *Deyatelnostnaya didakticheskaya platforma razvitiya opornogo universiteta* [The active didactic platform of the evolution of the flagship university]. *Nauchnyiye rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* [Research result. Pedagogy and Psychology of Education], 2018, Vol. 4, no. 4, pp. 20–31. Available at: <http://rrpedagogy.ru/journal/article/1527/> [in Russian].
- Mokronosov, Krutin 2017 – Mokronosov A.G., Krutin Yu.V. *Chelovecheskii kapital ili chelovecheskii potentsial* [Human capital or human potential]. *Idey i Idealy* [Ideas & Ideals], 2017, Vol. 2, no. 2(32), pp. 80–89. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-80-89 [in Russian].
- Nesterenko 2015 – Nesterenko V.M. *Kontseptual'nye polozheniya sistemnoi generatsii resheniya aktual'nykh professional'nykh zadach* [Systemic generation of solving necessary professional the tasks]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser.: Psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Samara State Technical University, Ser.: Psychological and Pedagogical Sciences], 2015, no. 3 (27), pp. 161–169. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25109275> [in Russian].
- Nesterenko 2016 – Nesterenko V.M. *Kontseptual'nye osnovy evolyutsionno-deyatelnostnogo inzhenerenogo obrazovaniya. Upravlenie kachestvom inzhenerenogo obrazovaniya. Vozmozhnosti vuzov i potrebnosti promyshlennosti: tezisy doklada* [Conceptual foundations of evolutionary activity engineering education. Quality management of engineering education. University opportunities and industry needs: theses]. In: *Vtoraya mezhdunarodnaya nauchno-metodicheskaya konferentsiya vramkakh Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Nauka i inzhenernoe obrazovanie»* [Second international research and methodological conference within the framework of the International Scientific Congress «Science and Engineering Education»]. M., 2016, pp. 255–257 [in Russian].
- Pereverzeva 2011 – Pereverzeva A.V. *Chelovecheskii potentsial i chelovecheskii kapital: vzaimosvyaz' i vzaimovliyaniye* [Human potential and human capital: interconnection and mutual influence]. *Problemy razvitiya innovatsionno-kreativnoi ekonomiki* [Problems of development of innovative-creative economy], 2011, pp. 449–456. Available at: <http://bgscience.ru/lib/10847> [in Russian].
- Sklyarova 2012 – Sklyarova E.E. *Kontseptual'naya model' innovatsionnoi ekonomiki* [Conceptual model of the innovative economy]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], 2012, no. 9, pp. 155–164. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-innovatsionnoy-ekonomiki> [in Russian].
- Haken 1991 – Haken G. *Informatsiya i samoorganizatsiya: makroskopicheskii podkhod k slozhnym sistemam* [Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems]. M.: Mir, 1991, 240 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3374359/34a68a> [in Russian].
- Shchedrovitsky 2005 – Shchedrovitsky G.P. *Znak i deyatelnost'. Kn. 1. Struktura znaka: smysly, znacheniya, znaniya* [Sign and activity. Book 1. The structure of the sign: meanings, values, knowledge]. M.: Vostochnaya literatura, 2005, 464 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofiya_poznaniya/shchedrovitskiy_znak_deyatelnost_1_struktura_znaka/45-1-0-5176 [in Russian].

А.И. Савельев

СПЕЦИФИКА ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ – ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ

© Савельев Андрей Иванович – старший преподаватель, кафедра боевого применения авиационного вооружения, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани, 446007, Самарская область, г. Сызрань-7, ул. Маршала Жукова, 1.

E-mail: savandrew010871@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0190-236X>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема военно-профессиональной подготовки курсантов – военных летчиков в военном авиационном вузе, формирующей готовность к практической деятельности. Актуальность исследования обусловлена потребностями модернизации Вооруженных сил Российской Федерации в сложившихся внешних и внутренних условиях жизни государства. Военно-профессиональная деятельность курсантов – военных летчиков рассматривается как процесс решения профессиональных задач, обеспечивающих готовность авиационных подразделений к обеспечению военной безопасности страны.

Раскрывается значимость командно-методической деятельности в структуре военно-профессиональной деятельности офицера. С опорой на деятельностный подход определяются командные и методические задачи в содержании военно-профессиональной деятельности, доказывается ведущая роль командно-методической деятельности. На основе функционального подхода и принципа идентификации определяются функции командно-методической деятельности: военно-летная, организационно-управленческая и учебно-воспитательная.

Приводятся аргументы относительно командно-методической компетентности курсантов – военных летчиков в период их обучения в военном авиационном вузе. Конкретизируются специфика и особенность военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков.

Ключевые слова: курсант – военный летчик, военно-профессиональная деятельность, командно-методическая деятельность, командно-методическая компетентность.

Цитирование. Савельев А.И. Специфика военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 73–78. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-73-78>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

A.I. Savelev

SPECIFICITY OF MILITARY-PROFESSIONAL ACTIVITIES OF CADETS – MILITARY PILOTS

© *Savelev Andrey Ivanovich* – senior lecturer, Department of Combat Use of Aircraft Weapons, Branch of the Military Educational and Scientific Center of the Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» in Syzran, 1, Marshal Zhukov Street, Syzran-7, 446007, Russian Federation.

E-mail: savandrew010871@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0190-236X>

ABSTRACT

The article considers the problem of military-professional training of cadets – military pilots in a military aviation university, which forms a readiness for practical activities. The relevance of the study is due to the needs of modernization of the Armed Forces of the Russian Federation in the current external and internal conditions of life of the state. The military-professional activity of cadets-military pilots is considered as a process of solving professional tasks that ensure the readiness of aviation units to ensure the military security of the country.

The significance of the command-methodological activity in the structure of the military-professional activity of an officer is revealed. Based on the activity approach, team and methodological tasks in the content of military-professional activity are determined, the leading role of command-methodological activity is proved. On the basis of the functional approach and the principle of identification, the functions of command-methodological activities are determined: military-flight, organizational-managerial and educational.

Arguments are given regarding the command-methodological competence of cadets-military pilots during their training at a military aviation university. The specificity and peculiarity of the military-professional activity of cadets – military pilots is specified.

Key words: cadet-military pilot, military-professional activity, command-methodological activity, command-methodological competence.

Citation. Savelev A.I. *Spetsifika voenno-professional'noi deyatel'nosti kursantov – voennykh letchikov* [Specificity of military-professional activities of cadets – military pilots]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 73–78. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-73-78> [in Russian].

Введение

Современный этап модернизации и развития Вооруженных сил Российской Федерации, обусловленный военно-политическими, военнотехническими и социально-экономическими факторами, актуализирует проблему военнoproфессиональной подготовки будущих офицеров. Роль военной авиации в происходящих локальных войнах и вооруженных конфликтах, задача совершенствования системы воздушно-космической обороны, поставленная Военной доктриной Российской Федерации, вызывают потребность Воздушно-космических сил в высококвалифицированных военных летчиках, способных к грамотной эксплуатации авиационных комплексов и к эффективному руководству авиационными подразделениями. Исторически сложившаяся система подготовки российских военных летчиков, включающая подсистемы военного образования и боевой подготовки, подтверждает особую роль военнoproфессиональной подготовки курсантов – военных летчиков в военных авиационных вузах [Равлык 2009]. Направления развития Вооруженных сил и военного образования влияют на содер-

жание тенденций военнoproфессиональной подготовки курсантов [Горемыкин 2017], одной из которых является усиление практической направленности обучения, максимально приближенного к военнoproфессиональной деятельности в войсках.

Степень разработанности проблемы

Деятельность курсантов – военных летчиков относится к военнoproфессиональной деятельности офицеров, которая требует совокупности умений, навыков и способностей, необходимых для выполнения функциональных обязанностей в различных условиях сложной и непредсказуемой обстановки [Колодовский 2016]. Анализ литературных источников свидетельствует о различиях в понимании исследователями видов и функций военнoproфессиональной деятельности офицера. По мнению А.А. Ломакина, военнoproфессиональная деятельность офицера – это процесс мотивированного разрешения им профессиональных проблемных ситуаций, возникающих в войсковой практике в мирное время, при подготовке и ведении боевых действий в военное время при помощи ме-

тодов, приемов и средств взаимодействия (воздействия) руководителя и подчиненного, что требует определенной подготовки и образования [Ломакин 2014]. Исследователи (В.И. Вдовюк, С.А. Иванов, В.М. Коровин, Ю.С. Синкевич) рассматривают различные виды и функции военно-профессиональной деятельности, которые офицер осуществляет в зависимости от должностного предназначения и поставленной цели. Среди всего многообразия видов деятельности выделяются военно-специальная, учебно-воспитательная и организационно-управленческая, что обеспечивает подготовку офицеров как военных специалистов, педагогов и управленцев [Иванов 2016]. Особый интерес авторы проявляют к личности офицера как командира и педагога, к сочетанию его организационно-управленческой и педагогической деятельности.

Организационно-управленческая деятельность занимает исключительно важное место в деятельности каждого офицера и проявляется по-разному в зависимости от должностного уровня. Для армейской реальности при работе с личным составом более подходит термин «командовать» вместо «управлять» [Ихтисанов, Петкин 2016]. Специфика военно-профессиональной деятельности не учитывается исследователями (А.Д. Малышева, В.С. Окунева) при определении понятия «командная деятельность»: она трактуется как работа в команде [Малышева 2017]. Исследователи (Т.Г. Аргунова, И.В. Никишина, И.П. Пастухова, Л.Г. Семушина и др.), несмотря на некоторые различия в точках зрения, рассматривают методическую деятельность в структуре педагогической деятельности. Характеристиками понятия «методическая деятельность» являются плановость, последовательность, нормативность проведения различных мероприятий. Однако значимость командной и методической деятельности офицера требует командно-методических навыков курсантов военных вузов [Коваленко 2012].

На основе изучения анализа литературных источников приходим к выводу, что командно-методическая деятельность офицера как вид военно-профессиональной деятельности по анализу, планированию и разработке совокупности профессиональных средств, обеспечивающих выполнение повседневных мероприятий и боевых задач в соответствии с требованиями руководящих документов, достигает цели, если сформирована способность оперативно в предельно сжатые сроки принимать и доводить до исполнения оптимальные решения.

Профессия военного летчика наиболее сложная и опасная среди военных специальностей. За столетний период развития военной авиации профессиональная квалификация «пилот-авиатор» трансформировалась в «летчика-инженера», а подготовка военных летчиков из профессиональной переподготовки – в многоэтапный образовательный процесс, являющийся предметом авиационной пе-

дагогики [Асанов 2018]. Адекватно стремительному развитию военной авиации изменялись виды профессиональной деятельности военных летчиков: от выполнения вспомогательных задач на поле боя (разведки, наблюдения, фотографирования) до боевого применения авиационных комплексов и руководства авиационными частями и подразделениями. Сегодня курсантами – военными летчиками являются военнотружущие, обучающиеся в военном авиационном вузе по специальности 25.05.04 «Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов». Они должны быть подготовлены к выполнению должностных обязанностей командиров экипажей, а после получения служебного опыта – замещать должность командира эскадрильи.

Военно-профессиональная подготовка курсантов – военных летчиков в военных авиационных вузах должна осуществляться с учетом потребностей войск, однако это не всегда выполняется в полной мере. Проведенный анализ отзывов на выпускников военных авиационных вузов выявил определенные недостатки: недостаточно сформированные командно-методические навыки и личностные качества офицера (военно-профессиональная направленность, ответственность, педагогические и организаторские способности, компетентность, моральные качества). Таким образом, требуется внимание к формированию в процессе военно-профессиональной подготовки способностей, в совокупности обеспечивающих готовность к командно-методической деятельности.

Сложилось противоречие между потребностями войск в военных летчиках, обладающих готовностью к командно-методической деятельности, и отсутствием научного представления о содержании командно-методической компетентности как о личностном новообразовании, которое обеспечивает успешность данной деятельности.

Результаты исследования

Востребованность профессии военного летчика обусловлена развитием авиационной техники и вооружения, форм вооруженной борьбы, необходимостью обеспечения военной безопасности государства. Военно-профессиональная деятельность военного летчика представляет собой вооруженное противоборство с противником в воздухе в военное время и всестороннюю подготовку к нему в мирное. Объектами деятельности являются подчиненные военнотружущие, авиационные подразделения и авиационные комплексы при выполнении боевых задач и повседневных мероприятий. Деятельность военного летчика отличается целенаправленностью, которая обеспечивается высокой мотивацией к выполнению воинского долга, оперативностью принятия и реализации командирского решения, ответственностью за его последствия.

Квалификационными требованиями к военно-профессиональной подготовке курсантов – военных летчиков определены следующие виды военно-профессиональной деятельности: эксплуатационно-технологическая, служебная (боевая и повседневная), военно-педагогическая (воспитательная), содержащие профессиональные задачи. Эксплуатационно-технологическая деятельность предполагает летную эксплуатацию авиационных комплексов и организацию взаимодействия летных экипажей и авиационных подразделений в боевом полете. Служебная (боевая и повседневная) деятельность заключается в организации повседневной деятельности и проведении боевой подготовки в подразделениях армейской авиации. Задачами военно-педагогической (воспитательной) деятельности являются обучение и воспитание подчиненных, формирование у них высоких морально-психологических и боевых качеств.

Таким образом, военно-профессиональная деятельность курсантов – военных летчиков представляет собой процесс решения профессиональных задач по реализации вышеуказанных видов деятельности. Изучение структуры военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков с опорой на деятельностный подход показало присутствие командных и методических задач во всех ее видах. Установленный факт позволяет считать командно-методическую деятельность ведущим видом деятельности, успешность которой зависит от сформированности у курсантов – военных летчиков положительной мотивационной активности, военно-профессиональной направленности, развитого летно-тактического мышления, самостоятельности и профессиональной ответственности, способствующих эффективной реализации всех видов военно-профессиональной деятельности.

Применение функционального подхода и принципа идентификации структур [Руднева 2016] позволило выделить военно-летную, организационно-управленческую и учебно-воспитательную функции командно-методической деятельности, к выполнению которых должны быть подготовлены курсанты – военные летчики. В научной литературе отмечается, что успешность формирования готовности специалиста к профессиональной деятельности требует учета ее специфики и особенности как взаимосвязанных компонентов [Поднебесова 2017].

Специфика деятельности – это «отличное, свойственное только данному предмету, представляющее особенность или совокупность особенностей» [Руднева 2008, с. 78]. Научный анализ военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков выявил присущие ей отличия: направленность на обеспечение высокого уровня боевой готовности подразделения в мирное и на выполнение боевых задач в военное время; динамичность, сложность, напряженность и опасность для жизни; повышенную централизацию и единоначалие, строгую регламентацию, дефицит времени, предельную конкретность плани-

рования деятельности, строгое дозирование информации; сочетание беспрекословной исполнительности и подчинения, как ни в одной сфере общественной жизни, с инициативой; большую ответственность субъектов.

Таким образом, специфика военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков определяется вооруженной борьбой как особым видом деятельности людей и заключается в доминировании командно-методической деятельности во всех видах военно-профессиональной деятельности, задающей функции, которые выражаются в мирное время в организации боевой подготовки и повседневной деятельности, а в военное – в выполнении боевых задач вооруженного противоборства с противником в воздухе.

Специфика военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков отражает чрезвычайно сложные и многофункциональные задачи, разнородность которых требует развития летно-тактического мышления универсальности знаний, умений, навыков и профессиональных способностей, тем самым обуславливает необходимость развития специальных качеств. Становится очевидным, что в военном авиационном вузе необходимо создать условия для формирования командно-методической компетентности курсантов – военных летчиков, определяющей успешность их будущей военно-профессиональной деятельности. Понятие командно-методической компетентности, отсутствующее в тезаурусе педагогической науки, требует его исследования и научного обоснования.

Командно-методическая компетентность курсантов – военных летчиков является интегративной характеристикой личности (совокупностью знаний, умений, навыков и личностных качеств, выраженных в компетенциях) и результатом воинского воспитания, военно-профессиональной подготовки, личного служебного опыта. Она отражает готовность выпускников военных авиационных вузов эффективно выполнять командно-методическую деятельность на летных, инструкторских, командных должностях в авиационных частях и подразделениях.

Сложный интегративный характер военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков обуславливает важную роль компетентностного подхода в совершенствовании их военно-профессиональной подготовки. Результат такого процесса заключается в развитии способностей выполнять разнообразные задачи во всех видах военно-профессиональной деятельности. Так выявляется главная особенность военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков, заключающаяся в совокупности командных и методических задач как показателей в структуре командно-методической компетентности, выполнение которых достигается реализацией методики принятия командирского решения (см. таблицу).

Table

Таблица

The specificity and peculiarity of the military professional activity of cadets – military pilots

Специфика и особенность военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков

Специфика: доминирование командно-методической деятельности, задающей функции		
Военно-летная	Организационно-управленческая	Учебно-воспитательная
Готовность к летной эксплуатации авиационных комплексов и организации взаимодействия в боевом полете	Способность к принятию командирских решений и ответственности за них, умелому руководству подчиненными	Способность получать и передавать военно-профессиональные знания, обучать и воспитывать подчиненных
Особенность: совокупность командных и методических задач		

Специфика и особенность деятельности стали основанием для определения структуры командно-методической компетентности курсантов – военных летчиков как интегративного свойства личности, объединяющего компоненты (адекватно функциям командно-методической деятельности), показатели которых отражают взаимосвязь видов военно-профессиональной деятельности.

Выводы

Ведущая роль командно-методической деятельности как специфики военно-профессиональной деятельности курсантов – военных летчиков предполагает наличие у них командно-методической компетентности, что требует совершенствования военно-профессиональной подготовки в военных авиационных вузах. Сформированная командно-методическая компетентность дает возможность курсантам – военным летчикам адаптироваться в войсках, успешно выполнять должностные обязанности. Наличие данного свойства личности позволяет офицерам при увольнении в запас занять достойное место в других сферах социальной жизни. Следовательно, задача формирования у курсантов – военных летчиков командно-методической компетентности с учетом специфики военно-профессиональной деятельности должна решаться в процессе военно-профессиональной подготовки в военном авиационном вузе.

Библиографический список

Асанов 2018 – Асанов А.А. Оценка успешности обучения и профессиональной компетентности курсантов авиационных вузов // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сб. статей по материалам VI междунар. научно-практич. конф. Новосибирск. 2018. С. 57–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32496643> (дата обращения: 10.11.2019).

Горемыкин 2017 – Горемыкин В.П. Военное образование: цель – на развитие // Вестник военного образования. 2017. № 1 (4). С. 4–12. ISSN: 2500-3704. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30273270> (дата обращения: 12.11.2019).

Иванов 2016 – Иванов С.А. Формирование навыков воспитательной деятельности у курсантов военно-учебных заведений: дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 175 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-peda->

[gogicheskoi-gotovnosti-kursantov-voennykh-vuzov-k-vospitatelnoi-rabote-v-po](https://www.dissercat.com/content/formirovanie-peda-gogicheskoi-gotovnosti-kursantov-voennykh-vuzov-k-vospitatelnoi-rabote-v-po).

Ихтисанов, Петкин 2016 – Ихтисанов И.И., Петкин А.В. Готовность курсантов военных институтов к управленческой деятельности // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 7. С. 137–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26482049>.

Коваленко 2012 – Коваленко А.М. Педагогическая сущность и содержание процесса формирования командно-методических навыков у курсантов высших военных учебных заведений Российской Федерации // Вестник университета. 2012. № 7. С. 255–259. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18322152>.

Колодовский 2016 – Колодовский А.А. Формирование профессионально-поведенческой компетентности курсантов средствами ситуационного проектирования: дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2016. 196 с. URL: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/formirovanie-professionalno-povedencheskoj-kompetentnosti-kursantov-sredstvami.html>.

Ломакин 2014 – Ломакин А.А. Военно-профессиональная подготовка слушателей вузов Вооруженных сил Российской Федерации в современных условиях: монография. М.: ВУ МО, 2014. 186 с.

Малышева 2017 – Малышева А.Д. Формирование командной компетенции на занятиях по иностранному языку // Концепт. 2017. Т. 32. С. 249–253. URL: <http://e-koncept.ru/2017/771073.htm> (дата обращения: 14.11.2019).

Поднебесова 2017 – Поднебесова М.И. Специфика профессиональной деятельности будущих бакалавров машиностроения // Дискуссия. 2017. № 2 (76). С. 92–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-professionalnoy-deyatelnosti-buduschih-bakalavrov-mashinostroeniya>.

Равлык 2009 – Равлык Р.Ф. Проблемы подготовки летного состава в современных условиях // Военная мысль. 2009. № 5. С. 64–67. URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/2009-vm/10269-problemy-podgotovki-letnogo-sostava-v-sovremennykh>.

Руднева 2008 – Руднева Т.И. Педагогика профессионализма. Самара: Универс-групп, 2008. 214 с.

Руднева 2016 – Руднева Т.И. Методологические принципы как контекст осмысления качества педагогического исследования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 78–82. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4228>.

References

- Asanov 2018 – Asanov A.A. *Otsenka uspekhov obucheniya i professional'noi kompetentnosti kursantov aviatsonnykh vuzov* [Evaluation of success of training and professional competence of cadets of aviation universities]. In: *Sovremennaya psikhologiya i pedagogika: problemy i resheniya: sb. statei po materialam VI mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* [Modern psychology and pedagogy: problems and solutions. Collection of articles on the materials of the VI international research and practical conference]. Novosibirsk, 2018, pp. 57–61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32496643> [in Russian].
- Goremykin 2017 – Goremykin V.P. *Voennoe obrazovanie: tsel' – na razvitie* [Military education: the goal is development]. *Vestnik voennogo obrazovaniya* [Bulletin of military education], 2017, no. 1 (4), pp. 4–12. ISSN: 2500-3704. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30273270> [in Russian].
- Ivanov 2016 – Ivanov S.A. *Formirovanie navykov vospitatel'noi deyatel'nosti u kursantov voenno-uchebnykh zavedenii: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of educational skills among cadets of military schools: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. M., 2016, 175 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-pedagogicheskoi-gotovnosti-kursantov-voennykh-vuzov-k-vospitatelnoi-rabote-v-po> [in Russian].
- Ihtisanov, Petkin 2016 – Ihtisanov I.I., Petkin A.V. *Gotovnost' kursantov voennykh institutov k upravlencheskoi deyatel'nosti* [Readiness of military institute cadets to administrative activity]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, 2016, no. 7, pp. 137–141. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26482049> [in Russian].
- Kovalenko 2012 – Kovalenko A.M. *Pedagogicheskaya sushchnost' i sodержanie protsessa formirovaniya komandno-metodicheskikh navykov u kursantov vysshikh voennykh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii* [Pedagogical essence and the content of process of formation of command and methodical skills at cadets of the highest military educational institutions of the Russian Federation]. *Vestnik universiteta*, 2012, no. 7, pp. 255–259. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18322152> [in Russian].
- Kolodovskiy 2016 – Kolodovskiy A.A. *Formirovanie professional'no-povedencheskoi kompetentnosti kursantov sredstvami situatsionnogo proektirovaniya: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of professional and behavioral competence of cadets by means of situational design: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Yoshkar-Ola, 2016, 196 p. Available at: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/formirovanie-professionalno-povedencheskoi-kompetentnosti-kursantov-sredstvami.html> [in Russian].
- Lomakin 2014 – Lomakin A.A. *Voennoprofessional'naya podgotovka slushatelei vuzov Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii v sovremennykh usloviyakh: monografiya* [Military-vocational training of students of universities of the Armed Forces of the Russian Federation in modern conditions: monograph]. M.: VU MO, 2014, 186 p. [in Russian].
- Malysheva 2017 – Malysheva A.D. *Formirovanie komandnoi kompetentsii na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku* [Formation of team competence in foreign language classes]. *Kontsept* [Concept], 2017, no. 32, pp. 249–253. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/771073.htm> [in Russian].
- Podnebesova 2017 – Podnebesova M.I. *Spetsifika professional'noi deyatel'nosti budushchikh bakalavrov mashinostroeniya* [The specificity of professional activity of future bachelors of mechanical engineering]. *Diskussiya* [Discussion], 2017, no. 2 (76), pp. 92–96. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-professionalnoy-deyatelnosti-buduschih-bakalavrov-mashinostroeniya> [in Russian].
- Ravlyk 2009 – Ravlyk R.F. *Problemy podgotovki letnogo sostava v sovremennykh usloviyakh* [Problems of training flight personnel in modern conditions]. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2009, no. 5, pp. 64–67. Available at: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/2009-vm/10269-problemy-podgotovki-letnogo-sostava-v-sovremennykh> [in Russian].
- Rudneva 2008 – Rudneva T.I. *Pedagogika professionalizma* [Pedagogy of professionalism]. Samara: Univers-grupp, 2008, 214 p. [in Russian].
- Rudneva 2016 – Rudneva T.I. *Metodologicheskiye printsipy kak kontekst osmysleniya kachestva pedagogicheskogo issledovaniya* [Methodical approaches as the context of pedagogical research outcome quality understanding]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]. 2016, no. 2, pp. 78–82. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4228> [in Russian].

Ю.В. Троицкая

КОММУНИКАТИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

© Троицкая Юлия Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и русского как иностранного, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: leastwise@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4692-6346>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается коммуникативная мобильность как характеристика, в значительной мере определяющая полноценность развития профессиональной компетентности. Анализируется содержание понятия «профессиональная компетентность», обосновывается важность развития универсальных (общекультурных, общих) компетенций, определяется место коммуникативной мобильности в их системе. На основе анализа потребностей современного рынка труда делается вывод о необходимости развития коммуникативной мобильности как составляющей профессиональной компетентности. Коммуникативная мобильность представляется как вербальная мобильность, непосредственно связанная с мобильностью мышления. Она предполагает сформированность языковых и речевых навыков и умений и выражается в способности оперативно и гибко реагировать, быстро и адекватно воспринимать и анализировать высказывания собеседника, строить на основе обработанных данных умозаключения и представлять их в форме, соответствующей контексту коммуникации. В качестве показателей называются: оперативность, гибкость, аналитическая адекватность, толерантность к неопределенности, толерантность к социальному окружению, психоэмоциональный самоконтроль. Даются методические рекомендации по развитию предложенных показателей. Основными методами исследования являются анализ и синтез научной информации, представленной в работах отечественных и зарубежных ученых, контент-анализ (образовательных стандартов), функционально-семантический анализ терминологии («мобильность», «коммуникативная мобильность», «профессиональная компетентность», «коммуникативная компетенция»). Результаты работы могут применяться в системе высшего образования при разработке рабочих программ и оценочных средств. Статья адресована исследователям, изучающим проблемы, связанные с профессиональной компетентностью, коммуникативной компетенцией и коммуникативной мобильностью; преподавателям вузов; специалистам, которые занимаются оптимизацией обучения, корректировкой содержания образовательного процесса и методики преподавания с ориентиром на современные тенденции рынка труда.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, профессиональная готовность, коммуникативная мобильность, коммуникативная компетенция, универсальные компетенции, общекультурные компетенции.

Цитирование. Троицкая Ю.В. Коммуникативная мобильность в структуре профессиональной компетентности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 79–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-79-84>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-79-84
UDC 378

Submitted: 5/XI/2019
Accepted: 10/XII/2019

Yu.V. Troitskaya

COMMUNICATION MOBILITY WITHIN THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL COMPETENCE

© Troitskaya Yulia Valerievna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: leastwise@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4692-6346>

ABSTRACT

The article considers communication mobility as a characteristic which significantly affects the development of professional competence. The author analyses the meaning of the term «professional competence», proves that it is important to develop universal (generic) competences, allocates communication mobility in the system of generic competences. On the basis of labour market analysis the author concludes on the need to develop communication mobility as a component of professional competence. Communication mobility is described as verbal mobility connected to mental mobility. It is based on speaking skills and the ability to respond in a flexible way, to perceive and analyze interlocutor's utterance quickly, to communicate in accordance with the context. The indicators of communication mobility are responsiveness, flexibility, critical thinking and reasoning, ambiguity tolerance, social tolerance and emotional self-control. The author gives recommendations on the methodology of communication mobility development. The research methods applied in the paper are the following: analysis and synthesis of the information presented in scientific papers of Russian and foreign researchers, content analysis of educational standards, functional and semantic analysis of terms («mobility», «communication mobility», «professional competence», «communication competence»). The results of the analysis can be used in the system of higher education to develop academic programmes and assessment tools. The article is targeted at the researchers involved in solving the problems connected with professional competence, communication competence and communication mobility, as well as university lecturers and specialists dealing with optimization and adaptation of training content and teaching methodology to labour market needs.

Key words: professional competence, professional readiness, communication mobility, communication competence, universal competences, generic competences.

Citation. Troitskaya Yu.V. *Kommunikativnaya mobil'nost' v strukture professional'noi kompetentnosti* [Communication mobility within the structure of professional competence]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 79–84. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-79-84> [in Russian].

Введение

Формирование профессиональной компетентности является приоритетной задачей в теории и практике современной педагогики. Актуальность данной проблемы связана с тенденциями современного рынка труда, в соответствии с которыми требуется корректировать содержание профессиональной подготовки с ориентиром на экономически конкурентоспособное знание и комплекс умений, позволяющих специалисту функционировать в условиях активной динамики, нестабильности и стрессовой напряженности. Обращение к коммуникативной мобильности вызвано важностью уточнения совокупности составляющих профессиональной компетентности, определяющих полноценность ее развития и перспективы реализации выпускника в пространстве современного рынка труда.

Степень разработанности проблемы и ее актуализация

В научном сообществе актуализируется проблема профессиональной компетентности, но недооценивается статус коммуникативной мобиль-

ности, что выражается в критически малом количестве исследований по данной теме. Требуется обоснование для введения коммуникативной мобильности в состав актуальных для профессиональной компетентности характеристик, что предполагает анализ содержания понятия «профессиональная компетентность» в контексте современных образовательных стандартов и требований рынка труда.

Профессиональная компетентность выпускника вуза представляет собой официально регламентированный государственными образовательными стандартами уровень овладения основами профессиональной деятельности. При этом характеристики выпускника должны соответствовать профессиональным требованиям в рамках структуры организаций, в которых специалист планирует работать. Понятие «профессиональная компетентность» в содержательном отношении является близким понятию «профессиональная готовность». «Профессиональная компетентность» определяется через готовность (входить в мир профессиональных отношений), «профессиональная готовность» предполагает сформированность

ключевых компетенций, которые могут выступать критериями подготовки студентов к решению профессиональных задач [Руднева, Храмцова, Храмов 2011].

В соответствии с современными стандартами подготовки специалистов в совокупность потенциально важных для трудоустройства характеристик выпускника включаются, помимо «профессиональных» составляющих (профессиональных компетенций), составляющие универсального плана (универсальные, общие, общекультурные компетенции), которые позволяют выпускнику применить накопленные профессиональные знания и сформированные навыки и умения в контексте социальной реальности. Таким образом, профессиональную компетентность можно представить через профессионально-ресурсный блок (профессиональные компетенции) и блок метауровня (универсальные, общие, общекультурные компетенции), которые обеспечивают встраивание выпускника в мир профессиональных отношений.

Универсальные компетенции часто недооцениваются в образовательной практике, особенно в рамках технического образования. Сокращается спектр гуманитарных дисциплин, способствующих развитию данных компетенций, уменьшается количество часов на освоение материала. Многие студенты положительно относятся к данной тенденции, поскольку, с их точки зрения, они меньше времени тратят на «лишние предметы», которые для реальной трудовой занятости им не пригодятся. Они готовы изучать профильные дисциплины, формирующие специальные навыки и умения, развитость которых можно диагностировать и корректировать до нужного уровня. Но то, что универсальные компетенции способствуют эффективному применению накопленных профессиональных знаний, сформированных навыков и умений, как правило, принимается с большой долей сомнения. Скептическое отношение к универсальным компетенциям можно наблюдать и у некоторых преподавателей, и такое отношение может помешать полноценному развитию профессиональной компетентности у студентов.

Тем не менее реальная трудовая практика и научные исследования рынка труда по всему миру доказывают важность развития универсальных, общих, общекультурных компетенций, которые в контексте профессиональной занятости коррелируют в зарубежной научной литературе с *key skills* («ключевые навыки и умения»), *core skills* («основные навыки и умения»), *life skills* («жизненно важные навыки и умения»), *key competences* («ключевые компетенции»), *generic skills* («общие навыки и умения»), а также *employability skills* («навыки и умения, необходимые для трудоустройства»).

Термин *employability skills* часто появляется в зарубежных исследованиях, посвященных профессиональному образованию и профессиональной самореализации. Значение термина интегрирует базовые универсальные навыки и умения,

востребованные на современном рынке труда, в качестве которых называются: коммуникативные навыки и умения (*communication skills*); умение работать в команде (*teamwork skills*); умение принимать решения / решать проблемы (*problem-solving skills*); навыки самоуправления (*self-management skills*); навыки планирования и организации (*planning and organizing skills*); технические навыки и умения (*technology skills*), позволяющие работать с современной техникой; навыки и умения, обеспечивающие саморазвитие, непрерывное обучение, обучение на протяжении всей жизни (*life-long learning*); предпринимательские навыки (*enterprise skills*), характеризующие инициативность, изобретательность, находчивость, способность увидеть возможности и пути их реализации. При этом в качестве основополагающих навыков и умений (*foundational employability skills*) из данного спектра называются коммуникативные навыки и умения (*communication skills*), умение принимать решения / решать проблемы (*problem-solving skills*) и умение работать в команде (*teamwork skills*). Данное выделение основано на изучении реального рынка труда [Guzman, Choi 2013, с. 201]. Отмечается, что социальные навыки и умения, особенно коммуникативные и работа в команде, а также личные характеристики для работодателя часто важнее, чем диплом (квалификация) [Benson, Morgan, Filippaio 2014, с. 520]. При этом карьерная парадигма XXI века представляется как принципиально динамичная. Окружающая среда (социальная и профессиональная) постоянно меняется, что предполагает необходимость изменений характеристик работника, который вынужден постоянно встраиваться и адаптироваться в нестабильном социально-профессиональном контексте [Life... 2009, с. 240]. Исследователи отмечают, что адаптивность становится одной из важнейших характеристик, непосредственно определяющих *employability* [Adapting... 2013; Savickas, Porfeli 2012; Zacher 2014] – способность к трудоустройству и успешной профессиональной деятельности.

Обращение к коммуникативной мобильности как составляющей профессиональной компетентности связано с обозначенными социально-профессиональными тенденциями. Коммуникативная компетенция – одна из ключевых универсальных компетенций. Она обеспечивает связь структурных элементов системы профессиональных отношений, но лишь тогда, когда она включает в свой состав компонентов/показателей/характеристик коммуникативную мобильность или когда ее содержание трансформируется в динамичном ключе и коммуникативная компетенция отождествляется с коммуникативной мобильностью. Если в профессиональном контексте работнику постоянно приходится адаптироваться к разным профессиональным ситуациям, то в контексте коммуникации – к речевой ситуации. Коммуникативная мобильность как раз и характеризует адаптацию к речевой ситуации, без которой невоз-

можно поддерживать связь. Без коммуникативной мобильности общение – это последовательное чередование монологических высказываний людей, которые «не слышат» друг друга.

В связи с недостаточным вниманием исследователей к теме профессиональной мобильности в научном сообществе остаются нерешенными проблемы содержания термина и выделения состава показателей данной характеристики; важной представляется задача определения соотношения понятий «коммуникативная мобильность» и «коммуникативная компетенция».

Результаты исследования

Коммуникативная мобильность содержательно тесно связана с коммуникативной компетенцией, но неоднозначность определения границ понятия «коммуникативная компетенция» в научном сообществе затрудняет определение типа связи. Коммуникативная компетенция может рассматриваться как отдельная компетенция наряду с языковедческой (освоение необходимых знаний о языке как знаковой системе, овладение нормами языка) и культуроведческой компетенциями и предполагать овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми навыками использования языка [Коробкова 2010, с. 30]; может интегрировать в своем составе языковой, речевой, компенсаторный, учебно-познавательный компоненты или лингвистический, социолингвистический, социокультурный, дискурсивный, стратегический, социальный компоненты [Таюрская 2015, с. 84]. Происходит сужение или расширение значения, состав показателей в разных структурах коммуникативной компетенции меняется. Соответственно, коммуникативная мобильность может выступать как один из показателей коммуникативной компетенции или как самостоятельная интегративная характеристика, включающая в свой состав часть структурных элементов коммуникативной компетенции в качестве основы (ресурсного блока). С нашей точки зрения, оправдано включение коммуникативной мобильности в состав коммуникативной компетенции, несмотря на то что в интегративной структуре коммуникативной мобильности определяется ряд показателей, которые логично квалифицировать как когнитивные (ориентированные на мышление) и психологические.

Рассмотрим подробнее значение термина и содержание исследуемой характеристики.

Функционально-семантический анализ термина «мобильность» и производных от него терминологических сочетаний в разных дефинициях позволяет сделать вывод, что семантика движения является основополагающей для всех производных значений. Движение может быть либо физическим (пространственное перемещение, динамика), либо метафизическим. В последнем случае речь идет о внутренней, ментальной, интеллектуальной, психической динамике, и мобильность

как пространственная характеристика становится свойством личности или качеством.

Исследователи по-разному определяют «коммуникативную мобильность»: как набор качеств личности, которые характеризуют ее как способную быстро и адекватно реагировать в любой речевой ситуации [Горбатова, Кудряшова, Рубышкина 2015, с. 582]; как интегративную характеристику, отражающую способность адаптироваться к осуществлению эффективной коммуникации в различных условиях и приводить коммуникативные знания, умения и опыт в состояние наивысшей готовности к взаимодействию [Алгавев 2013, с. 81]; как интегративное качество личности, представляющее собой способность специалиста осуществлять качественное общение в разнообразных, в том числе непредвиденных, ситуациях, требующих проявления чувствительности, терпимости к фактору коммуникативной неопределенности и предполагающих проявление активности, оперативности и рефлексивности личности [Смирнова 2014, с. 116].

Определения отличаются формулировками, но преимущественно сходны в содержательном отношении. Коммуникативная мобильность является вербальной мобильностью, непосредственно связанной с мобильностью мышления, то есть со способностью оперативно и гибко реагировать, быстро и адекватно воспринимать и анализировать информацию, строить на основе обработанных данных умозаключения и представлять их в релевантной форме. Динамизм (как принципиальная составляющая мобильности) проявляется в адаптивном реагировании на речевую ситуацию и в способности изменить оформление высказывания в соответствии с контекстом для решения коммуникативных задач.

Коммуникативная мобильность представляется качеством, ориентированным на успешную интеракцию, причем данное качество носит интегральный (или интегративный) характер, то есть оно является не просто совокупностью существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность, оно возникает исключительно в результате функциональной интеграции всех структурных составляющих. Интегральные (интегративные) качества (свойства) присущи всей системе, но не свойственны ни одному из элементов в отдельности.

Неразрывная связь с коммуникативной компетенцией проявляется на уровне языковых, речевых и интерактивных составляющих, функционирующих как основа-ресурс, определяющая возможности динамичного реагирования в коммуникативной ситуации. Базовая языковая составляющая предполагает знание норм языка и достаточный запас лексики. Коммуникативная мобильность невозможна без базовой речевой составляющей, то есть без способности порождать высказывание с заданными функционально-стилистическими ха-

раактеристиками. Однако основной акцент приходится на интерактивную составляющую, на динамичное контекстное взаимодействие между участниками речевого акта. В данном случае речь идет об адекватном восприятии и умении адаптивно применять речевые навыки (об умении отбирать языковые средства) в соответствии со статусными характеристиками и ролевыми позициями партнера в конкретной ситуации с учетом ожиданий коммуниканта.

В качестве показателей коммуникативной мобильности мы выделяем оперативность, гибкость, аналитическую адекватность, толерантность к неопределенности, толерантность к социальному окружению, психоэмоциональный самоконтроль.

Оперативность характеризует скорость речевой реакции и непосредственно зависит от скорости мышления и развитости способности формулировать мысли. Гибкость рассматривается в контексте процесса адаптации к речевой ситуации, предполагающего трансформацию речи в зависимости от условий взаимодействия и вербального поведения коммуниканта. Аналитическая адекватность выражается в конструктивности мыслительной деятельности, корректности и обоснованности оценки явлений, событий, речевой ситуации и позиции коммуниканта. Толерантность к неопределенности характеризует психоэмоциональную готовность к новым коммуникативным ситуациям, в которых невозможно применить привычные варианты взаимодействия. Толерантность к социальному окружению проявляется в психоэмоциональной терпимости, способности сдерживать вербальную агрессию в ситуации конфронтации. Психоэмоциональный самоконтроль характеризует саморегуляцию поведения, умение преодолевать волнение и страх.

Для коммуникативной мобильности важно сформировать качественную языковую и речевую базу, обеспечивающую перспективу развития мобильности. Мобильность развивается при помощи моделирования коммуникативных ситуаций, характеризующихся проблемностью, определенными затруднениями, вызванными неизвестностью и конфликтностью. Важно напряжение, связанное с дискоммуникацией, коммуникативной неопределенностью разного уровня: языкового, содержательного, субъектного. Студентам нужно предоставить возможность самостоятельно мыслить, принимать решения, обсуждать проблемы. Необходим конструктивный баланс, предполагающий разумный перенос акцента с языковых упражнений (формирующих базу) на активную мыслительную деятельность и интенсивную практику вербального оформления мыслей в соответствии с нормами и интерактивным контекстом.

Выводы

В контексте современного высшего образования необходимость формирования универсальных компетенций в сочетании с профессиональными является оправданной. Данная интеграция

обеспечивает полноценность развития профессиональной компетентности и перспективу успешной профессиональной реализации. Коммуникативная мобильность является значимой универсальной составляющей профессиональной компетентности, поскольку она обеспечивает социально-профессиональную интеракцию, на которой держится мир профессиональных отношений.

Библиографический список

Adapting... 2013 – Adapting to change: The value of change information and meaning-making / M. Heuvel, E. Demerouti, A. Bakker, W. Schaufeli // *Journal of Vocational Behavior*. 2013. Vol. 83. P. 11–21. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.02.004>.

Benson, Morgan, Filippaios 2014 – *Benson V., Morgan S., Filippaios F.* Social career management: Social media and employability skills gap // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 30. P. 519–525. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.06.015>.

Guzman, Choi 2013 – *Guzman A.B., Choi K.O.* The relations of employability skills to career adaptability among technical school students // *Journal of Vocational Behavior*. 2013. Vol. 82. P. 199–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.01.009>.

Life... 2009 – *Life designing: A paradigm for career construction in the 21st century* / M.L. Savickas, L. Nota, J. Rossier et al. // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. Vol. 75. Issue 3. P. 239–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.04.004>.

Savickas, Porfeli 2012 – *Savickas M.L., Porfeli E.J.* Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. Volume 80. Issue 3. P. 661–673. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2012.01.011>.

Zacher 2014 – *Zacher H.* Career adaptability predicts subjective career success above and beyond personality traits and core self-evaluations // *Journal of Vocational Behavior*. 2014. Vol. 84. Issue 1. P. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.10.002>.

Алгаев 2013 – *Алгаев А.Н.* Коммуникативная мобильность педагога-психолога // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2013. № 3–4 (16–17). С. 76–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-mobilnost-pedagoga-psihologa>.

Горбатова, Кудряшова, Рубышкина 2015 – *Горбатова Т.Н., Кудряшова А.В., Рубышкина С.В.* Метод проектов как средство формирования коммуникативной мобильности студентов при обучении иностранному языку // *Молодой ученый*. 2015. № 6 (86). С. 582–584. URL: <https://moluch.ru/archive/86/16422>.

Коробкова 2010 – *Коробкова О.Ф.* Содержание понятий «коммуникативная компетенция», «коммуникативные навыки» и «речевые навыки» в современной нормативной документации и научной литературе // *Специальное образование*. 2010. № 3. С. 29–41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15586425>.

Руднева, Храмцова, Храмцов 2011 – *Руднева Т.И., Храмцова А.Б., Храмцов Е.Б.* Формирование профессиональной компетентности студентов – будущих юристов: монография. Самара: Издательство «Самарский университет», 2011. 148 с.

Смирнова 2014 – Смирнова О.В. Формирование коммуникативной мобильности бакалавров экономики средствами профессиональных проблемных ситуаций межкультурной коммуникации // Педагогическое образование и наука. 2014. № 5. С. 115–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22925953>.

Таюрская 2015 – Таюрская Н.П. Иноязычная коммуникативная компетенция: зарубежный и российский опыт // Гуманитарный вектор. 2015. № 1 (41). С. 83–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099774>.

References

Adapting... 2013 – Heuvel M., Demerouti E., Bakker A., Schaufeli W. Adapting to change: The value of change information and meaning-making. *Journal of Vocational Behavior*, 2013, Vol. 83, pp. 11–21. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.02.004> [in English].

Benson, Morgan, Filippaios 2014 – Benson V., Morgan S., Filippaios F. Social career management: Social media and employability skills gap. *Computers in Human Behavior*, 2014, Vol. 30, pp. 519–525. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.06.015> [in English].

Guzman, Choi 2013 – Guzman A.B., Choi K.O. The relations of employability skills to career adaptability among technical school students. *Journal of Vocational Behavior*, 2013, Vol. 82, pp. 199–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.01.009> [in English].

Life... 2009 – Savickas M.L., Nota L., Rossier J. et al. Life designing: A paradigm for career construction in the 21st century. *Journal of Vocational Behavior*, 2009, Vol. 75, Issue 3, pp. 239–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.04.004> [in English].

Savickas, Porfeli 2012 – Savickas M.L., Porfeli E.J. Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries. *Journal of Vocational Behavior*, 2012, Vol. 80, Issue 3, pp. 661–673. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2012.01.011> [in English].

Zacher 2014 – Zacher H. Career adaptability predicts subjective career success above and beyond personality traits and core self-evaluations. *Journal of Vocational Behavior*, 2014, Vol. 84, Issue 1, pp. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.10.002> [in English].

Algaev 2013 – Algaev A.N. *Kommunikativnaya mobil'nost' pedagoga-psikhologa* [Communicative mobility of educational psychologist]. *Nauchnoe obespechenie sistemy*

povysheniya kvalifikatsii kadrov [Scientific support of a system of advanced training], 2013, no. 3–4 (16–17), pp. 76–82. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-mobilnost-pedagoga-psikhologa> [in Russian].

Gorbatova, Kudryashova, Rybushkina 2015 – Gorbatova T.N., Kudryashova A.B., Rybushkina S.V. *Metod proektov kak sredstvo formirovaniya kommunikativnoi mobil'nosti studentov pri obuchenii inostrannomu yazyku* [Project work as a means for communication mobility development in language learning]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2015, no. 6 (86), pp. 582–584. Available at: <https://moluch.ru/archive/86/16422> [in Russian].

Korobkova 2010 – Korobkova O.F. *Soderzhanie ponyatii «kommunikativnaya kompetentsiya», «kommunikativnye navyki» i «rechevye navyki» v sovremennoi normativnoi dokumentatsii i nauchnoi literature* [The content of the concepts «communicative competence», «communicative skills» and «speech skills» in modern legal documents and scientific literature]. *Spetsial'noe obrazovanie* [Special Education], 2010, no. 3, pp. 29–41. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15586425> [in Russian].

Rudneva, Khramtsova, Khramtsov 2011 – Rudneva T.I., Khramtsova A.B., Khramtsov E.B. *Formirovanie professional'noi kompetentnosti studentov – budushchikh yuristov: monografiya* [Professional competence of law students: monograph]. Samara: Izdatel'stvo «Samarskii universitet», 2011, 148 p. [in Russian].

Smirnova 2014 – Smirnova O.V. *Formirovanie kommunikativnoi mobil'nosti bakalavrov ekonomiki sredstvami professional'nykh problemnykh situatsii mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Formation of the communicative mobility of Bachelors of Economics by means of professional problem situations of the intercultural communication]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2014, no. 5, pp. 115–120. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22925953> [in Russian].

Tayurskaya 2015 – Tayurskaya N.P. *Inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya: zarubezhnyi i rossiiskii opyt* [Foreign Language Communicative Competence: Foreign and Russian Experience]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], 2015, no. 1 (41), pp. 83–87. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099774> [in Russian].

Е.Б. Храмцов

СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ ЮРИСТА

© *Храмцов Егор Борисович* – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью в высокотехнологичных отраслях, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

E-mail: E_lcf@rambler.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1599-4717>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема успешности в профессиональной деятельности, обусловленной генетическими, интеллектуальными и эмоциональными характеристиками личности. Опираясь на точку зрения Б.М. Теплова об одаренности «как качественно своеобразном сочетании способностей», доказывается ее основа продуктивной деятельности специалиста. В числе факторов профессиональной одаренности выделяются субъективные (внутренние) и объективные (внешние) условия. Для определения структуры профессиональной одаренности юриста применяется принцип идентификации структуры одаренности и структуры сознания с опорой на принцип единства сознания и деятельности. Обращается внимание на качество сопровождения процесса развития профессиональной одаренности студентов – будущих юристов. Отмечается необходимость готовности преподавателей вуза к развитию профессиональной одаренности студентов, что требует интеграции форм и методов учебной и внеучебной деятельности. Выборка исследования обосновывается сложностью юридической деятельности, требующей психофизических усилий и напряжения для достижения цели при сохранении эмоциональной устойчивости к восприятию негативных явлений. Предпринимается попытка уточнения смысла деятельности юриста, обусловленного определенным типом отношений к миру, типом бытия в мире, который представляет существо деятельности.

Ключевые слова: одаренность, профессиональная одаренность, сознание, профессиональное сознание, правосознание.

Цитирование. Храмцов Е.Б. Содержание профессиональной одаренности юриста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 85–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-85-90>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

CONTENT OF THE PROFESSIONAL GIFTEDNESS OF A LAWYER

© Khramtsov Yegor Borisovich – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Public Relations and Mass Communications, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

E-mail: E_lcf@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1599-4717>

ABSTRACT

The paper deals with the problem of professional activity successfulness conditioned by genetic, intellectual and emotional characteristics of an individual. Its foundation of specialists' productive activity is proved relying on B.M. Teplov's point of view about giftedness «as a combination of abilities unique in qualities». Internal and external conditions are distinguished as professional giftedness factors. For defining the structure of the lawyer professional giftedness the principle of the giftedness and consciousness structures correlation is applied based on the principle of the consciousness and activity unity. The attention to the quality of maintenance of the students' (future lawyers) professional giftedness development process is paid. The necessity for university lecturers' preparedness to the students' professional giftedness development is noted. The necessity demands integration of the forms and methods of educational and non-educational activity. The sample data is justified by the legal profession difficulties that require psychophysical efforts and tension for achieving aims and emotional stability to negative facts. The attempt to clarify the meaning of professional activity of a lawyer conditioned by the determinate relation to the world, the type of existence, which defines the essence of activity, is made.

Key words: giftedness, professional giftedness, consciousness, professional consciousness, sense of justice.

Citation. Khramtsov Ye.B. *Soderzhanie professional'noi odarennosti yurista* [Content of the professional giftedness of a lawyer]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 85–90. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-85-90> [in Russian].

Введение

Внедрение компетентностного подхода в образовательный процесс сужает представление о том, что такое личность специалиста. Практико-ориентированное обучение сводится к компетенциям (способностям к действиям, самим действиям, умелости), снижая значимость психологической составляющей в модели выпускника определенного профиля, которую создают управленцы и работодатели.

Вместе с тем доказано, что успешность в деятельности обусловлена генетическими, эмоциональными, интеллектуальными характеристиками, приоритет которых является фактором долгожительства и достижения своего «акме». Следует начать с одаренности. Одаренность как качество психики развивается на протяжении всей жизни, определяя возможность человека достигать высоких результатов в одном или нескольких видах деятельности в сравнении с другими. Общая одаренность сочетается со специальной (интеллектуальная одаренность) и составляет 160–200 баллов IQ по тестам интеллекта. Главные способности этой одаренности: быстрое овладение понятиями, легкое запоминание, длительное сохранение информации и ее качественная переработка. Общая одаренность является основой продуктивной деятельности, так как она проявляется умственной актив-

ностью и ее саморегуляцией. Общая одаренность задает уровень понимания происходящего, определяя глубину вовлеченности в деятельность – направленность. С середины XIX века сформировалось представление о наследственной природе дара: в итоге достижение успеха в деятельности обусловлено качественно своеобразным сочетанием способностей (Б.М. Теплов), мотивацией, направленностью личности и социальной сферой.

Степень разработанности проблемы

Потребность общества в одаренных творческих личностях, способных решать сложные вопросы, участвовать в преодолении кризисов, вызывает внимание ученых в различных областях. Одаренные и творческие люди представляют главный ресурс нашего государства, в силу чего исследуются феномен одаренности и процесс развития одаренной личности.

При разработке концепций одаренности ученые обращаются к трудам Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова и др., убеждаясь во взаимосвязи теоретического и эмпирического знания о закономерностях развития одаренных людей. Рассматриваются динамика понятий творчества и одаренности [Богоявленская 2013]; методологические подходы к развитию одаренности [Панов 2005]; барьеры, препятствующие разви-

тию одаренности [Попова 2011]; модели одаренности [Ларионова 2011]; специфика проявления интеллектуальной одаренности [Холодная 2011]; методики развития творческого мышления [Губенко 2011]. Большинство исследователей сосредотачивают внимание на раннем развитии одаренности. Особое направление в изучении одаренности представляют работы о готовности педагога к развитию детской одаренности [Кашапов 2006]. Значительно меньше исследований, посвященных профессиональной одаренности специалиста. Находим обращение к развитию профессиональной одаренности специалиста в высшей педагогической школе [Нарикбаева 2006] и в сфере молодежной политики [Габдулхаков 2012; Калашникова 2016; Климов 2004]. Исследователи понимают под одаренностью специалиста своеобразные сочетания способностей, обеспечивающих успешное выполнение деятельности, и уровень их развития.

Результаты исследования

Выборку нашего исследования представляют юристы. Юридическая деятельность относится к сложным видам труда с высоким уровнем напряженности, повышенной социальной ответственностью за профессиональные решения. Профессиональные задачи юриста требуют интеллектуально-личностных качеств: открытости ума, свойством которого является децентрированное мышление; альтернативности принимаемых решений; конвергентности – дивергентности мышления. Их совокупность позволяет выявлять и закреплять доказательную базу. Разрешая конфликтные ситуации, юрист выступает в роли арбитра, в связи с чем многое зависит от личностных свойств и специальных способностей (специальная одаренность). Объективно оценивая факты и явления, юрист принимает оптимальные решения в пределах закона, хотя включенность в разные виды отношений вызывает высокую эмоциональную напряженность, что требует мобилизации воли и интеллектуальных способностей.

Мы обращаемся к проблеме профессиональной одаренности и факторам ее развития. Во-первых, это объективные факторы: интеллектуально-творческий потенциал личности, мотивационно-потребностная сфера, профессиональные способности, интеллект, профессиональное самосознание, успешность в ведущих видах деятельности.

Во-вторых, это объективные факторы: микро-среда (специально организованный процесс обучения); мезосреда и макросреда. С учетом этих факторов дадим определение профессиональной одаренности специалиста: это интегративное личностное образование, характеризующееся высоким уровнем развития общих и профессиональных способностей, мотивацией и потребностями в данной деятельности, что ведет к успеху в решении профессиональных задач [Профессиональные навыки юриста 2001].

В силу специфики деятельности юристов обращаем внимание на значимый субъективный фактор –

профессиональное самосознание (правовое), так как право является его профессиональным инструментом, а юридическая деятельность – его профессией [Храмцов 2012]. Для определения структуры правового самосознания используем принцип идентификации структуры одаренности и структуры сознания [Акопов 2010]: интеллектуальный компонент – Я-понимание; эмоциональный компонент – Я-отношение; поведенческий компонент – Я-поведение. Осознание себя субъектом профессиональной деятельности – профессиональное самосознание – свидетельствует о взаимосвязи права (правовые идеи, принципы, представления о праве) и самосознания (основа самоорганизации профессионального поведения). На основе принципа единства сознания и деятельности выделяем элементы профессиональной одаренности: интеллектуальный – самопонимание; эмоциональный – самооценивание; поведенческий – саморегулирование.

В процессе профессиональной подготовки юристов в вузе должны создаваться педагогические условия для поддержания профессиональной одаренности и развития его элементов. Развитию интеллектуального элемента будущих юристов способствуют знания о правовых нормах, механизмах правового регулирования, способах укрепления законности. Развитию эмоционального элемента – целостное отношение к правовой деятельности, потребность в саморегуляции в правовой сфере, которые формируются активными формами и методами. Развитию поведенческого компонента способствует контекстное обучение [Психология одаренности и творчества 2017; Теория и технология развития... 2008].

Исходим из того, что критериями развития профессиональной одаренности являются: профессиональное самосознание (внутренний фактор) и успешность в деятельности (внешний фактор). Если профессиональное самосознание обусловлено общей одаренностью, то успешность в деятельности – специальной одаренностью, в основе которой специальные способности.

Развитие профессиональной одаренности требует целенаправленного педагогического руководства, которое предполагает готовность преподавателей к развитию профессиональной одаренности будущих юристов, поэтому в структуре этой готовности выделяются: готовность к диагностической деятельности (владение инструментом внутри-вузовского мониторинга); готовность к организации учебно-развивающей деятельности (ее итог – интеллектуально-творческий потенциал студента); готовность к методической деятельности (сопровождение образовательного процесса); готовность к оказанию дополнительных образовательных услуг (курсы по выбору, факультативы, кружки). В целом ставится задача формирования профессиональной элиты. Стратегия образовательного процесса выражается единством внутренних и внешних условий, развитием внутреннего (профессиональная одаренность) через внешнее (среда).

Достижения специалистов в деятельности зависят от наследственно обусловленных анатомо-физиологических и других особенностей, свойств нервной системы, лежащих в основе развития способностей. Для развития задатков нужны стимулирующие условия. Наследственно обусловленные способности (единство врожденных способностей и приобретенного опыта) являются базой профессионального развития. На основе одних задатков могут развиваться разные способности: задатки поливалентны. Совокупность нескольких способностей, определяющих профессиональные достижения, свидетельствуют об одаренности, высшим проявлением которой является талант, помогающий решать сложные нестандартные задачи.

Для юриста прежде необходимы общие способности (интеллектуальные и творческие). В практике отбора на юридические должности применяются методики диагностики на пригодность к работе в правоохранительных органах (шкала прогрессивных матриц Дж. Равена, опросник Кеттелла, тест на определение уровня субъективного контроля А.М. Эткинда). Вместе с тем продуктивность деятельности юриста измеряется не внутренними, а внешними показателями: экспертными оценками сложности дел, находящихся в производстве; количеством неоконченных дел по отношению к общему числу дел, находящихся в производстве. В отличие от количественных показателей, качественные в большей мере отражают успешность труда юриста.

В дополнительном образовании весьма значимым является развитие профессиональной одаренности студентов-юристов в юридической клинике, где формируются базовые навыки для юридической деятельности: навыки интервьюирования клиента (получение юридически значимой информации); навыки публичных выступлений; навыки проведения правовых исследований; навыки ведения переговоров.

В логике организации контекстного обучения специальным дисциплинам применяются ролевые игры, мозговой штурм, творческие задания, сократический диалог и др.). Экспериментальная работа заключалась в отборе средств обучения будущих юристов дисциплине «Конституционное право», дающей установку на осознание принципов демократического правового государства. Так, при рассмотрении предмета конституционного права используем проблемный подход, требующий аргументов при толковании норм основного закона. Анализ профессиональных ситуаций способствует формированию универсальной способности – способности понимать суть явлений. Стимулом к активной учебной деятельности являются правовые задачи, предполагающие варианты решения. Критичность и рефлексивность будущих юристов развивается методом импровизации (проводится учебное заседание). Профессиональное сознание не имеет самостоятельного пути развития, отдельного от личностного – требуются специаль-

ные условия в ходе профессиональной подготовки. Дискуссии и диспуты, имитирующие особенности юридической деятельности, стимулируют развитие компонентов профессионального самосознания (правового).

Сочетание учебной и неучебной деятельности дает положительный результат. Интеллектуальный элемент профессиональной одаренности формируется в ходе решения практических задач в юридической клинике, что стимулирует развитие критического мышления как основы для толкования и применения права с акцентом на духовную жизнь человека, этические нормы.

Выводы

Юридическое образование ориентировано на модель личности, востребованной современной общественной ситуацией, способной участвовать в укреплении законности и правовой культуры населения. Юридическая профессия связана с функционированием механизма правового регулирования, предполагающего развитие профессионального сознания (правового) в силу сложности деятельности, которая включена в контекст правовой системы общества и в процесс решения государственных задач правосудия.

Служебная деятельность юриста связана с вопросами соблюдения государственной дисциплины, укрепления правопорядка, поэтому статус юриста отличает эту профессию от многих других. Предусмотренные законом протокольные формы придают его деятельности нормативный характер, окрашенный личностным отношением к миру и людям, личностной позицией, системой отношений к себе как профессионалу – самосознанием. Степень осознания особенностей своей личности влияет на выбор способов решения профессиональных задач. Результаты деятельности оцениваются ее успешностью, которая обусловлена генетическими, интеллектуальными и эмоциональными характеристиками – одаренностью. Профессиональная одаренность является показателем высокого уровня развития общих и специальных способностей под влиянием субъективных (внутренних) и объективных (внешних) факторов. Критерием развития профессиональной одаренности является профессиональное самосознание. Профессиональное самосознание юриста – это осознание себя в пространстве правоохранительной деятельности, в системах профессионального общения и собственной личности.

Доказано, что в процессе профессиональной подготовки студентов – будущих юристов необходимо создавать условия для поддержания профессиональной одаренности, что обусловлено применением педагогических средств, обеспечивающих развитие специальных способностей на основе задатков. Готовность преподавателей вуза к развитию профессиональной одаренности предполагает организацию в единой системе учебного процесса и разных форм дополнительного образова-

ния. Однако требуется подготовка преподавателей к развитию профессиональной одаренности студентов – будущих юристов, их правового сознания.

Библиографический список

Акопов 2010 – *Акопов Г.В.* Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. 272 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3288397/ba9f34>.

Богоявленская 2013 – *Богоявленская Д.Б.* Одаренность: природа и диагностика. М.: ЦНПРО, 2013. 207 с. URL: <https://kuznetsovaji.files.wordpress.com/2014/06/odarblokprav.pdf>.

Габдулхаков 2012 – *Габдулхаков В.Ф., Зиннуров Ф.К., Амиров К.Ф., Габдулхаков В.Ф., Чанышева Г.Г.* Одаренность и девиация в системе социокультурных отношений XXI века: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2012. 174 с. URL: https://xn--hlad4d.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site136/document_journal/Deviacia_i_profilaktika.pdf.

Губенко 2011 – *Губенко А.В.* Эффективный метод развития творческого мышления школьников – метод бисоциаций и синтеза свойств и функций объектов // Психология и школа. 2011. № 4. С. 106–122.

Калашникова 2016 – *Калашникова Е.Ю.* Социальные технологии работы с талантливой молодежью // Социальные науки. 2016. № 56. С. 333–336.

Кашапов 2006 – *Кашапов М.М.* Психология творческого мышления профессионала. Москва: ПЕР СЭ, 2006. 687 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2292906/c397eb>.

Климов 2004 – *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004. 304 с. URL: <https://www.alleng.me/d/psy/psy027.htm>.

Ларионова 2011 – *Ларионова Л.И.* Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одаренности: монография. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 316 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=86275.

Панов 2005 – *Панов В.И.* Одаренность и одаренные дети: экпсихологический подход / Психологический ин-т РАО, Лаб. экпсихологии развития, Российский ун-т дружбы народов. Каф. социальной и дифференциальной психологии. М.: Изд-во РУДН, 2005. 299 с.

Попова 2011 – *Попова Л.В.* Образование одаренных детей и молодежи: государственная политика европейских стран // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 56–62. URL: <http://psyjournals.ru/psyedu/2011/n4/48658.shtml>.

Нарикбаева 2006 – *Нарикбаева Л.М.* Методологические принципы разработки концепции профессиональной одаренности личности // Білім – Образование. 2006. № 4. С. 64–69.

Профессиональные навыки юриста 2001 – *Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения.* М.: Дело, 2001. 416 с. URL: https://www.codolc.com/library/Professionalnie_navyky_kachestva_yurista/Professionalnie_navyki_yurista_uchebnik.

Психология одаренности и творчества 2017 – *Психология одаренности и творчества* / ред.

Л.И. Ларионова. А.И. Савенков. М.: МГПУ, 2017. 509 с. URL: <https://nashol.com/20190425108821/psihologiya-odarennosti-i-tvorchestva-monografiya-larionova-l-i-savenkov-a-i-2017.html> [in Russian].

Теория и технология... 2008 – *Теория и технология развития профессиональной одаренности в высшей педагогической школе: монография.* Алма-Ата: Peket-print, 2008. 315 с.

Теплов 1985 – *Теплов Б.М.* Избранные труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 1. 328 с. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TEPLOV_Boris_Mihaylovich/Teplov_B.M.html.

Холодная 2011 – *Холодная М.Н.* Эволюция интеллектуальной одаренности от детства к взрослости: эффект инверсии развития // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 11. С. 69–78. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document3358.pdf>.

Храмцов 2012 – *Храмцов Е.Б.* Профессиональное самоопределение юриста: процесс формирования: монография. Самара: ООО «Офорт», 2012. 180 с.

References

Akopov 2010 – *Akopov G.V. Psikhologiya soznaniya: voprosy metodologii, teorii i prikladnykh issledovaniy* [Psychology of consciousness: questions of methodology, theory and applied research]. M.: Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 2010, 272 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3288397/ba9f34> [in Russian].

Bogoyavlenskaya 2013 – *Bogoyavlenskaya D.B. Odarennost': priroda i diagnostika* [Endowment: nature and diagnosis]. M.: TsNPRO, 2013, 207 p. Available at: <https://kuznetsovaji.files.wordpress.com/2014/06/odarblokprav.pdf> [in Russian].

Gabdulkhakov 2012 – *Gabdulkhakov V.F., Zinnurov F.K., Amirov K.F., Chanyшева G.G. Odarennost' i devyatsiya v sisteme sotsiokul'turnykh otnosheniy XXI veka: uchebnoe posobie* [Zinnurov F.K., Amirov K.F., Gabdulkhakov V.F., Chanyшева G.G. Giftedness and deviation in the system of sociocultural relations of the XXI century: textbook]. Kazan: KYuI MVD Rossii, 2012, 174 p. Available at: https://xn--hlad4d.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site136/document_journal/Deviacia_i_profilaktika.pdf [in Russian].

Gubenko 2011 – *Gubenko A.V. Effektivnyi metod razvitiya tvorcheskogo myshleniya shkol'nikov – metod bisotsiatsii i sinteza svoystv i funktsii ob'ektov* [An effective method for the development of creative thinking of schoolchildren is the method of bisociation and synthesis of the properties and functions of objects]. *Psikhologiya i shkola* [Psychology and school], 2011, no. 4, pp. 106–122 [in Russian].

Kalashnikova 2016 – *Kalashnikova E.Yu. Sotsial'nye tekhnologii raboty s talantlivoi molodezh'yu* [Social technologies for working with talented youth]. *Sotsial'nye nauki* [Social-economic sciences], 2016, no. 56, pp. 333–336 [in Russian].

Kashapov 2006 – *Kashapov M.M. Psikhologiya tvorcheskogo myshleniya professionala* [Psychology of creative thinking of a professional]. M.: PER SE, 2006, 687 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2292906/c397eb> [in Russian].

Klimov 2004 – *Klimov E.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredleniya* [Psychology of professional self-determination]. M.: Akademiya, 2004, 304 p. Available at: <https://www.alleng.me/d/psy/psy027.htm> [in Russian].

- Larionova 2011 – *Larionova L.I. Kul'turno-psikhologicheskie faktory razvitiya intellektual'noi odarennosti: monografiya*. [Cultural and psychological factors of development of intellectual giftedness: monograph]. M.: In-t psikhologii RAN, 2011, 316 p. Available at: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=86275 [in Russian].
- Panov 2005 – *Panov V.I. Odarennost' i odarennye deti: ekopsikhologicheskii podkhod. Psikhologicheskii in-t RAO, Lab. ekopsikhologii razvitiya, Rossiiskii un-t druzhby narodov. Kaf. sotsial'noi i differentsial'noi psikhologii* [Giftedness and gifted children: ecopsychological approach. V.I. Panov; Psychological Institute of RAO, Laboratory of Ecopsychology of Development, RUDN University. Department of Social and Differential Psychology]. M.: Izd-vo RUDN, 2005, 299 p. [in Russian].
- Popova 2011 – *Popova L.V. Obrazovanie odarenykh detei i molodezhi: gosudarstvennaya politika evropeiskikh stran* [Education of gifted children and youth: national policy of European countries]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2011, no. 4, pp. 56–62. Available at: <http://psyjournals.ru/psyedu/2011/n4/48658.shtml> [in Russian].
- Narikbaeva 2006 – *Narikbaeva L.M. Metodologicheskie printsipy razrabotki kontseptsii professional'noi odarennosti lichnosti* [Methodological principles for the development of the concept of professional gifted personality]. *Bilim – Obrazovanie* [Education], 2006, no. 4, pp. 64–69 [in Russian].
- Professional'nye navyki yurista 2001 – *Professional'nye navyki yurista: opyt prakticheskogo obucheniya* [Professional skills of a lawyer: practical training experience]. M.: Delo, 2001, 416 p. Available at: https://www.codolc.com/library/Professionalnie_navyki_kachestva_yurista/Professionalnie_navyki_yurista_uchebnik [in Russian].
- Psikhologiya odarennosti i tvorchestva 2017 – *Psikhologiya odarennosti i tvorchestva. Red. L.I. Larionova. A.I. Savenkov* [Psychology of giftedness and creativity. L.I. Larionova. A.I. Savenkov (Eds.)]. M.: MGPU, 2017, 509 p. Available at: <https://nashol.com/20190425108821/psihologiya-odarennosti-i-tvorchestva-monografiya-larionova-l-i-savenkov-a-i-2017.html> [in Russian].
- Teoriya i tekhnologiya... 2008 – *Teoriya i tekhnologiya razvitiya professional'noi odarennosti v vysshei pedagogicheskoi shkole: monografiya* [Theory and technology of development of professional giftedness in higher pedagogical school: monograph]. Almaty: peket-print, 2008, 315 p. [in Russian].
- Teplov 1985 – *Teplov B.M. Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.]. M.: Pedagogika, 1985, Vol. 1, 328 p. Available at: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TEPLOV_Boris_Mihaylovich/_Teplov_B.M.html [in Russian].
- Kholodnaya 2011 – *Kholodnaya M.N. Evolyutsiya intellektual'noi odarennosti ot detstva k vzroslosti: effekt inversii razvitiya* [Evolution of intellectual giftedness from childhood to adulthood: effect of inversion in development]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2011, Vol. 32, no. 11, pp. 69–78. Available at: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document3358.pdf> [in Russian].
- Khramtsov 2012 – *Khramtsov E.B. Professional'noe samoopredelenie yurista: protsess formirovaniya: monografiya* [Lawyer Professional Self-Determination: Formation Process: monograph]. Samara: OOO «Ofort», 2012, 180 p. [in Russian].

ГОТОВНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА К ОРГАНИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Родина Лариса Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: larisa_rodina2010@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2404-4465>

АННОТАЦИЯ

Включение в образовательный процесс массовых учебных заведений лиц с ограниченными возможностями здоровья – новая задача для российского образования. Реализация системы инклюзивного образования в вузе базируется на принципе «равные и разные» и актуализирует понятие «качество доступности». Суть инклюзивного образования заключается в обучении студентов-инвалидов вместе с другими студентами в соответствии с общими нормами и требованиями к процессу, содержанию, качеству и результату образования.

В настоящий момент основной проблемой образования является создание условий, гарантирующих доступность и качество образования лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов. Создание доступной среды для инклюзивного образования – это требование к учреждениям высшего профессионального образования.

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты кадрового обеспечения инклюзивного образования: рассмотрен процесс инклюзии как интегратора совершенствования социально-трудовых отношений в социальном контексте развития образования, нормативно-правовой аспект инклюзивного образования; система кадрового обеспечения инклюзивных процессов.

Проведен анализ инклюзивной практики, педагогической и социальной эффективности мероприятий разработки системы кадрового обеспечения вуза в реализации инклюзивного образования.

Ключевые слова: ограниченные возможности здоровья, инклюзивное образование, готовность преподавателя вуза к инклюзивному обучению.

Цитирование. Родина Л.И. Готовность преподавателя вуза к организации инклюзивного образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 91–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-91-99>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-91-99
UDC 378

Submitted: 15/X/2019
Accepted: 20/XI/2019

L.I. Rodina

READINESS OF A UNIVERSITY PROFESSOR TO THE ORGANIZATION OF INCLUSIVE EDUCATION

© Rodina Larisa Igorevna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Human Resource Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: larisa_rodina2010@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2404-4465>

ABSTRACT

The inclusion of people with disabilities in the education process at educational institutions is a new task for the Russian educational system. The implementation of the inclusive education system at the university is based on the principle of «equal and different» and actualizes the concept of «accessibility quality». The essence of inclusive education is expressed by teaching disabled students together with other students in accordance with general educational standards, requirements for the process, content and quality.

Nowadays, educational system faces some problems as the development of conditionals for the teaching students with disabilities. The educational process should be accessible and conducted at a high level. Creation an accessible environment is a requirement for institutions of higher education.

The article discusses theoretical and practical aspects of staffing for inclusive education: the process of inclusion is considered as an integrator to improve social and labor relations in the social context of the education development. Regulatory aspect of inclusive education and staffing system for inclusive processes are discussed in the article.

As the result, the inclusive, pedagogical and social effectiveness of measures to develop a staffing system in the inclusive education implementation are analyzed.

Key words: health limitations, inclusive education, university professor readiness for inclusive education implementation.

Citation. Rodina L.I. *Gotovnost' prepodavatelya vuza k organizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya* [Readiness of a university professor to the organization of inclusive education]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 91–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-91-99> [in Russian].

Введение

Гуманистической альтернативой специальному образованию, которое осуществлялось вплоть до девяностых годов прошлого столетия, когда социальная политика в отношении людей с инвалидностью носила преимущественно компенсационный характер, выступает инклюзивное (совместное) обучение, позволяющее не только изменить жизненный мир людей с инвалидностью, но и существенно сократить процессы их маргинализации [Мартынова, Романович 2014]. Инклюзивное образование предполагает совместное обучение и доступность качественного образования для всех на основе создания образовательного пространства, исключаящую любую дискриминацию обучающихся [Андрианова 2016; Арефьева, Крыжановская 2016; Атымтаева 2016].

Инклюзивное образование реализует идею о том, что не только обучающийся должен готовиться к включению в систему образования, а сама система должна быть приспособлена к обучению вне зависимости от степени ограниченности состояния здоровья [Андрианова, Арефьев, Крыжановская 2016; Брызгалова 2011; Жданова 2016].

Существующая инклюзивная практика включает в себя управление процессом образования, техническое и технологическое оснащение его, мобилизацию ресурсов (преподаватели, родители, представители местных сообществ). Сила этой практики – в многообразии ее методов, технологий, организационных форм и содержаний. Исследованием тифлоинформационных средств занимаются В.З. Денискина, В.В. Соколов, О.В. Шевкун; технологии обучения слепых описаны в работах М.А. Рощиной, О.Ю. Сивковой; проблема коммуникации в инклюзивном пространстве представлена в трудах С.В. Алехиной, Е.А. Герасимовой; профессиональное образование и профессиональная реабилитация инвалидов по слуху изложена в исследованиях С.Б. Петрушева, А.Г. Станевского. Особое значение в развитии инклюзивного пространства имеют работы Е.А. Мартыновой, Д.Ф. Романенковой, в которых представлены модели и технологии композиции адаптационных образовательных программ, возможности индивидуальных траекторий обучения студентов с ОВЗ [Алехина 2011; Алехина, Вачков 2014; Мартынова 2012; Мартынова, Романович, Романенкова 2014;

Соколов 2011]. Рассматриваются проблемы технического и технологического сопровождения студентов с особыми образовательными потребностями при реализации инклюзивного образования; создаются системы довузовской подготовки абитуриентов-инвалидов. Сложно не согласиться и с точкой зрения современных экономистов, которые на проблему инвалидности имеют довольно оптимистичный и практичный взгляд: экономисты видят в инвалидах потенциальных работников, приносящих пользу стране и способных на самореализацию и самоутверждение [Кондратьева, Мастяева 2009].

Впервые теоретическое обоснование инклюзивного обучения было заложено в трудах Л.С. Выготского, который указывал на необходимость создания такой системы обучения, в которой обучающийся с ограниченными возможностями не исключался бы из общества людей с нормальным развитием [Выготский 1995]. Концепция инклюзивного образования основана на идее «включающего общества», где все благоприятствует включению другого (человека другой расы, вероисповедания, культуры, человека с ограниченными возможностями здоровья) в активное и равноправное участие в социальной жизни, содействует интересам каждого, росту способности к самостоятельной жизни, обеспечению равенства их прав.

Инклюзивное образование как социальное явление рассматривается учеными в области социологии, психологии, педагогики.

Степень разработанности проблемы

В философской, педагогической и психологической литературе отмечается важная роль инклюзивного образования. Согласно Г. Антору, К. Молленхауэру, О. Шпек и др., широкое распространение в зарубежной педагогике в контексте философии получило феноменологическое понятие «жизненный мир»: «Педагогическое пространство как смысловая конструкция должно быть продумано в рамках конкретных общественно-исторических условий, влияющих на педагогический процесс. Исходя из этого, педагогическая смысловая конструкция определяется не сама по себе, но в контексте своего общественного местоположения. Для данного общественного местоположения мы выбираем название «жизненный мир» [Фурьева 2002]. Жизненный мир становится педагогическим пространством, когда в нем присутствует деятельность или деятельностные намерения всех взаимодействующих сторон, где смыслообразующим элементом выступает интересубъектность. Такое понимание воспитательного пространства позволяет учитывать ситуацию саморазвития личности с ограниченными возможностями, ее интересы и потребности в самореализации, которые формируются в социальной среде и под ее влиянием.

В этике ставятся вопросы норм и правил человеческого поведения, обязанностей людей по от-

ношению друг к другу в условиях совместного обучения. В последние годы внимание исследователей (Н.М. Назарова, И.А. Филатова, И.М. Яковлева) привлекают проблемы педагогической деонтологии – долга, моральных требований и нормативов как специфической для нравственности формы проявления социальной необходимости в профессиональной деятельности педагога, в том числе и педагога, работающего в условиях инклюзии [Фурьева 2015]. Философские идеи гуманизации человеческого и социального бытия, ценности человеческой жизни в последние десятилетия овладевают общественным сознанием. Происходит поворот социального интереса к людям, не таким, как все, имеющим ограниченные возможности жизнедеятельности и социальной активности, чье развитие и жизнь не вписываются в рамки типичного [Аверина 2011].

К.В. Захаров, Г.В. Нигматуллина, С.П. Пешков, С.С. Степанов, А.В. Тюрин, Т.В. Фурьева, Ю.Г. Элланский утверждают необходимость инклюзивного обучения, сопоставляя вопросы специального и включенного образования. Г.В. Арефьева, Е.Ю. Крыжановская, Г.А. Романова представляют инклюзивное образование как неотъемлемую часть процесса гуманизации современного общества. Доказывается важность социальной интеграции детей с инвалидностью (А.Я. Чигрина, О.С. Кузьмина, И.И. Лошакова, Е.Р. Ярская-Смирнова, С.О. Брызгалова, Г.Г.Зак, Ю.Н. Галагузова); рассматривается система инклюзивного образования как процесс непрерывного обучения (от начального к высшему профессиональному). А.В. Бахарев, О.В. Олейник представляют инклюзивную образовательную модель как некую динамику образовательной среды. С.В. Алехина, Л.А. Колыванова, Т.М. Носова, обращают внимание на современные образовательные технологии в работе с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья. Правовые основы инклюзивного образования раскрываются в работах Д.П. Гензенко, М.А. Ларионова, Е.С. Шаповалова, где анализируется информация об особых правах и льготах для инвалидов при поступлении в высшие профессиональные образовательные учреждения и особые гарантии доступности высшего образования для инвалидов непосредственно при обучении в вузах.

С.В. Алехина, Ю.Н. Галагузова, Е.В. Михальчи, Ю.В. Селиванова, Е.Б. Щетинина отмечают важность готовности преподавателей к обучению студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Н.В. Антакова, Т.Г. Глухова, Л.В. Горюнова, Ю.В. Селиванова, Е.Б. Щетинина акцентируют внимание на подготовке преподавателей к системе инклюзивного образования. Раскрываются особенности социальной адаптации студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья к условиям вузовского обучения (А.Е. Думбаев, Л.Г. Жданова, О.В. Забродина). Таким образом накапливается опыт для осмысления процесса инклюзии.

Результаты исследования

При определении готовности преподавателя вуза к работе с обучающимися с ОВЗ обратились к их обязанностям:

- оценивать возможности и ограничения студентов в отношении умственных, физических, социальных и эмоциональных нарушений, необычных умственных способностей и в других особых ситуациях;
- разрабатывать и изменять учебные программы, адаптируя к возможностям и потребностям студентов;
- обучать на индивидуальной или коллективной основе с помощью специальных методик;
- применять специальные учебные стратегии и методики для стимуляции сенсорных и перцептивно-двигательных функций, речи, познавательной способности и памяти;
- применять установленные правила поведения и процедуры для поддержания порядка среди студентов;
- формировать практические навыки самообслуживания студентам с нарушениями слуха, зрения и другими нарушениями;
- развить у студентов уверенность в себе, интересы, способности, навыки и координации движений;
- применять различные формы оценки достижений каждого студента.

Результаты проведенного исследования (выборку составили преподаватели самарских вузов) показали, что 93 % опрошенных преподавателей не знают основы инклюзивного образования и нормативно-правовые акты, регламентирующие его; 3 % опрошенных знакомы с моделью психолого-педагогического сопровождения инклюзивного образования; 4 % респондентов имеют представление о структуре и содержании адаптированных образовательных программ; 10 % преподавателей имеют частичное представление о психологических особенностях обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

Преподавателям незнакома специфика обучения студентов с нарушением слуха;

92 % респондентов незнакомы с аппаратурой, необходимой для обучения глухих и слабослышащих студентов. Опрошенные преподаватели слабо осведомлены об обучении лиц с нарушениями зрения и опорно-двигательного аппарата. Только 1 % респондентов знает о специальной технике для обучения данной категории студентов.

Возникает проблема готовности преподавательского состава вузов к процессу реализации инклюзивного образования.

Структура профессиональной готовности преподавателей вуза к работе со студентами с ограниченными возможностями здоровья

Готовность, являясь фундаментальным условием успешной деятельности, – состояние, зависящее от

особенностей личности тесно связанной с установкой условиями, в которых протекает деятельность (М.И. Виноградова, Б.Ф. Ломова, Н.Д. Левитов А.А. Ухтомского, В.Н. Пушкина и др). Системно-целостный подход позволяет рассматривать не отдельные порционные стороны и черты объекта, а видеть структуру готовности как целостное образование, предполагая перевод задач инклюзивного образования на язык социально психолого-педагогических понятий и выделение структурных элементов (системных составляющих) изучаемой области. Она ориентирована на широкую и системную профессиональную компетентность, стойкую убежденность человека, социально значимую направленность, а также наличие коммуникативной и дидактической потребности общения, передачи опыта (А.П. Акимова, Е.И. Антипова, К. Дурат-Новакова, И.А. Зимняя).

Сущностная характеристика профессиональной готовности преподавателя, работающего в рамках инклюзии: пригодность, отсутствие психологических противопоказаний, предрасположенность к решению социально значимых и личностных проблем студента; направленность преподавателя на освоение системы способов деятельности, включающей в себя желание и способность свободно ориентироваться во взаимоотношениях людей и определять оптимальные пути решения социальных и личностных проблем; глубокую профессиональную компетентность, включающую фундаментальные знания и умение применять их в практической деятельности; осознанный выбор вариантов собственного профессионального поведения, формирования потребности в развитии, творчестве и самореализации деятельности (табл. 1).

В ходе осуществления процесса обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья преподаватель вуза, обладая направленностью на деятельность с данным студентом, профессиональной компетентностью, обеспечивает эффективность учебной деятельности в целом. Подобное видение профессиональной готовности преподавателей вуза позволяет соотнести результативность педагогической деятельности с развитием индивидуальности студента, имеющего ограниченные возможности здоровья, его личностного становления, формирования у него стремления к самообразованию, самосозданию, самосовершенствованию и ответственности за свои устремления.

Подготовка преподавателей к обучению студентов с ограниченными возможностями здоровья в формате повышения квалификации

Согласно «Требованиям к организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональных образовательных организациях, в том числе оснащенности образовательного процесса», изложенным в письме Минобрнау-

ки России в 2014 году, для повышения квалификации преподавателя Самарского университета разработана образовательная программа «Основы инклюзивного образования в вузе: организация и психолого-педагогическое сопровождение» общим объемом 108 часов. Тематика занятий включает рассмотрение: вопросов ресурсного обеспечения инклюзивного профессионального образования, направлений и принципов государственной

образовательной политики, нормативных основ инклюзивного образования; актуальных проблем общей и профессиональной социализации личности в процессе обучения вузе, проблем социально-психологической адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья, развития нервно-психической устойчивости и толерантности преподавателей, работающих со студентами с ограниченными возможностями здоровья, специфики

Таблица 1

**Структура профессиональной готовности преподавателей вуза
к работе со студентами с ограниченными возможностями здоровья**

Table 1

The structure of professional readiness of university teachers to work with students with disabilities

Компоненты готовности	Содержание	Критерии
Направленность	Направленность на студента (содействие развитию личности студента, максимальной самоактуализации его индивидуальности)	Осознание самоценности человеческой жизни, ее индивидуальности, творческой сущности Принятие приоритета личности студента, ответственности перед ним Принятие естественности индивидуальных групповых различий людей Сохранение в тайне сведений о студенте Стремление к защите студента, к развитию его способностей
	Направленность на себя, связанную с потребностью в самосовершенствовании и самореализации в формате инклюзивного образования	Осознание и эмоциональное принятие инклюзивного образования Стремление к достижению высокого уровня профессиональной квалификации в овладении инклюзивными технологиями
	Направленность на предметную сторону профессии	Эмпатия, устойчивость в стрессовых ситуациях
Профессиональная компетентность	Когнитивный	Общекультурные знания Медико-биологические знания Предметные знания
	Коммуникативный	Личностный показатель: направленность, ценностные ориентации, мотивы Интерактивный показатель: общение со студентами, общение с коллегами, общение с родителями, общение с администрацией Гностический показатель: знание закономерностей общения со студентами с ограниченными возможностями здоровья, способность преобразовать педагогические задачи в коммуникативные
	Процессуально-операционный	Прогностический показатель: знание закономерностей индивидуального развития человека, владение методиками моделирования Организационно-деятельностный показатель: реализация умения организовать специальные условия педагогического взаимодействия как с отдельной личностью, так и с группой Контрольно-аналитический показатель: анализ результативности организационно-педагогического процесса

Таблица 2

Образовательные результаты слушателей программы повышения квалификации

Table 2

Educational results of students of the continuing education program

Категория работника	Вид профессиональной деятельности	Профессиональные компетенции (ПК) / готовность к выполнению трудовых действий в разрезе видов профессиональной деятельности
Профессорско-преподавательский состав	Преподаватель	Способен использовать концептуальные основы инклюзивного образования. Способен использовать знание нормативных документов. Готов к разработке содержания адаптированных образовательных программ. Способен к использованию современных подходов к образованию студентов с различными нарушениями здоровья

обучения студентов с нарушениями зрения, слуха, организации образовательной среды для студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата, прогнозирования эффективного развития инклюзивного процесса в высшем образовании [Родина 2016].

Данная программа способствует формированию профессиональных компетенций преподавателей вуза, связанных с расширением представлений о технологиях психолого-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью различных нозологий (с нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата) в условиях инклюзивного образования; а также рассматривает вопросы адаптации образовательных программ с учетом индивидуальных особенностей студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Обучение преподавателей по программе предполагает освоение или совершенствование в рамках модулей соответствующих профессиональных компетенций (табл. 2).

Выводы

Основной проблемой развития готовности преподавателей вуза к работе в условиях инклюзивного образования является систематическое повышение своей профессиональной компетентности для понимания диагноза студента, психологических, физических, личностных особенностей и его адаптационных возможностей. Готовность представлена как системно-целостное образование, где профессиональная направленность анализируется через интерес преподавателя к студенту как субъекту саморазвития, осознанное и эмоциональное принятие инклюзивного образования, эмпатию, устойчивость в стрессовых ситуациях. Следует подчеркнуть также усиление социальной значимости профессиональной педагогической деятельности при формировании готовности преподавателей к реализации инклюзивного образования, представленной компонентами: когнитивный,

коммуникативный, процессуально-операционный. Программа формирования кадрового обеспечения вуза в реализации инклюзивного образования апробирована в Самарском университете.

Библиографический список

Федеральный закон... – Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» от 30 декабря 2012 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559.

Аверина 2011 – *Аверина Е.А.* Интеграция инвалидов в общество: теоретическое осмысление проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2011. № 1. С. 5–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-invalidov-v-obschestvo-teoreticheskoe-osmyslenie-problemy/viewer>.

Алехина 2011 – *Алехина С.В., Алексеева М.Н., Агафонова Е.Л.* Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 83–92. URL: http://psyjournals.ru/files/39878/psyedu_2011_n1_Alekhina_Alekseeva_Agafonova.pdf.

Алехина, Вачков 2014 – *Алехина С.В., Вачков И.В.* Методологические подходы к психолого-педагогическому сопровождению инклюзивного процесса в образовании // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 5. С. 97–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15960473>.

Андрианова 2016 – *Андрианова Е.И.* Инклюзивное образование: характеристика, сущность, проблемы // Вестник НовГУ. 2016. № 2 (93). С. 14–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/17173634>.

Арефьева, Крыжановская 2017 – *Арефьева Г.В., Крыжановская Е.Ю.* Инклюзивное образование как неотъемлемая часть гуманизации современного общества // Проблемы и перспективы развития инклюзивного образования: материалы Первой Всероссийской конференции с международным участием 19–21 октября 2016 года. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 252–258. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837603>.

Атымтаева 2017 – *Атымтаева А.О.* Повышение качества обучения на основе внедрения инновационных

- технологий // Проблемы и перспективы развития инклюзивного образования: материалы Первой Всероссийской конф. с международным участием 19–21 октября 2016 года. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 228–230. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837598>.
- Брызгалова, Зак 2011 – *Брызгалова С.О., Зак Г.Г.* Инклюзивное образование: международный опыт, современные тенденции // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы междунар. научно-практич. конф. 20–22.06.2011 / под ред. О.Н. Ертанова, М.М. Гордон. М., 2011. С. 41–43. URL: http://psyjournals.ru/files/44014/Inclusive_edu_Bryzgalova.pdf.
- Выготский 1995 – *Выготский Л.С.* Проблемы дефектологии. М.: Просвещение, 1995. 384 с. URL: <https://xn--90anb0a.xn--p1ai/images/Bibl/SSV5.pdf>.
- Жданова 2017 – *Жданова Л.Г.* Особенности социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям вузовского обучения // Проблемы и перспективы развития инклюзивного образования: материалы Первой Всероссийской конф. с международным участием 19–21 октября 2016 года. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 112–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837581>.
- Кондратьева, Мастяева 2009 – *Кондратьева С.И., Мастяева И.Н.* Модель оценки качества инклюзивного образования в ВУЗе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. 0,5 п.л.
- Кузьмина, Чекалева, Четверикова 2014 – *Кузьмина О.С., Чекалева Н.В., Четверикова Т.Ю.* Организация и содержание подготовки педагогов к деятельности в условиях инклюзивного образования: монография / под общ. ред. Н.В. Чекалевой. Омск: ООО «Полиграфист», 2014. 242 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25541245>.
- Мартынова 2012 – *Мартынова Е.А.* Информационно-образовательная среда для студентов-инвалидов в Челябинском государственном университете // Социально-экономическое развитие России в нестабильном мире: национальные, региональные и корпоративные особенности. Челябинск, 2012. С. 253–257. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24633316>.
- Мартынова 2014 – *Мартынова Е.А.* Организационно-педагогические условия адаптации учебного процесса, отвечающего условиям инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях профессионального образования // Проблемы и перспективы образования в России. 2014. № 29. С. 86–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21845611>.
- Мартынова, Романович 2014 – *Мартынова Е.А., Романович Н.А.* Структура и содержание компетенций педагогических работников инклюзивного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2014. № 2 (19). URL: <https://ipk74.ru/upload/documents/jornal19.pdf>.
- Родина 2017 – *Родина Л.И.* Политика Самарского университета в развитии инклюзивного образования // Проблемы и перспективы развития инклюзивного образования: материалы Первой Всероссийской конф. с международным участием 19–21 октября 2016 года. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 4–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837565>.
- Романенкова, Романович 2016 – *Романенкова Д.Ф., Романович Н.А.* Задачи и направления деятельности специалистов комплексного сопровождения инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональной образовательной организации // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 192. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27181815>.
- Романович, Мартынова, Романенкова 2014 – *Романович Н.А., Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф.* Челябинский государственный университет – федеральная инновационная площадка по инклюзивному обучению // Инклюзивное профессиональное образование: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. С. 204–209.
- Соколов 2011 – *Соколов В.В.* Современные компьютерные технологии в инклюзивном обучении студентов с глубокими нарушениями зрения // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии, 2011. С. 200–202. URL: psyjournals.ru/inclusive_edu/issue/44235_full.shtml.
- Фурьева 2015 – *Фурьева Т.В.* Педагогика интеграции за рубежом: монография. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2015. 208 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23364575>.
- Фурьева 2002 – *Фурьева Т.В.* Сравнительная педагогика особенных детей: теоретико-методологический аспект. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. 188 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26668980>.
- Фурьева 2017 – *Фурьева Т.В.* Социальная инклюзия: теория и практика: монография. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2017. 280 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29026735>.
- Чигрина 2011 – *Чигрина А.Я.* Инклюзивное образование детей-инвалидов с тяжелыми физическими нарушениями как фактор их социальной интеграции: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород, 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/inklyuzivnoe-obrazovanie-detei-invalidov-s-tyazhelyimi-fizicheskimi-narusheniyami-kak-faktor/read>.
- Ярская-Смирнова, Лошакова 2013 – *Ярская-Смирнова Е.Р., Лошакова И.И.* Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 100–106. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/750/155/1217/011-YaRSKAYa-SMIRNOVA_E.R.pdf.

References

- Federal'nyi zakon... – *Federal'nyi zakon «O sotsial'noi zashchite invalidov» ot 30 dekabrya 2012 g.* [Federal Law «On social protection of disabled people» dd. December 30, 2012]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 [in Russian].
- Averina 2011 – *Averina E.A.* Integratsiya invalidov v obshchestvo: teoreticheskoe osmyslenie problemy [Integration of disabled people in society: theoretical comprehension of the problem]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2011, no. 1, pp. 5–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-invalidov-v-obshchestvo-teoreticheskoe-osmyslenie-problemy/viewer> [in Russian].

- Alekhina 2011 – Alekhina S.V., Alekseeva M.N., Agafonova E.L. *Gotovnost' pedagogov kak osnovnoi faktor uspekhnosti inkluzivnogo protsessa v obrazovanii* [Preparedness of Teachers as the Main Factor of Success of the Inclusive Process in Education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2011, no. 1, pp. 83–92. Available at: http://psyjournals.ru/files/39878/psyedu_2011_n1_Alekhina_Alekseeva_Agafonova.pdf [in Russian].
- Alekhina, Vachkov 2014 – Alekhina S.V., Vachkov I.V. *Metodologicheskie podkhody k psikhologo-pedagogicheskomu soprovozhdeniyu inkluzivnogo protsessa v obrazovanii* [Methodological approaches to psycho-pedagogical support of inclusive processes in education]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2014, no. 5, pp. 97–104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/15960473> [in Russian].
- Andrianova 2016 – Andrianova E.I. *Inkluzivnoe obrazovanie: kharakteristika, sushchnost', problemy* [Inclusive education: characteristics, essence, problems]. *Vestnik NovGU* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2016, no. 2 (93), pp. 14–16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/17173634> [in Russian].
- Arefieva, Kryzhanovskaya 2017 – Arefieva G.V., Kryzhanovskaya E.Yu. [Inclusive education as an integral part of humanization of modern society]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya inkluzivnogo obrazovaniya: materialy Pervoi Vserossiiskoi konf. s mezhdunarodnym uchastiem 19–21 oktyabrya 2016 goda* [Problems and prospects for the development of inclusive education: materials of the First All-Russian Conference with international participation October 19–21, 2016]. Samara: OOO «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2017, pp. 252–258. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837603> [in Russian].
- Atymtaeva 2017 – Atymtaeva A.O. *Povyshenie kachestva obucheniya na osnove vnedreniya innovatsionnykh tekhnologii* [Improving the quality of education through the introduction of innovative technologies]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya inkluzivnogo obrazovaniya: materialy Pervoi Vserossiiskoi konf. s mezhdunarodnym uchastiem 19–21 oktyabrya 2016 goda* [Problems and prospects for the development of inclusive education: materials of the First All-Russian Conference with international participation October 19–21, 2016]. Samara: OOO «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2017, pp. 228–230. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837598> [in Russian].
- Bryzgalova, Zak 2011 – Bryzgalova S.O., Zak G.G. *Inkluzivnoe obrazovanie: mezhdunarodnyi opyt, sovremennye tendentsii* [Inclusive education: international experience, current trends]. In: *Inkluzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologiya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. 20–22.06.2011. Pod red. O.N. Ertanova, M.M. Gordon* [Inclusive education: methodology, practice, technology: materials of the international research and practical conference June 20–22, 2011. O.N. Ertanov, M.M. Gordon (Eds.)]. M., 2011, pp. 41–43. Available at: http://psyjournals.ru/files/44014/Inclusive_edu_Bryzgalova.pdf [in Russian].
- Vygotsky 1995 – Vygotsky L.S. *Problemy defektologii* [The Fundamental Problems of Defectology]. M.: Prosveshchenie, 1995, 384 p. URL: <https://xn--90anb0a.xn--p1ai/images/Bibl/SSV5.pdf>.
- Zhdanova 2017 – Zhdanova L.G. *Osobennosti sotsial'noi adaptatsii studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya k usloviyam vuzovskogo obucheniya* [Features of social adaptation of students with disabilities to the conditions of university education]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya inkluzivnogo obrazovaniya: materialy Pervoi Vserossiiskoi konf. s mezhdunarodnym uchastiem 19–21 oktyabrya 2016 goda* [Problems and prospects for the development of inclusive education: materials of the First All-Russian Conference with international participation October 19–21, 2016]. Samara: OOO «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2017, pp. 112–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837581> [in Russian].
- Kondratyeva, Mastyaeva 2009 – Kondratyeva S.I., Mastyaeva I.N. *Model' otsenki kachestva inkluzivnogo obrazovaniya v VUZe* [Model for assessing the quality of inclusive education in a university]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)* [Vestnik Universiteta], 2009, 0,5 printed sheets.
- Kuzmina, Chekaleva, Chetverikova 2014 – Kuzmina O.S., Chekaleva N.V., Chetverikova T.Yu. *Organizatsiya i sodержание podgotovki pedagogov k deyatel'nosti v usloviyakh inkluzivnogo obrazovaniya: monografiya. Pod obshch. red. N.V. Chekalevoi* [Organization and content of training teachers for activities in conditions of an inclusive education: monograph. N.V. Chekaleva (Ed.)]. Omsk: OOO Poligrafist, 2014, 242 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25541245> [in Russian].
- Martynova 2012 – Martynova E.A. *Informatsionno-obrazovatel'naya sreda dlya studentov-invalidov v Chelyabinskoy gosudarstvennoy universitete* [Information and educational environment for students with disabilities at Chelyabinsk State University]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossii v nestabil'nom mire: natsional'nye, regional'nye i korporativnye osobennosti* [Socio-economic development of Russia in an unstable world: national, regional and corporate features]. Chelyabinsk, 2012, pp. 253–257. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=2463316> [in Russian].
- Martynova 2014 – Martynova E.A. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya adaptatsii uchebnogo protsessa, otvechayushchego usloviyam inkluzivnogo obucheniya invalidov i lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh professional'nogo obrazovaniya* [Organizational and pedagogical conditions for the adaptation of the educational process that meets the conditions of inclusive education of persons with disabilities and persons with disabilities in educational institutions of vocational education]. *Problemy i perspektivy obrazovaniya v Rossii* [Problems and perspectives of education in Russia], 2014, no. 29, pp. 86–94. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21845611> [in Russian].
- Martynova, Romanovich 2014 – Martynova E.A., Romanovich N.A. *Struktura i sodержание kompetentsii pedagogicheskikh rabotnikov inkluzivnogo professional'nogo obrazovaniya* [The structure and the content of the competencies of inclusive professional education workers]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov* [Scientific support of a system of advanced training], 2014, no. 2 (19), pp. 40–47. Available at: <https://ipk74.ru/upload/documents/jornal19.pdf> [in Russian].
- Rodina 2017 – Rodina L.I. *Politika Samarskogo universiteta v razvitiy inkluzivnogo obrazovaniya* [Samara University Policy in the Development of Inclusive Education]. *Problemy i perspektivy razvitiya inkluzivnogo obrazovaniya: materialy Pervoi Vserossiiskoi konf. s mezhdunarodnym uchastiem 19–21 oktyabrya 2016 goda* [Problems and prospects for the development of inclusive education: materials of the First All-Russian Conference with international participation October 19–21, 2016]. Samara: OOO «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2017, pp. 112–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837581> [in Russian].

Conference with international participation October 19–21, 2016]. Samara: ООО «Nauchno-tekhnicheskii tsentr», 2017, pp. 4–14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28837565> [in Russian].

Romanenkova D.F., Romanovich N.A. 2016 – *Romanenkova D.F., Romanovich N.A. Zadachi i napravleniya deyatel'nosti spetsialistov kompleksnogo soprovozhdeniya inklyuzivnogo obucheniya invalidov i lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v professional'noi obrazovatel'noi organizatsii* [Tasks and activities of a comprehensive professional support to inclusive education of people with limited possible health and disabled in professional education organizations]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, no. 5, p. 192. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27181815> [in Russian].

Romanovich, Martynova, Romanenkova 2014 – *Romanovich N.A., Martynova E.A., Romanenkova D.F. Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet – federal'naya innovatsionnaya ploshchadka po inklyuzivnomu obucheniyu* [Chelyabinsk State University – a federal innovative platform for inclusive education]. In: *Inklyuzivnoe professional'noe obrazovanie: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Inclusive professional education: materials of the all-Russian research and practical conference]. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2014, pp. 204–209 [in Russian].

Sokolov 2011 – *Sokolov V.V. Sovremennye komp'yuternye tekhnologii v inklyuzivnom obuchenii studentov s glubokimi narusheniyami zreniya* [Modern computer technology in inclusive education for students with severe visual impairment]. *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologii* [Inclusive education: methodology, practice, technologies], 2011, pp. 200–202. Available at: http://psyjournals.ru/inclusive_edu/issue/44235_full.shtml [in Russian].

Furyayeva 2015 – *Furyayeva T.V. Pedagogika integratsii za rubezhom: monografiya* [Pedagogics of integration abroad: monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 2015, 208 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23364575> [in Russian].

Furyayeva 2002 – *Furyayeva T.V. Sravnitel'naya pedagogika osobennykh detei: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Comparative pedagogy of special children: theoretical and methodological aspect]. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2002, 188 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26668980> [in Russian].

Furyayeva 2017 – *Furyayeva T. V. Sotsial'naya inklyuziya: teoriya i praktika: monografiya* [Social inclusion: theory and practice: monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 2017, 280 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29026735> [in Russian].

Chigrina 2011 – *Chigrina A.Ya. Inklyuzivnoe obrazovanie detei-invalidov s tyazhelymi fizicheskimi narusheniyami kak faktor ikh sotsial'noi integratsii: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk* [Inclusive education of disabled children with serious physical disorders as a factor of their social integration: author's abstract thesis of Candidate's of Sociological Sciences]. N. Novgorod, 2011. Available at: <https://www.dissercat.com/content/inklyuzivnoe-obrazovanie-detei-invalidov-s-tyazhelymi-fizicheskimi-narusheniyami-kak-faktor-/read> [in Russian].

Yarskaya-Smirnova, E.R. Loshakova I.I. 2013 – *Yarskaya-Smirnova E.R. Loshakova I.I. Inklyuzivnoe obrazovanie detei-invalidov* [Inclusive education for disabled children]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 5, pp. 100–106. Available at: ecsocman.hse.ru/data/750/155/1217/011-YaRSKAYa-SMIRNOVA_E.R.pdf [in Russian].

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-100-105
УДК 81; 659.13/.17

Дата поступления статьи: 7/IX/2019
Дата принятия статьи: 22/X/2019

Е.Н. Малюга

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

© Малюга Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

E-mail: en_malyuga@hotmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6935-0661>. Scopus ID: 56587911800

АННОТАЦИЯ

В статье выделяются три ключевые синтаксические характеристики рекламного дискурса, анализируемые на базе материала англоязычных рекламных текстов неконкретизированной тематики: преобладание определенного типа предложений, стремление к синтаксической компрессии и специфичному композиционному оформлению аргументов, а также неотъемлемое использование синтаксических риторических приемов. Исследование специфики синтаксического оформления рекламных текстов осуществляется с использованием структурного, стилистического и прагматического методов анализа с целью описания композиционного синтаксического построения рекламных сообщений и характеристики соответствующих особенностей восприятия рекламной информации потенциальным потребителем. Выводы по результатам исследования суммируют набор синтаксических характеристик оформления текстов рекламного дискурса: 1) успешность рекламного дискурса зависит не только от правильного подбора слов, но и от синтаксической организации рекламного текста; 2) хотя в англоязычном рекламном дискурсе присутствуют все типы предложений, наиболее распространенными и эффективными с прагматической точки зрения являются побудительные предложения; 3) для восприятия и запоминания рекламного сообщения наиболее удобен краткий текст, подверженный синтаксической компрессии; 4) на эффективность рекламного текста влияет расположение аргументов в его синтаксической структуре, причем наиболее эффективной оказывается модель, где ключевой аргумент располагается в заголовке, доказательный аргумент – в основном тексте, а обобщающий аргумент – в эхо-фразе; 5) синтаксические риторические тропы представляют собой важный инструмент рекламы, поскольку они более запоминаемы и позволяют привлечь внимание потенциального потребителя, добавляя элемент неожиданности и создавая более позитивное отношение к продукту в целом; 6) наиболее часто в текстах англоязычной рекламы встречаются такие синтаксические тропы, как эллипсис, параллельные конструкции, инверсия, парцелляция, антиметабола и риторический вопрос.

Ключевые слова: рекламный дискурс, рекламный текст, синтаксис, риторический троп, эллипсис, параллельные конструкции, инверсия, парцелляция, антиметабола, риторический вопрос.

Цитирование. Малюга Е.Н. Синтаксические характеристики рекламного дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 100–105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-100-105>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

SYNTACTIC CHARACTERISTICS OF ADVERTISING DISCOURSE

© Malyuga Elena Nikolaevna – Doctor of Linguistics, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: en_malyuga@hotmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6935-0661>. Scopus ID: 56587911800

ABSTRACT

The article highlights three key syntactic characteristics of advertising discourse, analyzed on the basis of English-language advertising texts of non-specific thematic affiliation: the predominance of a certain type of sentences, commitment towards syntactic compression and a specific composition of arguments, as well as the inherent use of syntactic rhetorical techniques. The specifics of the syntactic design of advertising texts is studied using structural, stylistic and pragmatic methods of analysis with the aim of describing the compositional syntactic construction of advertising messages and characterizing the corresponding peculiarities of the way advertising information is being perceived by a potential consumer. The findings of the study summarize the set of syntactic characteristics of advertising text design: 1) the success of the advertising discourse depends not only on the correct selection of words, but also on the syntactic organization of the advertising text; 2) although all types of sentences are present in the English-language advertising discourse, imperative sentences are the most common and pragmatically effective; 3) an advertising message is better perceived and memorized when it is constructed as a short text subject to syntactic compression; 4) advertising text efficiency depends on the positioning of the arguments in its syntactic structure, and the most effective model is where the key argument is located in the heading, the evidence argument is placed in the main text, and the generalizing argument is exposed in the echo phrase; 5) syntactic rhetorical tropes are an important advertising tool, since they are more memorable and can attract the attention of a potential consumer, adding an element of surprise and creating a more positive attitude towards the product as a whole; 6) English advertising texts typically contain such syntactic tropes as ellipsis, parallel constructions, inversion, parcellation, antimetabole, and rhetorical questions.

Key words: advertising discourse, advertising text, syntax, rhetorical trope, ellipsis, parallelism, inversion, parcellation, antimetabole, rhetorical question.

Citation. Malyuga E.N. *Sintaksicheskie kharakteristiki reklamnogo diskursa* [Syntactic characteristics of advertising discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 100–105. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-100-105> [in Russian].

Введение

Термин «реклама» происходит от латинского глагола *advertere*, который буквально означает «обратить внимание на», а именно на продукт или услугу посредством какого-либо публичного объявления (устного или письменного) [Hackley 2010, p. 32]. Рекламное ремесло – это своего рода искусство презентации чего-либо социально приемлемым способом, позволяющим убедить людей приобрести описываемый товар или услугу. Учитывая эффективность правильно организованного рекламного дискурса, неудивительно, что сегодня он используется не только для продвижения бренда, но и как средство публичного освещения социальных проблем, а также в качестве центральной стратегии в политических кампаниях. Специалисты в области рекламы прибегают к помощи целого ряда инструментов для усиления посыла сообщения. Сегодня этот дискурс все чаще зиждется на мультимедийных технологиях, которые позволяют рекламодателям представлять информацию

через различные медиа (текстовые, аудио, визуальные). Рекламный дискурс можно охарактеризовать как язык звукового, зрительного и сенсорного воздействия, использующий бессознательные смысловые значения, находящие отклик у людей [Fennis 2015, p. 63]. Именно поэтому реклама является одной из самых интересных сфер деятельности современной эпохи: фактически она стала средством коммуникации, формирующим наше отношение к продуктам, компаниям, брендам, образу жизни и общественным вопросам.

Другими словами, реклама – это широкомасштабное явление, и, принимая во внимание сложность рекламного дискурса, мы согласны с мнением С. Ли, что «один из самых действенных способов понять смысл рекламного объявления – это выяснить, каким образом этот смысл был передан средствами языка» [Li 2019, p. 520]. Основываясь на данном тезисе, автор настоящей статьи ставит своей целью рассмотреть англоязычный рекламный дискурс с точки зрения анализа его язы-

ковой, а точнее, синтаксической составляющей. Учитывая, что синтаксическое оформление является неотъемлемой частью успешности итогового рекламного сообщения наравне с используемой в нем лексикой, а также стилистическим оформлением и риторической компонентой, научное рассмотрение данной проблематики является залогом обеспечения полноценного и многостороннего подхода к анализу рекламного дискурса в целом. Кроме того, письменный рекламный дискурс отмечен рядом прагматических особенностей (включая десинхронизацию порождения и понимания текста, неличный контакт между отправителем и получателем, наличие медиатора между отправителем и адресатом в лице рекламного агентства, одностороннее речевое воздействие), которые в комплексе с его ключевой направленностью на побуждение адресата к действию накладывают особый отпечаток на синтаксическую организацию рекламных сообщений. Это, в свою очередь, обосновывает актуальность узконаправленного изучения именно синтаксиса рекламы как критически важного компонента «формулы успеха» рекламного дискурса.

Материал и методы исследования

Материал исследования представлен текстами англоязычных рекламных объявлений неконкретизированной тематики. Компильция материала осуществлялась методом сплошной выборки с использованием как печатных, так и электронных текстовых и аудиовизуальных источников. Общий объем выборки составил 319 примеров.

С целью анализа особенностей синтаксического оформления собранного материала применялись структурный, стилистический и прагматический методы анализа, позволившие раскрыть особенности формального синтаксического строения рекламных текстов, описав при этом вытекающую из данных особенностей специфику восприятия рекламной информации адресатом в соответствии с интенцией создателя текста.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были выявлены три ключевые синтаксические характеристики, составляющие «ядро» синтаксической специфики англоязычного рекламного дискурса: 1) превалирование определенного типа предложений при оформлении рекламных текстов; 2) синтаксическая компрессия и особенности расположения аргументативных элементов внутри предложения; 3) синтаксические риторические тропы.

Типы предложений. Как показал анализ материала исследования, в англоязычном рекламном дискурсе находят применение все типы предложений:

1) повествовательное, презентующее сообщение в декларативной форме (например, *There's no wrong way to eat a Reese's*);

2) побудительное, направленное на прямолинейное мотивирование на приобретение товара/

услуги (например, *Put a Tic Tac in your mouth and get a bang out of life*);

3) восклицательное, чаще всего привносящее положительную коннотацию, а также располагающее адресата к восприятию информации в позитивном ключе (например, *Gotta have my pops!, I go cuckoo for Cocoa Puffs!*);

4) вопросительное, позволяющее создать иллюзию диалога с реципиентом, спровоцировать его остановиться и задуматься над возможным ответом или над существованием релевантной для реципиента проблемы в целом:

а) общий вопрос (например, *Curious. Do you dare?*);

б) специальный вопрос (например, *Sears. Where else?*);

в) альтернативный вопрос (например, *Long & Foster. Thinking or sailing?*);

г) разделительный вопрос (например, *Starburst. Life is juicy, isn't it?*);

д) вопрос к подлежащему (например, *Arby's. Who's on board?*).

Несмотря на большее структурное разнообразие последнего, вопросительного, типа предложений, наиболее широкое распространение в рекламном дискурсе получили предложения побудительные, позволяющие привлечь внимание аудитории и добавить слогану яркости. Например:

Hook up with a buddy online, get your own meal plan and easy recipes, or chat with a dietitian. C'mon, if I can be a big loser, there's nothing stopping you.

В этом примере рекламодатель использует побудительные предложения как своего рода ненавязчивые команды, побуждающие к осуществлению конкретного действия – присоединиться к программе по похудению. Побудительные предложения иногда предпочтительнее, поскольку императивные структуры более убедительны и могут стать тем самым стимулом, который порой агрессивно, но чаще всего эффективно подталкивает реципиента к приобретению рекламируемого продукта/услуги.

Синтаксическая компрессия и расположение аргументативных элементов внутри предложения. Длина предложения является важным критерием читабельности текста: чем длиннее предложение, тем ниже читаемость текста. Согласно недавнему исследованию, проведенному в Мичиганском университете, обычный текст – вне зависимости от его тематики и терминологической насыщенности – со средней длиной предложения в восемь слов или менее считается «очень легко читаемым», тогда как сообщение, содержащее в среднем 29 или более слов, будет считаться «очень трудночитаемым». При этом «стандартное» или идеальное среднее значение составляет 17 слов [Collins-Thompson 2014, p. 99–101].

Когда же речь идет о рекламном тексте, в расчет необходимо принимать целевую направленность такого сообщения, ориентированного в первую очередь на привлечение внимания,

и многословность, то есть большая длина предложений в составе такого текста скомпрометирует эту цель, ослабив интерес аудитории [Daugherty, Hoffman, Kennedy, Nolan 2018, p. 189]. Данный тезис подтверждается и анализом использованного в настоящем исследовании материала, где средняя длина всех рассмотренных текстов составила 9,8 слова.

По результатам недавнего исследования объема оперативной памяти, для запоминания какой-либо информации оптимальное количество символов не должно превышать девяти [Britt, Rouet, Durik 2017, p. 112]. Поэтому достаточно часто из всех структурных единиц рекламного объявления в нем присутствует только слоган или название бренда, который несет в себе одну уникальную идею. Наиболее часто такие суперкороткие фразы используются в рекламных объявлениях элитных марок, известный бренд которых говорит сам за себя, например *Dior, Chanel, Luis Vuitton, Salvatore Ferragamo*.

В рекламном дискурсе важным условием успешности считается также расположение аргументов в структуре рекламного объявления: ключевой аргумент в заголовке, доказательный аргумент в основном тексте и обобщающий аргумент в эхо-фразе. В качестве аргумента в рекламном дискурсе могут применяться предложения любого типа:

Berkshire Hathaway. Trust in our heritage (заголовок – ключевой аргумент в форме повествовательного предложения).

Why trust the purchase or sale of a luxury home to anyone else? (основной текст – доказательный аргумент в форме вопросительного предложения).

To find sales professionals go to berkshirehathawayhs.com (Эхо-фраза в форме побудительного предложения).

В качестве аргумента часто используется апелляция, обычно ассоциирующаяся с выгодой и экономией, принадлежностью к определенной группе, пользой для здоровья, а также досугом.

Синтаксические риторические тропы. Любая пропозиция, заключаемая в рекламном тексте, может быть выражена различными способами, и в любой конкретной ситуации один из этих способов окажется наиболее эффективным в смысле воздействия на аудиторию. Отсюда следует, что с риторической точки зрения способ выражения высказывания может быть важнее его пропозиционального содержания. Данный тезис позволяет выделить использование специфичных риторических тропов в качестве важной характеристики англоязычного рекламного дискурса.

Риторический троп традиционно определяется как художественное отклонение [Hart, Daughton 2015, p. 19] и возникает, когда высказывание отклоняется от ожидаемого, притом что смысл такого высказывания не отвергается как бессмысленный или ошибочный. При этом отклонение происходит на уровне формы, а не содержания и соот-

ветствует шаблону, используемому в рамках множества контекстов.

Как и эстетические объекты в целом, риторическая фигура позволяет добавить элемент неожиданности знакомому концепту. Такой элемент неожиданности, привносимый через языковое отклонение, лежит в основе того, что исследователи потребительского поведения называют «несовпадением представлений». Ключевой вклад риторики состоит в том, что она объясняет, как определенные виды текстовых структур генерируют эффект «несовпадения» в сознании потребителей, контактирующих с рекламным текстом.

Использование риторических фигур в рекламной деятельности – это всегда преднамеренная и продуманная стратегия, цель которой состоит в привлечении внимания потенциального покупателя в контексте разнообразных обстоятельств контакта реципиента с этой рекламой [Huhmann 2018, p. 239]. При создании рекламного текста рекламодатель всегда принимает во внимание простой факт: человек, входящий в «контакт» с рекламой, имеет право игнорировать ее или прикладывать минимальный объем усилий для обработки ее посылки и смысла. Поскольку потребители не обязаны ни начинать, ни продолжать, ни заканчивать читать заголовки или основную часть рекламы, важной функцией риторических фигур является мотивирование потенциального реципиента к тому, чтобы обратить внимание на рекламный текст [Torp, Andersen 2018, p. 73]. Отклонение текста от стандартного, обычного и ожидаемого является одним из инструментов привлечения внимания.

Тропы также порождают то, что семиотик Ролан Барт назвал «удовольствием декодирования» [Wiseman 2016, p. 98]: это вознаграждение, получаемое от обработки искусно расположенных знаков. Это, в свою очередь, соответствует аргументу, предполагающему, что языковое несоответствие (отклонение) способно вызывать приятную степень возбуждения [Mohanty, Ratneshwar 2016, p. 449]. Таким образом, позитивная природа и эффективность искусно оформленного отклонения предполагает, что образный рекламный язык должен создавать более позитивное отношение к рекламе по сравнению с литературным рекламным языком. В пользу данного аргумента выступает и доказанный факт: образный язык рекламы будет всегда более запоминающимся. Далее в статье будут рассмотрены наиболее распространенные синтаксические риторические тропы, используемые создателями рекламных текстов для привлечения внимания потенциального потребителя.

Поскольку синтаксис рекламных текстов отличается краткостью, схожей иногда с лаконизмом телеграфного стиля, одной из ярких синтаксических особенностей рекламного дискурса является использование *эллиптических конструкций*. Эллипсис имеет место, когда в тексте возникает лакуна, значение которой может быть восстановлено из контекста [Kempson, Gregoromichelaki, Eshghi,

Hough 2018, p. 477]. Другими словами, в эллиптических предложениях один или оба из основных членов предложения не представлены формально и либо присутствуют только в синтаксической среде, либо лишь подразумеваются речевой ситуацией. Примером может служить слоган компании Судзуки: *Everyday vehicles that aren't*. В данном случае читатель должен заполнить пробел, как бы дополнив предложение и восстановив его структурную и смысловую целостность: *Everyday vehicles that aren't everyday (aren't ordinary, aren't mundane, aren't commonplace)*. Так создается особая образность, которая позволяет привлечь внимание адресата и дать ему возможность насладиться собственной способностью расшифровать посыл текста («удовольствие декодирования»). Этот же прием был использован фирмой «Мишлен», которая вышла на рынок со слоганом *A lot of tires cost less than Michelin. That's because they should*. Именно неявное подразумевание смысла, доносимое через эллиптические структурные опущения, позволяет такой рекламе выделяться, что, в свою очередь, уже говорит о ее потенциале.

В случае *параллельных конструкций*, также часто используемых в рекламном дискурсе, структура одного предложения (или его части) повторяется в другом предложении, которое как бы «копирует» его синтаксическую композицию, в результате чего в смежных частях текста наблюдается идентичное или схожее расположение речевых элементов [Booij, Audring 2017, p. 277]. Цель использования параллельной конструкции – наделить сообщение определенным ритмом. Параллельные синтаксические конструкции часто появляются в сочетании с фонетическими стилистическими приемами, свойственными стихотворению, и позволяют создавать короткие, запоминающиеся и уникальные рекламные тексты. Например, параллельные конструкции в рекламном дискурсе часто сочетаются с анафорой, так как такая комбинация тропов позволяет эффективно сохранить, зафиксировать в памяти читателя элемент, подчеркнутый повторением:

Maybe she's born with it. Maybe it's Maybelline.

You never had it so easy. Your tires never had it so good.

Разновидность параллельных конструкций, получившая в риторике название *антиметабола*, также представлена в материалах исследования как одна из наиболее распространенных. Антиметабола объединяет в себе элементы выражения, которые являются зеркальным отображением друг друга, то есть две части высказывания повторяют друг друга, но в обратном порядке [Cui, Zhao 2014, p. 58]. Так, например, следующий слоган, описывающий кондиционер для белья, – *Stops static before static stops you* – может быть поделен на две структурные части: в первой части существительное *static* является объектом действия глагола *stops*, в то время как во второй части существительное *static* функционирует как субъект дей-

ствия для глагола *stops*. Также обращает на себя внимание использование аллитерации в качестве дополнительного привлекающего элемента: в рекламном дискурсе различные риторические тропы нередко интегрируются в составе одного слогана, что позволяет приумножить эффект и добавить яркости рекламному тексту.

Столь же популярен среди создателей рекламных текстов такой прием, как *инверсия*. Использование инверсии способствует созданию яркого образа. Перестановка, которая нарушает обычный порядок слов, влечет за собой либо изменение логического содержания предложения, либо дает дополнительную эмоциональную окраску всему утверждению, как, например, в слогане компании «Адидас» *Impossible is nothing*.

На следующем месте, по результатам исследования, находится прием *парцелляции* – синтаксической структуры, заключающейся в преднамеренном расчленении независимых от пунктуации сегментов, связанных интонационно, семантически и графически [Borchers, Hundley 2018, p. 109]. Индикатором синтаксического разрыва становится точка. Парцелляционные структуры – характерная черта мотивационных слоганов: в рекламных текстах эта техника встречается довольно часто, создавая определенный ритм, акцентируя внимание на ненужной части высказывания, упрощая его структуру, как, например, в слогане компании Sony – *Make. Believe.*

Последний, но тем не менее важный троп, рассматриваемый в данной статье, – это *риторический вопрос*, который пользуется популярностью у создателей рекламных текстов по довольно очевидной причине: он позволяет оказать давление на читателя, одновременно завуалировав его или как минимум снизив степень агрессивности. Примером может служить риторический вопрос в слогане компании «Хьюлетт-Паккард» для факсимильных аппаратов: *Don't you have something better to do?* Вместо прямого утверждения реклама основывается на вопросе, таким образом вуалируя и одновременно усиливая призыв к действию. Очевидно, что при этом риторический вопрос должен быть сформулирован таким образом, чтобы потенциальный покупатель смог самостоятельно исправить смысл, заменив значение, условно связанное с выражением, значением, которое лучше соответствует контексту интерпретации [Theodorakis, Koritos, Stathakopoulos 2015, p. 15]. Именно поэтому риторические вопросы служат катализатором мыслительного процесса, заставляя читателя размышлять о дальнейших действиях, и часто несут в себе заложенные положительные ответы. Идея в том, что если адресат задумается над поставленным вопросом, то ответ он найдет в том же рекламном объявлении:

HSBC. Thinking about changing your mortgage lender?

IBM. Is your business ready to launch a new business?

Заключение

В статье рассматривались основные синтаксические характеристики англоязычного рекламного дискурса, анализ которых позволяет говорить о том, что с точки зрения особенностей синтаксического строения язык рекламы находит больше сходств с разговорным, т. е. структурно упрощенным, стилем. Исследование базировалось на выделении трех ключевых синтаксических характеристик: 1) преобладании определенного (побудительного) типа предложений при создании рекламных текстов; 2) предпочтительном оформлении рекламных текстов с ориентацией на синтаксическую компрессию и стандартное расположение аргументативных элементов внутри предложения; 3) распространенности синтаксических риторических тропов в составе рекламных текстов.

Основные выводы по результатам исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1) успешность рекламного дискурса зависит не только от правильного подбора слов, но и от синтаксической организации рекламного текста;

2) хотя в англоязычном рекламном дискурсе присутствуют все типы предложений, наиболее распространенными и эффективными с прагматической точки зрения являются побудительные предложения;

3) для восприятия и запоминания рекламного сообщения наиболее удобен краткий текст, подверженный синтаксической компрессии;

4) на эффективность рекламного текста влияет расположение аргументов в его синтаксической структуре, причем наиболее эффективной оказывается модель, где ключевой аргумент располагается в заголовке, доказательный аргумент – в основном тексте, а обобщающий аргумент – в эхо-фразе;

5) синтаксические риторические тропы представляют собой важный инструмент рекламы, поскольку они более запоминаемы и позволяют привлечь внимание потенциального потребителя, добавляя элемент неожиданности и создавая более позитивное отношение к продукту в целом;

6) наиболее часто в текстах англоязычной рекламы встречаются такие синтаксические тропы, как эллипсис, параллельные конструкции, инверсия, парцелляция, антиметабола и риторический вопрос.

Библиографический список / References

- Booij, Audring 2017 – Booij G., Audring J. Construction morphology and the parallel architecture of grammar. *Cognitive science*, 2017, no. 41, pp. 277–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/cogs.12323> [in English].
- Borchers, Hundley 2018 – Borchers T., Hundley H. *Rhetorical theory: an introduction*. Long Grove, IL: Waveland Press, 2018, 360 p. [in English].
- Britt, Rouet, Durik 2017 – Britt M.A., Rouet J.F., Durik A.M. *Literacy beyond text comprehension: a theory of purposeful reading*. New York, N.Y.: Routledge, 2017, 220 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315682860> [in English].

Collins-Thompson 2014 – Collins-Thompson K. Computational assessment of text readability: a survey of current and future research. *ITL-International Journal of Applied Linguistics*, Volume 165, Issue 2, Jan. 2014, p. 97–135. DOI: <https://doi.org/10.1075/itl.165.2.01col> [in English].

Cui, Zhao 2014 – Cui Y., Zhao Y. Translation of rhetorical figures in the advertising discourse: a case study. *International Journal of Society, Culture & Language*, 2014, no. 2 (2), pp. 57–67. Available at: http://www.ijscel.net/article_6676_6100604a839d1b3492e4de97fcd90437.pdf [in English].

Daugherty, Hoffman, Kennnedy, Nolan 2018 – Daugherty T., Hoffman E., Kennedy K., Nolan M. Measuring consumer neural activation to differentiate cognitive processing of advertising: revisiting Krugman. *European Journal of Marketing*, 2018, no. 52(1/2), pp. 182–198. DOI: 10.1108/EJM-10-2017-0657 [in English].

Fennis, Stroebe 2015 – Fennis B.M., Stroebe W. *The psychology of advertising*. London, UK: Psychology Press, 2015, 438 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203853238> [in English].

Hackley 2010 – Hackley C. *Advertising*. London, UK: Sage Publications Ltd., 2010, 532 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446260807> [in English].

Hart, Daughton 2015 – Hart R.P., Daughton S. *Modern rhetorical criticism*. New York, N.Y.: Routledge, 2015, 384 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315663555> [in English].

Huhmann 2018 – Huhmann B.A. Rhetorical figures: the case of advertising. In: *The handbook of organizational rhetoric and communication*. London, UK: Wiley-Blackwell, 2018, pp. 229–244. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119265771.ch16> [in English].

Kempson, Gregormichelaki, Eshghi, Hough 2018 – Kempson R., Gregormichelaki E., Eshghi A., Hough J. Ellipsis in dynamic syntax. In: *The Oxford handbook of ellipsis*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2018, pp. 477–589. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198712398.013.9> [in English].

Li 2019 – Li S. Expanding the scope for research on global English language advertising. *World Englishes*, 2019, no. 38 (3), pp. 519–534. DOI: <https://doi.org/10.1111/weng.12428> [in English].

Mohanty, Ratmeshwar 2016 – Mohanty P., Ratneshwar S. Visual metaphors in ads: the inverted-U effects of incongruity on processing pleasure and ad effectiveness. *Journal of Promotion Management*, 2016, no. 22 (3), pp. 443–460. Doi: <http://dx.doi.org/10.1080/10496491.2016.1154924> [in English].

Theodorakis, Koritos, Stathakopoulos 2015 – Theodorakis I.G., Koritos C., Stathakopoulos V. Rhetorical maneuvers in a controversial tide: Assessing the boundaries of advertising rhetoric. *Journal of Advertising*, 2015, no. 44(1), pp. 14–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00913367.2014.930679> [in English].

Torp, Andersen 2018 – Torp S.M., Andersen L.P. Marketing rhetoric and the rhetoric of marketing. In: *The handbook of organizational rhetoric and communication*. London, UK: Wiley-Blackwell, 2018, pp. 67–80. DOI: 10.1002/9781119265771.ch5 [in English].

Wiseman 2016 – Wiseman M.B. *The ecstasies of Roland Barthes*. London, UK: Routledge, 2016, 220 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315538006> [in English].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-106-115
УДК 811.11-112

Дата поступления статьи: 2/VIII/2019
Дата принятия статьи: 17/IX/2019

М.А. Сафонова

СТИЛЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РОМАНА Г.Х. МАНРО THE UNBEARABLE BASSINGTON (1912) В КОНТЕКСТЕ ЭДУАРДИАНСКОЙ ЭПОХИ

© Сафонова Мария Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента иностранных языков, Высшая школа экономики, 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: safonovamarya@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9808-7946>

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в статье являются стилистические и интертекстуальные особенности англоязычного романа Г.Х. Манро (Saki) *The Unbearable Bassington* (1912), ранее не исследованного с лингвистической точки зрения. Актуальность работы обусловлена интересом, который писатель проявлял к России, русской истории и культуре, что делает его творчество важным в контексте межкультурной коммуникации, а также тем фактом, что большинство его текстов еще не переведено на русский язык.

Анализ преследует три цели: проследить, какие коннотации преобладают в лексике текста; изучить синтаксические приемы художественной выразительности в данном произведении; проанализировать связь текста с социальными, историческими и эстетическими реалиями Эдуардианской эпохи.

Исследование учитывает результаты работ зарубежных и отечественных филологов о творчестве Г.Х. Манро и других британских писателей начала двадцатого века (А.Дж. Лэнгута, С. Бёрн, Дж.Дж. Спирса, Б. Гибсона, Л.М. Бирден, Дж.С. Салеми, В.С. Притчета, Д. Троттера), о коннотативной лексике и экспрессивном синтаксисе (О.С. Ахмановой, О.В. Александровой, М.Я. Блоха, Г.А. Золотовой, Л.В. Полубиченко).

Методы, примененные в исследовании, включают лингвистический и описательно-аналитический анализ, а также лингвистическую стратификацию. Проанализированы следующие лексические аспекты текста: формальная лексика, французские вхождения, личные имена персонажей, цитаты из других литературных произведений, лексические единицы, которые семантически связаны с темой театра. На уровне малого синтаксиса рассмотрены маркированные словосочетания и деформированные цитаты, пословицы, поговорки. На уровне большого синтаксиса изучена структура сложных предложений, в которых описаны банальные, повседневные ситуации из жизни персонажей.

Обнаружено, что в тексте преобладают социальные коннотации, содержащиеся в формальных словах и французских вхождениях. Менее многочисленны литературные и мифологические коннотации в именах собственных и цитатах. Установлено, что характерной синтаксической чертой текста является использование сложных распространенных предложений, в которых подлежащее отделено от сказуемого вставными конструкциями, содержащими формальную лексику. Текст романа делится на три «стратума», в которых выделенные маркированные единицы представлены в разных пропорциях.

В статье приведены фоновые сведения, позволяющие провести параллели между *The Unbearable Bassington* и произведениями О. Уайльда, Р. Фербенка, Н. Кауарда, В. Сэвил-Уэст, Г. Джеймса, И. Во, Дж. Конрада.

Полученные результаты могут быть применены в стилистике текста, функциональной стилистике, семантике, переводоведении.

Ключевые слова: коннотация, формальная лексика, французская лексика, антропоним, цитата, экспрессивный синтаксис, парентетическая конструкция, ирония, сатира, интертекстуальность, Г.Х. Манро.

Цитирование. Сафонова М.А. Стиль и интертекстуальность романа Г.Х. Манро *The Unbearable Bassington* (1912) в контексте Эдуардианской эпохи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 106–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-106-115>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

STYLE AND INTERTEXTUALITY OF H.H. MUNRO'S NOVEL «THE UNBEARABLE BASSINGTON» (1912) IN THE CONTEXT OF THE EDWARDIAN EPOCH

© *Safonova Maria Alexandrovna* – Candidate of Philological Sciences, assistant professor at the Department of Foreign Languages, Higher School of Economics. 20, Myasnikskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation. Email: safonovamarya@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9808-7946>

ABSTRACT

The article probes the stylistic and intertextual features of H.H. Munro's (Saki's) novel «The Unbearable Bassington» (1912), which has not yet been considered from the linguistic point of view. The relevance of the research is conditioned by the fact that most of his texts have not been translated into Russian, and by the writer's interest in Russian history and culture, which makes his work essential in terms of intercultural communication.

The purpose of the paper is three-fold: to reveal the type of lexical connotations prevalent in the text; to analyze the means of expressive syntax used in the novel; and finally, to comment on the links the text demonstrates in relation to the social, historical and aesthetic realia of the Edwardian epoch.

The research is based on the findings of international scholars on the work of H.H. Munro and other authors of the early 20th century (A.J. Langguth, S. Byrne, G.J. Spears, B. Gibson, L.M. Birden, J.S. Salemi, V.S. Pritchett, D. Trotter), and on connotative lexis and expressive syntax (O.S. Akhmanova, O.V. Alexandrova, M.Y. Blokh, G.A. Zolotova, L.V. Polubichenko).

Among the methods applied are linguostylistic and descriptive-analytical analyses, as well as linguostylistic stratification. The following lexical items in the text were investigated: formal and French lexis, proper names, quotations from other literary sources, words semantically pertaining to the topic 'theatre'. In terms of minor syntax, marked word combinations in deformed proverbs and sayings were analyzed. The study of major syntax was focused on compound sentences with paratactic bonds describing banal, everyday situations.

The results showed that the social connotations found in formal vocabulary and French words prevail in the novel. The less frequent literary and mythological connotations are carried by proper names and quotations. It was established that a typical syntactic trait of the text is using extended compound or complex sentences where the subject and predicate are separated from each other by parentheses containing formal lexis. The text was divided into three "strata" where the marked units mentioned above are present in different proportions.

The article contains parallels with the texts of O. Wilde, R. Firbank, N. Coward, V. Sackville-West, H. James, E. Waugh, J. Conrad.

The results obtained are applicable to further research in linguostylistics, functional stylistics, semantics, and translation studies.

Key words: connotation, formal lexis, French lexis, proper name, quotation, expressive syntax, parenthetical construction, irony, satire, intertextuality, H.H. Munro.

Citation. Safonova M.A. *Stil' i intertekstual'nost' romana G.KH. Manro «The Unbearable Bassington» (1912) v kontekste Edurdianskoy epokhi* [Style and intertextuality of H.H. Munro's novel «The Unbearable Bassington» (1912) in the context of the Edwardian epoch]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 106–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-106-115> [in Russian].

Введение

Гектор Хью Манро, также известный под псевдонимом Saki (1870–1916), – один из выдающихся английских писателей конца Эдуардианской эпохи. Стиль рассказов и романов Г.Х. Манро близок поэтике произведений О. Уайльда, Р. Фербэнка, Н. Каурда и других авторов начала двадцатого века, уделявших большое внимание изощренной игре слов, афоризмам, диалогам персонажей. Так, филологи отмечают лингвистическое сходство между текстами Г.Х. Манро и испытывавшего его влияние Р. Фербэнка: *There are, in fact, many unexpected echoes to be detected by the trained*

ear in Ronald Firbank's work. There is from time to time more than a touch of Saki mannerisms («И в самом деле, искушенный читатель найдет много неожиданных отзвуков в произведениях Рональда Фербэнка. Нередко встречается игра слов в стиле Саки». Перевод. – М. С.) [Powell 1961, p. 13]. Произведения, созданные в рамках эстетизма и модернизма в британской литературе Эдуардианского времени, отличаются высоким уровнем сложности как в лексическом, так и синтаксическом плане [Hunter 1982, Trotter 1993].

Как известно, Эдуардианская эпоха приблизительно охватывает время правления короля

Эдуарда VII (1901–1910). Само слово Edwardian обозначает не только исторический период, но и настроение, атмосферу жизни британцев после правления королевы Виктории, перед Первой мировой войной. Реалии, которые можно охарактеризовать как «эдуардианские», включают как пошив костюма или определенный тип интерьера, так и более сложные явления: социальные ценности, политические взгляды, модели межличностных отношений. Одним из наиболее репрезентативных произведений английской литературы данного периода является роман Г.Х. Манро *The Unbearable Bassington* («Невыносимый Бэссингтон», 1912 г.). Новизна исследования заключается в том, что романы Г.Х. Манро (в том числе «Невыносимый Бэссингтон», 1912 г.) еще не были проанализированы с лингвистической точки зрения ни в России, ни за рубежом.

Практическая необходимость изучения произведений Г.Х. Манро обусловлена тем, что его проза демонстрирует значительное языковое мастерство, что отмечается многими зарубежными и отечественными лингвистами [Hunter 1982, Trotter 1993, Byrne 2007, Langguth 1981, Gibson 2005, Birden 1998, Spears 1963, Pritchett 1957]. Ряд его рассказов был переведен на русский язык, однако большая часть его творчества остается недоступной русскоязычным читателям, не владеющим английским. Количество исследований о нем остается достаточно скромным (возможно, из-за того, что при жизни писателя сестра Г.Х. Манро, Этель, уничтожила его личную переписку, чтобы его гомосексуальная ориентация не получила огласки) [Munro 1929].

Изучение творчества Г.Х. Манро актуально, так как писатель обладал живым интересом к российской истории и реалиям нашей страны, фигурирующим в его рассказах и романах. Г.Х. Манро написал научный труд по истории допетровской России, а также опубликовал в британских журналах ряд статей о российской культуре [Munro 1900]. Один из главных биографов Г.Х. Манро, А.Дж. Лэнгут, отмечает, что писатель мечтал приобрести участок земли в Сибири и построить там дом после окончания Первой мировой войны. К сожалению, Саки погиб в сражении под Бомон-Амель, так и не претворив эту мечту в реальность [Langguth 1981, p. 49].

Роман *The Unbearable Bassington*, с одной стороны, отражает многие характерные черты литературы Эдуардианской эпохи [Hunter 1982, Trotter 1993], с другой – в нем ярко отразилась специфика мировоззрения автора, переданная в его иронии в адрес социальной элиты британского общества начала двадцатого века.

Рассмотрим лингвистические работы, посвященные произведениям Г.Х. Манро, в связи с исследуемыми проблемами. Наиболее фундаментальным трудом по изучению жизни и творчества Г.Х. Манро до сих пор считается работа А.Дж. Лэнгута (1933–2014), профессора Университета

Южной Калифорнии, Saki: *A Life of H.H. Munro, with six stories never before collected* [Langguth 1981]. Именно в этой книге автору удалось подробно описать наиболее важные этапы в жизни Саки и их отражение в рассказах, романах и пьесах писателя. С. Бёрн стала вторым крупнейшим исследователем жизни и творчества Г.Х. Манро [Byrne 2007]. В рецензии на труд С. Бёрн А. Макфадзиан пишет, что ей удалось проследить эволюцию личности писателя – от лондонского денди до защитника своей страны [MacFadzean 2008, p. 540].

С. Бёрн и Б. Гибсон анализируют сатиру писателя в связи с его политическими воззрениями. Б. Гибсон ввел термин *dependent dissidence* («зависимое диссидентство») для уточнения гражданской позиции Г.Х. Манро [Gibson 2005]. Как известно, значительное число статей Саки было опубликовано в «Морнинг Пост», газете, предназначенной для консервативной, монархически настроенной читательской аудитории (девизом газеты было *King and Country*) [Hindle 1937]. Г.Х. Манро действительно был представителем британской социальной элиты и гордился этим. Однако консервативные взгляды не мешали ему открыто иронизировать над социальными явлениями, связанными с деятельностью людей его круга: *He is a dependent dissident who contravenes the codes governing social behavior not because he seeks radical social change but in order to uphold the social structure* («Он – диссидент, зависимый от правительства. Он не согласен с общепринятыми социальными условностями, не потому что он добивается коренных общественных изменений, а потому что хочет укрепить структуру общества». Перевод. – М. С.) [Gibson 2005, p. 195].

Л.М. Бирден, Дж.С. Салеми и В.С. Притчет рассмотрели в своих работах мотивы животных и насилия в прозе Г.Х. Манро [Birden 1998; Gibson 2005; Pritchett 1957]. Д. Троттер и Дж.Дж. Спирс исследовали специфику иронии Саки в контексте викторианской и эдуардианской литературы [Trotter 1993; Spears 1963]. В России творчество Г.Х. Манро привлекло внимание некоторых лингвистов из МГУ им. М.В. Ломоносова: И.В. Гюббенет и А.А. Липгарта. Их работы посвящены историко-культурному контексту, в котором создавались тексты писателя, и лингвопоэтической классификации его рассказов [Гюббенет 1981; Липгарт 1994].

Постановка задач

Настоящая статья посвящена изучению того, как коннотативные лексические единицы и экспрессивные синтаксические конструкции романа «Невыносимый Бэссингтон» участвуют в раскрытии реалий эпохи, а также интертекстуальных и композиционных особенностей произведения. С языковой и содержательной точек зрения особого внимания в анализе текста заслуживают следующие аспекты:

– тема отношений между сыном и матерью в романе,

- тема театра и предметов искусства,
- политические мотивы,
- сюжетные параллели с текстами писателей-современников Г.Х. Манро (О. Уайльд, Г. Джеймс, Н. Кауард, В. Сэквил-Уэст, Дж. Конрад, И. Во),
- формальная лексика,
- французская лексика [Сафонова 2013, с. 42–45],
- имена собственные (антропонимы),
- синтаксические особенности повествования,
- цитаты из других литературных произведений,
- сюжетные параллели с текстами писателей-современников Г.Х. Манро (О. Уайльд, Г. Джеймс, Н. Кауард, В. Сэквил-Уэст, Дж. Конрад, И. Во).

Методология

До сих пор лингвисты и литературоведы в основном останавливали свое внимание на рассказах Г.Х. Манро. Тем не менее его романы также предоставляют широкое поле для литературоведческих и лингвистических исследований благодаря их художественному своеобразию.

В методологическом плане к тексту романа «Невыносимый Бэссингтон» в настоящей работе были применены методы лингвостилистического и описательно-аналитического анализа, а также метод лингвостилистической стратификации. Суть такого рода стратификации состоит в выделении в тексте пластов («стратумов»), отличающихся друг от друга в тематическом и языковом отношениях. Метод был впервые применен на материале «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла [Полубиченко 1991]. Текст романа *The Unbearable Bassington* обладает внутренней содержательно-языковой неоднородностью, о чем речь пойдет ниже.

В рамках данного исследования коннотация понимается как «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение» [Ахманова 2007, с. 203–204]. Базовое противопоставление, применяемое к коннотациям, – *meliorative/pejorative* (мелиоративная/пейоративная). В словарях слова с такими оттенками обычно помечаются как *derogatory, pejorative, disapproving, complimentary* и т. д. Существует большое количество различных коннотаций с более конкретной семантикой: *formal, historical, terminological, technical, colloquial, conversational, bookish, slang, jargon* и др. В ходе практического анализа материала предстоит выяснить, какие именно коннотации преобладают в исследуемом тексте. Синтаксические особенности текста рассмотрены с точки зрения нейтральности и маркированности на уровнях большого и малого синтаксиса (словосочетания и предложения).

Текст романа исследуется в контексте других прозаических произведений британских авторов начала двадцатого века, поэтому проводятся содержательные и стилистические параллели между *The Unbearable Bassington* и другими текстами.

Ход исследования

Коннотативная лексика и экспрессивный синтаксис в *The Unbearable Bassington* непосредственно связаны с передачей определенных стереотипов и моделей поведения, характерных для английского высшего общества предвоенных лет. Сюжет романа сосредоточен на отношениях между Франческой Бэссингтон (*Francesca Bassington*) и ее сыном, имя которого – Комус (*Comus*). Сразу отметим, что, как и всегда в творчестве Г.Х. Манро, имена играют особую роль в романе. В древнегреческой мифологии *Κῶμος* – сын Диониса, бог пиршеств и ночного веселья: *In appearance he exactly fitted his fanciful Pagan name. His large green-grey eyes seemed forever asparkle with goblin mischief and the joy of revelry, and the curved lips might have been those of some wickedly laughing faun; one almost expected to see embryo horns fretting the smoothness of his sleek dark hair* [Munro 1976, p. 611].

Комус – молодой, привлекательный, остроумный, но высокомерный молодой человек, ценящий красоту, молодость и светское общество. В свой последний год обучения в школе он демонстрирует склонность к насилию, наказывая младших учеников избиением тростью за пустяки, пользуясь своим статусом префекта. У него нет определенной цели в жизни, и для матери он скорее обуза, чем сын, которым она могла бы гордиться.

Франческу также нельзя назвать положительным персонажем в романе. Самой большой ценностью в ее жизни становится ее дом на Блю стрит с коллекцией произведений искусства, собранных ею в течение жизни: *The delicious bronze Fremiet on the mantelpiece had been the outcome of a Grand Prix sweepstake of many years ago; a group of Dresden figures of some considerable value had been bequeathed to her by a discreet admirer, who had added death to his other kindnesses; another group had been a self-bestowed present, purchased in blessed and unfading memory of a wonderful nine-days' bridge winnings at a country house-party* (подчеркивание. – М. С.) (Munro 1976, p. 609). Ирония автора в данном случае передана через сопоставление семантических разнородных единиц (*death – kindness, "blessed and unfading memory of a game of bridge*).

Дом был передан во владение Франческе подругой, Софи Четроф (*Sophie Chetroff*), до того дня, когда племянница Софи выйдет замуж. Франческа надеется, что Комус сможет расположить девушку к себе и брак спасет ее от потери дома. Но Комус настраивает Эммелин Четроф (*Emmeline Chetroff*) против себя. Таким же образом рушатся надежды Франчески и в отношении других богатых наследниц. Комус ведет себя простодушно, упуская возможности одну за другой. Осознав, что единственным способом наладить общение с матерью является выгодный брак, он пытается поддерживать романтические отношения с еще одной состоятельной особой, Элен де Фрей (*Elaine de Frey*), но снова терпит поражение, когда она объявляет о помолвке с молодым политиком Кортни Югалом (*Courtenay Youghal*).

Франческа устраивает сына на службу в отдаленную британскую колонию, чтобы он отошел от соблазнов светской жизни и начал зарабатывать деньги. Комус заранее понимает, что нескоро вернется в Лондон, если вообще вернется, учитывая тропические болезни и тяжелый климат колонии. Через некоторое время после его отъезда Франческа узнает из телеграммы о смерти сына от лихорадки. Одновременно ее брат, Генри, сообщает ей, что самый ценный предмет искусства в ее коллекции, картина фламандского художника Ван дер Мейлена (Van der Meulen), оказывается подделкой. Героиня испытывает боль и острое чувство одиночества, но слишком поздно приходит к осознанию, как дороги они с сыном были друг другу:

The warm, living, breathing thing that had been hers to love, and she had turned her eyes from that youthful comely figure to adore a few feet of painted canvas, a musty relic of a long-departed craftsman. And now he was gone from her sight /.../ and those things of canvas and pigment and wrought metal would stay with her. They were her soul. And what shall it profit a man if he save his soul and slay his heart in torment? (Munro 1976, p. 679). В данном отрывке авторская ирония уступает место рассуждению об утерянной и неоцененной любви, что подчеркивается анафорой, метафорическим сравнением человеческой души с материальными вещами и цитатой из Библии (*For what shall it profit a man, if he shall gain the whole world, and lose his own soul?*) [Knowles 2004, p. 891].

Д. Троттер видит во Франческе Бэссингтон персонажа, похожего на Сомса Форсайта, в равной степени одержимого материальным богатством [Trotter 1993]. Но при этом Сомс, рассматривая свою супругу Ирэн как свою собственность, все же ценит ее как «вещь», находящуюся в его владении. Франческа же даже эстетически не способна оценить красоту своего сына, предпочитая ему свою коллекцию картин и статуэток.

Д. Троттер отмечает, что деньги и богатство имели особую семиотическую нагрузку в эдуардианском мире как буквально, так и в переносном смысле. Прилагательное *sterling* обладает мелиоративной коннотацией в английском языке: *to do a sterling job, to make a sterling effort* и т. д. [Hornby 2005]. Однако персонажи, ассоциируемые с мелкими монетами, осуждаются авторской иронией за мелочность и лицемерие (пейоративные коннотации также присутствуют в таких выражениях, как *bad penny, no more than ninepence in the shilling, not the full shilling*) [Hornby 2005]. Так, одна из дам, играющих в покер в салоне леди Кэрлайн Бенареск, с облегчением вздыхает, услышав, что на кону всего пять шиллингов: *She was not as a rule a successful player, and money lost at cards was always a poignant bereavement to her* (Munro 1976, p. 642). Уподобление потери денег утрате близкого человека (*poignant bereavement*) многое говорит о ней.

Дж.Дж. Спирс, подробно рассмотревший различные проявления иронии в прозе Г.Х. Манро,

утверждает, что читатель не может испытывать симпатию или сочувствие ни к одному из его персонажей: *Munro can elicit indignation and raucous amusement but never empathy or sympathy. We may be terrified by his hero-villains and moved with a fascination akin to fear by their Iago-like machinations. Yet for their victims, if we do not pour on the author's contempt, we feel only indifference... the over-all effect of his humour is one of disillusioned negation and embittered dissatisfaction* («Манро умеет вызывать гнев или бурное веселье, но сочувствие или симпатию – едва ли. Его злодеи могут приводить нас в ужас или поражать своими махинациями в духе шекспировского Яго. Однако, что касается их жертв, если мы не присоединяемся к автору в его пренебрежении к ним, то мы и вовсе ничего не чувствуем. Юмор Манро приводит к негативизму и горькому разочарованию». Перевод. – М. С.) [Spears, p. 56].

С. Бёрн, напротив, полагает, что рассказ Франчески Бэссингтон вызывает читательское сочувствие, так как она осознает, какую цену заплатила за попытку сохранить свои материальные владения [Byrne 2007]. По мнению С. Бёрн, название романа связано не с Комусом, а с Франческой, т. е. перевод должен звучать как «Невыносимая Бэссингтон». Франческа все же совершает самый тяжкий грех в мире Г.Х. Манро: она отказывается в любви своему ребенку. Здесь стоит пояснить, что в рассказах Саки (как и в его биографии) это – один из ключевых мотивов. Г.Х. Манро рано потерял родителей, и его вместе с братом и сестрой воспитывали его родственники – тетя Шарлотта и тетя Августа, холодные и властные женщины (вероятно, повлиявшие на его сексуальную ориентацию в будущем) [Byrne 2007, Langguth 1981], (Munro 1929). Написанный на близкую тему широко известный рассказ Саки «Средни Ваштар» (*Sredni Vashtar*) был много раз адаптирован для радио, кино и оркестровой музыки (так, короткометражный фильм «Средни Ваштар» Эндрю Биркина был снят в 1981 году и номинирован на Оскар).

Франческу раздражают незначительные проступки сына, но она готова простить ему все, узнав, что он встретил смерть в одиночестве, в далекой британской колонии. Это напоминает читателям другой женский персонаж – из пьесы Н. Кауарда «Пост-Мортем», а именно – леди Стэг-Мортимер, испытывающую радость при новости о сыне, погибшем на Первой мировой войне. Тот факт, что в итоге Франческа предпочла материальное богатство жизни сына, неудивителен. В эпоху королевы Виктории, а затем во время правления Эдуарда VII среди высокопоставленных семей не предполагалось, чтобы отношения между родителями и детьми должны быть эмоционально близкими. Эту тему затронули многие современники Г.Х. Манро: Н. Кауард – не только в «Пост-Мортем», но и в пьесе «Водоворот» (*The Vortex*; на примере его героини Флоренс Ланкастер), Виктория Сэквил-Уэст (герцогиня Халл в «Эдуардианцах»,

The Edwardians), Генри Джеймс (Миссис Гэрет в «Трофеях Пойнтон», *The Spoils of Poynton*) – все они изображают холодные, бездушные отношения между матерью и сыном. В романе «Эдуардиацы» сын герцогини Халл описывает ее следующим образом: *She is a famous hostess, with a talent for mimicry and a genius for making parties a success. She is charming and vivacious. In private life she is often irritable and sometimes unkind. She likes bridge and racing. She never opens a book, and she cannot bear to be alone. I have not the faintest idea of what she is really like* [Sackville-West 1930, p. 92].

Еще одной интертекстуальной параллелью, безусловно, выступают картина Ван дер Мейлена и портрет Дориана Грэя: если в романе О. Уайльда картина отражает нравственное падение героя, то у Г.Х. Манро поддельное полотно, выданное за шедевр фламандского мастера, раскрывает ложные ценности героини, суетность и пустоту ее жизни. Главы, изображающие последние дни жизни Комуса, напоминают читателю героев Дж. Конрада и И. Во: Марлоу и Тони Ласта из «Сердца тьмы» и «Пригоршни праха» (*Heart of Darkness*, *A Handful of Dust*).

А.Дж. Лэнгут полагает, что финал романа мог быть достаточно изящным для сатирического рассказа, но слишком слаб для романа [Langguth 1981]. И. Во отмечает, что начальные главы произведения – своего рода фальстарт, так как, по логике И. Во, они должны предвещать серию эпизодов, в которых Комус в роли *enfant terrible* рушит планы матери (однако эти события разворачиваются намного позже) [Waugh 1947, p. 5].

Композиционной особенностью произведения становится появление Тома Керивэя (Tom Kerivay) в восемнадцатой главе, в которой встречается известная строка *the man that wolves have sniffed at* («мужчина, близко знакомый с волками», перевод. – М. С.), характеризующая тип персонажа и коннотации, столь важные в эстетике произведений Г.Х. Манро. Писатель противопоставляет светское общество дикой природе как источнику свободы, к которому может припасть мужчина, уставший от социальных условностей и лицемерия. Том Керивэй случайно встречает Элен во время ее конной прогулки. Они знакомы: он заходил к родителям Элен в гости, когда она была ребенком. Керивэй был военным корреспондентом, побывавшим в Греции, Венгрии, Болгарии, России и других странах:

He seldom talked of his travels, but it might be said that his travels talked of him; there was an air about him that a German diplomat once summed up in a phrase: 'a man that wolves have sniffed at' (Munro 1976, p. 621).

Г.Х. Манро критиковали за то, что тема, связанная с этим героем, не получает развития в романе: он не появляется ни в Лондоне, ни в Вене [Langguth 1981, Waugh 1947]. Однако Том Керивэй не влияет на жизненный выбор Элен, лишь демонстрируя другой вариант жизненного пути. Элен

принадлежит другому миру: она вступает в брак, который оказывается лишенным любви, и берет на себя очередную условную роль в обществе – супруги подающего надежды политика.

Тема театра играет важную роль в композиции и сюжете. Читателя как будто проводят через серию сцен и диалогов. То, что происходит между сценами, остается представить самостоятельно (вторую и третью главы разделяют два года, и события этих двух лет лишь вкратце упоминаются в диалогах). Читатель не следит за перемещением героев из одного места в другое. Портреты и описания обстановки как таковые в тексте отсутствуют. Однако огромное значение отводится деталям, характеризующим героев: жилет, устрицы, булавка для галстука, глазированные каштаны (*marrons glacés*) – подобные мелочи описаны с таким мастерством, что читатель часто представляет характер и внешность персонажа по одной-единственной детали. Например, в очередном салоне Франческа видит молодого человека и девушку, изо всех сил старающихся быть «модными» и производить впечатление умных собеседников:

.../ a thin spectacled young man with the receding forehead that so often denotes advanced opinions, was talking to a spectacled young woman with a similar type of forehead, and exceedingly untidy hair. It was her ambition in life to be taken for a Russian girl-student, and she had spent weeks of patient research in trying to find out exactly where you put the tea-leaves in a samovar (Munro 1976, p. 639).

Пятнадцатая глава романа посвящена балу-маскараду в Вене, где Элен и ее супруг появляются в карнавальных костюмах. Кортни наслаждается возможностью менять роли, изображая то политика, то Арлекина, то мужа Элен. В тринадцатой главе автор описывает последнее посещение Комусом театра, где основное внимание сосредоточено не на пьесе, а на светских разговорах и сплетнях среди зрителей во время антракта.

Лондон, изображаемый в романе, – это одновременно и единственное место, где представители социальной верхушки могут отвлечься от скуки, и тусклый хрупкий мир, подобный театру, где люди не живут, а играют роли. Автор описывает браки без любви, фальшивую дружбу, бесконечные сплетни. Не случайно среди французских лексических единиц («иностранных внесений») в тексте (*bête noire*, *tête-à-tête*, *vis-à-vis*, *émigrés*, *oubliette* и других) *rôle* встречается чаще всего. На первый взгляд значения *role* и *rôle* идентичны [Hornby 2005, p. 1317]. Разница заключается в том, что французское слово более тесно связано с социальной сферой жизни общества. Как указывает А.Дж. Блисс, *rôle* выражает роль актера в пьесе и, по аналогии, роль человека в обществе [Bliss 1967, p. 345].

Ирония автора также выражается в именах собственных, используемых в романе, вызывающих целый ряд различных языковых и литературных

ассоциаций. Не только Комус наделен «говорящим» именем. Внутренняя форма многих других имен в романе ингерентно коннотативна: Lady Veula Croot, Lady Caroline Benaresq, Elaine de Frey, Mervyn Quentock, Merla Blathlington, Ada Spelvexit, Courtenay Youghal, Mervyn Quentock, Serena Golackly, Henry Greech и т. д. Имя Мерлы Блэзлингтон ассоциируется с blathering – «болтовней», «вздором». Фамилия Ады Спэлвиксит, по видимому, состоит из двух корней: to vex и spell, что намекает на ее лицемерие и поверхностное отношение к беднякам, которых она, по ее словам, опекает. Имена Элен де Фрей и ее супруга, Кортни Югала, вызывают в памяти героев цикла короля Артура (Elaine, Sir Lancelot), а также скандинавских мифов (Freyja).

Имя леди Виолы Крут (Lady Veula Croot) – любопытная этимологическая головоломка для читателя. Французские слова *croûte* (английское *crust*) и *veule* вызывают ассоциации *without stamina or backbone* («слабый, бесхребетный»), *soft* («мягкий»), *crumbly* («хрупкий»), что подтверждается контекстом. Леди Виола – единственный персонаж романа, выражающий симпатию и сочувствие к Комусу. Хотя она вышла замуж за успешного политика, она играет условную роль в обществе:

To see her standing at the top of an expensively horticultured staircase receiving her husband's guests was rather like watching an animal performing on a music-hall stage. One always tells oneself that the animal likes it, and one always knows that it doesn't (Munro 1976, p. 651).

В языковом оформлении текста значительную функцию выполняет лексика с формальными коннотациями, которая используется автором в изображении повседневных, банальных, земных реалий. В описании давки в вестибюле после спек-

такля употребляются такие стилистически маркированные словосочетания, как *to rejoin temporarily estranged garments, to secure the attendance of elusive vehicles*, передающие авторскую иронию:

In the crush of the vestibule, friends and enemies, personal and political, were jostled and locked together in the general effort to rejoin temporarily estranged garments and secure the attendance of elusive vehicles (Munro 1976, p. 662).

Применение лингвостилистической стратификации к анализу текста дает наглядные результаты лексического и синтаксического характера. Можно выделить как минимум три тематических пласта, каждому из которых свойственны свои языковые черты (см. таблицу).

Рассмотрим синтаксис, типичный для второго стратума, и стилистический прием, делающий прозу Г.Х. Манро легко узнаваемой при сравнении с текстами его современников. В синтаксическом оформлении значимы распространенные предложения, в которых присутствует осложненная инверсия или подлежащее отделено от сказуемого вставной конструкцией, содержащей формальную лексику:

"Most of the really great lessons I have learned have been taught me by the Poor", was one of her favourite statements. The one great lesson that the Poor in general would have liked to have taught her, that their kitchens and sick rooms were not unreservedly at her disposal as private lecture halls, she had never been able to assimilate (подчеркивание. – M. C.) (Munro 1976, p. 611).

Вместо вставной конструкции может использоваться сравнение, содержащее единицы, обладающие конкретной семантикой:

Pit and gallery were already packed with a throng, tense, expectant and alert, that waited for the rise of the curtain with the eager patience of a terrier watch-

Table

Таблица

Thematic layers and their linguistic features

Тематические пласты и их языковые черты

I. Диалоги персонажей	I'm living so far beyond my income that we may almost be said to be living apart (Munro 1976, p. 598). Yes, the House of Commons still remains rather at the opposite pole to the Kingdom of Heaven as regards entrance qualifications, observed Lady Caroline (Munro 1976, p. 615)	Игра слов (на основе полисемии), оксюмороны, афоризмы, деформированные цитаты и пословицы и др.
II. Повседневные, банальные, бытовые ситуации	The meal was of that elegant proportion which, while ministering sympathetically to the desires of the moment, is happily reminiscent of a satisfactory luncheon and blessedly expectant of an elaborate dinner to come (Munro 1976, p. 569)	Распространенные сложные предложения с парентетическими конструкциями и сравнениями, часто содержащими формальную лексику, передающую иронию автора
III. Эмоционально насыщенные пассажи (описание психологического состояния Франчески и Комуса, жизни Тома Керивэя)	Here was one who had held much that was priceless in the hollow of his hand and lost it all, and he was happy and absorbed and well content with the little wayside corner of the world into which he had crept (Munro 1976, p. 624)	Метафоры, коннотативная лексика, создающая дополнительный ассоциативный план содержания

ing a dilatory human prepare for outdoor exercises (подчеркивание. – М. С.) (Munro 1976, p. 654).

Диалоги и внутренняя речь персонажей насыщены разнообразными случаями языковой игры. Описывая Франческу, автор расширяет устойчивое выражение *to look on the bright side of things* однородными глаголами:

Francesca loved the smooth ways and pleasant places of life; she liked not merely to look on the bright side of things, but to live there and stay there (подчеркивание. – М. С.) (Munro 1976, p. 608).

Жених кузины Элен, Эгберт, описан как скучный, тусклый молодой человек, и снова здесь использована оппозиция широко употребляемой коллокации и ее оригинального расширения:

Egbert was one of those men who have no small talk, but possess an inexhaustible supply of the larger variety (Munro 1976, p. 643).

Деформация пословиц и поговорок также широко используется в тексте:

Quentock was a young artist whose abilities were just receiving due recognition from the critics; that the recognition was not overdue he owed largely to his perception of the fact that if one hides one's talent under a bushel one must be careful to point out to everyone the exact bushel under which it is hidden (подчеркивание. – М. С.) (Munro 1976, p. 632).

Введение цитат в романе часто предвращается такими фразами, как *like the proverbial buyer... или with due deference to an esteemed lyrical authority...* Г.Х. Манро широко известен своим мастерством в синтаксической деформации цитат в художественной прозе. В разговоре с сестрой Элен, например, употребляет деформированную цитату из «Двенадцатой ночи» У. Шекспира:

As an old lady of my acquaintance observed the other day, some people are born with a sense of how to clothe themselves, others acquire it, others look as if their clothes had been thrust upon them (подчеркивание. – М. С.) (Munro 1976, 692). В оригинале (акт III, строка 5) фраза звучит так: But be not afraid of greatness: some men are born great, some achieve greatness, and some have greatness thrust upon them (Knowles 2004, p. 1390).

Роман *The Unbearable Bassington* не только является незаурядным произведением с художественной точки зрения, но и отражает многие события в биографии автора. В этой связи уместно процитировать комментарий И. Во, где он говорит о предчувствии Г.Х. Манро мирового кризиса, в котором погибли многие его соотечественники и он сам:

It is impossible in reading The Unbearable Bassington at this date to avoid a prophetic and allegorical interpretation which cannot have been consciously present to the author. It was 1912. Comus had only to wait two years to find full employment for all his talents. He was cannon-fodder in a time of peace. And it is impossible, now, not to see Francesca as a type of English civilization which sends its sons to death for a home whose chief ornament turns out, too

late, to be spurious («На сегодняшний день, читая *The Unbearable Bassington*, невозможно избежать пророческого и аллегорического толкования текста, которое вряд ли осознавалось автором. Шел 1912 год. Комусу нужно было подождать всего лишь два года до того, как все его таланты были бы востребованы. Он был пушечным мясом в мирное время. И теперь невозможно не видеть во Франческе подобие английской цивилизации, посылающей своих сыновей на смерть во имя владений, чье главное украшение оказывается фальшивкой». Перевод. – М. С.) (Waugh 1947, p. 8).

Таким образом, *The Unbearable Bassington* открывает нам еще один важный аспект интерпретации семантического плана лексики – метафоры жертвы, напрасно принесенной страной в преддверии Первой мировой войны.

Заключение

Ирония Г.Х. Манро, выражаемая при помощи формальных и социальных коннотаций в лексике и экспрессивном синтаксисе высокой степени сложности, понятна в контексте эпохи. В своей прозе он касается множества злободневных вопросов своего времени: позиции суфражисток, движения за «свободную торговлю», тарифной реформы, борьбы с нищетой. Представители высшего общества (многие из них – политики), по мнению писателя, были бессильны решить даже часть этих проблем. Яркий пример – губернатор африканской колонии, чьим протеже Комуса хотела сделать его мать. Диссидентство Г.Х. Манро было открытым: его ирония была направлена на обнаружение социальных проблем. Он принял активное участие в Первой мировой войне. Будучи ярким противником политики умиротворения, писатель создал в романе *The Unbearable Bassington* метафору Великобритании, жертвующей своими сыновьями ради фальшивой идеи (дальнейшей колониальной экспансии и укрепления колоний на фоне примирения со странами-агрессорами).

Настоящая работа ставит цель раскрыть тематико-стилистические, интертекстуальные, лексические и синтаксические черты данного романа. Как показал анализ, важную роль в тексте играют деформация цитат, игра слов, афоризмы, каламбуры. В то же время произведения Г.Х. Манро эстетически отличаются от текстов многих его современников значительной социально-сатирической составляющей, что ярко проявляется в использовании лексики с формальными и социальными коннотациями, французских введений, «говорящих» имен персонажей, деформации пословиц и поговорок, специфических синтаксических конструкций с парентетическими предложениями, осложненными формальной лексикой, разрывом подлежащего и сказуемого и другими приемами.

Полученные результаты могут успешно использоваться в курсах по лингвостилистике, функциональной стилистике английского языка, пере-

водоведении (например, в связи с переводом романа на русский язык). Логическим развитием исследуемой проблематики может стать сопоставление текстов британских и американских авторов рассматриваемого периода с точки зрения лексических коннотаций и экспрессивного синтаксиса.

Источники фактического материала

Munro 1929 – *Munro E.* A Biography of Saki // Munro H.H. The Square Egg and other sketches with three plays. London: Penguin Books, 1929. P. 3–45.

Munro 1976 – *Munro H.H.* The Penguin Complete Saki. With an introduction by Noël Coward. London: Penguin Books, 1976. 424 p.

Библиографический список

Birden 1998 – *Birden L.M.* Saki's 'A Matter of Sentiment' // *Explicator*. 1998. № 4. P. 201–204.

Bliss 1967 – *Bliss A.J.* A Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English. London, 1967. P. 345.

Byrne 2007 – *Byrne S.* The Unbearable Saki. The Work of H.H. Munro. Oxford: Oxford University Press, 2007. 321 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=1116497>.

Gibson 2005 – *Gibson B.* 'Saki's Dependent Dissidence: Exploring "The West Wing"' // *English Language Notes*. 2005. № 3. P. 39–52.

Hindle 1937 – *Hindle W.* The Morning Post 1772–1937. London, 1937. P. 2.

Hornby et al 2005 – *Hornby A.S., Wehmeier S., McIntosh C., Turnbull J., Ashby M.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1789 p.

Hunter 1982 – *Hunter J.* Edwardian fiction. Harvard: Harvard University Press, 1982. 289 p.

Knowles 2004 – *Knowles E.* The Oxford Dictionary of Quotations. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 357. URL: <https://list-english.ru/img/newpdf/dictpdf/5.pdf>.

Langguth 1981 – *Langguth A.J.* Saki: A Life of H.H. Munro, with six stories never before collected. New York, 1981. 406 p.

MacFadzean 2008 – *MacFadzean A.* A review on Sandy Byrne's The Unbearable Saki: The Work of H.H. Munro // Notes and Queries. 1.01.2008. P. 540–541.

Munro 1900 – *Munro H.H.* The Religion of the Slavs, signed 'H.H. Munro'. In: *The Athenaeum*. 14.04.1900. P. 67–68.

Munro 1900 – *Munro H.H.* The Rise of the Russian Empire. London, 1900. 115 p. URL: <https://www.gutenberg.org/files/45099/45099-h/45099-h.htm>.

Powell 1961 – *Powell A.* Introduction // R. Firbank. The Complete Ronald Firbank. London: Duckworth, 1961. 251 p.

Pritchett 1957 – *Pritchett V.S.* The Performing Lynx // *New Statesman*, 5.01.1957. P. 18–19.

Sackville-West 1930 – *Sackville-West V.* The Edwardians. London: Woolf, The Hogarth Press, 1930. 321 p. URL: <https://graycity.net/vita-sackville-west/204190-the-edwardians.html>.

Salemi 1989 – *Salemi J.S.* An Asp Lurking in an Apple-Charlotte: Animal Violence in Saki's The Chronicles of Clovis // *Studies in Short Fiction*. 1989. № 4. P. 423–430.

Spears 1963 – *Spears G.J.* The Satire of Saki: A Study of the Satiric Art of H.H. Munro. New York, 1963. 317 p. URL: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\\$b104420&view=1up&seq=1](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.$b104420&view=1up&seq=1).

Trotter 1993 – *Trotter D.* The English Novel in History: 1895–1920. London, 1993. 234 p. URL: <http://en.bookfi.net/book/1117165>.

Waugh 1947 – *Waugh E.* Introduction // H.H. Munro. The Unbearable Bassington. New York, 1947. P. 1–8.

Александрова 1984 – *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М.: URSS, 1984. 211 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/index.htm>.

Ахманова 2007 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: URSS. 2007. 576 с. URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova>.

Блох 1983 – *Блох М.Я.* Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1983. 383 с. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/12/blokh.pdf.

Гюббенет 1981 – *Гюббенет И.В.* К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М.: Изд-во МГУ, 1981. 231 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/gubbenet/text.pdf>.

Золотова 2007 – *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 2007. 352 с. URL: https://litmy.ru/knigi/guman_nauki/359901-ocherk-funkcionalnogo-sintaksisa-russkogo-yazyka.html.

Липгарт 1994 – *Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое сопоставление: теория и метод. М.: Изд-во МГУ, 1994. 162 с.

Полубиченко 1991 – *Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: теория и практика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М.: Изд-во МГУ, 1991. 651 с.

Сафонова 2013 – *Сафонова М.А.* Функционирование иностранных внесений в англоязычном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 42–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20269045>.

References

Birden 1998 – *Birden L.M.* Saki's 'A Matter of Sentiment'. *Explicator*, 1998, no. 4, pp. 201–204 [in English].

Bliss 1967 – *Bliss A.J.* A Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English. London, 1967, p. 345 [in English].

Byrne 2007 – *Byrne S.* The Unbearable Saki. The Work of H.H. Munro. Oxford: Oxford University Press, 2007, 321 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1116497> [in English].

Gibson 2005 – *Gibson B.* 'Saki's Dependent Dissidence: Exploring "The West Wing"'. *English Language Notes*, 2005, no. 3, pp. 39–52 [in English].

Hindle 1937 – *Hindle W.* The Morning Post 1772–1937. London, 1937, p. 2 [in English].

Hornby et al 2005 – *Hornby A.S., Wehmeier S., McIntosh C., Turnbull J., Ashby M.* Oxford Advanced Learner's

- Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2005, 1789 p. [in English].
- Hunter 1982 – *Hunter J.* Edwardian fiction. Harvard: Harvard University Press, 1982, 289 p. [in English].
- Knowles 2004 – *Knowles E.* The Oxford Dictionary of Quotations. Oxford: Oxford University Press, 2004, p. 357. Available at: <https://list-english.ru/img/newpdf/dictpdf/5.pdf> [in English].
- Langguth 1981 – *Langguth A.J.* Saki: A Life of H.H. Munro, with six stories never before collected. New York, 1981, 406 p. [in English].
- MacFadzean 2008 – *MacFadzean A.* A review on Sandy Byrne's *The Unbearable Saki: The Work of H.H. Munro. Notes and Queries*, 1.01.2008, pp. 540–541 [in English].
- Munro 1900 – *Munro H.H.* The Religion of the Slavs, signed 'H.H. Munro'. In: *The Athenaeum*, 14.04.1900, pp. 67–68 [in English].
- Munro 1900 – *Munro H.H.* The Rise of the Russian Empire. London, 1900, 115 p. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/45099/45099-h/45099-h.htm> [in English].
- Powell 1961 – *Powell A.* Introduction. In: *R. Firbank. The Complete Ronald Firbank*. London: Duckworth, 1961, 251 p. [in English].
- Pritchett 1957 – *Pritchett V.S.* The Performing Lynx. In: *New Statesman*, 5.01.1957, pp. 18–19 [in English].
- Sackville-West 1930 – *Sackville-West V.* *The Edwardians*. London: Woolf, The Hogarth Press, 1930, 321 p. Available at: https://graycity.net/vita-sackville-west/204190-the_edwardians.html [in English].
- Salemi 1989 – *Salemi J.S.* An Asp Lurking in an Apple-Charlotte: Animal Violence in Saki's *The Chronicles of Clovis*. *Studies in Short Fiction*, 1989, no. 4, pp. 423–430 [in English].
- Spears 1963 – *Spears G.J.* The Satire of Saki: A Study of the Satiric Art of H.H. Munro. New York, 1963, 317 p. Available at: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\\$b1.04420&view=1up&seq=1](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.$b1.04420&view=1up&seq=1) [in English].
- Trotter 1993 – *Trotter D.* *The English Novel in History: 1895-1920*. London, 1993, 234 p. Available at: <http://en.bookfi.net/book/1117165> [in English].
- Waugh 1947 – *Waugh E.* Introduction. In: *H.H. Munro. The Unbearable Bassington*. New York, 1947, pp. 1–8 [in English].
- Alexandrova 1984 – *Alexandrova O.V.* *Problemy ekspressivnogo sintaksisa* [Problems of expressive syntax]. M.: URSS, 1984, 211 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/index.htm> [in Russian].
- Akhmanova 2007 – *Akhmanova O.S.* *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: URSS, 2007, 576 p. Available at: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova> [in Russian].
- Blokh 1983 – *Blokh M.Ya.* *Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the English language]. M.: Vysshaya shkola, 1983, 383 p. Available at: http://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/12/blokh.pdf [in Russian].
- Gubbenet 1981 – *Gubbenet I.V.* *K probleme ponimaniya literaturno-khudozhestvennogo teksta (na angliiskom materiale)* [On the problem of understanding a work of English fiction]. M.: Izd-vo MGU, 1981, 231 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/gubbenet/text.pdf> [in Russian].
- Zolotova 2007 – *Zolotova G.A.* *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An Outline of the Functional Syntax of the Russian language]. M.: Nauka, 2007, 352 p. Available at: https://litmy.ru/knigi/guman_nauki/359901-ocherk-funktsionalnogo-sintaksisa-russkogo-yazyka.html [in Russian].
- Lipgart 1994 – *Lipgart A.A.* *Lingvopoeticheskoe sopostavlenie: teoriya i metod* [Linguopoetic confrontation: theory and method]. M.: Izd-vo MGU, 1994, 162 p. [in Russian].
- Polubichenko 1991 – *Polubichenko L.V.* *Filologicheskaya topologiya: teoriya i praktika: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04* [Philological topology: theory and practice: Doctoral of Philological Sciences thesis: 10.02.04]. M.: Izd-vo MGU, 1991, 651 p. [in Russian].
- Safonova 2013 – *Safonova M.A.* *Funktsionirovanie inostrannykh vnesenii v angloyazychnom tekste* [Functions of foreign insertions in English texts]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2013, no. 2, pp. 42–45. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20269045> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126
УДК 81.1

Дата поступления статьи: 22/X/2019
Дата принятия статьи: 2/XII/2019

М.Г. Чепорухина

**К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ТЕРМИНОВ «ДИСФЕМИЗМ», «СЛЕНГ»,
«ВУЛЬГАРИЗМ» И «ИНВЕКТИВА»**

© Чепорухина Мария Георгиевна – аспирант III года обучения, ассистент кафедры французской филологии, Тюменский государственный университет, 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: m.g.cheporukhina@utmn.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1711-0786>

АННОТАЦИЯ

Исследования лексики, несущей негативную оценку, начались относительно недавно, поэтому отсутствует полностью разработанная и принятая всеми лингвистами теория о способах ее выражения. Актуальность исследования также связана с повышением уровня негатива в коммуникации последних десятилетий.

В статье дается обзор теоретической литературы о заявленных проблемных терминах, они разграничиваются при помощи дефиниционного и этимологического анализа, дается собственное определение термина «дисфемизм». Также освещается проблема разграничения дисфемизма и эвфемизма, которые традиционно противопоставляются по цели высказывания. Выясняется, что решающую роль при их разграничении играет контекст, ведь одна и та же лексическая единица может в разных ситуациях общения нести как позитивную, так и негативную оценку.

Теоретические положения статьи проиллюстрированы примерами из корпуса комментариев к политическим новостям в интернет-газетах Франции и России. К анализу примеров применяется прагматический подход (учитывается макроконтекст, то есть все особенности ситуации общения), так как именно он оказывается действенным при определении коммуникативной цели высказывания и вычленении оценочных элементов.

В результате проведенного исследования установлено, что дисфемизм – это способ выражения негативной оценки в самом общем смысле, сленг и вульгаризм могут считаться дисфемизмами, если выражают негативную оценку, а инвектива – это дисфемизм, имеющий ярко агрессивный характер. Предлагается схема, наглядно показывающая соотношение проблемных терминов с точки зрения целей их употребления.

Ключевые слова: негативная оценка, дисфемизм, эвфемизм, эвфемистический дисфемизм, контекстуальный дисфемизм, сленг, арг, вульгаризм, инвектива.

Цитирование. Чепорухина М.Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

M.G. Cheporukhina

ON THE DISTINCTION BETWEEN THE TERMS «DYSPHEMISM», «SLANG», «VULGARISM» AND «INVECTIVE»

© Cheporukhina Maria Georgievna – 3-year postgraduate student, assistant lecturer of the Department of French Philology, University of Tyumen, 6, Volodarskogo Street, Tyumen, 625003, Russian Federation.

E-mail: m.g.cheporukhina@utmn.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1711-0786>

ABSTRACT

Linguists showed their interest in studying lexemes with negative meaning not so long ago, so there is no developed and unanimously accepted theory on means of negative assessment. Topicality of this study is also connected to the fact that communication over the last decades is marked with the growth of negative information.

The article provides an overview of theoretical literature on the stated problem terms. Applying definitional and etymological analysis, we distinguish the terms «dysphemism», «slang», «vulgarism» and «invective» which are considered to be synonymous or are not fully defined in some studies. The article also highlights the problem of distinction between dysphemism and euphemism, which are traditionally contrasted in terms of utterance. We underline that the context plays the crucial role in their distinction since the same lexical unit can carry both positive and negative connotations in different communication situations.

The theoretical statements of the article are illustrated with examples from the corpus of comments on political news in the Internet newspapers of France and Russia. The pragmatic approach is applied to the analysis of examples (the macro context is taken into account), since it proves to be effective in determining the communicative purpose of utterance and analyzing the evaluative elements.

Our study has shown that dysphemism is a means of negative evaluation in general. Slang and vulgarism can have dysphemistic meaning, while invective is a type of dysphemism with the main idea of expressing aggression.

Key words: negative assessment, dysphemism, euphemism, euphemistic dysphemism, contextual dysphemism, slang, argot, vulgarism, invective.

Citation. Cheporukhina M.G. *K razgranicheniyu terminov «disfemizm», «sleng», «vul'garizm» i «invektiv»* [On the distinction between the terms «dysphemism», «slang», «vulgarism» and «invective»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126> [in Russian].

Введение. Постановка проблемы

По наблюдениям социологов и лингвистов, начало XXI в. характеризуется повышенным уровнем негатива в вербальной коммуникации [Кваскова 2016; Резанова 2008], что связано с поляризацией общества, конфликтами интересов власти и народа, столкновениями между разными этническими и социальными группами. Анализируя высказывания людей о политике, можно составить представление о том, какой образ имеют политические персоны и их действия в сознании общества.

Статья посвящена языковым приемам выражения негативной оценки с помощью дисфемизмов. Явление дисфемии изучено менее подробно, чем явление эвфемии (которое считается противоположным ему по целям употребления). Возможно, это связано с тем, что некоторые элементы языка, относящиеся к дисфемизмам, не привлекали должного внимания лингвистов вплоть до середины XIX в., обценную лексику было даже не принято изучать.

В статье предпринимается попытка четко разграничить термины «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива», которые, как было обнаружено при анализе литературы по теме исследования, часто не дифференцируются, особенно в российской лингвистике. Мы считаем это необходимым, так как любой термин должен стремиться к однозначности.

Методы исследования

В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза при разложении проблемы на составляющие части, этимологический и дефиниционный анализ при определении значения терминов. Были применены элементы прагматического анализа при работе с комментариями к статьям на тему внутренней политики с сайтов интернет-версий российских и французских газет. Также нами были использованы некоторые примеры дисфемизмов, приведенные авторами изученных работ, так как они необходимы для понимания положений их теорий.

Обращаем внимание, что комментарии, взятые нами с сайта Lenta.ru, являющиеся богатым иллюстративным материалом, удаляются модераторами спустя сутки после публикации новостной статьи, согласно правилам портала.

Определение термина «дисфемизм»

Дисфемизмы не получили такого широкого освещения в российской лингвистической литературе, как эвфемизмы. Не было найдено ни одной работы на русском языке, в которой бы изучались дисфемизмы во французском языке.

Дисфемизм часто толкуется как противоположность эвфемизму и определяется через него [Бойко 2003; Бушуева 2005; Гальперин 1958; Кацев 1991; Киселева 2015; Шейгал 2000]. Также нет четкого, принятого всеми исследователями разграничения дисфемизмов и смежных единиц языка – вульгаризмов, сленга, инвектив.

В отечественной лингвистике, по-видимому, первое описание дисфемизма дается в монографии И.Р. Гальперина по стилистике английского языка: дисфемизмы, или какофенизмы – это стилистическое средство, функция которого «обратна той, которую выполняют эвфемизмы. Они выражают понятие в более резкой и грубой форме, – обычно нелитературной форме, – по сравнению с тем словом, которое закреплено за данным понятием» [Гальперин 1958, с. 166].

Т.В. Бойко понимает под дисфемизмом «более грубую по сравнению с исходной номинацией лексическую единицу, которой говорящий отдает предпочтение для того, чтобы выразить свое негативное отношение и пейоративно воздействовать на реципиента» [Бойко 2005, с. 21].

Также Т.В. Бойко считает необходимым разграничить понятия «дисфемизм», «сленг» и «вульгаризм», утверждая, что «сленгизмы и вульгаризмы употребляются с целью эксплицировать раздражение, негативную оценку и отношение» [Бойко 2005, с. 29], тем самым сближая понятия «дисфемизм», «вульгаризм» и «сленг».

Ряд лингвистов, исследующих дисфемизм с прагматической точки зрения, сходятся во мнении, что он работает на ухудшение денотата. Реальные свойства денотата при этом не меняются, а лишь предстают в более негативном свете [Бушуева 2005; Кацев 1991; Кваскова 2016; Резанова 2008; Шейгал 2000].

По мнению Т.С. Бушуевой, дисфемизмы представлены единицами сниженного регистра: традиционно табуированной лексикой (вульгаризмами) и сниженной пейоративно-оценочной лексикой (сленгизмами) [Бушуева 2005, с. 13–14].

В некоторых отечественных работах дисфемизм рассматривается как единица социально маркированная [Нелюбин 2003], грубая, фамильярная, вульгарная [Киселева 2015], стилистически маркированная, сниженная, неприличная, не тактичная, резкая, вульгарная, фамильярная [Шилова 2014].

Е.И. Шейгал понимает под дисфемизмом «инвективу, основанную на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный» [Шейгал 2000, с. 235–236].

Мы не можем согласиться с авторами заявленных выше определений в том, что:

1) все сленгизмы и вульгаризмы выражают негативную оценку;

2) все дисфемизмы относятся к сниженному регистру речи / стилистически маркированы. Выражение негативной оценки может происходить не только при общении в низком регистре. При таком ограничительном подходе без наименования остаются средства выражения негативной оценки, используемые в нейтральном или высоком регистрах;

3) дисфемизм – грубая, фамильярная, сниженная, вульгарная единица;

4) понятие «инвектива» шире по объему, чем понятие «дисфемизм».

В последних работах по дисфемии наметилась тенденция к причислению к разряду дисфемизмов не только грубой и вульгарной, но и нейтральной лексики, употребляемой в конкретной речевой ситуации для реализации поставленных коммуникативных задач [Резанова 2008], а также порой и мелиоративной лексики [Гаевая, Никитина 2017]. И.Г. Катенева назвала эти единицы «контекстуальными дисфемизмами, образующимися за счет идеологизации нейтральных слов» [Катенева 2013, с. 270], а К. Аллан и К. Берридж – «эвфемистическими дисфемизмами» (*euphemistic dysphemisms*). Они имеют дисфемистическую иллюзию, но эвфемистическую локуцию. Наряду с ними существуют «дисфемистические эвфемизмы» [Allan, Burrige 2006, p. 32].

Подобные примеры мы находим в изученных комментариях. Например, к статье о депутате партии «Непокоренная Франция» Алексисе Корбье, опубликовавшем в «Твиттере» фотографию толпы людей, сделанную якобы во время антиправительственной манифестации (на самом деле это фотография с чемпионата мира по футболу):

– C'est le nombre fourni par un organisme indépendant qui a réalisé le comptage. L'extrême-gauche a toujours été très «*généreuse*» avec les chiffres !¹

Слово *généreuse* ('щедрый') употреблено в переносном значении (что подчеркивается кавычками), приобретает оттенок иронии и выражает негативную оценку комментатором действий политика и партии в целом, несмотря на позитивные коннотации этого слова вне контекста.

Или комментарий к статье о том, что Президент России призывает улучшить положение работни-

¹ Le Figaro, Le Scan Politique. URL: http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/05/06/25001-20180506ARTFIG00068-la-fete-a-macron-corbriere-publie-par-erreur-une-photo-datant-du-mondial-98.php?utm_campaign=Echobox&utm_medium=Social&utm_source=Facebook#link_time=1525606833 (дата обращения: 30.05.2019).

ков сферы информационных технологий и увеличить финансирование исследований в сфере общественного интеллекта:

– Именно поэтому наш *выдающийся* лидер решил создать суверенный Интернет².

Прилагательное *выдающийся* здесь также выражает иронию, особенно в одном предложении с напоминанием о законопроекте об изоляции российского Интернета, противоречащем призыву Президента.

Таким образом, слова *génèreuse* и *выдающийся* являются контекстуальными дисфемизмами или эвфемистическими дисфемизмами. Мы считаем возможным применять термин, введенный И. Г. Катеновой, также для наименования положительно заряженных вне контекста единиц, приобретающих, однако, негативные коннотации в контексте.

Кроме того, в последних исследованиях были изучены степени дисфемизации: «от издевки, уничижительного намека, сарказма до прямого ругательства с использованием ненормативной лексики» [Кваскова 2016, с. 354]. Контекстуальные дисфемизмы, использующие мелиоративную лексику, как раз обладают низкой степенью дисфемизации и несут в себе иронию или сарказм. Для определения дисфемистического значения таких единиц необходим анализ всего лексического окружения.

Фундаментальным является труд К. Аллана и К. Берриджа *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon* (1991) и последующие работы авторов. Они предлагают различные подходы к анализу не только дисфемизма, но и эвфемизма. С точки зрения семантики дисфемизм – это языковое средство выражения оскорбления, агрессии или способ «выпустить пар» [Allan, BurrIDGE 1991, p. 3]; выражение, имеющее оскорбительные коннотации [Allan, BurrIDGE 1991, p. 26]. Авторы предлагают изучать дисфемизм (как и эвфемизм) в одном контексте с понятием «сохранение лица», которое играет важную роль в любой коммуникации. Общение – одно из самых привычных действий человека, и его успех зависит от соблюдения коммуникантами определенных правил, установленных обществом. Эти правила регулируют их действия, выбор языковых средств и интерпретацию ими действий собеседника. В лингвистике эти правила известны как постулаты речевого общения, сформулированные П. Грайсом в 1975 г. [Allan, BurrIDGE 1991, p. 3, 5–6].

Авторы также ссылаются на сочинение И. Гофмана «Работа лица» (*Face Work*), где подчеркивается следующее: «...начиная говорить, мы должны думать о том, чтобы сохранить и поддержать свое “лицо”, то есть благоприятное впечатление о нас у окружающих» (Гофман 1955, цит. по [Allan, BurrIDGE 1991, p. 5]). В идеале мы также задумываемся о сохранении «лица» другим человеком. Люди, обладающие умением сохранить свое лицо и не

поставить под удар репутацию собеседника, считаются знатоками правил жизни в обществе. Разумеется, в разных культурах действуют разные нормы коммуникации, даже внутри одной культуры разные люди используют разные стратегии сохранения лица [Allan, BurrIDGE 1991, p. 3, 5–6].

Обращаясь к рассмотрению дисфемизма с точки зрения прагматики, авторы отмечают, что любое нарушение постулатов речевого общения является дисфемистичным. Например, по мнению авторов, дисфемистична фраза, нарушающая постулат количества: *My neighbor, who is a woman, is pregnant* («Моя соседка, которая является женщиной, беременна»: излишнее придаточное предложение) [Allan, BurrIDGE 1991, p. 3, 5].

При таком понимании дисфемизма на первый план при анализе выходит не его лингвистическая составляющая, не семантика (наличие пейоративных компонентов значения), а тот эффект, который высказывание оказывает на собеседника. Говорить излишнюю или нерелевантную информацию, говорить неправду или выражать свои мысли двусмысленно, не заботиться о сохранении лица своего собеседника – это значит проявлять к нему неуважение, унижать его, что и является целью дисфемизации.

Дисфемизм (как и эвфемизм) активно изучается испанскими лингвистами. М. Касас Гомез, применяющий когнитивный и прагматический подходы к исследованию дисфемизмов, утверждает, что правильно говорить не о дисфемизмах, а о дисфемистических употреблении, подчеркивая, что дисфемистический аспект языкового знака зависит от множества обстоятельств (время, место, предмет разговора, национальность, социальный класс, пол, статус говорящих) [Casas Gómez, c. 731].

Понятия «дисфемизм», «сленг» и «вульгаризм»

Сленг (как и вся субстандартная лексика), безусловно, принадлежит к одному из спорных разделов лексики, и до сих пор не существует точного и принятого всеми лингвистами определения этого понятия, причем расхождения в его толковании свойственны и зарубежной, и отечественной лингвистике [Егошина 2013, с. 6; Пономарева, Шабалина 2013, с. 62].

В задачи нашего исследования не входит подробное изучение субстандартной лексики, поэтому ограничимся ее сопоставлением с дисфемизмами.

Существующие определения понятия «сленг» можно условно разделить на две группы в зависимости от того, выделяет ли автор наличие у сленга функции выражения негативной оценки, которая, бесспорно, присуща дисфемизму.

Рядом лингвистов признается выражение сленгом именно пейоративной оценки, пренебрежения, издевательского отношения, иронии [Амосова 1951; Арнольд 1986; Сеницына 2013]. Отметим, что подобное понимание сленга как средства выражения негативного отношения характерно

² Лента: Россия: Политика. URL: https://lenta.ru/news/2019/05/30/sfera_it (дата обращения: 30.05.2019).

именно для российских исследований этого языкового явления.

Авторы, определяющие сленг более широко, относят его к экспрессивно-оценочной лексике [Егошина 2013; Хомяков 1980; Швейцер 1983; Green 1998; Partridge 1933], которая, соответственно, может выражать не только негативную оценку, но и положительную, например одобрение, восхищение. Подобные примеры сленгизмов с положительной коннотацией мы находим у А.Д. Швейцера, который ссылается в своем исследовании на статьи из словарей американского и британского сленга, например: «прилагательное *cool* вытеснило *hot* в качестве сленгизма с положительной коннотацией» [Швейцер 1983, с. 173].

Среди прочих особенностей сленга отметим его принадлежность к разговорной лексике [Гальперин 1958; Егошина 2013; Partridge 1933], противопоставленность литературному (стандартному) языку [Greenough, Kittredge 1961; Хомяков 1980; Швейцер 1983].

Нам представляется удачным определение сленга, данное Э. Партриджем. Автор рассматривает сленг как преднамеренное употребление единиц общелитературного словаря в разговорной речи в стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, чтобы отличаться от признанных образцов, для передачи особого настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, точности, краткости, образности, а также чтобы избежать штампов, клише» [Partridge 1933, р. 1–10]. Данное определение наиболее полно, по нашему мнению, отражает специфику сленга как пласта разговорной лексики, обладающего оценочностью и экспрессивностью.

Таким образом, главные отличия сленга и дисфемизма заключаются в их функции и сфере использования. Использование сленга характерно для разговорного языка (отметим, что сленгизмы могут проникать и в литературный язык), в то время как дисфемизм не имеет ограничений по сфере использования. Сленг несет оценку в общем смысле, используется «с целью демонстрации грубовато-фамильярного, иногда юмористического отношения к предмету речи» [Мосиевич 2009, с. 359], а дисфемизм обязательно имеет пейоративные коннотации. Сленг эксплуатирует и переосмысливает единицы нормативного языка и «далек от вулгарных коннотаций» [Ломтева 2005, с. 25], что отличает его от вулгаризмов.

Поскольку материалом нашего исследования служат примеры дисфемизмов на русском и французском языках, необходимо отметить, что во французском языке вместо термина «сленг» употребляется термин «арго» [Маковский 2005; Partridge 1933]. К тем же выводам мы пришли, изучив работы, посвященные французскому арго. Общее арго (*argot commun* / *jargon*) – это слова разговорные, изменчивые, насыщенные эмоциями,

с элементами языковой игры [François-Geiger 1991; Sourdou 1991].

В российской лингвистике используются оба термина. Например, в комментарии к статье о том, что на должность губернатора Санкт-Петербурга претендует человек, родившийся не в России:

– Русских не хватает. Они *бухают*³.

Использовано арго, которое, по данным словарей, происходит от нейтрального слова (этимология затруднена: слово происходит или от фамилии некоего Бухарина, именем которого назывался завод, где производили граненые стаканы; или от *бухарка* – «рюмка», заимствованного через украинский из польского).

Для разграничения понятий «дисфемизм» и «вулгаризм» (*obscene words* / *gros mots*) рассмотрим определения последнего. Нами было замечено, что термин «вулгаризм» не так часто получает толкование в трудах лингвистов, а лишь перечисляется в одном ряду с названиями остальных разновидностей субстандартной лексики. Объяснение этому скрывается в том, что примерно до середины XIX в. лексический субстандарт не воспринимался лингвистами как пласт языка, имеющий, подобно литературному языку, свою структуру и иерархию элементов. К тому же не все элементы этого подязыка было допустимо описывать [Коровушкин 2005, с. 186].

Х. Касарес достаточно широко раскрывает понятие «вулгаризм», относя к нему и народные слова и выражения, и деревенские слова, и невежливые слова, и, наконец, слова грубые и непристойные, «которые из-за своего непристойного или сквернословного характера лежат на границе лексики, включаемой в словарь, и такой, которая ради соблюдения приличий должна остаться за его пределами» [Касарес 1958, с. 28].

Дж.Б. Гриноу и Дж.Л. Киттрэджд понимают под вулгаризмами «сленгизмы, для которых характерны аллюзии к тем вещам, которые не считаются в данный момент общепринятыми и приличными» [Greenough, Kittredge 1961, р. 72]. Авторы относят к вулгаризмам богохульства, проклятия, ругательства, прямые наименования некоторых частей тела.

Из определений становится очевидной путаница в терминах, использующихся для обозначения элементов субстандартной подсистемы языка, что весьма затрудняет проведение границы между различными явлениями.

В.П. Коровушкин также выделяет «эмотивно-дисфемистическую с подавляющим преобладанием коннотации над денотацией» функцию вулгаризмов [Коровушкин 2005, с. 226].

Ф. Переа изучает психологический аспект вулгаризмов и делает заключение, что эти языковые единицы, лежащие за пределами «правильного / хорошего языка» (*la bonne langue* / *le bien-parler*), имеют катартическую функцию, а в определенных

³ Коммерсант: Страна: Политика. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3981884> (дата обращения: 25.05.2019).

коллективах служат символом близости и единства людей [Pereu 2011].

Оригинальный способ различения дисфемизма и вульгаризма предлагает Л. Мосиевич. По ее мнению, решающим критерием разграничения понятий является реакция адресата речи: например, беременная женщина, услышав в свой адрес слово «брюхатая», как и свидетели этой ситуации, почувствуют явный дискомфорт – значит, слово «брюхатая» является вульгаризмом. Если же вместо него сказать «с животом», неприятным это обращение будет только для беременной женщины, но не для всех остальных – значит, перед нами дисфемизм [Мосиевич 2009, с. 359]. Данный критерий основан на субъективном восприятии речи и совпадает с современной ориентацией лингвистики на человека и его реакции в процессе коммуникации. Однако то, что считается оскорбительным для одного, может быть приемлемым для другого, соответственно, данный критерий требует проверки в каждом отдельном речевом акте с учетом всех элементов коммуникативной ситуации.

Т.А. Ломтева рассматривает случаи стилистического транспонирования, при котором вульгаризм употребляется для выражения положительной оценки или эмоций. Автор приводит пример из произведения С. Кинга, где «мышонка, любимца охранников и заключенных тюремного блока смертников» называют *turd* (дерьмо), чтобы подчеркнуть свое восхищение его чистоплотностью [Ломтева 2005, с. 101–102]. Данное слово, как мы считаем, не выступает в роли дисфемизма, так как не выражает негативного отношения к ситуации, но является вульгаризмом.

Также применение данного субъективного критерия разграничения вульгаризма и дисфемизма может быть осложнено, если мы имеем дело с коммуникацией в письменной форме, когда реакция адресата неизвестна либо когда адресат коллективный. Рассмотрим комментарий о бывшем министре юстиции Франции, который, по словам пользователей, комментирующих новостную статью, был вызван на совещание в Елисейский дворец:

– *La pute* toujours au rendez-vous...⁴

Сложно предсказать, какова будет реакция Ф. Байру на данные слова (по данным словарей, *pute* ‘шлюха’ – вульгаризм), а также маловероятно, что он когда-либо вообще увидит этот комментарий. Соответственно, в рамках нашего исследования не всегда можно говорить о субъективных реакциях, мы можем лишь делать предположения, тем более что коммуникативная ситуация не предполагает диалога между политиком и пользователем Интернета. Мы считаем, что данный критерий больше подходит для анализа устного общения, когда все реакции собеседников более или менее прозрачны.

⁴ LeFigaro: Le Scan Politique. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2018/10/02/25002-20181002ARTFIG00218-philippe-sur-collomb-je-va-is-proposer-au-president-les-decisions-qui-s-imposent.php> (дата обращения: 02.10.2018).

Поэтому, учитывая специфику материала нашего исследования, мы будем брать данные о том, является ли анализируемая единица вульгаризмом, из словарей, а также руководствоваться собственными представлениями о языковых нормах. Чтобы разграничить дисфемизм и вульгаризм, мы устанавливаем, что вульгаризму свойственна ярко выраженная стилистическая сниженность, грубость, вульгарность, в то время как дисфемизм не всегда обладает этой чертой. Также вульгаризмы не всегда выражают негативную оценку.

Понятия «дисфемизм» и «инвектива»

Особенно сложным представляется разграничение дисфемизма и инвективы, которую Е.И. Шейгал считает гиперонимом по отношению к дисфемизму.

При знакомстве с работами отечественных лингвистов было замечено, что слова «инвектива», «бранная лексика», «сквернословие» употребляются недифференцированно, как синонимы, а термин «инвектива» получает очень широкое толкование. Термин сближается с понятием «дисфемизм», особенно при рассмотрении примеров лексем, которые авторы относят к инвективе. В зарубежной лингвистике приняты термины *investive / insult* (в английском языке) и *investive / insulte / injure* (во французском языке).

Г.В. Дмитриенко определяет инвективу как «определенный культурно обусловленный и национально-специфичный векторно-направленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, к ситуации, предмету и процессу социально-речевого общения. Инвективная формула подразумевает моделирование ситуации нарушения культурных требований со стороны инвектума или же выхода его индивидуального поступка за границы очерчиваемой конкретно-национальной культурной поведенческой нормы, независимо от степени реальности и в целом реалистичности обвинения. Вербализация инвективной формулы осуществляется иногда посредством литературной лексики, однако чаще всего посредством просторечной лексики и фразеологии, характеризующейся стилистической маркированностью, предельной сниженностью и обладающей вульгарной коннотацией, реализующей интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить адресата своей речи или же выразить собственные эмоции по отношению к ситуации» [Дмитриенко 2007, с. 14–15].

Приведенное толкование близко толкованию термина «вульгаризм», за исключением того, что вульгаризм необязательно выполняет функцию унижения и оскорбления адресата речи, он лишь несет эмоциональный компонент. Соответственно, инвектива в отдельных случаях выражается через вульгаризмы. Весьма неопределенными представляются слова о том, что инвектива помогает говорящему выразить свои эмоции, так как спектр эмоций очень велик и неясно, о каких именно идет речь в определении.

Г.В. Дмитриенко рассматривает инвективу эксплетивную (не направлена на человека, соотносится с ругательством) и агрессивную (реализация вербальной агрессии по отношению к адресату речи) [Дмитриенко 2007, с. 17–22]. Однако при рассмотрении классификации агрессивных инвектив становится очевидным, что не все приведенные автором примеры подходят под это определение. Г.В. Дмитриенко выделяет следующие разряды агрессивной инвективы:

1) собственно оскорбления (направлены на ухудшение межличностных отношений между собеседниками);

2) ксенофобские прозвища, клички и оскорбления неполноценности человека (их исследования актуальны в современном мире в связи с обострением социальных и межнациональных конфликтов): *Nigger, Paki, Kiwi*;

3) зоосемантические метафоры: *ape, dirty dog* [Дмитриенко 2007, с. 23–24].

Ксенофобские прозвища и зоосемантические метафоры встречаются и среди дисфемизмов, например в классификации К. Аллана и К. Берриджа. Причем авторы классификаций приводят в качестве примеров одни и те же слова: у К. Аллана и К. Берриджа мы также находим пример *ape* и множество подобных зооморфных метафор [Allan, Burridge 2006].

Наиболее авторитетным российским трудом об инвективе, на который ссылается большинство работ схожей тематики, является монография В.И. Жельвиса «Поле брани». Несомненным достоинством работы является то, что автор принимает во внимание этнокультурный компонент и уточняет, носители какого именно языка или культуры расценивают то или иное выражение как резкое или табуированное. Приведем один из примеров: в большинстве культур слово *гусыня* по отношению к женщине воспринимается как *дура*, а в Египте – это ласковое обращение к любимой женщине [Жельвис 2001, с. 258].

В.И. Жельвис дает следующее определение инвективы: в широком смысле инвектива – «такой способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный» [Жельвис 2001, с. 13], это «агрессия активная, прямая, словесная, которую можно рассматривать как трансформацию поступка. Слово – это тоже дело» [Жельвис 2001, с. 150]. В более узком смысле – это «вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами...» [Жельвис 2001, с. 13]. Важно понимать, что некодифицированность определяется строго в рамках рассматриваемой культуры и ситуации общения. Так, среди приведенных автором примеров есть нейтральные единицы *пес, собака*, которые в мусульманских странах являются сильным оскорблением, но в нашей стране не будут иметь такой пейоративной нагрузки [Жельвис 2001, с. 170].

Что касается инвективы, выводы российских и зарубежных лингвистов похожи. Зарубежные

авторы тоже выделяют ярко выраженную направленность инвективы, видя в ней «поступок», «действие», «путь, вектор агрессии» [Larochelle 2007, р. 9], «форму вербальной агрессии», которую интересно исследовать с точки зрения категорий правды и лжи [Lagorgette 2012, р. 3–4]. Отмечается важная роль экстралингвистических факторов: инвективу нельзя исследовать только с точки зрения семантики, необходим прагматический анализ материала исследования [Fisher 1995; Lagorgette 2002].

Например, Ж.-К. Шмитт, исследователь средневекового искусства, видит в инвективе не только вербальную агрессию, но и целый ритуал, который сопровождается характерной жестикულიцией, имеющей символическое значение [Schmitt 1995, с. 13]. Однако такой подход, как замечает сам автор, усложняет анализ инвективы в письменных источниках. Если в художественной литературе имеется не только прямая речь персонажей, но и описание их действий, то в нашем исследовании невозможно проанализировать невербальное поведение пользователей, оставляющих комментарии.

Однако нельзя сблизать дисфемию с инвективой (формой вербальной агрессии), так как выражение негативной оценки (дисфемизация) необязательно сопровождается агрессивным состоянием адресанта, может не преследовать цели установить с ним контакт или причинить ему вред.

Различие понятий «дисфемизм» и «инвектива» кроется также в этимологии терминов. По данным словарей, слово «дисфемизм» образуется путем прибавления греч. приставки *δυσ-*, означающей «отрицание, затруднение, отсутствие»⁵, к греч. корню *φῆμι* со значением «молва, речь»⁶. Таким образом, исходя из происхождения слова, его можно толковать достаточно широко – как «отрицательная молва».

Что касается слова «инвектива», оно происходит от лат. *invectiva (oratio)*, в свою очередь, происходящего от лат. *invehor* – «бросаюсь, нападаю»⁷, то есть целью использования инвективы является оскорбление, выражение агрессии, выпад против адресата речи.

Исходя из этимологии терминов, нам представляется более логичным рассматривать инвективу как вид дисфемизма (например, Л. Мосиевич также относит некоторые инвективы в разряд дисфемизмов [Мосиевич 2009, с. 259]), так как не все дисфемизмы носят выраженный агрессивный характер.

В нашем исследовании в разряд инвектив могли бы попасть только те агрессивные высказыва-

⁵ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/75371/%D0%94%D0%98%D0%A1>.

⁶ URL: http://pervobraz.ru/slova/article_post/bayat.

⁷ URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0>.

ния, которые имеют адресатом политика. Но таких примеров не нашлось. Мы связываем это с ограничениями цензуры, которые действуют на новостных порталах (подтверждение этому – удаление модераторами комментариев), а также с существующим законодательством^{8,9}. Однако находится достаточное количество косвенных (написанных в третьем лице) агрессивных выпадов в адрес политиков. Такие лексические единицы мы предлагаем назвать термином «косвенная инвектива». Например, следующие комментарии к статье «Президент поручил решить вопрос обманутых дольщиков» содержат косвенную инвективу. Об агрессивном настрое комментаторов можно судить не только по выбору лексики, но и по экспрессивности синтаксису:

– *плешивая тварь* за выборы беспокоится !пути вора на нары !¹⁰ (интересно то, что этот комментарий был впоследствии удален модератором);

– Последний срок в Кремле ! Потом *этого вора* надо на нары определять ! Навального в президенты России в 2024 г. !¹¹

Мы считаем, что при анализе инвективы не всегда можно установить, по каким причинам человек выбрал то или иное слово для выражения своей агрессии. Инвектива не всегда мотивирована и прозрачна, что логично, ведь она транслирует одну из слабо контролируемых эмоций человека.

Заключение

Исходя из установленных нами различий дисфемизма, сленга, вульгаризма и инвективы, выведем собственное определение дисфемизма. Дисфемизм – это выражение негативного отношения к коммуникативной ситуации или ее участникам, которое может осуществляться посредством как литературного, так и нелитературного языка и присуще любому регистру речи.

⁸ Статья 15.1-1. Порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/079aac275ffc6cea954b19c5b177a547b94f3c48 (дата обращения: 04.06.2019).

⁹ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse - Article 29. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do;jsessionid=ECEB90A16538F0A1E7A1BD9574383967.tplgfr42s_1?idArticle=LEGIARTI000006419790&cidTexte=JORFTEXT000000877119&categorieLien=id&dateTexte= (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁰ Лента: Россия: Политика. URL: <https://lenta.ru/comments/news/2019/06/04/dolshik>.

¹¹ Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse - Article 29. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do;jsessionid=ECEB90A16538F0A1E7A1BD9574383967.tplgfr42s_1?idArticle=LEGIARTI000006419790&cidTexte=JORFTEXT000000877119&categorieLien=id&dateTexte= (дата обращения: 04.06.2019).

Наглядно представить соотношение дисфемизма, сленга, вульгаризма и инвективы с точки зрения цели их использования говорящим можно с помощью схемы (см. рис.).

Рис. Соотношение терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива»

Fig. Correlation of terms «dysphemism», «slang», «vulgarism» and «invective»

К разряду дисфемизмов могут быть отнесены некоторые сленгизмы и вульгаризмы (при условии, что они выражают негативное отношение) и все инвективы. Также дисфемизмами могут становиться нейтральные единицы. Сленг характеризуется в первую очередь высокой экспрессивностью и стремлением говорящего выйти за пределы языковых штампов. Вульгаризм всегда обладает непристойной экспрессивностью. А инвектива – дисфемизм, основная функция которого – выразить агрессию и атаковать собеседника.

При анализе этих единиц важную роль имеют контекст и экстралингвистические факторы ситуации общения.

Источники фактического материала

Коммерсантъ: сетевое издание [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/?from=logo>

Лента.ру: интернет-газета [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/>

LeFigaro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr>

Библиографический список

- Allan, Burridge 1991 – Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 263 p.
- Allan, Burridge 2006 – Allan K., Burridge K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511617881.
- Casas Gómez 2009 – Casas Gómez M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism // *Language Sciences*. 2009, 31.6, pp. 725–739. DOI: 10.1016/j.langsci.2009.05.001.
- Fisher 1995 – Fisher S. Métamorphoses: Le cri, l'interpellation, l'injure // *Faits de Langue*, 1995, no. 6, pp. 143–152. DOI: 10.3406/flang.1995.1015.
- François-Geiger 1991 – François-Geiger D. Panorama des argots contemporains // *Langue française*. 1991. № 90. *Parlures argotiques*, pp. 5–9. DOI: 10.3406/lfr.1991.6190.

- Green 1998 – *Green J.* The Cassell Dictionary of Slang. L.: Cassell, 1998. 1316 p.
- Greenough, Kittredge 1961 – *Greenough J.B., Kittredge G.L.* Words and their ways in English speech. New York: Macmillan, 1961. 431 p. URL: <https://archive.org/details/wordsandtheirwa06kittgoog>.
- Lagorgette 2002 – *Lagorgette D.* Les axiologiques négatifs sont-ils une classe lexicale? // *Représentations du Sens Linguistique*. 2002, pp. 121–136.
- Lagorgette 2012 – *Lagorgette D.* Insulte, injure et diffamation: de la linguistique au code pénal? // *Argumentation et Analyse du Discours* [En ligne], 8, 2012. URL: <https://journals.openedition.org/aad/1312>.
- Larochelle 2007 – *Larochelle M.-H.* Invectives et violences verbales dans le discours littéraire // Presses Université Laval. 2007, 234 p.
- Partridge 1933 – *Partridge E.* Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD. 1933. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766>.
- Perea 2011 – *Perea F.* Les gros mots, paradoxes entre subversion et intégration // *La lettre de l'enfance et de l'adolescence*. 2011. 83–84 (1), pp. 53–60. DOI: 10.3917/lett.083.0053.
- Schmitt 1995 – *Schmitt J.-L.* Les Images de l'Invective // *L'Invective au Moyen Age: France, Espagne, Italie: actes du colloque «L'invective au Moyen Age», Paris, 4–6 février 1993*. Presses Sorbonne Nouvelle, 1995, 272 p.
- Sourdout 1991 – *Sourdout M.* Argot, jargon, jargot // *Langue française*, 1991, no. 90, pp. 13–27. DOI: 10.3406/lfr.1991.6192.
- Амосова 1951 – *Амосова Н.Н.* К проблеме языковых стилей в английском языке // *Вестник Ленинградского ун-та*, 1951. № 5. С. 32–44.
- Арнольд 1986 – *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. школа, 1986. 295 с. URL: https://www.academia.edu/22052961/%D0%90%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B4_%D0%98%D0%92_%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0.
- Бойко 2005 – *Бойко Т.В.* Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 206 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/176793/d/?#?page=1>.
- Бушуева 2005 – *Бушуева Т.С.* Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2005. 176 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmaticheskii-aspekt-evfemizmov-i-disfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>.
- Гаевая, Никитина 2017 – *Гаевая А.А., Никитина А.Х.* Изучение дисфемии в аспекте преподавания русского языка как иностранного // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2017. №. 3 (7). С. 13–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30054471>.
- Гальперин 1958 – *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 462 с. URL: <https://studfile.net/preview/5080829>.
- Дмитриенко 2007 – *Дмитриенко Г.В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 166 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/verbalnaya-invektiva-v-angloyazychnom-leksicheskom-substandarte>.
- Егошина 2013 – *Егошина Н.Б.* Сленг в СМИ: лексикографический аспект: на материале одноязычных и двуязычных словарей: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2013. 244 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sleng-v-smi-leksikograficheskii-aspekt>.
- Жельвис 2001 – *Жельвис В.И.* Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с. URL: <http://padaread.com/?book=19822&pg=1>.
- Касарес 1958 – *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию / Х. Касарес; пер. с исп. Н.Д. Арутюновой; ред., пред. и прим. Г.В. Степанова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 355 с.
- Катенева 2013 – *Катенева И.Г.* Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы // *Вестник ЧелГУ*. 2013. № 21 (312). С. 269–276. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14689047> (дата обращения: 04.05.2019).
- Кацев 1991 – *Кацев А.М.* Эвфемизмы и просторечия. Семантический аспект // *Актуальные проблемы семасиологии*. Л.: Наука, 1991. 237 с.
- Кваскова 2016 – *Кваскова Л.В.* Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе // *Преподаватель XXI век*. 2016. № 2. С. 352–357. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnaya-taktika-v-diskurse> (дата обращения: 07.06.2019).
- Киселева 2015 – *Киселева С.А.* Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 240 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-evfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-voenno-politicheskom-diskurse-struktur>.
- Коровушкин 2005 – *Коровушкин В.П.* Основы контрастивной социолектологии: дис. ... д-ра. филол. наук. Пятигорск, 2005. 646 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/184421/d/?#?page=1>.
- Ломтева 2005 – *Ломтева Т.А.* Нестандартная лексика в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале языка романов С. Кинга: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 210 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/130670/d/?#?page=1>.
- Маковский 1982 – *Маковский М.М.* Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высшая школа, 1982. 135 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/1102457/084e76>.
- Мосиевич 2009 – *Мосиевич Л.* Дисфемизмы и языковая картина мира // *Наукові записки [Кіровоградського державного педагогічного університету імені Воєначоми Винниченка]*. Сер.: Філологічні науки. 2009. Вип. 81 (3). С. 358–362. URL: [http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LIN&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP meta&C21COM=S&S21P03=FILE=&S21STR=Nzs_2009_81\(3\)_88](http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LIN&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP meta&C21COM=S&S21P03=FILE=&S21STR=Nzs_2009_81(3)_88) (дата обращения: 11.05.2019).
- Нелюбин 2003 – *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с. URL: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_1_1_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf.
- Пономарева, Шабалина 2013 – *Пономарева О.Б., Шабалина Н.Ю.* Субстандартная семантическая

деривация: когнитивно-коммуникативный аспект: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2013. 278 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20058453>.

Резанова 2008 – Резанова А.В. Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 179 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/disfemiya-v-angliiskom-yazyke-semanticheskie-mekhanizmy-i-pragmaticheskie-funktsii>.

Синицына 2013 – Синицына Н.В. Соматические номинации в субстандартной фразеологии английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2013. 205 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/376517/d/?#?page=1>.

Хомяков 1980 – Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980. 39 с.

Швейцер 1983 – Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с. URL: <https://www.freepapers.ru/3/socialnaya-differenciatsiya-angliiskogo-yazyka-v/193691.1163880.list1.html>.

Шейгал 2000 – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa>.

Шишова 2014 – Шишова Е.В. Определение термина дисфемизм в лингвистических терминологических словарях, справочниках и энциклопедиях // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 73–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21948856>.

References

Allan, Burridge 1991 – Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991, 263 p. [in English].

Allan, Burridge 2006 – Allan K., Burridge K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511617881 [in English].

Casas Gómez 2009 – Casas Gómez M. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism. *Language Sciences*, 2009, 31.6, pp. 725–739. DOI: 10.1016/j.langsci.2009.05.001 [in English].

Fisher 1995 – Fisher S. Métamorphoses: Le cri, l'interpellation, l'injure. *Faits de Langue*, 1995, 6, pp. 143–152. DOI: 10.3406/flang.1995.1015 [in French].

François-Geiger 1991 – François-Geiger D. Panorama des argots contemporains. *Langue française*, 1991, no. 90, Parlures argotiques, pp. 5–9. DOI: 10.3406/lfr.1991.6190 [in French].

Green 1998 – Green J. The Cassell Dictionary of Slang. L.: Cassell, 1998, 1316 p. [in English].

Greenough, Kittredge 1961 – Greenough J.B., Kittredge G.L. Words and their ways in English. New York: Macmillan, 1961, 431 p. Available at: <https://archive.org/details/wordsandtheirwa06kittgoog> [in English].

Lagorgette 2002 – Lagorgette D. Les axiologiques négatifs sont-ils une classe lexicale? In: *Représentations du Sens Linguistique*, 2002, pp. 121–136 [in French].

Lagorgette 2012 – Lagorgette D. Insulte, injure et diffamation: de la linguistique au code pénal? *Argumentation*

et Analyse du Discours [En ligne], 2012, no. 8. Available at: <https://journals.openedition.org/aad/1312> [in French].

Larochelle 2007 – Larochelle M.-H. Injures et violences verbales dans le discours littéraire. Presses Université Laval, 2007, 234 p. [in French].

Partridge 1933 – Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1933. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766> [in English].

Perea 2011 – Perea F. Les gros mots, paradoxes entre subversion et intégration. *La lettre de l'enfance et de l'adolescence*, 2011, 83–84 (1), pp. 53–60. DOI: 10.3917/lett.083.0053 [in French].

Schmitt 1995 – Schmitt J.-L. Les Images de l'Injures. In: *L'Injures au Moyen Age: France, Espagne, Italie: actes du colloque «L'Injures au Moyen Age», Paris, 4–6 février 1993*. Presses Sorbonne Nouvelle, 1995, 272 p. [in French].

Sourdout 1991 – Sourdout M. Argot, jargon, jargot. *Langue française*, no. 90, Parlures argotiques, pp. 13–27. DOI: 10.3406/lfr.1991.6192 [in French].

Amosova 1951 – Amosova N.N. K probleme yazykovykh stilei v angliiskom yazyke [On the Problem of Language Styles in English Language]. *Vestnik Leningradskogo un-ta* [Vestnik of Leningrad University], 1951, no. 5, pp. 32–44 [in Russian].

Arnold 1986 – Arnold I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [Lexicology of Modern English Language: textbook for institutes and Foreign Language Faculties]. M.: Vysshaya shkola, 1986, 295 p. Available at: https://www.academia.edu/22052961/%D0%90%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B4_%D0%98%D0%92._%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0 [in Russian].

Bojko 2005 – Bojko T.V. *Evfemiya i disfemiya v gazetnom tekste: dis. ... kand. filol. nauk* [Euphemisms and dysphemisms in newspaper texts: Candidate's of Philological Sciences thesis]. SPb., 2005, 206 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/176793/d/?#?page=1> [in Russian].

Bushueva 2005 – Bushueva T.S. *Pragmaticheskii aspekt evfemizmov i disfemizmov v sovremennom angliiskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Pragmatic Aspect of Euphemisms and Dysphemisms in Modern English: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Smolensk, 2005, 176 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pragmaticheskii-aspekt-evfemizmov-i-disfemizmov-v-sovremennom-angliiskom-yazyke> [in Russian].

Gaevaya, Nikitina 2017 – Gaevaya A.A., Nikitina A.Kh. *Izuchenie disfemii v aspekte prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Studying dysphemism in the aspect of teaching Russian as a foreign language]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Issues of theory and practice], no. 3 (7), pp. 13–18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30054471> [in Russian].

Galperin 1958 – Galperin I.R. *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958, 462 p. Available at: <https://studfile.net/preview/5080829> [in Russian].

Dmitrienko 2007 – Dmitrienko G.V. *Verbal'naya invektiv v angloyazychnom leksicheskom substandarte: dis. ...*

- kand. filol. nauk [Verbal Invective in English Substandard: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Pyatigorsk, 2007, 166 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/verbalnaya-invektiva-v-angloyazychnom-leksicheskom-substandarte> [in Russian].
- Egoshina 2013 – *Egoshina N.B. Sleng v SMI: leksikograficheskii aspekt: na materiale odnoyazychnykh i dvuyazychnykh slovarei: dis. ... kand. filol. nauk* [Slang in mass media: lexicographical aspect: evidence from explanatory and bilingual dictionaries: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Yaroslavl: Yaroslavskii gos. ped. un-t im. K.D. Ushinskogo, 2013, 244 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sleng-v-smi-leksikograficheskii-aspekt> [in Russian].
- Zhel'vis 2001 – *Zhel'vis V.I. Pole brani: skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Field of bad language: ribaldry as a social problem in languages and cultures of the world]. M.: Ladomir, 2001, 349 p. Available at: <http://padaread.com/?book=19822&pg=1> [in Russian].
- Casares 1958 – *Casares J. Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu. Kh. Kasares; perevod s ispanskogo N.D. Arutyunovoi, redaktsiya, predislovie i primechaniya G.V. Stepanova* [Introduction to the Modern Lexicology. Translation from Spanish by N.D. Arutyunova, editing, preface and notes by G.V. Stepanov]. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1958, 355 p. [in Russian].
- Kateneva 2013 – *Kateneva I.G. Namerennaya disfemizatsiya tekstov kak kharakteristika kommunikativnoi politiki sovremennoi oppozitsionnoi pressy* [Intended Concentration of Dysphemisms in Texts of Oppositional Newspapers]. *Vestnik ChelGU* [CSU Bulletin], 2013, no. 21 (312), pp. 269–276. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/14689047> (accessed 04.05.2019) [in Russian].
- Katsev 1991 – *Katsev A.M. Evfemizmy i prostorechiya. Semanticheskii aspekt* [Euphemisms and popular speech. Semantical aspect]. In: *Aktual'nye problemy semasiologii* [Topical issues of semasiology]. L.: Nauka, 1991, 237 p. [in Russian].
- Kvaskova 2016 – *Kvaskova L.V. Disfemizatsiya rechi kak kommunikativnaya taktika v diskurse* [Dysphemisation of the speech as communicative tactics in discourse]. *Prepodavatel' XXI vek* [Prepodavatel XXI vek], 2016, no. 2, pp. 352–357. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnaya-taktika-v-diskurse> (accessed 07.06.2019) [in Russian].
- Kiseleva 2015 – *Kiseleva S.A. Funktsionirovanie evfemizmov v sovremenном angliiskom voenno-politicheskom diskurse: strukturno-semanticheskii i pragmaticheskii aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Functioning of euphemisms in modern English military and political discourse: structural semantic and pragmatic aspects: Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 2015, 240 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-evfemizmov-v-sovremenном-angliiskom-voenno-politicheskom-diskurse-struktur> [in Russian].
- Korovushkin 2005 – *Korovushkin V.P. Osnovy kontrastivnoi sotsiolektologii: dis. ... d-ra. filol. nauk* [Foundations of contrastive sociolectology: Doctoral of Philological Sciences thesis]. Pyatigorsk, 2005, 646 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/184421/d/?#?page=1> [in Russian].
- Lomteva 2005 – *Lomteva T.A. Nestandartnaya leksika v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte: na materiale yazyka romanov S. Kinga: dis. ... kand. filol. nauk* [Substandard vocabulary in communicative and pragmatic aspect: on the material of language of S. King's novels: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Stavropol, 2005, 210 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/130670/d/?#?page=1> [in Russian].
- Makovskii 1982 – *Makovskii M.M. Angliiskie sotsial'nye dialekty (ontologiya, struktura, etimologiya)* [English social dialects (ontology, structure, etymology)]. M.: Vysshaya shkola, 1982, 135 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/1102457/084e76> [in Russian].
- Mosievich 2009 – *Mosievich L. Disfemizmy i yazykovaya kartina mira* [Dysphemisms and World Image]. *Naukovi zapiski [Kirovograds'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Vinnichenka]. Ser.: Filologichni nauki*, 2009, Vol. 81 (3), pp. 358–362. Available at: [http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis-nbuv/cgiirbis.64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21P03=FILA=&S21STR=Nzs_2009_81\(3\)_88](http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis-nbuv/cgiirbis.64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21P03=FILA=&S21STR=Nzs_2009_81(3)_88) (accessed 11.05.2019) [in Russian].
- Nelyubin 2003 – *Nelyubin L.L. Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* [Explanatory Dictionary on Translation]. M.: Flinta: Nauka, 2003, 320 p. Available at: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_1_1_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf [in Russian].
- Ponomareva, Shabalina 2013 – *Ponomareva O.B., Shabalina N.Yu. Substandartnaya semanticheskaya derivatsiya: kognitivno-kommunikativnyi aspekt: uchebnoe posobie* [Substandard semantic derivation: cognitive communicative aspect: textbook]. Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, 278 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20058453> [in Russian].
- Rezanova 2008 – *Rezanova A.V. Disfemiya v angliiskom yazyke: semanticheskie mekhanizmy i pragmaticheskie funktsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Dysphemism in English: semantic mechanisms and pragmatic functions: Candidate's of Philological Sciences thesis]. SPb., 2008, 179 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/disfemiya-v-angliiskom-yazyke-semanticheskie-mekhanizmy-i-pragmaticheskie-funktsii> [in Russian].
- Sinitsyna 2013 – *Sinitsyna N.V. Somaticheskie nominatsii v substandartnoi frazeologii angliiskogo i russkogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk* [Somatic nominations in substandard phraseology in English and Russian: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Pyatigorsk: Pyatigor. gos. lingvist. un-t, 2013, 205 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/376517/d/?#?page=1> [in Russian].
- Khomyakov 1980 – *Khomyakov V.A. Nestandartnaya leksika v strukture angliiskogo yazyka natsional'nogo perioda: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Substandard vocabulary in the structure of English language of the national period: author's abstract of Doctoral of Philological Sciences thesis]. L., 1980, 39 p. [in Russian].
- Shveitser 1983 – *Shveitser A.D. Sotsial'naya differentsiatsiya angliiskogo yazyka v SShA* [Social differentiation of English in the USA]. M.: Nauka, 1983, 216 p. Available at: <https://www.freepapers.ru/3/socialnaya-differenciatsiya-angliiskogo-yazyka-v/193691.1163880.list1.html> [in Russian].
- Sheigal 2000 – *Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk* [Semiotics of Political Discourse: Doctoral of Philological Sciences thesis]. Volgograd, 2000, 431 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa> [in Russian].
- Shishova 2014 – *Shishova E.V. Opredelenie termina disfemizm v lingvisticheskikh terminologicheskikh slovaryakh, spravochnikakh i entsiklopediyakh* [The interpretation of dysphemism according to linguistic terminological dictionaries, reference books, and encyclopedias]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, no. 2 (36), pp. 73–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21948856> [in Russian].

СЛОВО *BROWN* КАК НАЗВАНИЕ МАСТИ ЛОШАДИ: СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА

© Миронов Михаил Владимирович – аспирант кафедры лингвистики, Государственный университет «Дубна», 141982, Российская Федерация, г. Дубна, ул. Университетская, 19.

E-mail: mikhailmironov1@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1138-5826>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению способов перевода слова *brown* как члена лексико-семантической группы «масть лошади». Целью исследования является подробное описание семантики рассматриваемого слова, подтверждаемое ссылками на определения из специальной литературы по коневодству. Также рассматриваются возможные соответствия слову *brown* среди русских названий мастей за отсутствием однозначного эквивалента. Для достижения поставленной цели проводятся корпусный анализ искомого слова и анализ данных параллельного русско-английского корпуса. Путем сравнения русских и английских определений мастей из различных источников определяется степень соответствия между словом *brown* и русскими названиями «коричневая», «бурая», «темно-бурая» и «караковая». В ходе исследования используются следующие методы: метод сплошной выборки для сбора материала из русско- и англоязычных корпусов, сравнительно-сопоставительный метод для определения степени соответствия между названиями мастей, метод анализа для обработки результатов сопоставления, метод синтеза для целостного описания вариантов перевода исследуемого слова. Материалами для изучения семантики слова *brown* служат работы по генетике мастей лошадей, реестры мастей и энциклопедии. Источниками примеров являются Национальный корпус русского языка (параллельный подкорпус) и корпус английского языка *iWeb Corpus*. Некоторые примеры сопоставлялись вручную, чем объясняется включение отдельных художественных произведений в список источников. Новизна работы заключается в уточнении существующих данных о значении слова *brown* как обозначении масти, представленных в специальной литературе. Методологическая новизна исследования заключается в применении метода корпусного анализа для изучения определенного названия масти и особенностей его употребления в художественной литературе.

Ключевые слова: английский язык, лексико-семантическая группа, масть лошади, русский язык, художественная литература, перевод.

Цитирование. Миронов М.В. Слово *brown* как название масти лошади: семантика и способы перевода // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 127–133. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-127-133>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-127-133
UDC 811.111:811.161.1

Submitted: 28/VI/2019
Accepted: 17/XI/2019

M.V. Mironov

THE WORD 'BROWN' AS A HORSE COLOUR NAME: SEMANTICS AND WAYS OF TRANSLATION

© Mironov Mikhail Vladimirovich – postgraduate student of the Department of Linguistics, Dubna State University, 19, Universitetskaya Street, Dubna, 141982, Russian Federation.

E-mail: mikhailmironov1@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1138-5826>

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of translation of the word “brown” as a member of the lexico-semantic group ‘horse colour’. This study aims at comprehensive description of the semantics of the said word, supported with references to definitions from specialized literature on horse genetics. The article also describes the possible variants of translation of the word ‘brown’ into Russian, since there is no single equivalent. To achieve this goal, the word in question is analyzed with the use of an English and parallel Russian-English corpora. The degree of equivalence of the word ‘brown’ and its Russian counterparts is established through comparison of word definitions from different sources. This study is carried out with the use of the following methods: the method of continuous sampling for data collection from English and Russian corpora, the comparative method for establishing the degree of equivalence among horse colour names, the method of analysis for processing the results of the comparison, the method of synthesis for comprehensive description of the ways of translation of the word ‘brown’. The materials for this study include works on horse colour genetics, horse colour reference charts and encyclopedias. The examples are provided by the Russian National Corpus (parallel subcorpus) and the iWeb Corpus of the English language. Some examples have been processed without the use of a corpus, which is reflected in the inclusion of works of fiction to the reference list. This study adds new information to the available data on the word ‘brown’ as a horse colour name. The methodological novelty of this work is the use of the corpora to analyze a specific horse colour name and its representation in fiction.

Key words: English language, lexico-semantic group, horse colour, Russian language, literary text, translation.

Citation. Mironov M.V. *Slovo ‘brown’ kak nazvanie masti loshadi: semantika i sposoby perevoda* [The word ‘brown’ as a horse colour name: semantics and ways of translation]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 127–133. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-127-133> [in Russian].

Введение

Изучение структуры и состава лексических объединений различного уровня является способом описания лексической структуры языка. А.А. Уфимцева выделяет множество подобных объединений, каждое из которых имеет свой предмет, цели и методы исследования: тематические, терминологические, этимологические группы и т. д. [Уфимцева 2004, с. 133–136]. Особое место среди этих объединений занимают лексико-семантические группы (ЛСГ). А.А. Уфимцева отмечает, что «ЛСГ не может быть единицей словарной структуры языка» по трем причинам. Во-первых, границы ЛСГ являются условными. Отграничение группы может производиться по всему объему значений слова или же по некоторым значениям. Кроме того, границы ЛСГ изменяются в ходе исторического развития языка. Во-вторых, «слова, будучи включены в тот или другой синонимический ряд или ЛСГ, не создают новых языковых единиц, в то время как соединение двух или нескольких морфем образует новую единицу» [Уфимцева 2004, с. 139]. В-третьих, разные стороны языка тесно связаны и порождают множество

смешанных типов отношений слов, которые невозможно свести «к нескольким характерным моделям и эталонам» [Уфимцева 2004, с. 141–142]. Таким образом, ЛСГ нельзя рассматривать как единицу измерения структуры языка. Однако А.А. Уфимцева утверждает, что структура языка находит отражение в ЛСГ, эти группы необходимо исследовать, «когда ставится задача выявить внутренние связи слов в пределах семантической системы языка, определить структуру и специфические смысловые связи последней» [Уфимцева 2004, с. 136–137].

Богатый материал для исследований представляет ЛСГ «масть лошади», так как это крупное объединение со сложной организацией, включающей лексико-семантические подгруппы. Классификации мастей лошадей представлены в специальной литературе, посвященной генетике [Курская 2012; Sponenberg 2009]. Сопоставление русско- и англоязычной классификаций было отражено в словаре мастей лошадей В.А. Курской [Курская 2012].

Между русскими и английскими названиями не существует однозначного соответствия.

ЛСГ «масть лошади» частично пересекается с ЛСГ «цвет». В английском языке для описания лошадей используются, например, следующие слова: *black, brown, grey*. В русском языке применяются слова «серая», «рыжая», «бурая» и др. При переводе следует обращать внимание на ситуацию, в которой используются подобные слова, так как они могут обозначать как цвет, так и масть.

Данная статья посвящена изучению семантики английского слова *brown*, используемого по отношению к лошадям. Также в статье рассматриваются способы перевода этого слова в художественной литературе. Методы, используемые для исследования, включают: метод сплошной выборки – для сбора материала из русско- и англоязычных корпусов; сравнительно-сопоставительный метод – для определения степени соответствия между названиями мастей; метод анализа – для обработки результатов сопоставления; метод синтеза – для целостного описания вариантов перевода исследуемого слова. Исследование проводится на основе литературы по генетике мастей лошадей, реестров мастей и энциклопедий по коневодству. Источником данных по частотности и сочетаемости слова *brown* служит корпус английского языка *iWeb Corpus*. Источниками примеров являются Национальный корпус русского языка (параллельный подкорпус) и корпус английского языка *iWeb Corpus*.

Прежде чем начать рассмотрение заявленных вопросов, необходимо определить научный контекст проблемы. Названия мастей лошадей (гиппологические цветообозначения или гиппологизмы, по терминологии Г.Ф. Одинцова) неоднократно становились объектом исследований. Их изучению посвящена работа Г.Ф. Одинцова [Одинцов 1978] и диссертация С.Д. Клейнер [Клейнер 2011], в которых рассматривается этимология названий мастей в русском и латинском языке соответственно. Объектами исследования также становятся названия мастей в башкирском [Ягафарова 2011], калмыцком [Бачаева 2016], татарском [Исхакова 2008], тувинском [Куулар 2017], якутском [Борисова 2013] языках. Однако в контексте данного исследования особый интерес представляют работы, посвященные сопоставлению названий мастей в разных языках, например русском и французском [Питка 2017], татарском и французском [Фахретдинов 2018]. Также в данной статье внимание уделяется отражению названий мастей в художественной литературе и особенностям их перевода. Аналогичные исследования уже проводились. Например, работа Ю.В. Лиморенко посвящена «анализу переводов наименований масти коня в эпическом тексте» [Лиморенко 2018, с. 56].

Приступая к изучению названий мастей, необходимо в первую очередь определить сущность того объединения, которое они образуют. С.Д. Клейнер в диссертации «Проблемы этимологии латинских лексем, обозначающих конскую масть» отмечает, что названия мастей можно рассматривать в качестве народной таксономии и в

качестве терминологии [Клейнер 2011, с. 6–9]. С одной стороны, названия мастей как народная таксономия классифицируются по внешним признакам, кажущимся существенными, и являются подсистемой внутри поля «цветообозначения». С другой стороны, названия мастей «обладают набором характеристик, которые позволяют назвать их терминами, а набор таких лексем – как таксономии, представляющие предметный класс “масть лошади”» [Клейнер 2011, с. 9].

Следует помнить, что названия мастей и отметин не вполне соответствуют общеупотребительным обозначениям цвета: «белая» лошадь, строго говоря, не является белой; слово «бурая» обозначает определенный окрас, а не темно-коричневый цвет; «звезда» на лбу лошади по форме может быть совсем не похожа на звезду [Клейнер 2011, с. 17].

iWeb Corpus предлагает следующую информацию по запросу *brown*: частотность – 2582; количество употреблений – 498949. Эти данные наглядно демонстрируют, что слово *brown* является распространенным цветообозначением. Оно может употребляться для описания самых разнообразных объектов: *brown hair* (21454 употребления), *brown eye* (18087), *brown leather* (7903); в качестве составной части терминов: *brown sugar* (39332), *brown bear* (6541), *brown bread* (3407). Также при помощи корпуса были найдены словосочетания, в которых искомое слово употребляется для описания цвета или масти лошади: *brown horse* (235), *brown colt* (37), *brown mare* (26), *brown stallion* (15), *brown filly* (8), *brown foal* (8). Здесь представлены только точные соответствия запросам.

В.А. Курская отмечает, что применительно к лошадям слово *brown* может переводиться по-разному [Курская 2012]. Это слово может быть использовано как в качестве названия масти, так и для обозначения цвета лошади. Далее представлены основные варианты перевода искомого слова на русский язык и даны комментарии об особенностях их употребления с учетом того, что в русском языке слово «коричневая» не является названием масти.

***Brown* как цвет – «коричневая»**

Поскольку множество лошадиных мастей, например *chestnut* (рыжая), *bay* (гнедая), *fading black* (вороная в загаре), могут быть описаны наблюдателем как коричневые, всех их можно обозначить словом *brown* в его наиболее распространенном значении – «коричневая». Разумеется, в тексте, посвященном коневодству, это создало бы неоднозначность и привело бы к коммуникативной неудаче. Однако в разговорной речи или художественной литературе подобное использование слова *brown* вполне уместно. В качестве иллюстраций можно привести предложения, найденные в корпусе английского языка *iWeb Corpus* (авторская орфография и пунктуация сохранены):

I painted a brown horse pretty effectively, but I'm really uncomfortable with painting the white horse

(iWeb Corpus). В этом примере речь идет о покрашке миниатюр. Скорее всего, автор ведет речь об цвете лошади, а не о масти.

So far i've only seen the generic brown horse mount, the white version that can be acquired by pre-ordering the game... (iWeb Corpus). Автор говорит о лошади из компьютерной игры, указывая, что это обыкновенное животное коричневого цвета.

In the background on the hill there are two Rohan riders on horseback, one on a brown horse, one on a white horse... (iWeb Corpus). В этом примере речь идет о статистах из фильма «Властелин колец», действующих на заднем плане в одной из сцен.

Во всех этих примерах слову *brown* противопоставляется *white*. Поскольку *white* не является названием масти, можно предположить, что и *brown* употребляется в качестве обозначения цвета лошади.

This is important a bay is a brown horse with a black mane/tail/and legs (iWeb Corpus). Здесь рассматриваемое слово используется для описания масти *bay* (гнедая): коричневое тело, черные грива, хвост и ноги.

В русском языке в аналогичных ситуациях может использоваться слово «коричневая». Примеры из художественной литературы:

Я впервые обратил внимание на то, как сочетаются цвета и переходят один в другой, как коричневая лошадь может казаться лиловой (Д. Самойлов. Общий дневник, НКРЯ).

Вот они усаживаются в старенький пропыленный тарантас с дырявым тентом над головой, и старый улыбающийся татарин дергает вожжси, и две коричневые лошади цокают по ялтинским улочкам. (Б. Окуджава. Упраздненный театр, НКРЯ).

В этих примерах обозначается цвет лошадей.

Brown как цвет или масть – «бурая, темно-бурая»

Иногда бывает трудно определить, что обозначает слово *brown* – цвет лошади (в таких случаях переводить его следует как «коричневая» или «бурая») или определенную масть. В приведенных ниже примерах из англоязычной художественной литературы оно может означать и то и другое:

Then she sat down on this big, brown, beat-up-looking old horse. (J.D. Salinger. The Catcher in the Rye) – *Потом выбрала самую большую лошадь – потрепанную такую, старую, грязно-бурую.* (Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи (пер. Р. Райт-Ковалевой, НКРЯ).

It was a curious little green box on four wheels, with a low place like a wine-bin for two behind, and an elevated perch for one in front, drawn by an immense brown horse, displaying great symmetry of bone. (C. Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club) – *Это был диковинный зеленый ящичек на четырех колесах, с низким двухместным сиденьем, напоминающим плетенку для винных бутылок, с высоким насестом впереди для одного человека, влекомый гигантской бурой ло-*

шадью, которая обнаруживала великолепный по своей симметрии костяк (Ч. Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба (пер. А.В. Кривцовой, Е.Л. Ланн, НКРЯ).

В соответствующих текстах перевода *brown* передается как «грязно-бурая» (не является названием масти) и «бурая» (может использоваться и в качестве названия цвета, и как название масти). В русском языке бурая масть лошади – это темная разновидность рыжей масти [Холдернесс-Роддам 2015]. Переводить это название можно как *dark chestnut* («темно-рыжая»). В.А. Курская обращает внимание на то, что нельзя переводить *brown*, как «бурая», если речь идет о масти лошади [Курская 2012]. Следовательно, если в оригинале *brown* использовалось в качестве обозначения масти, то перевод этого слова как «бурая» может быть интерпретирован двумя способами: 1) «бурая» описывает масть, и это пример замены одного термина другим; 2) «бурая» обозначает цвет лошади, и это описательный перевод. Если же в оригинале речь шла о цвете лошади, то передача *brown* как «бурая» будет примером буквального перевода («бурая» здесь – название цвета).

Как отмечает В.А. Курская, в некоторых случаях *brown* «обозначает темно-бурую масть, но это большая редкость» [Курская 2012]. Следовательно, в английском языке иногда выделяется темная разновидность темно-рыжей масти.

Brown как масть – «караковая»

В.А. Курская пишет: «Если речь идет не о цвете отдельно взятых волосков или части тела лошади, а о масти, это слово (*brown*) традиционно обозначает масть, среднюю по цвету между вороной и гнедой. Такой фенотип может быть результатом действия совершенно разных генетических механизмов, поэтому переводчику придется в значительной мере ориентироваться на контекст» [Курская 2012]. Д.Ф. Споненберг включает в группу *brown* следующие разновидности окраса: *brown, brown-black, seal brown* [Sponenberg 2009, с. 26]. Примером употребления *brown* в качестве обозначения масти является следующий фрагмент специализированного текста:

Though they are recognized by APHA as a separate color, brown horses are also genetically controlled by the E gene. Brown horses have black or nearly black coats with brown or reddish hairs on the muzzle or flanks [APHA, с. 10].

Различные классификации мастей и реестры лошадиных пород по-разному определяют место масти, обозначаемой словом *brown*. Гены, ответственные за появление этого окраса, не изучались подробно [Bailey 2013, р. 40]. Далеко не все признают *brown* за отдельную масть. В некоторых реестрах лошадиных пород она причислена к подвидам масти *bay* (гнедая) [Copeland; Introduction to Coat Color Genetics]. Согласно другим классификациям, *brown* является особой мастью. «Чаще всего, – пишет В.А. Курская, – под этим терми-

ном понимается темно-гнедая масть, реже, обычно в научной литературе, посвященной генетике, и в США так называют караковую» [Курская 2012].

Так, *American Quarter Horse Association (AQHA)* выделяет *brown* в качестве особой масти, относя к этой группе коричневых лошадей с черными гривой и хвостом. Согласно реестру *AQHA*, лошадь масти *brown* с коричневыми гривой и хвостом можно легко принять за рыжую. Многие лошади, зарегистрированные как *brown*, на самом деле являются нетипично окрашенными гнедыми, булаными, вороными или вороными в загаре. Внутри группы *brown* в этой классификации выделяется подгруппа *seal brown*, к которой причислены лошади, отличающиеся равномерным темным окрасом тела, черными гривой и хвостом (отмечается, что это распространенный, но необязательный признак) [AQHA, с. 5].

Описание подгруппы *seal brown*, приводимое в классификации *AQHA*, напоминает описание караковой масти. Она отличается черным цветом шерсти с четко выделяющимися рыжими или коричневыми подпалинами, которые могут располагаться на морде, вокруг глаз, на животе, в паху и других местах [Спектор 2017, с. 30]. В.А. Курская отмечает, что термин *seal brown* может использоваться как раз для обозначения караковой масти, но он употребляется редко [Курская 2012]. Д.Ф. Споненберг определяет окрас *seal brown* как *a color approaching black, but with lighter red or tan areas in a distinct pattern over the muzzle, eyes, flanks, and insides of upper legs* [Sponenberg 2009, с. 26]. Это определение точно соответствует описанию караковой масти, приведенному выше.

В прошлом караковая рассматривалась как разновидность гнедой. В.И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» дает следующее определение караковой: «...темно-гнедой, почти вороной, с подпалинами, желтизною на морде и в пахах» [Даль 2006, с. 92]. С.П. Урусов также относит караковую масть к подвидам гнедой как наиболее темную ее разновидность. Он описывает караковую так: «...почти воронья, с подпалинами на пахах и морде» [Урусов 1911, с. 196]. Отнесением караковой к подвидам гнедой масти можно объяснить следующий пример перевода:

– *Что, соскучился, соскучился, дурачок? – говорил Никита, отвечая на слабое приветственное ржанье, с которым встретил его среднего роста ладный, несколько вислозадый, караковый, мухортый жеребец, стоявший один в хлевушке.* (Л.Н. Толстой. Хозяин и работник, НКРЯ) – *'What, feeling lonely, feeling lonely, little silly?' said Nikita in answer to the low whinny with which he was greeted by the good-tempered, medium-sized bay stallion, with a rather slanting crupper, who stood alone in the shed* (L. Tolstoy. Master and Man. Translated by Louise and Aylmer Maude, НКРЯ).

Если рассматривать караковую как подвид гнедой, то использование в тексте перевода слова *bay* (гнедая) будет примером генерализации – замены

оригинального понятия гиперонимом (более широким по смыслу понятием).

В деннике, перебирая ногами по свежей соломе, стояла караковая лошадь с намордником. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, НКРЯ) – *In the horse-box stood a dark bay mare, with a muzzle on, picking at the fresh straw with her hoofs.* (L. Tolstoy. Anna Karenina. Translated by Constance Garnett, НКРЯ).

В этом примере также имеет место генерализация, но использованный при переводе термин уже по смыслу, чем «гнедая». Караковая здесь рассматривается, как разновидность *dark bay* (темно-гнедой), которая, в свою очередь, является разновидностью *bay* (гнедой).

Существуют названия, для которых «караковая» является гиперонимом, что подтверждается следующими примерами:

Через несколько минут на идеально выезженной темно-караковой лошади выехал сам знаменитый ездок Химец и повел нас за собой на первую пробную парфосную охоту по искусственному следу. (А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю, НКРЯ).

Вместе с названием масти могут использоваться названия отметин или особенностей окраса («в яблоках», «в масле»), также уточняющие внешний вид описываемого животного:

К нему подошла хлебница, тонконогая балованная кобыла Звезда, караковая в яблоках, наставляла ушки и бархатными губами искала хлеба. (А.Н. Толстой. Детство Никиты, НКРЯ) – *Star, a spoiled, thin-legged, dapple-grey mare, came towards him, her ears erect and her velvet lips hunting for bread.* (A. Tolstoy. Nikita's Childhood; Tolstoy 1957, с. 98). В этом примере перевода произведена частичная замена: слово «караковая» передано как *grey* (серая), а элемент «в яблоках» передан эквивалентно (*dapple, dappled*). Масть в переводе изменилась, а тип отметин сохранился.

Ее собственный, красивый караковый в «масле» мерин Барс, пеня удила, натянутые ее твердой рукой, забирал более и более хода, мчась по мягкой, росистой дороге проселка. (Г.П. Данилевский. Сожженная Москва, НКРЯ) – *Aurora was riding Barss, a magnificent bay horse, and keeping it well in hand, though the noble animal, shaking its bit, accelerated its pace more and more, prancing on the soft dewy path across the fields.* (G.P. Danilevski. Moscow in Flames) [Danilevski 1917, с. 33]. Здесь при переводе используется *bay* (гнедая). Как было упомянуто выше, в прошлом караковая считалась подвидами гнедой. Если принять эту точку зрения, то данный пример представляет случай генерализации. Если же рассматривать караковую как отдельную масть, то это пример замены одного термина другим.

Выводы

Подводя итоги, можно выделить следующие способы перевода слова *brown*:

«Коричневая» – используется для описания цвета лошади. «Коричневая» не является названием масти.

«Бурая» – используется для описания цвета лошади. Бурая масть в русском языке обозначает темную разновидность рыжей, и на английском ей соответствует *dark chestnut*.

«Темно-бурая» – используется для обозначения масти. Употребляется редко.

«Караковая» – используется для обозначения масти. Перевод *brown* как «караковая» является примером конкретизации, так как группа *brown* включает помимо каракового и другие окрасы. Более точный термин для обозначения караковой масти – *seal brown*.

Сопоставляя слова, составляющие лексико-семантическую группу «масть лошади» в русском и английском языках, можно обнаружить много примеров пересечения и несоответствия значений. Исследование семантики слова *brown* в качестве цветообозначения и названия масти является частью более масштабного изучения соответствующих ЛСГ и их составляющих.

Источники фактического материала

iWeb – *iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus*. URL: <https://corpus.byu.edu/iweb> (дата обращения: 05.01.2019).

Tolstoy 1957 – *Tolstoy A. Nikita's Childhood*. M.: Foreign Languages Publishing House, 1957. 126 p.

Даль 2006 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И–О. М.: РИПОЛ классик, 2006. 784 с. (Золотая коллекция). URL: <https://www.prlib.ru/item/457655>.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.01.2019).

Библиографический список

APHA – *American Paint Horse Association's Guide to Coat Color Genetics*. – APHA. URL: <http://press.apha.com/pdfs/guidebooks/ColorGenGuide.pdf> (дата обращения: 07.04.19).

American Quarter... – *American Quarter Horse Color Coat Genetics: Reference Chart*. 20 p. URL: <https://www.aqha.com/news-and-publications/e-books/free-ebooks/quarter-horse-markings-and-color-genetics>.

Bailey, Brooks 2013 – *Bailey E., Brooks S.A.* Horse genetics. 2nd edition. CABI, 2013. 272 p.

Copeland – *Copeland S.M.* A Guide to Equine Color Genetics and Coat Color. URL: https://practicalhorsemanmag.com/health-archive/a-guide-to-equine-color-genetics-and-coat-color_120610-11524 (дата обращения: 05.01.2019).

Danilevski 1917 – *Danilevski G.P.* Moscow in Flames. Translated from the Russian by Dr. A.S. Rappoport. New York: Bretano's, 1917. 318 p. Available at: <https://archive.org/details/moscowinflamestr00daniuoft>.

Introduction... – *Introduction to Coat Color Genetics*, UC Davis Veterinary Genetics laboratory. URL: <https://www.vgl.ucdavis.edu/services/coatcolor.php> (дата обращения: 05.01.2019).

Sponenberg 2009 – *Sponenberg D.P.* Equine Color Genetics, 3rd edition. Wiley-Blackwell, 2009, 296 p.

Бачаева 2016 – *Бачаева С.Е.* Толкования наименований масти лошадей // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 1. С. 202–211. DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-202-211.

Большая... 2015 – *Большая иллюстрированная энциклопедия. Лошади* / Джейн Холдернесс-Роддам [и др.]; ил. Кэррол Винсер; пер. с англ. М. Кульневой. М.: Издательство АСТ, 2015. 222, [2] с.: ил. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3101622/97cdb6>.

Борисова 2013 – *Борисова И.З.* Особенности номинации масти лошадей в якутском языке и их перевода на русский и французский языки // Вестник БГУ. 2013. № 10. С. 83–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20353549>.

Исхакова 2008 – *Исхакова Г.А.* О названиях мастей лошадей в татарском языке // Вестник ЧГУ. 2008. № 3. С. 151–154. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11846752>.

Курская 2012 – *Курская В.А.* Материалы к англо-русскому словарю мастей // Курская В.А. Масти лошадей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Известия, 2012. 480 с.

Клейнер 2011 – *Клейнер С.Д.* Проблемы этимологии латинских лексем, обозначающих конскую масть: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. СПб., 2011. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemy-etimologii-latinskikh-leksem-oboznachayushchikh-konskuyu-mast/read>.

Куулар 2017 – *Куулар Е. М.–О.* Лексемы, обозначающие масти лошадей в тувинском языке // МНКО. 2017. № 6 (67). С. 441–442. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32235271>.

Лиморенко 2018 – *Лиморенко Ю.В.* Масть коня в эпосе: проблемы и особенности перевода // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2018. № 3 (11). С. 56–62. DOI: 10.25587/SVFU.2018.11.16940.

Одинцов 1978 – *Одинцов Г.Ф.* К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка / отв. ред. Р.И. Аванесов. М.: Наука, 1978. С. 172–220. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/1017795/538d96>.

Питка 2017 – *Питка Я.А.* Особенности цветообозначения мастей лошади в русском и французском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 2 (77). С. 102–108. DOI: 10.23859/1994-0637-2017-2-77-15.

Спектор 2017 – *Спектор А.А.* Лошади: Большая энциклопедия. М.: АСТ, 2017. 256 с.: ил. (Энциклопедия). URL: <https://avidreaders.ru/book/loshadi-bolshaya-enciklopediya-1.html>.

Урусов 1911 – *Урусов С.П.* Книга о лошади. Том II. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1911. 642 с.

Уфимцева 2004 – *Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы: (на материале англ. яз.). Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, 2004. 286, [1] с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19789265>.

Фахретдинов 2018 – *Фахретдинов Р.М.* Некоторые особенности цветовосприятия во французском и татарском языках // Казанский лингвистический журнал. 2018. № 3 (3). С. 32–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/18042421>.

Ягафарова 2011 – Ягафарова Г.Н. Номинация по цвету в коневодческой лексике башкирского языка // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 1 (28). С. 70–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14107522>.

References

- APHA – American Paint Horse Association's Guide to Coat Color Genetics – APHA. Available at: <http://press.apha.com/pdfs/guidebooks/ColorGenGuide.pdf> (accessed 07.04.2019) [in English].
- American Quarter... – American Quarter Horse Color Coat Genetics: Reference Chart. 20 p. Available at: <https://www.aqha.com/news-and-publications/e-books/free-ebooks/quarter-horse-markings-and-color-genetics> [in English].
- Bailey, Brooks 2013 – Bailey E., Brooks S.A. Horse genetics. 2nd edition. CABI, 2013. 272 p. [in Russian].
- Copeland – Copeland S.M. A Guide to Equine Color Genetics and Coat Color. Available at: https://practicalhorsemanmag.com/health-archive/a_guide_to_equine_color_genetics_and_coat_color_120610-11524 (accessed 05.01.2019) [in English].
- Danilevski 1917 – Danilevski G.P. Moscow in Flames. Translated from the Russian by Dr. A.S. Rappoport. New York: Bretano's, 1917, 318 p. Available at: <https://archive.org/details/moscowinflamestr00daniuoft> [in English].
- Introduction... – Introduction to Coat Color Genetics, UC Davis Veterinary Genetics laboratory. Available at: <https://www.vgl.ucdavis.edu/services/coatcolor.php> (accessed 05.01.19) [in English].
- Sponenberg 2009 – Sponenberg D.P. Equine Color Genetics, 3d edition, Wiley-Blackwell, 2009. 296 p. [in English].
- Bachaeva 2016 – Bachaeva S.E. Tolkovaniya naimenovaniy masti loshadei [Interpretations of Horse Coat Color Names]. Vestnik KIGI RAN [Oriental Studies], 2016, no. 1, pp. 202–211. DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-202-211 [in Russian].
- Bol'shaya 2015 – Bol'shaya illyustrirovannaya entsiklopediya. Loshadi. Dzhain Kholderness-Roddam [i dr.]; il. Kerol Vinser; per. s angl. M. Kul'nevoi [Jane Holderness-Roddam [et al.]. Big Illustrated Encyclopedia of Horses. Illustrated by Carol Winser; translated from English by M. Kulneva. M.: Izdatel'stvo AST, 2015, 222, [2] p.: with illustrations. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3101622/97cdb6> [in Russian].
- Borisova 2013 – Borisova I.Z. Osobennosti nominatsii masti loshadei v yakutskom yazyke i ikh perevoda na russkii i frantsuzskii yazyki [The peculiarities of the horse coat color naming in the Yakut language and its translation into the Russian and French languages]. Vestnik BGU [Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy], 2013, no. 10, pp. 83–88. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20353549> [in Russian].
- Iskhakova 2008 – Iskhakova G.A. O nazvaniyakh mastei loshadei v tatarskom yazyke [On the Tatar names of colours of horses coat]. Vestnik ChGU [Bulletin of the Chuvash University], 2008, no. 3, pp. 151–154. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11846752> [in Russian].
- Kurskaya 2012 – Kurskaya V.A. Materialy k anglo-russkomu slovaryu mastei [Materials to the English-Russian dictionary of horse colours]. In: Kurskaya V.A. Masti loshadei. 2-e izd., ispr. i dop. [Horse colours. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Izvestiya, 2012, 480 p. [in Russian].
- Kleiner 2011 – Kleiner S.D. Problemy etimologii latinskikh leksem, oboznachayushchikh konskuyu mast': avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 [Problems of etymology of Latin lexemes denoting horse color: author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.20]. SPb., 2011, 26 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/problemy-etimologii-latinskikh-leksem-oboznachayushchikh-konskuyu-mast/read> [in Russian].
- Kuular 2017 – Kuular E. M–O. Leksemy, oboznachayushchie masti loshadei v tuvinskom yazyke [Lexemes denoting the color of a horse in the Tuvan language]. MNKO [World of science, culture and education], 2017, no. 6 (67), pp. 441–442. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32235271> [in Russian].
- Limorenko 2018 – Limorenko Yu.V. Mast' konya v epose: problemy i osobennosti perevoda [Horse coat colors in the epic: problems and peculiarities of translation]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya «Eposovedenie» [Vestnik of North-Eastern Federal University Epic studies], 2018, no. 3(11), pp. 56–62. DOI: 10.25587/SVFU.2018.11.16940 [in Russian].
- Odintsov 1978 – Odintsov G.F. K istorii russkikh gippologicheskikh tsvetooboznachenii [On the history of Russian horse color names]. In: Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka. Otv. red. R.I. Avanesov [Studies on word-formation and lexicology of the Old Russian language. R.I. Avanesov (Ed.)]. M.: Nauka, 1978, pp. 172–220. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/1017795/538d96> [in Russian].
- Pitka 2017 – Pitka Ya.A. Osobennosti tsvetooboznacheniya mastei loshadei v russkom i frantsuzskom yazykakh [Peculiarities of colour naming of equine coat colours in Russian and French languages]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin], 2017, no. 2 (77), pp. 102–108. DOI: 10.23859/1994-0637-2017-2-77-15 [in Russian].
- Spector 2017 – Spector A.A. Loshadi: Bol'shaya entsiklopediya [Horses: Big Encyclopedia]. M.: AST, 2017, 256 p.: with illustrations. (Encyclopedia). Available at: <https://avidreaders.ru/book/loshadi-bolshaya-enciklopediya-1.html> [in Russian].
- Urusov 1911 – Urusov S.P. Kniga o loshadei. Tom II. 3-e izd., ispr. i dop. [The Book about the Horse. Vol. 2, 3rd edition, revised and enlarged]. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo Deyatel', 1911, 642 p. [in Russian].
- Ufimtseva 2004 – Ufimtseva A.A. Opyt izucheniya leksiki kak sistemy: (na materiale angl. yaz.). Izd. 2-e, ispr. [Experience in the study of vocabulary as a system: (on the material of the English language). 2nd edition, revised]. M.: URSS, 2004, 286 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19789265> [in Russian].
- Fakhretdinov 2018 – Fakhretdinov R.M. Nekotorye osobennosti tsvetovospriyatiya vo frantsuzskom i tatarskom yazykakh [Features of color perception in the French and Tatar languages]. Kazanskii lingvisticheskii zhurnal [Kazan linguistic journal], 2018, no. 3 (3), pp. 32–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/18042421> [in Russian].
- Yagafarova 2011 – Yagafarova G.N. Nominatsiya po tsvetu v konеводcheskoi leksike bashkirskogo yazyka [Nomination of color in the horse breeding vocabulary of the Bashkir language]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin], 2011, no. 1 (28), pp. 70–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14107522> [in Russian].

Н.К. Данилова

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ СЕТИ ДИСКУРСА

© Данилова Нина Константиновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: danilova_nina@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8854-2650>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию и исследованию особых структурных образований в дискурсе, отличающихся от линейных референциальных структур, интенциональных сетей, участие которых необходимо для реализации авторских интенций. Лишенные ядра интенциональные сети служат репрезентации когнитивного плана изложения, связывая референтную основу изложения с сетевой структурой, создающей условия для регулирования процессов понимания сообщения.

Материальную базу интенциональных сетей образуют языковые средства с недескриптивной семантикой, функциональное предназначение которых заключается в прагматической акцентуации фрагментов изложения, наиболее значимых для формирования смысла и для создания «поля понимания», содержащего необходимые для взаимопонимания участников общения когнитивные и коммуникативные ориентиры.

Преимущественный интерес к процессам планирования, производства и понимания речевых актов в когнитивной прагматике выделяет проблему системности концептуальных моделей знания (индивидуальных и конвенциональных), наличие которых является условием понимания. Менее значительное внимание уделяется при этом системности языковых процессов, представляющей, по нашему мнению, основной интерес для лингвистики. Современное состояние знаний требует дальнейшей дифференциации и разграничения в дискурсивном процессе жестких алгоритмических процедур и структур гибких, позволяющих вносить в ходе создания текста изменения в стратегическую программу, реализуемую автором текста.

Исследование речевых произведений позволяет выделить в них структурные образования двух типов, линейную и сетевую структуры. В отличие от централизованной последовательности пропозиций интенциональная сеть создается множеством центров, гибкость элементов сети обусловлена многослойностью субъектной перспективы, имеющей несколько уровней организации. Грамматический уровень представлен грамматическим субъектом, семантический (пропозициональный) – определенным типом агенса, когнитивный – субъектом рефлексии или перцепции. Коммуникативный (прагматический) уровень позволяет сделать выбор между субъектом речи (адресантом), адресантом и наблюдателем (внешним участником коммуникации). В узлах сети используются различные комбинации перспектив, что создает уникальные возможности для управления процессами понимания в условиях дистанцированной коммуникации.

Ключевые слова: интенциональная сеть, модусная семантика, прагматическая структура, концептуальный план, стратегическая программа.

Цитирование. Данилова Н.К. Интенциональные сети дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 134–139. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-134-139>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

INTENTIONAL NETWORKS OF DISCOURSE

© Danilova Nina Konstantinovna – Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: danilova_nina@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8854-2650>

ABSTRACT

The article is devoted to the description and study of special structural formations in the discourse that differ from linear referential structures, intentional networks, the participation of which is necessary for the implementation of author's intentions. The intentional networks deprived of the nucleus serve as representations of the cognitive presentation plan, linking the reference basis of the presentation with the network structure that creates the conditions for regulating the processes of message understanding.

The material base of intentional networks is formed by language tools with non-descriptive semantics, the functional purpose of which is to pragmatically accentuate the fragments of the presentation that are most significant for the formation of meaning, and to create a “field of understanding” containing the necessary cognitive and communicative orientations for the participants to communicate.

The predominant interest in the processes of planning, production and understanding of speech acts in cognitive pragmatics highlights the problem of systematic conceptual knowledge models (individual and conventional), the presence of which is a condition of understanding. Less attention is paid to the systematic nature of language processes, which, in our opinion, is of primary interest to linguistics. The current state of knowledge requires further differentiation and differentiation in the discursive process of rigorous algorithmic procedures and flexible structures, which allow making changes to the strategic program implemented by the author of the text during the creation of the text.

The study of speech works makes it possible to distinguish structural formations of two types in them, linear and network structures. In contrast to the centralized sequence of propositions, the intentional network is created by many centers, the flexibility of the network elements is due to the multilayered subjective perspective, which has several levels of organization. The grammatical level is represented by the grammatical subject, the semantic (propositional) – by a certain type of agent, the cognitive – by the subject of reflection or perception. The communicative (pragmatic) level allows you to make a choice between the subject of speech (addressee), the addressee and the observer (external participant in communication). The network nodes use various combinations of perspectives, which creates unique opportunities for managing the processes of understanding in the conditions of remote communication.

Key words: intentional network, modus semantics, pragmatic structure, conceptual plan, strategic program.

Citation. Danilova N.K. *Intentsional'nye seti diskursa* [Intentional Networks of Discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 134–139. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-134-139> [in Russian].

*Внутри одной и той же интенциональной цели
нужно строго разграничивать целимую вещь, цель
(Gemeinte) и манеру прицела (Art des Meinens)*
Жак Деррида

Введение

Современное языкознание рассматривает в качестве одного из основных онтологических объектов исследования *дискурс*, демонстрируя вместе с тем благодаря разнообразию подходов заметные расхождения в понимании этого феномена. Не касаясь весьма запутанной истории этого вопроса, отметим свою приверженность трактовке дискурса как процесса, условиями реализации которого являются структура коммуникативной среды (практики) и наличие продуманного (стратегиче-

ского) когнитивного плана, включающего цель общения.

Фундаментальные исследования по теории дискурса акцентируют необходимость выделения *когнитивного представления* дискурса, отражением которой становится прагматическая макроструктура («правила семантического отображения»), в строении которой находит отражение динамика авторской мысли [Дейк 2000, с. 5, 42]. Прагматическая макроструктура конкурирует с макроструктурой, созданной последовательностью пропозиций, и воспринимается скорее как набор текстуальных ключей, служащих целям понимания текста.

Интерпретация дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, знания, мнения, установки и цели участни-

ков общения, стало следующим шагом, необходимым для формирования системных представлений о дискурсе. В фокусе исследования оказался в итоге не только сам текст, но и *процесс его производства и восприятия*, формирование которого предполагает наличие множества факторов, действующих на разных уровнях. Так, Т. ван Дейк относит к отдельному уровню *когнитивные и эмоциональные структуры, ответственные за планирование, выполнение и контроль* за сложными речевыми действиями

Преимущественный интерес к процессам планирования, производства и понимании речевых актов в когнитивной прагматике выделяет проблему системности концептуальных моделей знания (индивидуальных и конвенциональных), наличие которых является условием понимания. Менее значительное внимание уделяется при этом системности языковых процессов, представляющей, по нашему мнению, основной интерес для лингвистики. Современное состояние знаний требует дальнейшей дифференциации и разграничения в дискурсивном процессе жестких алгоритмических процедур и структур гибких, позволяющих вносить в ходе создания текста изменения в стратегическую программу, реализуемую автором текста.

Прагматическая макроструктура ван Дейка акцентирует внимание на приписывании адресатом речевым актам иллокутивных сил, что позволяет ему распознавать намерения говорящего, ориентируясь на языковые (иллокутивные) индикаторы речевых актов (референцию, типы предложений, синтаксические функции, морфологические категории (время), выбор слов, прагматические частицы и т. п.) [Дейк 2000, с. 33]. Ограничение функций языковых средств только инструментальной сферой не дает объяснений закономерностям, свойственным вербальному поведению говорящего в процессе порождения текста, способы поведения которого подчиняются не только конвенциональным установлениям, но демонстрирует наличие в них познавательных приемов, сформированных практикой общения и представляющих собой своего рода стереотипы поведения. Так, в рассуждениях Т. ван Дейка содержится упоминание об *эпистемических* фреймах, способствующих организации конвенционального знания [Дейк 2000, с. 38].

Наличие в высказываниях конвенциональных действий, являющихся частью организованного в виде фреймов знания о мире, не исключает вариативности этого процесса, становящейся условием свободы выбора говорящим способов достижения коммуникативных целей. Специфика внутренней структуры говорящего с большим трудом поддается формализации, в отличие от типизированных структур социального контекста. В вербальном поведении адресанта тем не менее возможно выделение системных оснований регуляции процессов понимания и взаимопонимания.

Сущность интенциональной сети

Последующее изложение будет посвящено размышлению о том, что дискурсивные процессы, связанные с движением авторской мысли, получают отражение в текстах с помощью *сетевых структур*, элементами которых являются языковые элементы с недескриптивной семантикой. Идея *интенциональной сети* была предложена Дж. Серлем [Серль]. Глубина этого понятия складывается из двух основных характеристик интенциональности, речь идет не только об отсылке к намерению и мотивации говорящего субъекта, но и о направленности сознания мыслящего субъекта на объект и о глубинном качестве знака, его способности передавать психические состояния личности. Используемый Дж. Серлем термин был связан с представлением о месте интенциональных актов в системе языка, но с большей пользой он может быть применен к явлениям, определяющим успех дискурсивного процесса.

Важной представляется предложенная Дж. Серлем трактовка взаимоотношений между интенциональными и речевыми актами. К первым Дж. Серль относит средства выражения разнообразных психических состояний личности: страха, надежды, желания и др., что позволяет автору признать за интенциональными состояниями статус психологического модуса, а их положение в лингвистической иерархии «*пропозициональной установкой*», предназначение которой заключается в формировании условий истинности актов речевых.

Идея *интенциональной сети*, высказанная Дж. Серлем, дает возможность системного представления комментирующих высказываний, составляющих суть интенционального смысла философского дискурса Ю. Хабермаса. Основой этого процесса становится, по нашему мнению, **модус как операциональная категория сознания**, ответственная за способ и характер взаимодействия субъекта с объектом [Краснова 2002, с. 105]

Серия философских статей Ю. Хабермаса, опубликованная под названием *Der Aufklärer* («Просветитель»), дает достаточно полное представление о способах вербального поведения, используемых известным философом в его профессиональной коммуникативной деятельности, отражая вместе тем наличие в дискурсе определенных проявлений системности процесса. Основным прием, с помощью которого Ю. Хабермас вводит интенциональный смысл изложения, – **персонализация**, позволяющая не только проявить фазы процесса конструирования авторской мысли, но и сформировать смысловые проекции между авторским изложением и процессом восприятия текста статьи, что предполагает определенные процедуры, необходимые для функционального взаимодействия **пропозиции (факта) и пропозициональной установки (модуса)**:

Unsere Epoche ist gekennzeichnet durch ein wachsendes Missverhältnis zwischen einer systemisch

zusammenwachsenden Weltgesellschaft und der nach wie vor unveränderten Fragmentierung der Staatenwelt. Daraus resultieren gravierende Probleme (3/2014, S. 85).

Опосредованное включение с помощью притяжательного местоимения коллективного субъекта (*unsere* Epoche), интегрирующего личностную и статусную ориентированность со-субъектов (адресанта и адресата), создает определенную конфигурацию коммуникативной ситуации, свидетельствующую о единстве целей ее участников. доминантой ситуации является *модус знания*, проявляющий позицию субъекта речи (субъекта рефлексии). Секвенция завершается логически стройным рассуждением с помощью экспликации перспективы коллективного субъекта, подчеркивающих необходимость единства позиций:

Eine Alternative besteht in der Bildung von supranationalen Gemeinschaften, die auch dann, wenn sie nicht das Format von Staaten im Großen annehmen, grundsätzlich demokratischen Maßstäben der Legitimation genügen können. Weil allein dieser Weg, den wir mit der Europäischen Union beschritten haben, zu einer Transnationalisierung der Demokratie führen kann, rechtfertigt sich das Unternehmen der EU schon aus Gründen der demokratischen Selbstbehauptung gegen die normativ unempfindlichen Zwänge einer bisher nur systemisch vernetzten Weltgesellschaft (3/2014, S. 85–86).

Внутреннее единство обеих секвенций создается переключкой «*Unsere Epoche – wir*», поддерживающей коммуникативную перспективу говорящего, но трансформирующей субъектную перспективу субъекта рефлексии в перспективу деятеля, которому соответствует предикат *beschreiten*, в итоге этой процедуры актуализируется семантическая структура высказывания, а модус получает статус эксплицитного.

Следующая секвенция использует прием **эксклюзии**, противопоставляя уже высказанному утверждению иную возможность решения коммуникативной цели, определенную выбором **деперсонализированной** установки, выраженной с помощью релятивного и притяжательного местоимений, отсылающих к третьему лицу (агенту), принадлежащему семантической структуре, что исключает его из доминирующей позиции в (прагматической) интенциональной структуре высказывания :

Wer nicht will, dass sich ein modernes Fellachentum hinter demokratischen Fassaden ausbreitet, muss seine Blicke auf die Agenda einer Weltwirtschaftspolitik richten, von der heute der Spielraum für eine politische Einwirkung auf die gesellschaftlichen

Existenzbedingungen einer demokratischen Bürgergesellschaft in erster Linie abhängt (3/2014, S. 86).

Выбор относительного местоимения для обозначения семантического субъекта *Wer nicht will* служит нейтрализации субъективной семантики, модус получает выражение с помощью модальных предикатов, реализующих волитивный модус желания/долженствования *muss seine Blicke... richten*.

Оценочное прилагательное, используемое в завершение секвенции, служит целям подведения своеобразного итога выбору этого решения, эксплицируя эмотивный модус, носитель авторской оценки:

Traurig genug, die Eurostaaten nützen nicht einmal die Chance eines gemeinsamen Sitzes in IWF und Weltbank für politische Anstrengungen in Richtung einer globalen Ordnungspolitik, die ihren Interessen entspricht (3/2014, S. 86).

Конфликт персональной и деперсонализированной перспектив и его разрешение с помощью окончательного разведения пропозиционального содержания и пропозициональной установки, содержащей оценочное суждение, реализуется в ряде случаев по аксиологической линии, которая предписывает определенное поведение не только отдельным личностям, но и всему сообществу в целом. Модальность высказывания (долженствование) предписывает следование определенным нормам, не предполагая исключений. Иллюстрацией к сказанному служат следующие секвенции, предлагающие выбрать определенную точку зрения на происходящие события.

Man muss keine marxistischen Hintergrundannahmen teilen, um in der Entfesselung des Finanzmarktkapitalismus eine der entscheidenden Ursachen für diese Entwicklung zu erkennen und um daraus den Schluss zu ziehen, dass wir eine aussichtsreiche Reregulierung des weltweiten Bankensektors zunächst in einem Wirtschaftsgebiet von mindestens dem Gewicht und der Größe der Eurozone durchsetzen müssen.

Diese Stichworte sollen nur dazu einladen, eine bestimmte Perspektive einzunehmen, aus der man die Bedeutung des europäischen Projekts erkennt. (3/2014, S. 86–87).

События, происходящие при участии определенных политических сил и гражданских сообществ, получают представление с помощью пассивных конструкций или рефлексивных глаголов, используемых, как правило, для реализации внешне объективных обстоятельств и событий, при этом на передний план выходит линейно развивающаяся макроструктура, созданная последовательностью пропозиций:

Das rüde Krisenmanagement hat dieses schwache Vertrauen noch weiter zerrüttet.

Deshalb bieten sich für eine Fortsetzung des europäischen Einigungsprozesses keine wahlkampf-tauglichen Themen an, die Selbstläufer sein könnten (3/2014, S. 87).

Приведенные примеры демонстрируют существование в тексте статьи **интенционального комплекса** [Кобозева 2003, с. 268], построенного по принципу сети, лишенной единого центра и построенной на определенных кооперативных принципах: принципе внутреннего единства, предполагающего общность коммуникативных или когнитивных оснований. Формирование интенциональной сети совершается в несколько этапов: на начальном этапе в процессе оформления субъектной перспективы, субъект в которой, выраженный личным местоимением, совмещает в своей семантической структуре различные коммуникативные и когнитивные позиции. Следующим этапом формирования узла сети становится кооперация субъектных перспектив, отражающая стратегический процесс оформления авторского замысла.

Другой разновидностью сети становится **распределенная сетевая структура**, узлы которой получают репрезентацию с помощью модальных слов, вступающих между собой в кооперативные отношения, обусловленные их системными связями в парадигме языка. Их использование позволяет использовать латентные позиции рефлексора и субъекта речи.

Offensichtlich reicht die politische Handlungsfähigkeit von Nationalstaaten, die über ihre längst ausgehöhlte Souveränität eifersüchtig wachen, nicht aus, um sich den Imperativen eines überdimensional aufgeblähten und disfunktionalen Bankensektors zu entziehen (5/2013, S. 62).

Wolfgang Streeck weiß natürlich, dass sich „die Macht der Anleger vor allem aus ihrer fortgeschrittenen internationalen Integration und dem Vorhandensein effizienter globaler Märkte“ speist (5/2013, S. 62).

Allerdings flirtet er am Ende des Buches mit der ziellosen Aggression eines selbstdestruktiven Widerstandes, der die Hoffnung auf eine konstruktive Lösung aufgegeben hat (5/2013, S. 63).

Ю. Хабермас включает в текст собственно коммуникативно-прагматические стратегии метаязыкового характера, регулирующие процесс формирования интенционального смысла. Полифункциональное предназначение подобных стратегий заключается в том, чтобы демонстрировать, с одной стороны, путь авторской мысли и, с другой стороны, управлять вниманием читательской аудитории:

Ich beschränke mich an dieser Stelle darauf, die Notwendigkeit eines Politikwechsels mit drei drängenden, aber bisher weitgehend verleugneten Problemen zu begründen (3/2014, S. 88).

Целям управления вниманием аудитории служат не только собственно дискурсивные регуляторы: *erstens... zweitens*, но и семантические конденсаторы, суммирующие содержание предыдущего или последующего высказывания, их отличие о выше названных состоит в принадлежности к базовой макроструктуре, созданной последовательностью пропозиций:

Die Gefahr eines „deutschen Europas“: Die Bundesregierung hat aufgrund ihres ökonomischen Gewichts und der informellen Verhandlungsmacht im Europäischen Rat die deutschen, vom Ordoliberalismus geprägten Vorstellungen zur Krisenbewältigung gegen Widerstände durchgesetzt und die Krisenländer zu einschneidenden „Reformen“ genötigt, ohne sich erkennbar der gesamteuropäischen Verantwortung für die drastischen Folgen zu stellen, die sie mit dieser sozial einseitigen Sparpolitik übernommen hat (3/2014, S. 88)

В структуру интенциональной сети включаются тем самым элементы метакоммуникативного свойства, коммуникативы (термин Ю. Хабермаса), связанные с упомянутыми выше общим предназначением регулировать дискурсивный процесс.

Заключение

Подводя предварительные итоги, можно утверждать следующее. Исследование речевых произведений позволяет выделить в них структурные образования двух типов, линейную и сетевую структуры. В отличие от централизованной последовательности пропозиций интенциональная сеть создается множеством центров. Гибкость элементов сети обусловлена многослойностью субъектной перспективы, имеющей несколько уровней организации. Грамматический уровень представлен грамматическим субъектом, семантический (пропозициональный) – определенным типом агенса, когнитивный – субъектом рефлексии или перцепции. Коммуникативный (прагматический) уровень позволяет сделать выбор между субъектом речи (адресантом), адресантом и наблюдателем (внешним участником коммуникации). В узлах сети используются различные комбинации перспектив, что создает уникальные возможности для управления процессами понимания в условиях дистанцированной коммуникации.

Средства выражения модуса, определяющего характер перспективы, как показывают наблюдения, взаимодействуют между собой в ходе коопе-

рации ментальных предикатов, модальных глаголов, перформативов, системы местоимений и др. Вступая во взаимоотношения в последовательности секвенций, комбинации субъектных перспектив образуют интенциональную сеть текста, являющуюся, по сути, репрезентацией процесса порождения текста и служащую одновременно опорой для процесса его понимания.

Источники фактического материала

3/2014 – *Habermas Jürgen*. Für ein starkes Europa – aber was heißt das? / Der Aufklärer. Blätter für deutsche und internationale Politik. Alle Blätter-Texte in einem Band. 3/2014. S. 85–94.

5/2013 – *Habermas Jürgen*. Demokratie oder Kapitalismus? Vom Elend der nationalstaatlichen Fragmentierung in einer kapitalistisch integrierten Weltgesellschaft / Der Aufklärer. Blätter für deutsche und internationale Politik. Alle Blätter-Texte in einem Band. 5/2013. S. 59–70.

Библиографический список

Дейк 2000 – *Дейк Т.А. ван*. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1237558>.

Краснова 2002 – *Краснова Т.И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354999283_0584.pdf.

Кобозева 2003 – *Кобозева И.М.* К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Труды международной

конференции Диалог'2003 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М.: Наука, 2003. С. 267–271. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2642/kobozeva.pdf>.

Серль – *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний. URL <https://texts.news/filosofiya-uchebnik-besplatno/djon-serl-priroda-intentsionalnyih-18262.html> (дата обращения: 27.09.2019).

References

Dijk 2000 – *Dijk T.A. van*. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000, 308 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1237558> [in Russian].

Krasnova 2002 – *Krasnova T.I.* *Sub"ektivnost' – Modal'nost' (materialy aktivnoi grammatiki)* [Subjectivity – Modality (materials of active grammar)]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2002, 189 p. Available at: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354999283_0584.pdf [in Russian].

Kobozeva 2003 – *Kobozeva I.M.* *K raspoznavaniyu intentsional'nogo komponenta smysla vyskazyvaniya (teoreticheskie predposylki)* [On the recognition of the intentional component of meaning of utterance (theoretical background)]. In: *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog'2003 «Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii»* [Proceedings of the international conference Dialogue'2003 «Computer linguistics and intellectual technologies»]. M.: Nauka, 2003, pp. 267–271. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2642/kobozeva.pdf> [in Russian].

Searle – *Searle J.* *Priroda intentsional'nykh sostoyanii* [The nature of intentional states]. Available at: <https://texts.news/filosofiya-uchebnik-besplatno/djon-serl-priroda-intentsionalnyih-18262.html> (assecced: 27.09.2019) [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-140-148
УДК 81'42

Дата поступления статьи: 13/III/2019
Дата принятия статьи: 22/IV/2019

Н.Ю. Темникова

ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО МИРА В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ВОИТЕЛЬНИЦА»

© Темникова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 В.
E-mail: temnatasha@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1588-6900>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется язык лесковской «Воительницы» (1866 г.), которая по жанру принадлежит к серии очерков о «типических русских женских характерах», по стилистической манере – к сказу, а по мотивному репертуару включается в «петербургский текст» русской литературы.

Основной единицей анализа является словесный художественный образ как семиотический и когнитивный феномен. Непосредственному рассмотрению был подвергнут образ социального (человеческого, в определенной интерпретации – материального) мира. Выяснено, что этот образ приобретает в тексте свойства абстрактного языка, выражающего разнообразное содержание: субъективное и объективное, эмоциональное и рациональное, предметно-конкретное и символическое-мифологическое. Показано, что в фокусе этого образа скрещиваются семантические признаки, принадлежащие различным предметным областям, благодаря чему создается многомерное смысловое пространство, в котором трансформируется отраженная в образе реальность.

Предпринятый анализ позволил выявить не только коммуникативную значимость образа в динамическом треугольнике «автор – текст – читатель», но и его поэтико-эстетические функции. Сквозь созданное в очерке многолюдное полотно просвечивают, по Лотману, «зловещие очертания мира Брейгеля и Босха». Амбивалентность символов, создающая ощущение трагикомической абсурдности мироздания, позволяет поставить Лескова в один ряд с такими великими русскими мастерами абсурда, как Гоголь и Достоевский.

Ключевые слова: художественный текст, образ, языковой знак, семантическая двуплановость, метафора, метонимия, семантический континуум, поэтика абсурда, петербургский текст, коммуникативная функция, комическое, трагическое, амбивалентность.

Цитирование. Темникова Н.Ю. Образ социального мира в повести Н.С. Лескова «Воительница» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 140–148. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-140-148>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

IMAGE OF SOCIAL WORLD IN THE STORY «THE AMAZON» BY N.S. LESKOV

© Temnikova Natalia Yurievna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Linguistics, Samara State Transport University, 2v, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

E-mail: temnatasha@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1588-6900>

ABSTRACT

The article is about the language of «The Amazon» by N.S. Leskov (1866), which belongs to a series of essays about «typical Russian female characters» according to its genre, to a series of tales according to its stylistic manner. Besides it is included in the «St. Petersburg text» of Russian literature according to its motivational repertoire.

The basic unit of the analysis is a verbal artistic image as a semiotic and cognitive phenomenon. The image of the human world (in certain interpretations - social, material) was discussed in the text. It has been found that this image acquires the properties of an abstract language expressing diverse contents: subjective and objective, emotional and rational, subject-specific and symbolic-mythological etc. It is shown that the focus of the investigated image is crossed by semantic attributes belonging to different subject areas, which creates a multidimensional semantic space in which the reality reflected in the image undergoes an artistic transformation.

Our analysis revealed not only the communicative role of the image in the interconnection of author, text and reader, but also its poetic and aesthetic functions: through the crowded canvas created in the story, the «ominous outlines of the world of Brueghel and Bosch» – Lotman – are clearly visible, and ambivalence characters, creating a sense of the tragicomical absurdity of the universe, allows you to put Leskov on a par with such great Russian absurdists of the XIX century, as Gogol and Dostoevsky.

Key words: literary text, image, language sign, semantic duality, metaphor, metonymy, semantic continuum, poetics of the absurd, St. Petersburg text, communicative function, comic, tragic, ambivalence.

Citation. Temnikova N.Yu. *Obraz sotsial'nogo mira v povesti N.S. Leskova «Voitel'nitsa»* [Image of social world in the story «The Amazon» by N.S. Leskov]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 140–148. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-140-148> [in Russian].

Введение

В статье предпринята попытка изучения художественного языка Н.С. Лескова на уровне речи – в конкретном произведении. В качестве объекта исследования выбрана «Воительница», которая является ярким образцом поэтики автора и в силу своей уникальной художественной природы до сих пор остается загадкой для исследователей [Поздина 2011, с. 5].

Язык Лескова, долгое время привлекавший лингвистов почти исключительно своей внешней, стилистической стороной (не случайно Лесков был «награжден» эпитетами типа «тонкий мастер», «умный словесный “изограф”», «кустарь-одиночка», «художный” мастеровой» [Эйхенбаум 1969 б, с. 344–345] и под.), все чаще становится предметом содержательной интерпретации. При этом основной единицей анализа выступает преимущественно отдельно взятое слово, рассматриваемое в семантико-стилистическом, когнитивном, прагматическом аспектах [Леденева 2000, Леденева 2015, Головачева]. Наше исследование обращено к образу как элементу «структурирования семантического континуума» [Илюхина 2016, с. 12] лесковского текста. Образ мы понимаем как семиотический феномен – компонент условного языка искусства, выступающий в коммуникативной

функции и представляющий собой единство эмпирических, наглядно-чувственных представлений об объекте и совокупности средств их вербализации. Для нашего анализа также принципиально важна мысль о том, что образ является когнитивным, ментальным образованием, в связи с чем во многом предопределяет механизм порождения метафор в языке и тексте, а также логику вовлечения в этот процесс лексических средств [Илюхина 2016, с. 12]. Непосредственному рассмотрению в исследуемом произведении будет подвергнут образ социального мира (человеческого общества).

Результаты исследования

«Воительница», «очерк типического женского характера» (Письма 1957, с. 253–254), написана в излюбленной Лесковым манере сказа: центральным субъектом речи является купеческая мещанская вдова Домна Платоновна, сквозь призму речевого сознания которой преломляется отраженная в тексте модель мира.

Рассказчица принадлежит одновременно двум мирам – человеческому (социальному, в определенной интерпретации – материальному) и стихийному, причем и тот, и другой ей одинаково враждебны. Зло человеческого мира героиня постоянно подчеркивает («всегда неустанно жаловалась

на **злокозненные происки человеческого рода**, избравшего ее, Домну Платоновну, своей любимой жертвой и каким-то вечным изглаголем» (Воит. 1988, с. 138)) и ставит его выше зла мира стихийного («с **бесом** да **совладала**, а с лукавым человеком так вышло раз иначе» (Воит. 1988, с. 159)). При этом мы увидим, что и стихийное (космическое) зло, которое не выдуманно людьми, тоже проявляется в людях [Лотман 1988, с. 279].

При своей «обуженности», ограниченности, специально подчеркнутой автором («По узости политического горизонта Домны Платоновны и самый патриотизм ее был **самый узкий**» (Воит. 1988, с. 101)), рассматриваемый мир в тексте является чрезвычайно густонаселенным (знакомство у Домны Платоновны было «**самое обширное... даже необъятное** и притом **самое разнокалиберное**» и состояло оно из людей «**всякого звания и всякой породы**» (Воит. 1988, с. 94)). В тексте функционирует множество лексико-фразеологических единиц, денотативно связанных с ролью и местом человека в социуме: *барин, вельможа, грандеву, граф, князь, мужик, купец, торговец, камерлакей, кухмистер, квартальный, городской, извозчик, живейный* (легковой извозчик. – Н. Т.); *дама, барыня (барынька), барышня, девка; купчиха, генеральша, полковница; горничная, курьерша, кружевница, портниха, шитвица, банищица* и т. д. Как показал анализ, вся совокупность подобных лексем в тексте оказывается функционально однонаправленной – она связана с воплощением **тупой, но страшной силы петербургских обстоятельств**, не оставляющих человеку возможности остаться человеком, сохранить свою простоту и обыденность («Домна Платоновна... рассказала мне, как она была **проста** (здесь и далее выделено автором. – Н. Т.) и как **они** ее **вышколили** и довели до того, что она **теперь никому на синь-порох не верит**» (Воит. 1988, с. 140–141)).

В использовании данной лексики постоянным является прием «игры с «прямотой / кривизной»» [Жолковский 2008]. Как пишет А.К. Жолковский, сама жизнь в восприятии Лескова «принципиально крива, и эту кривду жизни может адекватно отобразить лишь соответственная кривизна искусства» [Жолковский 2008]. Эта «кривизна искусства» проявляется, в том числе, в искажении языка, служащего средством описания вывернутых наизнанку человеческих взаимоотношений. Язык очерка напичкан алогизмами, оксюморонами: *генерал... хоть он и штатский* (Воит. 1988, с. 121), *полковник Уланский или Ласточкин, инженер* (Воит. 1988, с. 112). Женихи здесь оказываются женатыми, невесты – беременными, ср. в сцене свадебного сговора: «**Но вдруг, во время самого благословения, отец невестин поднимает образ, а по зале как что-то загудет! ... и вдруг явственно выговаривает: “Нечего, – говорит, – петь Исаю, когда Мануил в чреве” ... А в зале опять как застонет: “К небесам в поле пыль летит, к жениху – жена катит, богу молится, слезьми обливается”**» (Воит., 154).

Соотнесение языкового знака с денотатом становится предельно условным (*полковница Домуховская – муж у нее доктор* (Воит. 1988, с. 105);

офицер или вроде как штатский (Воит. 1988, с. 146)) вплоть до полного несоответствия: если перед нами полковник, то это – *совсем не полковник, а Федоровой банищицы сын* (Воит. 1988, с. 154), если господин («*порх это передо мною какой-то господин. В пальте, в фуражке это, в калошах, ну одно слово – барин*» (Воит. 1988, с. 143)), то он вовсе не господин, а мелкий воришка, промышляющий кражей саквояжей; братья – это не братья: «*Им («генералом». – Н. Т.) одна дамка-полячка... как хотела помыкала и амантов (любовников. – Н. Т.)... имела, а он им еще и отличные какие места подавал, все будто заместо своих братьев она ему их выдавала*» (Воит. 1988, с. 123), а портной – на самом деле не портной: «*...портной он назывался и диплом от общества имел, но шить ничего не шил, а по покойникам псалтырь читал и пел в соборе на крылосе*» (Воит. 1988, с. 162).

Перевернутая система социальных норм обнаруживается на лексическом уровне в переворачивании понятий (*друг – враг / соперница*). Это особенно заметно в сюжетных моментах, связанных с разоблачением героя, его демаскировкой. Срывание маски с героя, собственно, заключается в срывании «риторического покроя» с речи, в разоблачении фальшивости слова. Именно на этом приеме основана диатриба Домны Платоновны, получившей наконец возможность «сверзнуть» двуличную Леканидку перед «генеральской невесткой»: «*“Хорош, – говорю, – друг!.. Я гадкая, да я с чужими мужьями романсов не провожжаю... Извольте, – говорю, – сударыня, вам вашего друга, уж вполне, – говорю, – друг”*» (Воит. 1988, с. 137).

Фиктивность социальных языковых маркеров (*портной он назывался*) проявляется также в десемантизации лексико-фразеологических единиц. Отчетливее всего это можно увидеть на примере использования антропонимов. В тексте они начинают утрачивать свою основную функцию выделения конкретного лица из множества лиц, а в итоге вообще теряют связь с именованьем человека. Ср. в рассказе Домны Платоновны о том, как она добиралась с ярманки к своему месту: «*Только что за заставу мы выехали, сейчас один из этих седоков говорит: “Стой у кабака!” Пили они тут много и извозчика поят. Поехали. Опять с версту отъехали, гляжу – другой кричит: “Стой, – говорит, – здесь Иван Иванович Елкин живет, никак, – говорит, – его минать не должно”. Раз они с дестью этак останавливались все у своего Ивана Ивановича Елкина*» (Воит. 1988, с. 156).

При этом читатель, погружаясь в реальность абсурда, не должен забывать о гармоничном положении дел, которое может быть выражено лишь на нормальном человеческом языке. Носителем этого эталонного языка в очерке является автор, тщетно пытающийся с помощью иронии «выправить» вносимую рассказчицей «кривизну»: «– Всем ведь известно, какое лицо на бале бриллиантовое колю сфендрил... Вон тоже Караулова Авдотья Петровна, поглядеть на нее, чем не барыня? а воротничок на даче у меня в глазах украла. – Как, – говорю, – украла? Что вы это! Матушка Домна Платоновна, вспомните, что вы говорите-то?

Как это даме красть? – А так себе просто; как крадут, так и украла» (Воит. 1988, с. 96).

При изображении социального мира резко возрастает оценочность. В тексте в изобилии представлена лексика, характеризующая моральные, интеллектуальные, эстетические и пр. качества как всего «человеческого рода», так и отдельных его представителей. Среди этих средств основную массу составляют пейоративы и инвективная лексика: *каналья, аспид, злодей, наглец, поганец, глупец, мерзавец, подлец; мошенница, бездельница, негодяйка, страмовищица, шельма, шельмовка, воровка, нахлебница, шушваль, дура, дурища; туша, капризница, последняя, примадонна* и т. п. Будучи главным средством эксплицитной оценки человека в повести, они своей грамматической стороной акцентируют изоморфизм обозначаемых объектов: ср. параллельные родовые варианты (*вор – воровка, варвар – варварка, мерзавец – мерзавка, злодей – злодейка; подлый – подлая* и т. п.), формы общего рода (*...какой ты ни будь шельма из своего места – шельма эта Леканида Петровна*), а также собирательные формы: *«...а что уж из живой-то из всей нынешней сволочи – все одно качество: отврат да и только»* (Воит. 1988, с. 96); *«...народ плут и весь плутом взялся»* (Воит. 1988, с. 97)).

В отличие от пейоративов, связанных, в силу своей семантико-стилистической природы, с изображением пошлости, функционирование в лесковском очерке мелиоративов (*цыпленок, голубушка, душечка, хорошие люди, порядочные люди, добрый гений, сожалительные, добрые христиане, чистенький ангел*) демонстрирует чередование высокого и пошлого, «патетической декламации» и «комического сказа» [Эйхенбаум 1969 а], причем «комический сказ» явно преобладает (не случайно, по словам Ю.М. Лотмана, «социальные коллизии воплощаются в комедии» [Лотман 1988, с. 279]). Тем пронзительнее редкие моменты прорыва в текст высокого, трагического начала – они как бы выхватывают из пошлой действительности истинно величественные моменты человеческого страдания. Например, в эпизоде, предшествующем «акту отречения» Леканиды (героиня в последний раз обращается к миру со страстной мольбой о спасении, на что мир отвечает глухим молчанием):

«...Господи! господи! да где же ты? Где же, где бог?»

«Бога, – говорю, – читается, друг мой, никто же виде и нигде же».

«А где же есть сожалительные, добрые христиане? Где они? где?» (Воит. 1988, с. 128).

Обычные явления в тексте – выражение мелиоративной лексикой значений, прямо противоположных словарным (*хороший* означает *плохой, добрый* – значит *злой, порядочный* – *безнравственный* и т. д.) и десемантизация, создающие ощущение комического абсурда. Так, дом «старого-престарого» грека, покровительствующего молодым нуждающимся женщинам и своим противоположным инстинктам, Домна Платоновна с издевкой называет *хорошим* (эта характеристика метонимически распространяется и на самого хозяина); развратный «генерал», охотящийся за моло-

дыми дамками, именует сам себя *добрым гением*. Сочетание *порядочный человек* в контексте ситуации, воссоздающей безнравственное поведение, приобретает статус речевой формулы с нулевым содержанием, имеющей чиновничий, бюрократический характер. Ср. в реплике обманутого «генерала» после первого, безрезультатного посещения Леканиды: *«Этак, – говорит, – Домна Платоновна, любезная моя, с порядочными людьми не поступают»* (Воит. 1988, с. 125).

Комический эффект усиливается благодаря особой лесковской манере языкового выражения – мозаичному складыванию слов так, что «получается иллюзия живой речи» [Эйхенбаум 1969 б, с. 333]. Ср. использование тавтологии в диалоге Домны Платоновны с плотоядным «генералом»: *«Нет ли, – говорит, – у тебя чего, кроме кружевцов, хорошенького?» «Как, – говорю, – не быть, ваше превосходительство! Для хороших, – говорю, – людей всегда на свете есть что-нибудь хорошее»* (Воит. 1988, с. 122).

Рассогласование означаемого и означаемого становится в художественной структуре текста одним из ключевых средств воплощения образа человека, метафорически указывающим на то, что человек не показывает (или вовсе не имеет) своего истинного лица, а скрывается под маской. Этот прием, характерный для эстетики Лескова [Поздина 2011], соотносится с традициями карнавальная культуры, «переворачивавшей явления с ног на голову... попеременно надевавшей на одно лицо десятки масок» [Рясов 2007].

Нетрудно убедиться, что образу «маски» как «продукта» *петербургских обстоятельств* имманентны семантические признаки, выделенные Ю.М. Лотманом в «петербургской картине мира»: «перевернутость» (город построен на воде, «вода и камень меняются местами: вода вечна, она была до камня и победит его, камень же наделен временностью и призрачностью» [Лотман 2002, с. 211]) и театрализованность («Уже природа петербургской архитектуры – уникальная выдержанность огромных ансамблей, не распадающаяся, как в городах с длительной историей, на участки разновременной застройки, – создает ощущение **декорации** (здесь и далее выделено нами. – Н. Т.)» [Лотман 2002, с. 215–216]; «Отсутствие свободы отражается на всем, вплоть до лица самодержца: он имеет много масок, но не имеет лица. Вы ищите человека? Перед вами всегда император» [Лотман 2002, с. 216]).

Еще одним порождением социального зла в художественном пространстве «Воительницы» являются человек-вещь, человек-товар.

Следуя гоголевской традиции, Лесков рисует социальный мир таким, что в нем бывает трудно отличить «вещь от овеществляемого человека, героя, взятого и понятого как вещь» [Топоров 1995, с. 11]. Изображение персонажей постоянно соседствует с изображением вещей: в небольшом по объему тексте тут и там мелькают наименования **предметов быта**: *диван (диванчик), кровать (кроватька), постель, пуховики, перинка, самовар, кастрюли, сундучок, подушки* и т. д.; **еды и напитков**: *пирожные, варенье, кофе, чай (чаек), водка*

(водочка), наливка (наливочка), кислярка, вино, – и особенно часто – **одежды, гардероба: воротнички, кружева и манжеты, мантили (блондовая, кружевная...), бурнусы, рубашки, всевозможные платья: надетанные, дамские, крепкошелевые, шикшинетеновые и т. д., – капоты, манишечки, шали, платки мериносовые, иляпочки, башмаки, полсапожки, повязочки (фиолетовые, серизовые), платочки, а также различного рода саквояжи, сумочки, узелки, свертки и т. п.** Человек не мыслит себя вне вещей: даже *отпуская предсмертный вздох*, Домна Платоновна думает о *сундучке, подушках и банке варенья*, которые просит отнести своему погубителю Валерке.

При этом, чтобы усилить, подчеркнуть смысл смежности человека и вещей, Лесков, в свойственной ему манере «художественного филологизма» [Эйхенбаум 1969 б], регулярно прибегает к приемам создания образности – в частности, к метонимии. Ср.: «...не завелась ли там на твое место какая-нибудь **пирожная мастерица, горшечная пагубница**» (Воит. 1988, с. 110).

Мы видим, что женщина «фатально нисходит на ранг вещи» [Анненский 1979, с. 227]: ее нельзя обозначить иначе, как через указание на круг бытовых ситуаций, в который она вовлечена (комнатные цветы, кулинария...), через ее место в мире вещей (*не завелась ли там на твое место...*). При этом именно место определяет характер обозначений женщины – не только фактически представленных в тексте, но и потенциальных. Так, *пирожной мастерицей, горшечной пагубницей* нельзя назвать женщину, местом которой является роскошное жилье (например, петербургская парадная квартира Леканиды), поскольку оно лишено быта, – это пространство извращенной праздности, где существование человека становится совершенно механическим.

Неприменимы метонимические обозначения типа *пирожная мастерица* и к обитательнице *каморки* (по сюжету повести в каморке дважды оказывается Леканида, а в финале – и сама Домна Платоновна), так как в каморке невозможно испечь *пирожные* – они могут быть лишь принесены из кондитерской и служить средством утешения перед крестной мукой.

Каморка в качестве концептуальной метафоры играет важную роль в тестовом воплощении пространства, в котором вынужден существовать человек. *Каморка* всегда связана с катастрофой в судьбе героя, лишением всего жизненно важного, полным обрывом всех связей, ср.: «*А вот моя торговля: землю продать да небо купить. Решилась я, друг мой, своей торговли...*» (Воит. 1988, с. 165); «*Все, – заговорила она (Домна Платоновна. – Н. Т.), тоскливо вода угасшими глазами по своей унылой каморке, – все ему отдала, ничего у меня больше нет*» (Воит. 1988, с. 167).

Вводимый в текст образ *ключа* (Домна Платоновна запирает Леканиду на ключ и затем передает его «генералу») метафорически соотносит каморку с *клеткой* (соответственно, обитательница каморки ассоциируется с *птицей в клетке*, ср., например, в «Леди Макбет Мценского уезда», где *каморка* расширяется до купеческих хором: «...вы у них... как **канарейка** в клетке содержи-

тесь» (Леди Макбет... 1988, с. 55)) и «*мертвым домом*» (*острогом*) (*острог* у Лескова тесно взаимосвязан с женской темой, и эта связь не всегда является метафорической: в «Леди Макбет» в острог попадает за совершенные преступления Катерина Львовна, в «Житии одной бабы» – безвинная Настя Прокудина). Таким образом, каморка в лесковском языке символизирует пространство неволи, место заточения, в том числе – добровольного, как в случае с Домной Платоновной.

Обитательница *каморки* всегда *жертва (жертва любви*, подобно Домне Платоновне, или *жертва общественного недуга*, как Леканида). Первый тип является результатом действия стихийных сил («космического зла» [Лотман 1988]), второй – продуктом социальных взаимоотношений, стирающих границу между человеком и вещью. Смысл отсутствия этой границы очень ярко выражен в уже приводимом нами выше эпизоде продажи Леканиды «генералу»:

«Нет ли, – говорит, – у тебя чего, кроме кружевцов, **хорошенького?**»...

«Так не лжешь, – говорит, – Домна Платоновна, стоящая **штучка?**»

«Одно слово, – отвечаю ему я, –... больше и говорить не хочу. Не такой **товар**, чтоб еще нахваливать».

«А у тебя, – спрашивает, – тут в узелке-то что-нибудь **хорошенькое** есть?»

«Есть, – говорю, – **штучка** шелковых кружев черных, отличная» (Воит. 1988, с. 122–123).

В этом диалоге, распадающемся на две исключительно симметричные части – иносказательную и имеющую буквальный смысл, – лексемы *хорошенькое* и *штучка* одновременно функционируют в двух значениях – человеческом (женщина) и предметно-вещественном (кружева), причем данные единицы входят в один семантический ряд: денотатом в обоих случаях является объект купли-продажи (*товар*). То же денотативное содержание приобретают в тексте и другие средства обозначения человека, ср.: «...видел... двух **свежепривозных** молодых «**дамок**», которые прибыли искать в Петербурге счастья и попали к Домне Платоновне «на Леканидкино место»...» (Воит. 1988, с. 139).

В мире, где господствуют товарно-денежные отношения, резко возрастает удельный вес материального начала. Отсюда – повышенное внимание к *телесному*, в воплощении которого, как обычно у Лескова, патетика чередуется с комизмом.

Всепоглощающая власть материально-телесного в жизни человека проявляется, например, в иронической интерпретации образа амазонки (*воительницы*), который «выступает как бы скрытой сущностью» [Лотман 1997] главной героини. Героико-поэтический образ амазонки, сражающейся с мужчинами, постепенно нисходит в сферу семейных склок, бытовых скандалов, мелочной борьбы интересов. Ср.: «*Муж мой, Федор Ильич, ... нраву... был пронзительного – спорилщик и упрямый; а я тоже в девках **воительница** была. Вышедши замуж, вела я себя сначала очень даже прилично, но это его нисколько совсем не восхищало, и всякий день натошак мы с ним **буйствен-***

но сражались. Любви у нас с ним большой не было, и согласья столько же, потому оба мы собрались с ним воители, да и нельзя было с ним не воевать, потому, бывало, как ты его ни голубь, а он все на тебя тетерится... Конечно, жили не без неприятностей, но до драки настоящей у нас не часто доходило. Раз один, точно, дал он мне, покойник, подзатыльника, но только, разумеется, и моей тут немножко было причины, потому что стала я ему волосы подравнивать, да ножницами – кусочек уха ему и отстригнула» (Воит. 1988, с. 161). Мы наблюдаем здесь понижение смысловой и эмоционально-стилистической значимости лексики в ассоциативном ряду: *воительница, воители, воевать, сражались, буйственно, драка, тетерится, подзатыльник*; указания на смехотворность, мизерность масштабов как самой борьбы, так и поводов для нее (*дал он мне, покойник, подзатыльника... потому что стала я ему волосы подравнивать, да ножницами – кусочек уха ему и отстригнула*), а также подчеркивание логической обусловленности высокого, героического – физиологией: *сражения* всегда устраиваются *натоцак*. Таким образом, на языковом уровне текста можно видеть своеобразное «заземление» вечного – материальным, вульгарно-повседневным.

Для Лескова характерен прием «шокирующего лицезрения голый правды жизни» [Жолковский 2008], реализующийся, в частности, в изображении телесных наказаний, физического насилия. Ср., например, описание насильственного акушерского осмотра Насти в «Житии одной бабы», который окончательно сломил психику героини, или сцену публичной порки в «Леди Макбет...». В «Воительнице» такое предъяснение «голой правды» осуществляется в духе характерного для этого очерка воссоздания единоборства мужчины и женщины – ср. в эпизоде избиения Леканиды ее сожителем: *«Отворяю дверь в ее комнату, а он, этот приятель-то ее добрый... держит он, сударь, ее одною рукою за руку, а в другой нагайка»* (Воит. 1988, с. 108).

Слово *тело*, притягивающее, как видим, представления о жертве, может приобретать в тексте религиозно-символические смыслы: *«Тела и крови готовясь принять...»* (Воит. 1988, с. 135). При этом смысл жертвоприношения, связанный с религиозной трактовкой тела Христа и чрезвычайно важный для Лескова, оказывается актуальным и в случаях реализации лексемой других денотативных значений, ср.: *«Много я слышал от нее про вас, мои дорогие землячки Леканиды Петровны... везущих сюда свои свежие, здоровые тела, свои заборные, но незлобивые сердца...»* (Воит. 1988, с. 138).

Метафора женской чистоты, имеющая нравственный смысл, у Лескова буквализируется (*«запачкать эту Леканиду Петровну»*) и реализуется в указаниях на *цвет тела*. Например, в описании Леканиды после ее «отречения»: *«...была она собою телом и бела, и розовая, точно пух в атласе, а тут, знаешь, будто вдруг она какая-то темная мне показала телом...»* (Воит. 1988, с. 131). Резкое изменение цвета тела сюжетно связано с принесением женщины в жертву и свидетельствует о ее нравственной, духовной гибели.

Если же признаки нравственной жизни изначально отсутствуют, то человеческое тело превращается в *тушу* и становится объектом пародийно-комического осмысления: *«Ну, однако, сосватала я и его на одной вдове на купеческой. Такая-то, тоже ему под пару, точно на заказ была спечена, туша присноблагенная»* (Воит. 1988, с. 153).

Подчеркнутая телесность, телесная полнота, актуализируемые метафорой *туша*, в авторской этической системе синонимичны животному бездушию: *«...толстенькое сердце, которое спокойно бьется, приглашая... толстого борова поспешить как можно скорее запачкать эту Леканиду Петровну»* (Воит. 1988, с. 139).

Телесные образы регулярно становятся почвой для создания фарсовых ситуаций, как, например, в сцене демонстрации *голых ног* всей Гороховой улице, когда Домна Платоновна во время перевозки мебели, решив, по своему обыкновению, сэкономить на извозчике, залезла в детскую кроватку и провалилась. Эти образы вырастают из многочисленных намеков на «запретные темы», буквально рассыпанных по всему тексту (тут и *гаремские капли*, и не сходящие с языка Домны Платоновны словечки типа *амуриться, пур-амур любовь* («любовь ради любви»), *провождать романсы* и их грубо-просторечные аналоги: *валандаться, суютить*, и тут же – моральная оценка означаемых явлений: *грех, пакости, отврат, противность*), прочитываются в различных приемах непрямого (часто – иронического) использования языковых средств. К последним относятся прежде всего эвфемизмы (в своем *марьяжном интересе; живу рыбу съела* и др.), самым частотным среди которых является местоимение *это*: *«Они, впрочем, полячки-то эти, ловкие тоже... они это с рассуждением делают»* (Воит. 1988, с. 104); *«Чай, ведь сам знаешь, наши купчихи, как из дому вырвутся, на это дело препростые»* (Воит. 1988, с. 110).

Гипертрофия материально-телесного начала реализуется в приеме гротеска: *«...на вид она (Домна Платоновна. – Н. Т.) гора горою ходит; одна грудь так такое из себя представляет, что даже ужасно...»* (Воит. 1988, с. 97), а также в использовании излюбленной Лесковым метонимии, ср. *мешок*, в который героиня, в заботе о своем целомудрии, «зашивается» каждую ночь, не надеясь на свой «аридов сон»; исковерканное «полковником» отчество Домны (*Панталоновна*); выражения типа *Нельзя комиссару без штанов быть* и мн.др.

Чрезвычайно широко эксплуатируется в тексте «Воительницы» связанный с семантикой телесности образ *бани*, имеющий комическую направленность. Этот образ то предстает в варианте *бестелесного* (то есть фактически – телесного) *маскарада*, то актуализирует смысл грязного нижнего белья, как в эпизоде с подкинутыми Домне Платоновне *шароварками*, когда ее «с вывалом» везли по Неве (*«Меня по первоначалу это-то больше и испугало, что как он на Неве скинуть мог их (шаровары. – Н. Т.) да в узелок завязать. ... Повели меня в сыскную полицию... Сыскной рассмеялся. “Это, верно, – говорит, – он, подлец, из бани шел”»* (Воит. 1988, с. 146)), то обнаруживает социальную ориентацию, указывая на низкий ста-

туса человека, обслуживающего моющихся в бане, ср. избличение «полковника» Егупова в сцене обречения: *«Правда, дядя невестин... пьяный пришел и начал было врать, что это, говорит, совсем не полковник, а Федоровой банищи сын»* (Воит. 1988, 154).

Представленные выше примеры убеждают в том, что образ тела в тексте амбивалентен: он проявляет способность соединяться с фарсовым и трагическим, притягивать семантику маскарада и семантику смерти. Оба этих семантико-стилистических плана синхронно представлены в таком интересном примере метонимического указания на тело: *«А эти меренье-приказчики грохочут: ... “У нас... тенька, для вашей милости саван есть подержанный чудесный”»* (Воит. 1988, с. 149).

В свете сказанного неожиданную интерпретацию получает метафора *бестелесного маскарада*. Слишком явная оксюморонность соответствующего сочетания слов как бы «страхует» от его буквального восприятия [Черноризская 2001], побуждает искать в нем глубинный смысл, что приводит к эффекту абсурда. Выявленный параллелизм образов маскарада и смерти наводит на мысль о возможности буквального прочтения метафоры, расшифровки ее в плоскости не внутренней, а внешней формы. Именно такое прочтение парадоксальным образом расставляет все на свои места – метафора приобретает вполне конкретный, хотя и злобный смысл и становится материальным воплощением сущности изображаемого мира, который оказывается не чем иным, как «маскарадом антихриста» [Лютман 2002, с. 212].

Этот мир населен, как мы помним, двумя основными типами людей: «масками» и «вещами» / «жертвами» / «товаром». Они находятся между собой в неоднозначных отношениях: с одной стороны, образ человека-вещи как жертвы антонимически противопоставляется образу человека-маски как воплощению социального зла в его активной, хищнической форме. Ср. фрагменты диалогов расказчицы и Леканиды, где *Дисленьша* является маской, а *Леканида* – вещью (жертвой): *«Такая эта подлая Авдотья Ивановна, даром что майорская она дочь и дворянством своим величается, ну, а преподавая-подлая. “...я эту Дисленьшу, мой друг, очень знаю – это первая мошенница”»* (Воит. 1988, с. 109); *«Она, – говорит, – Домна Платоновна, кажется, просто торговать мною хотела»* (Воит. 1988, с. 120).

Но в то же самое время человек-«вещь» и человек-«маска» выступают двумя сторонами единой сущности, ср.:

«Вдруг тут-то дело мне припало к одной не то что к дамке, а к настоящей барыне... Студента все к сыну в гувернеры искала. Ну, уж я знаю, каково ей надо студента...» («маска». – Н. Т.)

Отыскала я студента: мальчонко молоденький, но этакий итуковатый и чищенный, все сразу понимает. Иду-с я теперь с этим делом к этой даме;...говорю: так и так, тогда и тогда будет, и извольте его посмотреть, а что такое если

не годится – другого, говорю, найдем» («вещь». – Н. Т.) (Воит. 1988, с. 121).

Не случайно, что именно в последнем контексте, где варьируется мотив мужской проституции, с максимальной выразительностью звучит мысль о развращающем воздействии на человека *петербургских обстоятельств*. Монстр, инспирированный этими обстоятельствами, становится причиной гибели героини.

Материальный (социальный) мир, подменивший у Лескова человеческий идеальный мир и противостоящий последнему как раздробленный – целостному, утилитарный – гуманному, хаотичный – гармоничному, на поверхностном семантическом уровне текста выступает как единственно возможное пространство существования. Лишившись его (*решилась я своей торговли...*), героиня предстает перед лицом смерти (ей остается лишь *землю продать да небо купить*). Мысль о конечности бытия, неотвратимости смерти, сюжетно реализованная в финале очерка, заявлена почти в самом начале текста – в цитируемых строках из «Марии» А. Мальчевского:

Потому что на этом свете смерть все уничтожит,

И в пышном цветке гнездится червяк (Воит. 1988, с. 102).

Однако эту мысль опровергает эпиграф, указывающий на то, что смерть – лишь новый этап жизни:

Вся жизнь моя была досель

Нравоучительною школой,

И смерть есть новый в ней урок (Воит. 1988, с. 94).

Та же идея звучит в одном из писем Лескова: *«...а существование наше все-таки не случайность, а школа, воспитательный период... а затем состояние...»* (Письма 1957, с. 440). Очевидно, что для Лескова человеческие страдания и само существование человека в мире, при всей своей кажущейся бессмысленности, не напрасны. Они – необходимый этап для перехода к принципиально иному, истинному состоянию бытия.

Заключение

Рассмотрев содержательную структуру, средства вербализации и коммуникативные функции образа социального (человеческого) мира в очерке «Воительница», можно сделать следующие выводы.

В создание этого образа в тексте вовлечена лексика, принадлежащая различным семантическим полям: «мужское» и «женское»; «человек» и «вещь»; «тело», «смерть» и «маскарад»; «война», «насилие» и «любовь». В результате их пересечения исследуемый нами образ, относящийся к числу частотных и универсальных, предстает в высшей степени своеобразно. Взаимодействуя в семантическом континууме «Воительницы» с различными уровнями текстовых смыслов – от поверхностно-бытовых до символично-мифологических, – он одновременно и в значительной мере условен, то есть художественно отмечен, и материально конкретен. Совмещение этих двух планов образа осуществляется благодаря авторской иронии.

Предпринятый анализ позволил обнаружить черты, включающие «Воительницу» в «Петербургский текст» русской литературы [Топоров 2003]. В функционировании рассматриваемого образа доминантными оказались смыслы, имманентные петербургской картине мира: театральность, механистичность и иррациональность жизни, нарушение ее естественного порядка.

Исследуемый образ выступает в качестве языка для выражения авторских эстетических ориентиров. Лесков явно имел в виду художественные миры Брейгеля и Босха, придавая изображаемому социуму такие черты, как гипертрофия телесного начала, скотоподобие (ср. *туша, толстый боров, пес подчегарый* и под.) и монструозность населяющих этот социум существ. Тяготение к антиномичности в изображении художественной действительности, контрасту возвышенного и низменного, плотского и духовного, трагического и комического свидетельствует о близости Лескову эстетики барокко, смыкающейся с фольклорно-карнавальной традицией.

На фоне отталкивающей картины пошлости в тексте поэтически изображена *женщина*, приносимая в жертву холодному, бесчеловечному миру. Здесь обнаруживается типологическая связь Лескова с Достоевским и осуществление гоголевской программы: «Ибо не признает современный суд, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл создания» [Гоголь 1951, с. 134].

Рассматриваемый образ постоянно осциллирует между двумя полюсами – жизнью и смертью, в результате чего достигается наивысшее смысловое напряжение между ними, раскрывается их взаимопроникновение, возможность перехода от одного к другому (не только от жизни – к смерти, но и от смерти – к жизни). Так образ обнаруживает свою принадлежность к языку искусства, дающего человеку выбор «там, где жизнь выбора не дает» [Лотман 1994].

Источники фактического материала

Воит. 1988 – Лесков Н.С. Воительница // Лесков Н.С. Сочинения: в 3 т. Т. I: Повести и рассказы; Соборные / вступ. статья, сост. и коммент. В. Туниманова. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 94–168.

Леди Макбет... 1988 – Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда // Лесков Н.С. Сочинения: в 3 т. Т. I: Повести и рассказы; Соборные / вступ. статья, сост. и коммент. В. Туниманова. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 49–94.

Житие одной бабы 1957 – Лесков Н.С. Житие одной бабы // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 263–365. URL: https://rvb.ru/leskov/01text/vol_01/007.htm.

Письма 1957 – Лесков Н.С. Письма. Н.Н. Страхову. 7 декабря 1864 г. // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 10. С. 253–254. URL: https://rvb.ru/leskov/01text/vol_10/02letters/099.htm.

Библиографический список

Анненский 1979 – Анненский И.Ф. Эстетика «Мертвых душ» и ее наследие // Иннокентий Анненский. Книги

отражений. М.: Наука, 1979. С. 225–233. URL: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0380.shtml.

Борисова 2009 – Борисова Е.Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 20–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14839017>.

Гоголь 1951 – Гоголь Н.В. Полное собр. соч. в 14 т. Т. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 923 с. URL: <http://russian-literature.org/tom/424305>.

Головачева 2016 – Головачева О.А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова: язык публицистики 60-х годов XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2016. 38 с. URL: http://www.smolgu.ru/files/doc/D212_254_01/Golovacheva_a.pdf.

Жолковский 2008 – Жолковский А.К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 155–176. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/malenkij-metatekstualnyj-shedevr-leskova.html>.

Илюхина 2016 – Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 321 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/ireader/2915798>.

Леденева 2000 – Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: монография. М., 2000. 183 с.

Леденева 2015 – Леденева В.В. Слово Лескова: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с. URL: <https://pl.b-ok.cc/book/3300452/9c45bd>.

Лотман 1970 – Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 381 с. URL: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf.

Лотман 1988 – Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293. URL: <https://omiliya.org/article/khudozhestvennoe-prostranstvo-v-proze-gogolya-yu-m-lotman>.

Лотман 1994 – Лотман Ю.М. О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 432–438. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/LOTMAN05.HTM>.

Лотман 1997 – Лотман Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1997. С. 814–820. URL: https://bookscafe.net/read/lotman_yuriy-pushkin-204707.html#p401.

Лотман 2002 – Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 208–222. URL: https://imwerden.de/pdf/lotman_istoriya_i_tipologiya_rus_cultury.pdf.

Поздина 2011 – Поздина И.В. Жанровая специфика прозы Н.С. Лескова 1860-х годов: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011. 198 с. URL: <http://elbib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/151/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%20%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%98.%D0%92..pdf?isAllowed=y&sequence=1>.

Рясов 2007 – Рясов А. Достоевский и эстетика абсурда (попытка анализа взаимосвязей) // Топос: литературно-философский журнал (дата публикации: 26.11.2007. URL: <http://www.topos.ru/article/5949>.

Топоров 1995 – Топоров В.Н. Миф, Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с. URL: <https://studfiles.net/preview/6340906>.

Топоров 2003 – *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПб., 2003. 616 с. URL: <https://imwerden.de/publ-3334.html>.

Черноризкая 2001 – *Черноризкая О.Л.* Поэтика абсурда. Вологда, 2001. 88 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/090/index.htm>.

Эйхенбаум 1969 а – *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана «Шинель» Гоголя // *Эйхенбаум Б. О прозе: сб. ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969 а. С. 306–327.* URL: <http://knigi1.dissers.ru/books/library1/9548-1.php>.

Эйхенбаум 1969 б – *Эйхенбаум Б.М.* «Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова) // *Эйхенбаум Б. О прозе: сб. ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969 б. С. 327–345.* URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/eichenbaum/eih/eih-327-.htm>.

References

Annensky 1979 – *Annensky I.F.* *Estetika «Mertvykh dush» i ee nasled'e* [Aesthetics of the «Dead Souls» and its heritage]. In: *Innokenty Annensky. Knigi otrazhenii* [Books of reflections]. M.: Nauka, 1979. pp. 225–233. Available at: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0380.shtml [in Russian].

Borisova 2009 – *Borisova E.B.* *O sodержanii ponyatii «khudozhestvennyi obraz» i «obraznost'» v literaturovedenii i lingvistike* [On the content of the concepts of «artistic image» and «imagery» in literary criticism and linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Chelyabinsk State University], 2009, no. 35 (173). *Filologiya. Iskustvovedenie* [Philology. Art History], Issue 37, pp. 20–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/14839017> [in Russian].

Gogol 1951 – *Gogol N.V. Pol. Sobr. soch. v 14 t. T. 6* [Complete works: in 14 vol. Vol. 6]. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 923 p. Available at: <http://russian-literature.org/tom/424305> [in Russian].

Golovacheva 2016 – *Golovacheva O.A.* *Pragmatiko-stilisticheskii potentsial slova N.S. Leskova: yazyk publitsistiki 60-kh godov XIX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmatic-stylistic potential of N.S. Leskov's word: the language of journalism of the 60-ies of the XIX century: author's abstract of Doctoral of Philological Sciences thesis]. Smolensk, 2016. 38 p. Available at: http://www.smolgu.ru/files/doc/D212_254_01/Golovacheva_a.pdf [in Russian].

Zholkovskiy 2008 – *Zholkovskiy A.K.* *Malen'kii metatekstual'nyi shedevr Leskova* [Small metatextual masterpiece of Leskov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 93, pp. 155–176. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/malenkij-metatekstualnyj-shedevr-leskova.html> [in Russian].

Ilyukhina 2016 – *Ilyukhina N.A.* *Metaforicheskii obraz v semasiologicheskoi interpretatsii: monografiya. 2-e izd., ster.* [Metaphorical image in a semasiological interpretation: monograph. 2nd edition, stereotyped]. M.: FLINTA, 2016. 321 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/reader/2915798> [in Russian].

Ledeneva 2000 – *Ledeneva V.V.* *Osobennosti idiolekta N.S. Leskova: monografiya* [Features of N.S. Leskov's idiolect: monograph]. M., 2000. 183 p. [in Russian].

Ledeneva 2015 – *Slovo Leskova: monografiya* [Leskov's word: monograph]. M.: IJU MGOU, 2015. 260 p. Available at: <https://pl.b-ok.cc/book/3300452/9c45bd> [in Russian].

Lotman 1970 – *Lotman Yu.M.* *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of the literary text]. M.: Iskuststvo, 1970. 381 p. Available at: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf [in Russian].

Lotman 1988 – *Lotman Yu.M.* *Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya* [Art space in Gogol's prose].

In: *Lotman Yu.M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': kn. dlya uchitelya* [At the school of poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol': book for teacher]. M.: Prosveshchenie, 1988. pp. 251–293. Available at: <https://omiliya.org/article/khudozhestvennoe-prostranstvo-v-proze-gogolya-yu-m-lotman> [in Russian].

Lotman 1994 – *Lotman Yu.M.* *O prirode iskusstva* [On the nature of art]. In: *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Lotman Yu.M. and the Tartu-Moscow semiotic school]. M.: Gnozis, 1994. pp. 432–438. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/LOTMAN05.HTM> [in Russian].

Lotman 1997 – *Lotman Yu.M.* *Obrazy prirodnikh stikhii v russkoi literature (Pushkin – Dostoevskii – Blok)* [Images of forces of nature in Russian literature (Pushkin – Dostoevsky – Blok)]. In: *Lotman Yu.M. Pushkin* [Pushkin]. SPb., 1997. pp. 814–820. Available at: https://booksafe.net/read/lotman_yuriy-pushkin-204707.html#p401 [in Russian].

Lotman 2002 – *Lotman Yu.M.* *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [Symbols of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city]. In: *Lotman Yu.M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [History and typology of Russian Culture]. SPb.: Iskustvo-SPb., 2002. pp. 208–222. Available at: https://imwerden.de/pdf/lotman_istoriya_i_tipologiya_rus_cultury.pdf [in Russian].

Pozdina 2011 – *Pozdina I.V.* *Zhanrovaya spetsifika prozy N.S. Leskova 1860-kh godov [Tekst]: monografiya* [Genre specifics of N.S. Leskov's prose of the 1860-ies: monograph]. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta, 2011. 198 p. Available at: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/151/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%20%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%98.%D0%92..pdf?isAllowed=y&sequence=1> [in Russian].

Ryasov 2007 – *Ryasov A.* *Dostoevskii i estetika absurda (popytka analiza vzaimosvyazei)* [Dostoevsky and the aesthetics of the absurd (an attempt to analyze the relationship)]. *Topos: literaturno-filosofskii zhurnal* [Topos: literature and philosophical journal] (date of publication: 26.11.2007. Available at: <https://www.topos.ru/article/5949> [in Russian].

Toporov 1995 – *Toporov V.N.* *Mif, Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoietic Studies: Selected writings]. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. 624 p. Available at: <https://studfiles.net/preview/6340906> [in Russian].

Toporov 2003 – *Toporov V.N.* *Peterburgskii tekst russkoi literatury: izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian literature: selecta]. SPb.: Iskustvo-SPb., 2003. 616 p. Available at: <https://imwerden.de/publ-3334.html> [in Russian].

Chernoritskaya 2001 – *Chernoritskaya O.L.* *Poetika absurda* [Poetics of the absurd]. Vologda, 2001. 88 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/090/index.htm> [in Russian].

Eykhensbaum 1969 а – *Eykhensbaum B.M.* *Kak sdelana «Shinel'» Gogolya* [How Gogol's «Shinel'» is Made]. In: *Eykhensbaum B. O proze: sb. st. sost. i podgot. teksta I. Yampol'skogo; vstup. st. G. Byalogo* [About Prose: Collection of articles. Compiler and preparation of text by I. Yampolsky; entry article by G. Byaly]. L.: Khudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1969 а, pp. 306–327. Available at: <http://knigi1.dissers.ru/books/library1/9548-1.php> [in Russian].

Eykhensbaum 1969 б – *Eykhensbaum B.M.* *«Chrezmernyi» pisatel' (K 100-letiyu rozhdeniya N. Leskova)* [«Excessive» writer: (On the 100th anniversary of the birth of N. Leskov)]. In: *Eykhensbaum B. O proze: sb. st. sost. i podgot. teksta I. Yampol'skogo; vstup. st. G. Byalogo* [About Prose: Collection of articles. Compiler and preparation of text by I. Yampolsky; entry article by G. Byaly]. L.: Khudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1969 б, pp. 327–345. Available at: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/eichenbaum/eih/eih-327-.htm> [in Russian].

А.Е. Дунаев

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АТТРИБУТОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В НЕМЕЦКИХ ГОРОДСКИХ ХРОНИКАХ XV–XVI ВВ.

© Дунаев Арсений Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, Московское шоссе, 34.

E-mail: held@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1593-889X>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальному вопросу исторической стилистики немецкого языка – развитию «именного», или «субстантивного» стиля в ранненововерхненемецкий период (XIV–XVII вв.). Материалом исследования послужил один из наиболее популярных и развитых жанров повествовательной прозы этой эпохи – городские хроники. Для исследования выбраны 4 презентативные хроники немецкоязычного ареала XV–XVI вв.: хроники Берна, Базеля, Вормса и Цюриха. Целью статьи является анализ определений существительных с учетом жанровой обусловленности их функционирования в данных текстах.

Вначале приводится анализ синтактико-семантических типов атрибутов в каждой хронике с последующим сравнением данных между хрониками и выводами относительно жанрово-стилистических и прагматических факторов их употребления.

Наиболее часто реализуют свой сочетательный потенциал существительные из группы имен действия. Самым распространенным типом определения является генитивное, при этом между хрониками XV в. и XVI в. выявлены определенные различия в его топологии: так, для хроник XVI в. генитив чаще расположен в постпозиции к определяемому слову. Для всех хроник характерно малое число инфинитивов и распространенных причастий в функции определения, невелико число именных групп с несколькими атрибутами. Также небольшой удельный вес имеют именные группы с атрибутами II и III уровней зависимости.

По результатам исследования можно сделать вывод, что хроникальные тексты по объему и глубине именной группы отличались от узуса официально-деловой сферы. Различия между хрониками XV в. и XVI в. выявлены только по отдельным типам атрибутов, тогда как общая картина принципиально не изменилась. Именную группу в исследованных текстах следует характеризовать как компактную. Это может объясняться нежеланием хронистов усложнять восприятие текста, т. к. многие официальные хроники зачитывались вслух. Насыщенность и информативность, характерные для текстов познавательной литературы, выражались на уровне основных членов предложения, а не именной группы.

Ключевые слова: ранненововерхненемецкий язык, городские хроники, определения, атрибуты, группа существительного, имена действия, генитивные атрибуты.

Цитирование. Дунаев А.Е. Жанрово-стилистические характеристики атрибутов существительного в немецких городских хрониках XV–XVI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 149–155. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-149-155>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-149-155
UDC 811.11-112

Submitted: 18/X/2019
Accepted: 27/XI/2019

A.E. Dunaev

GENRE AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF NOUN ATTRIBUTES IN GERMAN TOWN CHRONICLES OF THE XV AND XVI CENTURIES

© Dunaev Arseny Evgenyevich – Candidate of Philological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: held@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1593-889X>

ABSTRACT

The paper deals with the actual issue of the historical stylistics of German – development of the nominal style in the Early New High German (XV and XVI centuries). The town chronicles as one of the most popular genres of the narrative prose from this period are used as study material. For the research, four chronicles of the German-language area from XV and XVI centuries have been chosen: these of Bern, Basel, Worms and Zürich. The purpose of article is to analyze different types of attributes with regard to their genre-specific function. First, an analysis of syntactic and semantic types of attributes in each chronicle is conducted with subsequent data comparison between each text and conclusions about stylistic and pragmatic factors of the use of attributes. For this, we used a sample of 1500 noun phrases chosen from the chronicles specified.

The action nouns realize their combinative potential most often. The most frequent attribute type is an attribute in Genitive, whereby some differences in its topology are discovered between the chronicles of the XV century, on the one side, and the chronicles of the XVI century, on the other. In the latter, the attributive genitive is more often placed after the main word. For all chronicles, only a small number of infinitives and participles in function of attribute are found, the number of noun phrases with several attributes is small, too. The percentage of noun phrases with attributes of the second and third dependency degree is not large either.

The research made allows a conclusion that the town chronicles have differed from the usage of official writing in respect to the volume and «depth» of a noun phrase. Differences between the chronicles of XV and XVI centuries are discovered only in some attribute types, whereas the general picture does not alter principally. The noun phrase in our texts should be characterized as a compact one. It may be explained with the unwillingness of authors to complicate the perception of their texts, for many official chronicles were read aloud. Complexity and informativeness characteristic for the official and early scientific texts seem to be expressed in chronicles at the level of the main sentence parts, but not at that of a noun phrase.

Key words: Early New High German, town chronicles, attributes, noun phrase, action noun, attributive genitive.

Citation. Dunaev A.E. *Zhanrovo-stilisticheskie kharakteristiki atributov sushchestvitel'nogo v nemetskikh gorodskikh khronikakh XV–XVI vv.* [Genre and stylistic characteristics of noun attributes in German town chronicles of the XV and XVI centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 149–155. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-149-155> [in Russian].

Введение

Для истории немецкого языка актуальны исследования, посвященные изучению возникновения и развития базовых лексических и синтаксических феноменов, характерных для современного литературного стандарта. Одним из таких феноменов признается т. н. «субстантивный» стиль (Nominalstil), присущий многим жанрам современного немецкого литературного языка [Адмони 1973, с. 40]. Под субстантивным стилем понимают высокий удельный вес существительных и членов группы существительного в составе предложения. Широкая употребительность и, как следствие, разрастание и усложнение именной группы связаны с ее возможностями компактного выражения информации [Fleischer 1977, S. 232].

Истоки именного стиля восходят к первичному этапу формирования немецкого литературного стандарта (XV–XVII вв.). В эту эпоху, указывает В.Г. Адмони, группа существительного расширяется и перестраивается, причем центральное место занимает перераспределение согласующихся и несогласующихся элементов группы, возникновение сложных слов и возрастание количества атрибутов [Адмони 1966, с. 118]. Уже для XVI века можно констатировать наличие некоторой стилистической дифференциации в этом плане, т. к. интенсивность этих процессов различалась в разных жанрах. Поэтому актуальной задачей является исследование субстантивной группы в центральных жанрах письменности ранненововерхненемецкого периода XV–XVI вв. Одним из таких жан-

ров исследователи признают городские хроники XV–XVI вв., служившие помимо своей основной функции также популярным чтением представителей высшей бюргерской прослойки [Kleinschmidt 1982, S. 116].

Целью статьи является исследование морфолого-синтаксических и семантических характеристик определений (атрибутов) именной группы в городских хрониках немецкоязычного ареала XV–XVI вв. с учетом прагматистического аспекта их функционирования. Для исследования были отобраны 115 существительных с числом примеров около 1500. Мы анализировали количественные и качественные характеристики определений существительных, распределяемых по семи семантико-морфологическим группам: имена действия, деятеля, результата, состояния, качества, имена реляционные и имена квантитативные.

Анализу атрибутов предшествует характеристика городских хроник как типа текста ввиду релевантности прагматического фактора/потенциала для интерпретации языковых феноменов. Материалом исследования послужили четыре хроники ранненововерхненемецкого (далее рнвн.) периода, широко известные современникам, одним из признаков чего служит традирование – количество их сохранившихся рукописей. Это Базельская хроника Ф. Рифа (1514–1541 гг., продолжение П. Рифа 1543–1585 гг.) (B1), Бернская хроника К. Юстингера (1420–1425 гг.) (B2), Вормская хроника Ф. Цорна (около 1570 г., с добавлениями Ф. Флерсхейма) (W) и анонимная хроника г. Цюриха 1415–1418 гг. (Z).

К. Юстингер долгое время состоял городским писарем, хотя в 1420–1425 г., т. е. во время создания хроники Берна, уже отошел от дел. Написанная им хроника использовалась позднейшими авторами в качестве достойного доверия источника.

Ф. Цорн, автор хроники Вормса, с 1465 года занимал должность ректора городской школы Вормса. При написании хроники он обращался к актам и грамотам из городского архива, активно использовал книги Совета и городские анналы на латыни [Arnold 1969, S. 2–3]. В 1590 г. хроника была дополнена Ф. Флерсхеймом, о котором известно лишь, что он находился в зависимых отношениях от капитула Вормса (являлся его ленником) [Arnold 1969, S. 3–4].

Практически неизвестна биография автора Базельской хроники Ф. Рифа. Достоверно известно лишь, что он входил в цех ткачей и в состав Большого совета в Базеле, будучи убежденным протестантом [Piirainen 1980, S. 233].

Городские хроники как тип текста

Хроники имперских и «вольных» городов (Reichs- und freie Städte) «Священной римской империи германской нации» возникли во второй половине XIV в. и, по мнению исследователей, синтезировали традиции городской письменности

официально-деловой сферы (т. н. «городских» книг и реляций) и «всемирных» хроник, авторами которых зачастую выступали образованные духовники – францисканцы и доминиканцы [Wriedt 2000]. В XV–XVI вв. рецепция городских хроник ощутимо расширяется: помимо верхней городской прослойки, интерес к историографическим сочинениям распространяется и в среде рядовых бюргеров. Однако установка авторов хроник, ориентирующихся на образованную публику (*cluge, wolverstanden und vernunftig laie* в противовес *einfältige und arme laie*) осталась неизменной, свидетельством чего являются, в частности, латинские вставки в историографические тексты.

Содержание и лексика хроник отражают социальные и политические практики эпохи их создания. Для городских хроник, как и для большинства типов текстов рнвн. деловой письменности, характерен жанровый синкретизм. Они заимствовали определенные стилистические черты официально-деловых текстов («деловитость», клишированность) и содержали фрагменты официальной корреспонденции, актов или грамот.

По сравнению с традиционными «всемирными» хрониками функции официальных городских хроник, т. е. написанных по заказу Городского совета, значительно меняются. В то время как традиционные хроники призваны удовлетворить познавательный интерес читателей, нередко с морализирующей компонентой, центральной функцией городских хроник является легитимация истории и притязаний конкретного города [Metzler 1995, S. 103]. Другими их функциями, важными в том числе для реализации основной функции, являлись информирование, документирование событий и развлечение читателей.

Частные хроники, согласно Б. Менке, выросли из интереса бюргерства (особенно высшей его прослойки в лице ратманов) к историографии, характерного для XV в. [Menke 1958, S. 209]. Соответственно, основными функциями для этих хроник следует считать информирование и документирование, тогда как легитимация городской истории отходит на второй план.

Современники воспринимали как хроники, так и анналы не в качестве сложившихся жанров с четкими границами, а как фиксацию истории. Отчетливых границ между жанрами и типами текста в условиях перестройки и активного развития жанрово-стилистической системы рнвн. языка не существовало, многие жанры характеризовались синкретизмом. Эта особенность присуща как официальным, так и частным городским хроникам.

Центральными для стиля хроник следует признать такие факторы, как образованность автора и его ориентацию на официально-деловые тексты или историографические жанры в узком смысле: традиционные «всемирные» хроники или «хроники страны» (Landschroniken), написанные гуманистами. Установка на информативность и смысловую насыщенность была присуща обоим типам городских хроник.

Атрибуты существительного в городских хрониках

Исследование субстантивной группы в указанных хрониках позволило сделать следующие наблюдения. Наиболее часто актуализируют определения в родительном падеже существительных из группы имен действия (*nomina actionis*), что обусловлено их широкими сочетательными возможностями. Местоположение генитива зависит от нескольких факторов, причем особенно заметно расхождение по этому признаку между хрониками разных периодов. Так, в хронике Берна XV в. генитив явственно «склонен» к препозиции во всех семантических группах существительных, за исключением имен действия. Тогда как для хроник XVI в., т. е. из Вормса и Базеля, можно констатировать тяготение генитива к постпозиции.

Следующим фактором, определяющим топологию генитивного определения, является его принадлежность к числу антропонимов или лиц неодушевленных. Для Бернской хроники было установлено тяготение антропонимов к препозиции, а имен неодушевленных – к постпозиции. Например: ... *es [das komet] betüte eines grossen fürsten tot* (B1, S. 189). Здесь генитив субъекта, выраженный сочетанием *eines grossen fürsten*, располагается в препозиции. В постпозиции обнаружены по большей части партитивные генитивы: ...*do kam also, daz die herschaft von österich den von habspurg ein summe geltes gaben* (B2, S. 46).

В хрониках XVI в. ситуация другая: антропонимы в них зафиксированы по большей части в постпозиции. Например, *Sodann die chur und wal der meistern, so in den zunften erkosen, belangen...* (B1, S. 96). Здесь объектный генитив *der meistern* распространяется придаточным определительным.

Хотя хроники Базеля и Вормса по данному параметру несколько разнятся, однако в целом эти различия гораздо менее существенны, чем между хрониками XV в., с одной стороны, и хрониками XVI в. – с другой. На первом плане, таким образом, оказываются различия не индивидуальных авторских стилей хронистов, а перестройка внутри субстантивной группы на протяжении этих веков в языке в целом.

Данные по генитивным атрибутам, выраженным именами неодушевленными, также достаточно отчетливы. Так, уже в Бернской хронике такие определения располагаются преимущественно в постпозиции, а в хрониках XVI в. «перевес» постпозиции становится еще более очевидным (см. таблицу).

По нашим данным, расположение генитивного определения не зависит от его семантического типа. И только генитив партитивный и генитив изъяснительный обнаружены исключительно в постпозиции к определяемому слову. Например, генитив изъяснительный: ...*und sollich stroff der kranckheit sollicher schweren pestillenz von unsz zu nehmen* (B1, S. 163). Генитив партитивный: ...*hat er ihme gleichfalls ein viertel des besten weins*

müssen laßen zukommen (W, S. 67). Здесь генитив определяет количественное существительное и представляет собой обозначение вещества в сочетании «мера + вещество».

В хрониках XVI в. мы установили некоторое усложнение атрибутивной группы с увеличением доли генитивных определений. Позиционные колебания генитива в хрониках Вормса и Базеля выражены гораздо слабее, что можно объяснить перемещением его в постпозицию в ведущих жанрах письменности XVI в.

Незначительно число синонимов генитива – предложных конструкций с предлогом *von*. Приведем один из немногих примеров: ...*won ein geswornen schriber von der stat ze costentz darzu geordenot waz* (B2, S. 237). Здесь комплексный предложный атрибут *von der stat ze costentz* является синонимом генитива притяжательного. В целом доля предложных определений в хрониках XVI в. возрастает лишь незначительно и заметно отстает от определений в генитиве.

По нашим данным, адъективные и причастные определения в хрониках XVI в. используются примерно с той же частотой, что и у хронистов XV в., и также в основном в препозиции к определяемому существительному. Доля относительных прилагательных составляет здесь менее 50 %. Интересный пример с прилагательным *keyserlich*: ...*daz si [die von bern] von kraft wegen keyserlicher friheit dieselben drye man von erlach... ze burger wol nemen mochten und solten* (B2, S. 77). Здесь это прилагательное соответствует генитиву субъекта, а не генитиву принадлежности, поскольку кайзер здесь не обладатель, а «даритель» свобод.

Если относительные прилагательные дают качественную характеристику определяемого существительного, то они являются синонимом «генитива качества», например: ...*und waz von walchen waz, die also mit schamlicher flucht von dannan kamen...* (B2, S. 90).

Распространенные причастные определения обнаружены в Вормской хронике в 5 случаях и в единственном – в Базельской. Характерный пример: ...*das soll gehalten werden nach herkommen und freiheit der stadt Worms und zwischen unser beider voraufgerichteten vertrags* (W, S. 158).

Также редки в функции атрибутов в хрониках инфинитивы, однако все они распространяются зависимыми членами. Приведем несколько наглядных примеров: ...*belegerten das [Meyland] mit des künigs volck, logen lang dorvor in meinig die in der stat usz zu hängen* (B1, S. 47). Или: ...*und dieselben brief ... geschickt mit befehl, die einem alten 80 jährigen mann in einer vorstadt seßhaftig zu überantworten* (W, S. 248).

Употребление инфинитивов в качестве атрибутов лишь незначительно возрастает в хрониках XVI в. По удельному весу причастных определений и инфинитивов, таким образом, городская хроника как тип текста приближается скорее к художественной письменности, но не к канцелярскому узусу.

Table

Таблица

Characteristics of attributes in town chronicles		Типология атрибутов в городских хрониках		
Хроника	Берн	Вормс	Базель	
Число примеров	490	571	315	
С генитивом	17 % (82)	27 % (156)	25 % (79)	
Генитивов в препозиции	52 %	24 %	29 %	
Генитивов в постпозиции	48 %	76 %	71 %	
Семантические типы генитива в препозиции	28 % Sub, 37 % Obj, 35 % Pos	26 % Sub, 16 % Obj, 58 % Pos	48 % Sub, 17 % Obj, 30 % Pos, 5 % Part	
Семантические типы генитива в постпозиции	56 % Sub, 15 % Pos, 13 % Obj, 13 % Part, 3 % Qual	40 % S, 37 % Obj, 16 % Pos, 5 % Part, 2 % Def	30 % Sub, 46 % Obj, 12 % Pos, 8 % Part, 2 % Def, 2 % Hebr	
Распределение антропонимов в пре- и постпозиции	66 % пре, 34 % пост	28 % пре, 72 % пост	39 % пре, 61 % пост	
Распределение имен неодушевленных в пре- и постпозиции	20 % пре, 80 % пост	17 % пре, 83 % пост	14 % пре, 86 % пост	
Притяжательные местоимения	23 %	20 %	12 %	
Предложные обороты с von или durch	0,06 %	–	–	
Предложные определения	8 %	6 %	11 %	
Адъективные и причастные определения	18 %	12 %	18 %	
Распространенные причастия	–	1 % (5)	0,3 % (1)	
Приложения	1 %	5 %	6 %	
Придаточные определительные	рестриктивные	4,5 %	2 %	2 %
	свободные	2 %	3 %	1 %
Инфинитивы	0,2 %	0,4 %	3 %	
Именные группы с несколькими атрибутами	9 %	9 %	7 %	
Именные группы с атрибутами II уровня зависимости	6 %	10 %	14 %	
Дистантные атрибуты	3 %	1 %	3 %	

Примечания: Хроника Цюриха здесь не рассматривается ввиду небольшого числа примеров для исследуемых явлений.

Сокращения: пре – препозиция; пост – постпозиция; Def – genitivus definitivus; Hebr – genitivus hebraicus; Obj – genitivus objectivus; Part – genitivus partitivus; Pos – genitivus possessivus; Qualit – genitivus qualitatis; Sub – genitivus subjectivus.

Приложения также отмечены лишь в немногих случаях. Например, в следующем примере из хроники Вормса реляционное существительное *vorfahr*, являясь генитивным определением лексемы *feind*, само распространяется согласующимся приложением: *nach welchem ist erwähnt worden Conradus von Türkheim, dechant zu Mainz, ein ab-gesagter feind seines vorfahren des Landolphi* (W, S. 88).

Регулярно приложением оформляются отношения партитивности в группе «мера + вещество», причем если в хронике Берна в этой же функции столь же часто употребляется генитив партитивный, то в хрониках XVI в. приложение уже явно преобладает над партитивным генитивом. Например: *...und galt... das malter haber um 12 fl[orin]* (W, S. 202); *...galt ein soum alt win sechsthalb pfundt* (B1, S. 155).

Это также свидетельствует об отмежевании языка хроник от консервативного узуса официально-правовой письменности и совпадает с данными, полученными Э.Л. Шубиной на материале художественных текстов [Шубина 2007, с. 11–26]. По данному параметру, таким образом, для хроник XVI в. можно констатировать сближение с литературным узусом последующей эпохи.

По такому параметру, как использование придаточных определительных, хроники XV и XVI вв. существенно не отличаются (см. таблицу). Из релятивов, вводящих определительные придаточные, абсолютно преобладает относительное наречие «книжного» типа *so* (35 примеров). На втором месте по частоте – относительные местоимения корня *-d* (21 пример) и корня *-w* (всего 5 примеров), остальные релятивы встречены в единичных случаях. Хотя релятивы «канцелярского»

характера (т. е. *welcher* и *so*) употребляются чаще, регулярное использование стилистически нейтрального союза *der* не позволяет сделать вывод о принадлежности этих текстов к узусу официально-деловой сферы.

По такому параметру, как количество атрибутов у существительного («насыщенность» именной группы), различия между хрониками не выявлены (см. таблицу). В хрониках XVI в. установлены различия по глубине атрибутивной группы, т. е. числу атрибутов, зависящих от других атрибутов, в зависимости от семантических типов определяемых существительных. В Бернской хронике глубина атрибутивной группы меньше, чем в других хрониках, что объясняется, видимо, индивидуальным стилем ее автора, К. Юстингера.

В целом насыщенность группы существительного атрибутами в исследованных хрониках невелика, преобладают выраженные генитивом определения (см. таблицу). Хотя по ряду показателей (топология генитива, «глубина») именные группы в хрониках XVI в. несколько отличаются от хроник XV в., однако эти вариации не имеют принципиального характера. Это следует связывать с прагматикой жанра: авторы хроникальных текстов предпочитали более простые конструкции, легкие для восприятия, и стремились не допускать усложнения синтаксиса, обычного в канцелярских документах.

Строгость и «деловитость» стиля, характерные для центральной композиционно-речевой формы данного типа текста – сообщения (*Berichten*), в хрониках XVI в. в основном не меняются. Об этом свидетельствуют сравнительно небольшой удельный вес прилагательных и частое обращение к клишированным формам. Реализация атрибутов нередко обусловлена употреблением стержневых существительных в правовых, политических и административных контекстах, особенно в составе устойчивых словесных комплексов.

Заключение

Такие характеристики именной группы в хрониках, как весьма малое число инфинитивов и причастных определений, распространяемых зависимыми членами, а также небольшая глубина группы, говорят о большей простоте хроникальных текстов по сравнению с канцелярской письменностью. Фактором, сдерживающим разрастание именной группы и усложнение структуры предложения в целом, мог служить обычай зачитывать фрагменты официальных хроник на заседаниях Совета. Соответственно, авторы хроник стремились не усложнять именную группу и вместо определений существительных использовали главные члены предложения с той же коммуникативной нагрузкой. Также можно предположить, что какие-то сведения хронисты считали известными читателям (или слушателям) и поэтому не упоминали их, особенно в составе именной группы.

По таким показателям, как глубина субстантивной группы и топология генитивных определений, хроники XVI в. (Базеля и Вормса) отличаются от хроник XV в. (Берна, Цюриха). При этом, однако, объем и количество атрибутов группы существительного в хроникальных текстах XVI в. принципиально не меняются, поэтому говорить о значимом увеличении доли определений в хрониках XVI в. по сравнению с XV в. не представляется обоснованным.

Необходимо отметить определенное влияние авторского стиля. Так, стиль Бернской хроники можно считать достаточно близким к языку канцелярии с присущей ему консервативностью.

Стиль Вормской хроники менее скован нормами официально-правового узуса. Это проявляется, например, в сочетании в тексте таких стилистически гетерогенных элементов, как распространенные причастные определения и датив притяжательный. Можно предположить, что стилистическая неоднородность этой хроники объясняется, в том числе, и различием индивидуального стиля обоих ее авторов. Стиль Базельской хроники можно считать типичным для литературного узуса образованных представителей городской верхушки.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что оценка Г. Ролоффа, характеризовавшего швейцарские хроники XV в. как «обладающие минимумом языкового материала» [Roloff 1970, S. 140], с некоторыми оговорками справедлива и для хроник XVI в. Именная группа в рассмотренных нами хроникальных текстах характеризуется компактностью и лаконизмом средств выражения.

Источники фактического материала

Z – *Chronik der Stadt Zurich mit Fortsetzungen*. Hrsg. von J. Dierauer. Basel, 1900. 271 S.

B2 – *Die Berner Chronik des C. Justinger*. Hrsg. von G. Studer. Bern, 1871. 291 S.

B1 – *Die Chronik des Fridolin Ryff 1514-1541. Mit der Fortsetzung des Peter Ryff. 1543-1585 / Basler Chroniken 1*. Basel, 1872. S. 18-189.

W – *Wormser Chronik von Friedrich Zorn. Mit den Zusätzen F.B. von Flersheim*. Hrsg. von W. Arnold. Amsterdam, 1969. 277 S.

Библиографический список

Arnold 1969 – *Arnold Walter*. Einleitung. *Wormser Chronik von F. Zorn mit den Zusätzen F. von Flersheim*. / Hrsg. von W. Arnold. Amsterdam: Rodopi, 1969. S. 1-10. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_hDgLAAAAQAAJ.

Ebert 1999 – *Ebert Robert*. *Historische Syntax des Deutschen*. Bd. 2: 1300-1750. Berlin: Weidler, 1999. 195 S. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3398787/275216>.

Fleischer 1977 – *Fleischer Wolfgang, Michel Georg*. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB, 1977. 394 S.

Kleinschmidt 1982 – *Kleinschmidt Erich*. Stadt und Literatur in der frühen Neuzeit. Köln: Böhlau, 1982. 415 S.

Menke 1958 – *Menke Johannes*. Geschichtsschreibung und Politik in deutschen Städten des Mittelalters. Köln: Verlag der Löwe, 1958. 194 S. DOI: <https://doi.org/10.7788/jbk-gv-1958-jg02>.

Metzler 1995 – *Metzler R.* Zur Subklassifizierung chronikalischer Texte des 16. Jh. // Chronologische, areale und situative Varietäten des Deutschen in der Sprachhistoriographie. Hrsg. Von G. Lerchner. Frankfurt/Main: Peter Lang, 1995. S. 101–112.

Piirainen 1980 – *Piirainen Ilpo*. Frühneuhochdeutsche Bibliographie. Tübingen: Niemeyer, 1980. 77 S.

Roloff 1970 – *Roloff Hans-Gert*. Stilstudien zur Prosa des XV. Jh. Die Melusine des Thuring von Ringoltingen. Köln: Böhlau, 1970. 192 S.

Wriedt 2000 – *Wriedt Klaus*. Bürgerliche Geschichtsschreibung im XV und XVI Jh. // Städtische Geschichtsschreibung im Spätmittelalter und in der Frühen Neuzeit. Hrsg. von P. Johanek. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. S. 19–50.

Адмони 1966 – *Адмони В.Г.* Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л.: Наука, 1966. 214 с.

Адмони 1973 – *Адмони В.Г.* Пути развития грамматического строя в немецком языке. М.: Высшая школа, 1973. 175 с.

Шубина 2007 – *Шубина Э.Л.* Проблема нормы и вариативности в немецком языке на уровне словосочетаний типа Nquant + AdjN и eine Art + AdjN (по материалам художественной литературы XVII–XX веков, современной прессы и экспериментальных данных): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 49 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/problema-normy-i-variativnosti-v-nemetskom-yazyke-na-urovne-slovosochetanii-tipa-nquantadjn/read>.

References

Arnold 1969 – *Arnold Walter*. Einleitung. Wormser Chronik von F. Zorn mit den Zusätzen F. von Flersheim. / Hrsg. von W. Arnold. Amsterdam: Rodopi, 1969. S. 1–10. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_hDgLAAAAQAAJ [in German].

Ebert 1999 – *Ebert Robert*. Historische Syntax des Deutschen. Bd. 2: 1300–1750. Berlin: Weidler, 1999. 195 S. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3398787/275216> [in German].

Fleischer 1977 – *Fleischer Wolfgang, Michel Georg*. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB, 1977. 394 S. [in German].

Kleinschmidt 1982 – *Kleinschmidt Erich*. Stadt und Literatur in der frühen Neuzeit. Köln: Böhlau, 1982. 415 S. [in German].

Menke 1958 – *Menke Johannes*. Geschichtsschreibung und Politik in deutschen Städten des Mittelalters. Köln: Verlag der Löwe, 1958. 194 p. DOI: <https://doi.org/10.7788/jbk-gv-1958-jg02> [in German].

Metzler 1995 – *Metzler R.* Zur Subklassifizierung chronikalischer Texte des 16. Jh. In: *Chronologische, areale und situative Varietäten des Deutschen in der Sprachhistoriographie*. Hrsg. Von G. Lerchner. Frankfurt/Main: Peter Lang, 1995. S. 101–112 [in German].

Piirainen 1980 – *Piirainen Ilpo*. Frühneuhochdeutsche Bibliographie. Tübingen: Niemeyer, 1980. 77 S. [in German].

Roloff 1970 – *Roloff Hans-Gert*. Stilstudien zur Prosa des XV. Jh. Die Melusine des Thuring von Ringoltingen. Köln: Böhlau, 1970. 192 S. [in German].

Wriedt 2000 – *Wriedt Klaus*. Bürgerliche Geschichtsschreibung im XV und XVI Jh. In: *Städtische Geschichtsschreibung im Spätmittelalter und in der Frühen Neuzeit*. Hrsg. von P. Johanek. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. S. 19–50 [in German].

Admoni 1966 – *Admoni W.G.* Razvitie struktury predlozheniya v period formirovaniya nemetskogo natsional'nogo yazyka [Development of the phrase structure in the period of establishing the German national language]. L.: Nauka, 1966. 214 p. [in Russian].

Admoni 1973 – *Admoni W.G.* Puti razvitiya grammaticheskogo stroya v nemetskom yazyke [Ways of grammar development in the German language]. M.: Vysshaya shkola, 1973. 175 p. [in Russian].

Shubina 2007 – *Shubina E.L.* Problema normy i variativnosti v nemetskom yazyke na urovne slovosochetanii tipa Nquant + AdjN i eine Art + AdjN (po materialam khudozhestvennoi literatury XVII–XX vekov, sovremennoi pressy i eksperimental'nykh dannyykh): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Problem of norm and variation in German at the level of word-group of type Nquant + AdjN and eine Art + AdjN (on the material of imaginative writing of the XVII–XX centuries, modern press and experimental data): author's abstract of Doctoral of Philological Sciences thesis]. M., 2007. 49 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/problema-normy-i-variativnosti-v-nemetskom-yazyke-na-urovne-slovosochetanii-tipa-nquantadjn/read> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-156-161
УДК 81.33: 659.4

Дата поступления статьи: 21/VIII/2019
Дата принятия статьи: 15/IX/2019

Т.П. Романова

ГЕОБРЕНДИНГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ САМАРСКИХ ИВЕНТОНИМОВ

© Романова Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: romanovatp@mail.ru. Scopus ID: 57190246234. ResearcherID: Y-2600-2018. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6951-1111>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию самарских ивентонимов – собственных имен специальных событий, организуемых на территории Самарского региона: фестивалей, марафонов, выставок, конкурсов и других культурно-массовых и спортивных мероприятий. Наше исследование строится в общем русле социологического подхода к языковой действительности, а также с учетом семиотических свойств ивентонимов при означивании специальных событий. Цель исследования состоит в том, чтобы на основании структурно-семиотического анализа лексического состава самарских ивентонимов выявить вербальные маркеры – бренд-идентификаторы территории (БИТ-компоненты), наличие которых позволяет считать собственные имена ивентов новым информационно-коммуникационным ресурсом, значимым для формирования и продвижения имиджа геолокации. Обнаруженные в составе собственных имен специальных событий вербальные маркеры устанавливают тесную ментальную связь с концептуальным ядром регионального бренда и его характеристиками, транслируя устойчивые ассоциативные смыслы. Наиболее частотными типами БИТ-компонентов являются топонимы Самарского края, мемориальные антропонимы, названия ценностных маркеров и знаковых символов адресата, а также номинации широко известных культурно-массовых мероприятий, проведение которых тесно связано с регионом. Анализ собственных имен специальных событий в аспекте геобрендингового потенциала показал, что свыше 50 % самарских ивентонимов являются БИТ-маркированными и, таким образом, вступая в коммуникацию с целевой аудиторией, вносят определенный вклад в формирование образа геолокации.

Коммуникативные возможности БИТ-маркированных собственных имен специальных событий можно и нужно целенаправленно использовать в процессе геобрендинговых коммуникаций. Проектируя новые номинации, целесообразно ориентироваться на включение в них знаковых доминант региона, чтобы БИТ-маркированные ивентонимы становились их постоянными репрезентантами и активно способствовали формированию целостной имиджевой концепции Самарского региона.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, собственные имена специальных событий, ивентонимы, бренд-идентификаторы региона.

Цитирование. Романова Т.П. Геобрендинговый потенциал самарских ивентонимов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 156–161. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-156-161>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

GEO-BRANDING POTENTIAL OF SAMARA EVENT NAMES

© Romanova Tatiana Pavlovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Russian Language and Mass Communications, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: romanovotp@mail.ru. Scopus ID: 57190246234, ResearcherID: Y-2600-2018. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6951-1111>

ABSTRACT

The article is devoted to the study of Samara eventonyms – proper names of special events organized in the Samara Region: festivals, marathons, exhibitions, competitions and other cultural and sports events. Our research is built in the general vein of a sociological approach to linguistic reality, as well as taking into account the semiotic properties of event names when meaning special events. The purpose of our study is to identify verbal markers – brand identifiers of the territory (BIT components) based on the structural and semiotic analysis of the lexical composition of Samara event names, the presence of which allows us to consider the event's proper names as a new information and communication resource that is significant for the formation and promotion of geo-location image. Verbal markers found in the proper names of special events establish a close mental connection with the conceptual core of a regional brand and its characteristics, transmitting stable associative meanings. The most common types of BIT components are the toponyms of the Samara Territory, memorial anthroponyms, names of value markers and symbolic symbols of the addressee, as well as nominations of well-known cultural events that are closely connected with the region. The analysis of proper names of special events in the aspect of geo-branding potential showed that over 50 % of Samara event names are BIT-labeled, and thus, entering into communication with the target audience, they make a certain contribution to the formation of the geo-location image.

The communicative capabilities of BIT-labeled proper names for special events can and should be purposefully used in the process of geo-branding communications. When designing new nominations, it is advisable to focus on the inclusion of the signs of the dominant region in them, so that BIT-labeled eventonyms become their permanent representatives and actively contribute to the formation of a holistic image concept of the Samara Region.

Key words: advertising communication, special event proper names, eventonyms, brand identifiers of the territory.

Citation. Romanova T.P. *Geobrendingovy potentsial samarskikh iventonimov* [Geo-branding potential of Samara event names]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 156–161. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-156-161> [in Russian].

Введение

Для обозначения собственных имен культурно-массовых мероприятий и специальных событий (ивентов) предлагаем использовать термин **ивентоним** (от лат. *eventus* ‘событие’, ‘случай’ и греч. *опута*, *опота* ‘имя’), созданный по аналогии с близким по значению термином – *эвентоним*, обозначающим собственные имена событий в широком смысле слова¹ [Романова 2019 а, с. 288].

Собственные имена культурно-массовых мероприятий представляют собой активно развивающийся тип онимов, выделенный А.В. Суперанской в фундаментальном труде «Общая теория имени собственного» [Суперанская 1973]; рекламный статус этих имен проанализирован в монографии И.В. Крюковой [Крюкова 2004]; как собственные имена, подверженные влиянию моды, они рассмотрены в монографии О.В. Врублевской [Врублевская 2017], однако их геобрендинговый потенциал пока не был отмечен отечественной наукой.

Брендирование территории относится к числу наиболее актуальных проблем развития регионов России и страны в целом. «В XXI веке Россия только приступает к крупномасштабному имиджированию себя как современного успешно и динамично развивающегося государства» [Коршунов 2017, с. 251].

В связи с этим особую актуальность приобретает создание имиджевой концепции регионов на основе ресурсной базы, символического капитала и стратегии развития. Что предполагает разработку концепции региональных брендов и определение в их имидже ключевых характеристик, в наибольшей степени соответствующих позиционированию².

Концепция бренда Самарского региона в настоящее время находится на стадии формирования, хотя многие позиции уже определены. Создан и утвержден туристический логотип Самарской области, который представляет собой изобра-

жение S-образной излучины Волги, заключенной в зеленый контур, по форме напоминающий сердце: Жигулевские горы, которые обнимают Волгу. Эта символическая форма, с одной стороны, соответствует картографическим очертаниям области, с другой – мотивирована положением края в центральной части РФ³.

Знаковый символ «сердца» находит отражение в номинациях самарских фестивалей, например «Открытое небо – открытые *сердца*». Парафраз «*Рожденные в сердце России*» из названия традиционного Губернского фестиваля самодеятельного народного творчества становится образной номинацией жителей Самарского региона.

В аспекте формирования туристического бренда региона немаловажное значение имеет событийный маркетинг, который включает мероприятия событийного туризма и другие специальные события различного уровня, организуемые на территории области: фестивали, спортивные мероприятия, карнавалы, конкурсы, праздники, концерты, культурно-исторические реконструкции, выставки и экскурсионные программы.

Самарские ивентонимы – собственные имена специальных событий, организуемых на территории Самарской области, – оказываются естественным зеркалом, в котором отражается знаковая специфика региона, и являются новым информационно-коммуникационным ресурсом, значимым для формирования и продвижения имиджа территории.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы, используя методику структурно-семиотического анализа собственных имен самарских ивентов [Морозова 2002], выявить типологию вербальных маркеров, которые актуализируют ассоциативную связь с ключевыми характеристиками геолокации, и, таким образом, обнаружить новый инструмент вербального воздействия, который может быть активно использован в процессе формирования бренда Самарского региона.

Результаты исследования

Специально созданные события являются инструментом событийного маркетинга, который может быть успешно использован для формирования бренд-имиджа геокорпорации (области, района, страны). Как показывает мировая практика, они способны привлечь значительные потоки туристов, которые становятся основными носителями информации о регионе.

Главную роль в процессе продвижения специальных событий играют их собственные имена, несущие образно представленные идеи ивентов. «Фундаментальной задачей брендинга является создание уникального образа продукта, при котором любое упоминание имени бренда будет вызывать уникальные ассоциации в сознании человека» [Долгих 2017, с. 118].

Процесс событийного маркетинга предполагает активные презентационные коммуникации,

в составе которых ивентонимы занимают ключевые позиции⁴. «Главным образом продвигается имя события. Если оно становится известным и популярным, то место-организатор соответственно также усиливает собственную известность и положительную репутацию» [Долгих 2017, с. 119]. Ивентонимы не только включаются в рекламные контексты, но и являются ключевыми словами в составе разнообразных публицистических материалов.

Формируя собственный бренд, специальное событие, выступает в качестве «мягкой силы», в основе которой заложены культурные ценности, притягивающие целевую аудиторию; но в то же время оно способно также продемонстрировать деятельный потенциал территории. Участники специальных событий сохраняют в памяти их имена, употребляют и распространяют информацию об ивентах, становясь живыми носителями бренд-коммуникаций геолокации, которая в данном случае рассматривается не только как место проведения события, но как субъект-организатор.

Собственные имена специальных событий несут в себе информационно-коммуникативный потенциал, значимый для формирования и продвижения имиджа геолокации, поскольку многие из них содержат вербальное представление смысловых имиджевых доминант региона, которые можно назвать – **бренд-идентификаторами территории** (БИТ): Экспедиция «*Жигулевская кругосветка на собачьих упряжках Volga Quest*» [Романова 2019 б, с. 454–455].

«Ключевыми бренд-идентификаторами, помимо визуальных, являются содержательные, ценностные маркеры, все устойчивые ассоциативные символы, всплывающие в памяти потенциального туриста, когда он думает о городе, который хочет посетить. Такими маркерами могут быть известные персоны (Толстой для Ясной Поляны), достопримечательности, общеизвестные исторические события (битва при Бородине)» [Чечулин 2015, с. 53].

Вербальные БИТ-компоненты представляют собой ключевые слова, обеспечивающие ментальную связь ивентонима с концептуальным ядром бренда и его характеристиками. Сюда прежде всего относятся значимые для характеристики региона собственные имена: его титульная номинация, местные топонимы и обозначения имиджевых ресурсов территории, к числу которых Д.Н. Замятин относит также знаки, символы, архетипы и стереотипы определенной территории, используемые для формирования ее уникального образа [Замятин 2013, с. 15].

БИТ-маркированные ивентонимы устанавливают тесную ассоциативную связь с образом геолокации, транслируя концептуальные смыслы брендируемой территории, например: «*Во славу земли Самарской – 2017*», «*Серебряные трубы Поволжья*», *Фестиваль песен Владимира Высоцкого «Волга песни слышала...»*. Используемые в них топонимы и знаковые для Самары имена и симво-

лы выполняют роль **коннотативных региональных компонентов**, которые работают в аспекте геобрендинга.

Отражая концепции мероприятий через трансляцию ценностных маркеров территории, ивентонимы формируют собственные бренды, повышая эмоциональный статус мероприятия и, в свою очередь, вносят определенный вклад в укрепление бренда геолокации, так как ценность региона, на территории которого проводится престижное мероприятие, в глазах потребителя возрастает: *Экологический марафон «Самарская Лука», Летний фестиваль ветра парусов и свободы «Жигулевское море. Лето – 2018»*. Таким образом, между ивентонимом и бренд-символами региона устанавливаются взаимовыгодные отношения.

В большинстве случаев топонимические, антропонимические и знаковые БИТ-компоненты включаются в ивентонимы с целью одновременного выполнения денотативной и коннотативной функции. Они не только называют место проведения мероприятия, но и служат эмоционально-экспрессивными аттракторами адресата, создавая привлекательный образ региона: *Международный конкурс-фестиваль музыкально-художественного творчества «ОТКРЫТЫЕ СТРАНИЦЫ. САМАРА. 2018»; Международный фестиваль «JAZZ-весна в Самаре – 2017»; Фестиваль самодельного народного творчества «Чапаевская матрешка»*.

Интересно рассмотреть качественно-количественную характеристику вербальных БИТ-компонентов в составе самарских ивентонимов. Проведенное нами исследование показало, что наиболее частотными типами БИТ-компонентов в названиях самарских культурно-массовых событий являются: топонимы самарского края (51), мемориальные антропонимы (10), номинации ценностных маркеров и знаковых символов (14), названия широко известных культурных мероприятий, проведение которых тесно связано с нашим городом, также становятся знаковыми идентификаторами (4).

Наиболее прочную ассоциативную связь с именем региона обеспечивают топонимы самарского края, которые являются самым частотным типом вербальных БИТ-компонентов, составляя в нашем материале 63 %:

Волга, волжский, поволжский, Поволжье (17): *Межрегиональный фестиваль набережных «Волга-Фест»; Международный марафон «ВОЛГА ДОГ ТРЕККИНГ»; Межмуниципальный игровой этнографический фестиваль «Волжские забавы»; Фестиваль моды и театрального костюма «Поволжские сезоны Александра Васильева»; Молодежный форум «iВолга»; Фестиваль национальных культур народов Поволжья «Волга. Возвращение к истокам»*;

Самара, самарский (10), Самарская Лука (2): *FIFA FAN FEST SAMARA* (Фестиваль болельщиков FIFA в Самаре); *Международный фестиваль искусств «Самарская осень – 2018»; Межрегио-*

нальный фестиваль интеллектуальных игр «Самари УМ – 2017»; выставка «Сокровища самарской природы»; Самарский фестиваль языков;

жигулевский (8): Зимний фестиваль активного отдыха «Жигулевское море – детям!»; Ежегодный фестиваль народных традиций «Жигулевская вишня»; Экспедиция на собачьих упряжках «Жигулевская кругосветка»; выставка «Жигулевская палитра»; сельский фестиваль «Именины Жигулевских гор»; выставка яхт и катеров «Жигулевский водный базар»;

Тольятти, тольяттинский (4): Тольяттинский автосалон «MOTOREXPO»; Осенний фестиваль активного отдыха и спорта с ездовыми собаками «TOGLIATTI DRYLAND FEST»;

Ставрополь, ставропольский (2): Региональный культурно-спортивный фестиваль «Ставропольская тыква. Праздник урожая»; выставка в Экомузее «Ставрополь театральный»;

Рождествено, сызранский; троицкий, утесский, Хрящевка, чапаевский, ширяевский: Международный фестиваль современного искусства «Ширяевская биеннале»; Городской фестиваль-праздник «Сызранский помидор»; Экстремальный марафон «Хрящевка Challenge»; Межмуниципальный фестиваль народной культуры и творчества «Утесский подсолнух»; Межмуниципальный «Фестиваль сыра в Рождествено».

Мемориальные антропонимы включают имена специальных событий как посвящения, например: *Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина; Фестиваль классического балета имени Аллы Шелест; Международный конкурс молодых музыкантов им. Д.Б. Кабалевского; Межрегиональный фестиваль имени А.Н. Толстого «Время театра»; Фестиваль бардовской песни им. Е. Тарабрина; Областной межрегиональный фестиваль им. Виктора Карболенко.*

Названия ценностных маркеров и знаковых символов природных ресурсов также привлекают адресата: *Спортивный фестиваль «Золотые пески»; Международный фестиваль самопознания и гармонии «Протока» на фестивальной Грушинской поляне; гастрономический фестиваль «Рыба моя»; Городской фестиваль воздушных змеев «Повелители ветра».*

Сюда же можно отнести номинации производственных достижений: *Фестиваль внедорожников «NIVAFEST-2017»; Детский фестиваль гандбола и карнавальное шествие, посвященные 50-летию АВТОВАЗА и выпуску первого автомобиля.*

Культурные ценностные ориентиры и традиции также отражаются в названиях ивентов, демонстрируя брендинговый потенциал региона: *Самарский проект «Модерн в облаках»; Международный музыкальный фестиваль «Мир бардов 2017»; Межрегиональный фестиваль авторской песни «Струны души»; Межрегиональный фестиваль бардовской песни «Ятманский листопад».*

Исторические события, связанные с Самарским краем, являются темами фестивалей-реконструкций или посвящений: *Этно-военно-исторический фестиваль «Битва Тимура с Тохтамышем»*; *Фестиваль духовых оркестров «На сопках Маньчжурии»*.

Названия широко известных культурных мероприятий, проведение которых тесно связано с нашим городом, в свою очередь, становятся «визитными карточками» региона, внося вклад в формирование престижного образа геолокации: *Международный фестиваль уличного театра и современного искусства «Пластилиновый дождь»*; *Международный конкурс-фестиваль «Виват, Баян!»*, *Фестиваль-лаборатория театров для детей «Золотая Репка»*. Необычный фестиваль восстановления городской среды *«Том Сойер Фест»*, который зародился в Самаре, теперь уже вышел за пределы нашего города.

Заключение

Анализ самарской ивентонимии в аспекте геобрендингового потенциала показал, что она достаточно плотно наполнена вербальными БИТ-компонентами. Среди проанализированных нами самарских ивентонимов свыше 50 % являются БИТ-маркированными и, таким образом, вступая в коммуникацию с целевой аудиторией, вносят определенный вклад в формирование образа Самарского региона.

«Для развития успешных брендов у России есть неоспоримое преимущество по сравнению со многими другими странами: богатство российской культуры и глобальное пространство русского языка, раскинувшееся с нашими соотечественниками по всему миру. Бренд – это долгосрочная стратегия устойчивого получения прибыли, действующая во многих странах мира, поэтому конкурентоспособность России зависит от того, как регионы и города будут проводить брендинг. Если этот процесс пойдет быстро и успешно, то бренд России станет реальным проектом и поможет государству укрепить свои позиции в глобальном пространстве» [Глинская 2016, с. 48].

Коммуникативные возможности собственных имен специальных событий, включающих вербальные БИТ-компоненты, можно и нужно целенаправленно использовать в процессе геобрендинговых коммуникаций и, проектируя новые номинации, ориентироваться на включение в них названий ключевых имиджевых доминант региона, чтобы БИТ-маркированные ивентонимы становились их постоянными репрезентантами, внося свой вклад в построение бренда территории.

Примечания

¹ Термин «эвентоним» (от лат. *eventus* ‘событие’, ‘случай’ и греч. *опута*, *опота* ‘имя’), созданный по традиционной модели, является относительно новым и редко используется российскими ономотологами, однако в европейской научной литературе довольно

распространен. Его ввел в употребление харьковский профессор П.Н. Донец для обозначения событийных имен [Dones, 2002, 36–38]. Э. Хоффманн использует его по отношению к именам политических событий [Хоффманн, 2008, с. 93]. Г.Б. Мадиева эвентонимами называет разновидность хрононимов – собственные имена отрезков времени, связанные с определенными событиями (историческими, культурными или социальными) [Мадиева, 2014, с. 268].

² Бренд Самарской области – *Бренд Самарской области* [Электронный ресурс]: Студенческая библиотека онлайн. 03.02.19. URL: https://studbooks.net/1536437/marketing/brend_samarskoy_oblasti.

³ Алексеева – Алексеева Е. Самарский дизайнер разработал туристический бренд для нашего города – «Сердце России» // PRO GOPOD SAMARA.RU 22.07.2015. URL: <http://progorodsamara.ru/news/view/176893>.

⁴ Event-маркетинг включает в себя обязательные мероприятия коммуникационного характера: предварительное информирование о проведении мероприятия; коммуникация во время проведения мероприятия; последующая информационная волна.

Библиографический список

- Dones 2002 – *Donec P.N.* Zum Begriff des Eventonyms // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch der GUS 2002. P. 35–41.
- Врублевская 2017 – *Врублевская О.В.* Языковая мода в русской ономастике: монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. 329 с.
- Глинская 2016 – *Глинская И.Ю.* Формирование и продвижение бренд-имиджа России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. Т. 16. № 1. С. 46–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26126406>.
- Долгих 2017 – *Долгих У.О.* Спортивный брендинг как механизм реализации территориального бренда // Вопросы студенческой науки. Вып. 14, октябрь 2017. С. 113–125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30542363>.
- Замятин 2013 – *Замятин Д.Н.* Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований, 2013. № 5. С. 11–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geokulturnyy-brening-territoriy-kontseptualnye-osnovy>.
- Коршунов 2017 – *Коршунов С.С.* Спортивные события как инструмент формирования имиджа России: региональный аспект // *Filo Ariadne*. 2017. № 1 (5). С. 250–262. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/7-121>.
- Крюкова 2004 – *Крюкова И.В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19752837>.
- Мадиева 2017 – *Мадиева Г.Б., Мадиева Д.Б.* К вопросу изучения эвентонимов: постановка проблемы // *Bulletin KazNU. Filology series*. 2017. № 3 (149). С. 265–269. URL: <http://repository.kaznu.kz/bitstream/handle/123456789/4192/524-1009-1-SM.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
- Морозова 2002 – *Морозова И.Г.* Рекламный стalker. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства. М., 2002. 272 с. URL: <https://www.studmed.ru/morozova-i-reklamnyy-stalkerteoriya-i->

praktika-strukturnogo-analiza-reklamnogo-prostranstva_ae98cce65da.html.

Романова 2019 а – Романова Т.П. Ивентоним как особый тип рекламного имени // Этнолингвистика. Ономастика, Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 287–289. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77409/1/978-5-7996-2700-3_2019_106.pdf.

Романова 2019 б – Романова Т.П. Коммуникативный потенциал самарских ивентонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.). Под ред. В.Л. Васильева. Великий Новгород: Новгородский печатный двор, 2019. С. 452–456. DOI: 10.34680/2019.onomastics.452.

Суперанская 1973 – Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с. URL: <https://ru.b-ok.xyz/ireader/3150108>.

Хоффманн 2008 – Хоффманн Э. Имена политических событий и их онимизация в средствах массовых информаций // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. № 5. С. 90–104. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/onomastica/onomastica5text.pdf>.

Чечулин 2015 – Чечулин А.В. Маркетинговые коммуникации территорий: учеб. пособие. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. shk. журн. и мас. коммуникаций», 2015. 102 с. URL: <http://uralinsttur.ru/umitin/files/marketingovye-kommunikacii-territorij.pdf>.

References

Donec 2002 – Donec P.N. Zum Begriff des Eventonyms. In: *Das Wort: Germanistisches Jahrbuch der GUS*, 2002, pp. 35–41 [in Deutsch].

Vrublevskaya 2017 – Vrublevskaya O.V. Yazykovaya moda v russkoi onomastike: monografiya [Language fashion in Russian onomastics: monograph]. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2017, 329 p. [in Russian].

Glinskaya 2016 – Glinskaya I.Yu. Formirovanie i prodvizhenie brend-imidzha Rossii [Creation and Promotion of Brand-Image of Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov* [Vestnik RUDN. International Relations], 2016, Vol. 16, no. 1, pp. 46–53. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26126406> [in Russian].

Dolgikh 2017 – Dolgikh U.O. Sportivnyi brending kak mekhanizm realizatsii territorial'nogo brenda [Sport branding as implementation mechanism of brand's territory]. *Voprosy studencheskoi nauki* [Student Science Issues], October 2017, Issue 14, pp. 113–125. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30542363> [in Russian].

Zamyatin 2013 – Zamyatin D.N. Geokul'turnyi brending territorii: kontseptual'nye osnovy [Geocultural branding of territories: conceptual foundations]. *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Research], 2013, no. 5, pp. 11–23. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geokulturnyy-brending-territoriy-kontseptualnye-osnovy> [in Russian].

Korshunov 2017 – Korshunov S.S. Sportivnye sobytiya kak instrument formirovaniya imidzha Rossii: regional'nyi aspekt [Sporting events as a tool for shaping the image of

Russia: regional aspect]. *Filo Ariadne*, 2017, no. 1 (5), pp. 250–262. Available at: <http://filoariadne.esrae.ru/7-121> [in Russian].

Kryukova – Kryukova I.V. Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti: monografiya [Advertising name: from invention to precedent: monograph]. Volgograd: Peremena, 2004, 288 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19752837> [in Russian].

Madieva 2017 – Madieva G.B., Madieva D.B. K voprosu izucheniya eventonimov: postanovka problemy [To Issue of Studying Eventonims: Problem Statement]. *Bulletin KazNU. Filology series*, 2017, no. 3 (149), pp. 265–269. Available at: <http://repository.kaznu.kz/bitstream/handle/123456789/4192/524-1009-1-SM.pdf?sequence=1&isAllowed=y> [in Russian].

Morozova 2002 – Morozova I.G. Reklamnyi stalker. Teoriya i praktika strukturnogo analiza reklamnogo prostranstva [Advertising stalker. Theory and practice of structural analysis of advertising space] M., 2002, 272 p. Available at: https://www.studmed.ru/morozova-i-reklamnyy-stalkerteoriya-i-praktika-strukturnogo-analiza-reklamnogo-prostranstva_ae98cce65da.html [in Russian].

Romanova 2019 а – Romanova T.P. Iventonim kak osobyi tip reklamnogo imeni [Eventonym as a special type of advertising name]. In: *Etnolingvistika. Onomastika, Etimologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 9–13 sentyabrya 2019 g.* [Ethnolinguistics. Onomastics, Etymology: materials of the IV International scientific conference. Yekaterinburg, September 9–13, 2019]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2019, pp. 287–289. Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77409/1/978-5-7996-2700-3_2019_106.pdf [in Russian].

Romanova 2019 б – Romanova T.P. Kommunikativnyi potencial samarskikh iventonimov [Communicative potential of the Samara event names]. In: *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauch. konf. (Velikii Novgorod, 17–20 sentyabrya 2019 g.). Pod red. V.L. Vasil'eva* [Onomastics of the Volga Region: proceedings of the XVII International scientific conference (Veliky Novgorod, September 17–20, 2019). V.L. Vasilieva (Ed.)]. Veliky Novgorod: Novgorodskii pechatnyi dvor, 2019, pp. 452–456. DOI: 10.34680/2019.onomastics.452 [in Russian].

Superanskaya 1973 – Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of the proper name]. M., 1973, 367 p. Available at: <https://ru.b-ok.xyz/ireader/3150108> [in Russian].

Hoffmann 2008 – Hoffmann E. Imena politicheskikh sobytii i ikh onimizatsiya v sredstvakh massovykh informatsii [Names of political events and their onimization in the media]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2008, no 5, pp. 90–104. Available at: <http://www.ruslang.ru/doc/onomastica/onomastica5text.pdf> [in Russian].

Chechulin 2015 – Chechulin A.V. Marketingovye kommunikatsii territorii: ucheb. posobie [Territory Marketing Communications: Tutorial]. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsii», 2015, 102 p. Available at: <http://uralinsttur.ru/umitin/files/marketingovye-kommunikacii-territorij.pdf> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-162-169
УДК 81'42

Дата поступления статьи: 18/IX/2019
Дата принятия статьи: 9/X/2019

А.А. Голубых

«МЕДИКАЛИЗАЦИЯ» СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНЫХ ВИДЕОРОЛИКОВ ВИДЕОХОСТИНГА YOUTUBE)

© Голубых Анастасия Александровна – аспирант кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: ana.golubykh@ya.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1724-6931>

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе представлена специфика медиализации современного англоязычного общества с помощью интернет-рекламы, размещенной на одном из самых популярных сайтов общественного пользования. Стимулом для настоящего исследования послужило регулярное развитие медицины, обновление современных медицинских знаний, а также возрастающая роль рекламы медицинского продукта в англоязычном дискурсе масс-медиа. На сегодняшний день тенденция к медиализации в массмедийном дискурсе сопровождается видеорекламой медицинских товаров и услуг, способствующей проникновению в массовое сознание медицинского языка и образа мышления. Целью данного исследования является изучение средств и способов медиализации современного англоязычного рекламного интернет-пространства на вербальном и невербальном уровнях. В ходе исследования, эмпирический материал которого составили современные рекламные YouTube-видеоролики, был проведен сбор, анализ, описание и классификация данных. Анализ рекламных роликов позволил сделать вывод, что наиболее популярной является реклама лекарств и услуг медицинских учреждений, что связано со стремлением лидеров британского социума подчеркнуть важность здоровья и указать на возможные способы и средства его сохранения. Наблюдения показали, что пропаганда товаров и услуг медицинского назначения кинозвездами и политиками внушает идею надежности и эффективности продукции, способствует ее коммерциализации. В результате изучения фактических материалов было выявлено, что авторы рекламных видеоклипов обращаются к важным человеческим ценностям, умело используют различные вербальные и невербальные средства, способствующие усилению перлокутивного эффекта. Комментарии к рекламным видеороликам, характеризующие опыт применения медицинской продукции, подтверждают идею о расширении прагматического потенциала вербального и невербального пространства англоязычного дискурса масс-медиа. Анализ медицинских лингвистических маркеров в рекламном интернет-пространстве показал очевидную тенденцию к популяризации товара медицинского назначения.

Ключевые слова: концепт, медицина, масс-медийный дискурс, интернет-реклама, видеореклама, лингвистический маркер.

Цитирование. Голубых А.А. «Медиализация» современной англоязычной интернет-рекламы (на материале рекламных видеороликов видеохостинга YouTube) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 162–169. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-162-169>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**«MEDICALISATION» OF MODERN INTERNET ADVERTISING
(BASED ON ENGLISH YOUTUBE COMMERCIALS)**

© Golubykh Anastasiya Alexandrovna – postgraduate student of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: ana.golubykh@ya.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1724-6931>

ABSTRACT

Specific features of medicalisation within modern English internet advertising space are considered in this paper. Medicine adverts and commercials hosted on one of the most popular English public websites are of particular interest in this research project. Both innovations in medicine leading to the medical knowledge upgrade and the increasing role of medical product advertising activities motivated the present study. Medicalisation in mass-media discourse is characterized by popularization of various medical commercials enduing general public with the medical language and medical mindset. The specific objective of this study is to reveal and systematize factors providing aforementioned tendency to medicalisation of modern English internet advertising. The empirical study is based upon the modern medicine commercials from YouTube.com and includes such methods as data collection and analysis, description and classification of material accompanied by discourse analysis. The most remarkable result to emerge from the data is that pharmaceutical and healthcare service commercials are very popular today due to social needs and requirements and consequently supported by the British authorities aiming to emphasize the importance of health and indicate possible ways and means of health maintenance. Another important finding is that celebrities' and politicians' participation in medicine advertising is contributing a lot to the success and commercialization of the medical items. Further analysis showed that the authors of commercial video clips are trying to highlight human values applying various verbal and non-verbal means to increase the perlocutionary effect. Positive and negative comments on commercial videos aimed at focusing upon the effect of medical products contribute to expanding pragmatic potential of the internet advertising. The growing trend to popularization of health product is also supported by the findings of the research project intended to describe English medical linguistic markers registered in mass-media discourse under analysis.

Key words: concept, medicine, mass-media discourse, internet advertising, commercial, linguistic marker.

Citation. Golubykh A.A. «Medikalizatsiya» sovremennoi angloyazychnoi internet-reklamy (na materiale reklamnykh videorolikov videokhostinga YouTube) [«Medicalisation» of modern internet advertising (based on English YouTube commercials)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 162–169. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-162-169> [in Russian].

Введение

Регулярные отношения между человеком и медицинской свидетельствуют об исключительной важности данного концепта в жизни современного общества. Возрастает зависимость повседневной жизни и деятельности людей от медицины. Непрерывное распространение влияния медицины на различные сферы общественной жизни ведет к проникновению в массовое сознание медицинского языка и стиля мышления, медицинских концепций, представлений о причинах и формах протекания болезней и методах диагностики и лечения. Данный процесс характеризует медикализацию общественного пространства. Концепт «medicine» проникает в такие сферы социальной жизни, как наука и образование, институт СМИ; большое внимание медицине уделяет глобальная сеть. Медицина постоянно совершенствуется, а с ее развитием открываются новые, ранее неизвестные болезни, появляются новые методы диа-

гностики и лечения, разрабатываются специальные инструменты и оборудование, а также производятся модернизированные лекарственные препараты. Вследствие этого возникает необходимость дать новым предметам соответствующие названия. Новые медицинские термины фиксируются в словарях, справочниках, учебниках и пособиях для врачей и медицинских работников; часто встречаются на страницах современных англоязычных газет и журналов, целенаправленно используются в интернет-рекламе товаров медицинского назначения. Вышеизложенные положения обуславливают **актуальность** настоящего исследования, целью которого является изучение путей и способов медикализации современной англоязычной интернет-рекламы на вербальном и невербальном уровнях. Поскольку англоязычная видеореклама играет исключительно важную роль в современной массовой коммуникации, способствуя распространению определенной информации,

внимание в настоящем исследовании фокусируется на дискурсивных параметрах англоязычного рекламного пространства, в рамках которого функционирует концепт «medicine».

Отличительные характеристики интернет-рекламы

Теоретической и методологической основой исследования послужили работы многих отечественных и зарубежных ученых, которые рассматривали концепт «medicine» с различных позиций [Анохин 1996; Жаров 1979; Майборода 2017; Скворцов 1993; Sigerist 1960; Pescosolido 1992], исследователей, которые изучали организацию дискурса [Карасик 2002; Харьковская 2016], и, в частности, – особенности масс-медийного дискурса [Красноярова 2010; Михалькова 2009; Харьковская, Кривченко 2017], различные аспекты рекламной коммуникации и процессов медиализации общества [Ваничкина 2010; Завадская 2014; Лободенко 2014; Савельева 2007; Сурикова 2007].

Реклама рассматривается как «особый вид медиадискурса» [Леденева 2017, с. 36], а рекламные тексты и видеоролики представляют большой интерес при анализе данного типа дискурса, так как реклама находит своих адресатов, т. е. представителей определенной социальной группы, которые декодируют их и включают в определенную систему ценностей. На сегодняшний день важны такие ценности, как семейный очаг, здоровье, благополучие, любовь, свобода. Умелое использование этих концептов дает возможность автору рекламного объявления эффективно воздействовать на читателя, побуждая его к действию: заставить реципиента поступить в соответствии с желанием автора, что свидетельствует о манипулятивном характере рекламного дискурса, целью которого является достижение перлокутивного эффекта [Ваничкина 2010, с. 32]. Следовательно, чтобы создать эффективное рекламное объявление, автору необходимо точно представлять себе систему ценностей адресата.

Настоящее исследование проводится на материале рекламных видеороликов хостинга YouTube, следовательно, возникает необходимость остановиться на отличительных свойствах интернет-рекламы, которая набирает все большую популярность на сегодняшний день. Особенности использования интернет-рекламы обусловлены установлением долгосрочных отношений с потребителем. Сегодня использование средств рекламы в интернет-СМИ дает возможность «выстроить эффективные двусторонние коммуникации с различными группами общественности: организации; акционеры; инвесторы; внутренняя ответственность; потенциальные работники; потребители» [Лободенко 2014, с. 6]. Многие исследователи пытались дать определение интернет-рекламы. Наиболее емким, по нашему мнению, является определение А.П. Панкрухина, который утверждает, что интернет-реклама – «процесс информирования, убеждения возможного клиента или

аргументированного удержания потребителя путем распространения в сети информации на целевую аудиторию о продукте, условиях и возможности его приобретения» [Панкрухин 2007, с. 453]. Л.К. Лободенко выделяет следующие виды интернет-рекламы: контекстная реклама, медийная, мультимедийная текстовая, специальные рекламные интернет-проекты [Лободенко 2014, с. 6]. Медийная реклама является инструментом маркетингового интернет-продвижения товаров и услуг с помощью аудиовизуальных, а также графических средств, благодаря которым реклама привлекает внимание потребителя и легче им воспринимается. Самыми популярными форматами медийной рекламы являются баннерная реклама и аудио- и видеореклама. В данной работе центральное внимание уделяется именно медийной видеорекламе товаров медицинского назначения.

Поскольку большая часть исследуемых англоязычных медицинских рекламных видеороликов регулярно появляется на телевидении, необходимо отметить, что сегодня телевидение выступает наиболее мощным инструментом влияния на массы. Мир телевидения – «сознательно конструируемая модель, предлагающая такую повседневную реальность, в которую человеку хочется погружаться» [Демина 2012, с. 66]. Телевидение обладает арсеналом разнообразных визуальных средств: репортажи, видеосъемки, компьютерная графика, дизайн. Подобные визуальные средства являются наиболее наглядными и оказывают намного более сильное воздействие на зрителей, чем другие СМИ вербально. Многократная повторяемость рекламных роликов, которая является одним из основных правил их функционирования, гарантирует запоминание, значительно повышает вероятность устойчивого использования рекламного текста или его фрагмента в речевом обиходе.

Медиализация социума

Интенсивное рекламирование товаров медицинского назначения показывает тенденцию к медиализации современного общества и масс-медийного пространства. Ж.В. Савельева утверждает, что медиализация ставит вопросы о том, что медицина, формирующая представления о здоровье и болезни, «с одной стороны, все больше претендует на исцеление от социальных болезней общества (алкоголизм, гомосексуализм, игромания, терроризм), с другой – все глубже проникает в повседневную жизнь индивида, формирует мировоззренческие компоненты его сознания, определяет его установки и в конечном счете организует его поведение» [Савельева 2007, с. 146]. Ярким признаком медиализации служит большое количество аптекных сетей, а также интернет-аптек, различных специализированных частных клиник и госпиталей, активно рекламирующихся по телевидению и в сети Интернет, «медиа-ресурсов (телевизионных передач, интернет-сайтов, изданий, специализированных рубрик в печатных СМИ, медицинской рекламы), которые, касаются проблем

здоровья и недугов человека» [Харьковская, Голубых 2018, с. 157]. Становлению и укреплению данной тенденции к медикализации способствует философия консьюмеризма, которая рассматривает личность как потенциального потребителя товаров и услуг, манипулирует человеком, заостряя его внимание на таких высоких ценностях, как здоровье и благополучие. В современном обществе масс-медиа играют очень большую роль в формировании представлений о здоровье и болезни человека. Осознание здоровья происходит посредством лечения болезни и устранения боли, поэтому медийный дискурс утверждает новые представления о болезнях, которые до этого человеком не мыслились, а сегодня воспринимаются объективно (депрессия, гиперактивность, проблемная кожа, стрии (растяжки), периорбитальная гиперпигментация (темные круги под глазами). Благодаря интернет-рекламе «методы устранения данных проблем видятся широкой публикой в косметических средствах, йогуртах, таблетках, БАДах, а также в пластических операциях, липосакциях, лифтингах и т. п.» [Харьковская, Голубых 2018, с. 157]. Таким образом, боль, болезнь, здоровье, хорошее самочувствие, благополучие становятся феноменом медиа и символом медикализации современного общества, а медицинские препараты набирают все большую популярность в телевизионной и интернет-рекламе.

Выявлению особенностей «медикализации» социального пространства способствовало исследование рекламных видеороликов, размещенных на портале YouTube, поскольку интернет-реклама является одним из самых мощных инструментов воздействия на людей, способствует распространению влияния медицины на современное общество и ее проникновению в массовое сознание. В ходе настоящего исследования было изучено 47 современных англоязычных рекламных видеороликов на тему медицины и здоровья. Проведенный анализ медийной видеорекламы показал, что тематика и проблематика рассмотренных клипов разнообразна. Наиболее распространенными являются видео, пропагандирующие лекарства и препараты (34%) и медицинские учреждения (23,4%), менее частотны примеры рекламы средств личной гигиены и предметов одежды (15 %), а также методов профилактики и лечения (10,6 %). В 13 % случаев встречаются пародийные рекламные видеоролики. Время от времени можно увидеть антирекламу медицинских препаратов (4 %). Благодаря изучению рекламных видео, затрагивающих данные проблемные области, можно заключить, что концепт «medicine» в медийном дискурсе вербализуется посредством лингвистических терминологических маркеров, большинство которых зафиксированы в словарях, известном ограниченному кругу людей (работникам медицинской сферы), а некоторые из них распространены в активном коммуникативном обиходе. Остальные лингвистические маркеры являются современными, появляющимися на волне развития современной

медицины. В ходе исследования было выявлено и проанализировано 225 медицинских терминологических маркеров, самыми частотными из которых являются существительные, номинирующие болезни (39 %): *low metabolic rate, drowsiness, bipolar disorder, extreme fatigue, diabetic ketoacidosis, medullary thyroid cancer, endocrine neoplasia syndrome, Alzheimer, dementia, receding/bleeding gums, overpronation, bladder weakness*), методы лечения (11,5 %): *platinum-based chemotherapy, most prescribed immunotherapy, liquid biopsy, precision medicine, TENS (Transcutaneous electrical nerve stimulation) therapy, orthaheel technology*), части тела (11 %): *lung, liver, brain, muscles, heels, knees, back*), лекарства и препараты (9,8 %): *nivolumab, antipsychotic medication, dulaglutide, sulfonyleurea, insulin, injectable medicine*), медперсонал и пациенты (9,3 %): *doctors, specialists, therapists, surgeons, dentists, nurses, caregivers, patients, pain sufferers, clients*).

Значительная часть медицинских лингвистических маркеров находит свое отражение в видеорекламе лекарств и других медицинских препаратов. Большое внимание британские власти уделяют психическому и умственному здоровью, о чем свидетельствует рекламная кампания 'Every mind matters', поддерживаемая членами королевской семьи – принцем Уильямом, Кэтрин Миддлтон, принцем Гарри и Меган Маркл, призывающая людей позаботиться о своем психическом здоровье. Главное сообщение принца Уильяма публике в том, что проблемы психического здоровья являются частью нашей жизни и должны обсуждаться: *A season-long campaign where we will be encouraging fans to talk about their mental health. We will use our national game to spread the message that mental health isn't a sad, difficult topic. It is just part of everyday life (Meghan Markle...)*. 'Every mind matters' предлагает онлайн-программу советов, которые помогут справиться со стрессом, поднять настроение, улучшить сон и контролировать себя: *...a free on-line plan designed to help you deal with stress, boost your mood, improve your sleep, and feel more in control (Meghan Markle...)*. Британское сообщество Alzheimer's Society призывает людей, больных деменцией, забыть о разнице в возрасте, расе, социальном статусе, идеологических взглядах, религиях, вкусе и объединиться для борьбы с данным заболеванием: *Forget about everything that keeps us apart because dementia doesn't care. It's set to be the UK's biggest killer and too many are facing the disease alone. (Time to forget...)*. Именно этим обстоятельством обусловлена популярность рекламы, продвигающей препараты, помогающие справиться с такими проблемами психического здоровья как стресс, проблемы со сном, биполярное расстройство, депрессия, деменция. Встречается также реклама медикаментов для лечения сахарного диабета (*Trulicity...*), препаратов, снимающих боль в суставах (*Paingone Plus...*), лекарств и вакцин против гриппа (*NHS Flu...*). Особое внимание уделяется профилактике и лечению нату-

ральными препаратами: At honest Meds we make high-quality *health-care* products using natural... organic plant oils and extracts to provide you...with *healthy* effective products which leave you feeling good, refreshed and *healthy again* (Honest Meds...). Следовательно, обнаружено большое количество терминов, номинирующих болезни (*sleeping disorder, bipolar disorder, schizophrenia, mania, irritability, tics, anxiety, dementia, diabetes, flu, health inequalities*) и лекарственные препараты (*counterdepressant/antidepressant, injection, insulin, automatic TENS pen, vaccine*).

Популярной становится реклама медицинских учреждений. Поскольку серьезное внимание уделяется заботе о детском здоровье, британской публике представляется широкий спектр существующих и новых центров и больниц для детей. Sheffield Children's Hospital (Welcome...) и Bristol Royal Hospital for Children приглашают детей на профилактику и лечение и гарантируют заботу и дружелюбное отношение медперсонала: ... it's a nice relaxed environment for everybody... we try and make things as friendly as possible (Bristol Royal...). Остается актуальной реклама профильных медицинских центров для взрослых. Создаются специализированные организации, объединяющие людей с определенным заболеванием. Например, британское сообщество Alzheimer's Society организует и оказывает психологическую и медицинскую помощь людям с недугом деменции (Time to forget...). Становятся популярными услуги организаций, предоставляющих персонал по уходу за пожилыми людьми на дому, например всемирно известная организация Home Instead Senior Care, обеспечивающая высококачественный уход за престарелыми (Home Instead...). Так, вербализация концепта 'medicine' происходит благодаря лингвистическим маркерам, обозначающим медицинские учреждения (*hospital, pharmacy, Alzheimer's Society, Health community, care provider, medical center, medicine cabinet, pharmacy, drug-store*) и должности медицинского персонала (*doctors, nurses, therapists, surgeons, physicians, pediatricians, caregivers*).

Необходимость средств личной гигиены, а также предметов одежды, способствующих комфортному и здоровому образу жизни, обусловила актуальность такого рода видеорекламы. Предлагается широкий ассортимент средств по уходу за полостью рта (Corsodyl «Time»...), специализированного нижнего белья (TENA Silhouette...), ортопедической одежды и обуви (Scholl Footwear...). Подчеркивается важность экологически-чистых, натуральных изделий: «*Skin-friendly is a must for all our fabrics*» which is «all made out of the world's finest and most lush bamboo, wood, and leather» (Natural Clothes...). Лингвистические маркеры, используемые в рекламе средств личной гигиены и предметов одежды, номинируют части тела, заболевания, средства и предметы личной гигиены и одежды: *teeth, gums; bleeding gums, plaque bacteria, pain in heels, knees or back, overpronation, urinary*

leakage, moisture; toothbrush, toothpaste, pad and pants, skin-friendly fabric.

Методы профилактики и лечения заболеваний пропагандируются значительно реже. К самым распространенным относятся способы профилактики и борьбы с психическими отклонениями, забота об умственном здоровье: «Every mind matters» provides on-line advice to *tackle challenges* and «to look after your mental health» (Meghan Markle...). В связи с нарастающим желанием родивших женщин восстановиться как можно быстрее после родов и чувствовать себя уверенными разрабатываются и рекламируются различные программы упражнений. Например, программа MUTU System предлагает комплекс упражнений для укрепления мышц тазового дна при синдроме раздраженного мочевого пузыря: No more embarrassing leaks or discomfort. You deserve better (LEAKING...). Функционирование концепта 'medicine' в данной проблемной области происходит с помощью таких лингвистических маркеров, как *mental health, trouble sleeping, leaks, medically recommended postnatal recovery program, diastasis recti, pelvic floor weakness, flatten baby belly, body confidence, post-baby body, postpartum*.

Наряду с рекламой появляется антиреклама медицинских препаратов, однако эти случаи весьма редки (4 %). В связи с популярностью противовирусных средств на экранах появляется отрицательная реклама антибиотиков. Один из видеороликов призывает принимать антибиотики с осторожностью и только по рекомендации врача, а «поющие капсулы» предупреждают: *Antibiotics... take us for the wrong thing, that's dangerous to do* (Antibiotic resistance...). В данной рекламе песня является не только вербальным, но и аудиовизуальным средством, способствующим легкому запоминанию информации о вреде антибиотиков, подтверждение чему находим в комментарии: I need antibiotics to get this song out of my head (Antibiotic resistance...).

Интересно заметить, что из-за регулярного рекламирования товара медицинского назначения появляется значительное количество пародийных видеоклипов (12,8 %). Данное явление подтверждает неподдельный интерес публики к рекламе медицинских препаратов и услуг, а также демонстрирует положительное или отрицательное отношение к определенной рекламе. Публику раздражает шаблонность и абсурдность медицинских рекламных роликов, что является причиной создания многочисленных пародий, высмеивающих те или иные аспекты рекламы медицинских препаратов. I'm annoyed by the formulaic nature and absurdity of medicine commercials, негодует автор одного из пародийных видео (Every Medicine...). Как правило, рекламируется выдуманный препарат, который выступает собирательным образом лекарств, когда перечисляются все возможные и невозможные побочные эффекты: Water is non-dairy, vegan, non-GMO, calorie-free. Symptoms of water may include: *diarrhea, bleeding, nausea, stomachaches, fever, mild*

fatigue, heavy fatigue, cramps, drowning, and in rare cases death. Talk to your doctor if you're experiencing seizures or death or if you're allergic to water (Every Medicine...). В данном случае в качестве рекламируемого медицинского товара берется обычная вода.

Для рекламы медицинских препаратов, как и для любой другой рекламы, характерно обращение к ценностям, что проявляется в видеороликах как на вербальном, так и на визуальном уровнях. Медицинская реклама проводит идею таких ценностей как здоровье, благополучие, семейный очаг, любовь, что способствует созданию перлокутивного эффекта – воздействию на потенциального потребителя. Ценность здоровой семьи выносится на первый план: *...to provide you and your loved ones with healthy effective products which leave you... healthy again (Honest Meds), слышим мы текст рекламы медикаментов, сопровождающий картину счастливой молодой семьи с ребенком. Героиня рекламы препарата для больных диабетом является эталоном прекрасной жены и матери. Она – счастливая обладательница замечательной семьи – принимает этот препарат, чтобы сохранить здоровье и дольше наслаждаться временем, проведенным в кругу родных и близких. Подтверждение этого тезиса можно увидеть в комментариях к видео: ...the dark-haired lady is attractive. She is not too..FAT (200lbs on up), and not too... SKINNY, (130lbs on down)... А «HEALTHY» size!♥ Her bubbly personality, and pleasant voice adds to her attractiveness, which any «SANE» man...would appreciate. Definitely wife material, and mother of your kids. (Trulicity...).* Этот комментарий интересен тем, что в нем присутствуют вербальные (медицинские лингвистические маркеры *healthy size, sane man*) и невербальные (смайлы, прописные буквы, количество «лайков» под комментарием и видеороликом) средства расширения прагматического потенциала. Наличие комментариев к видео является важной особенностью рекламы медицинских препаратов и услуг, поскольку авторы многих из них делятся опытом применения того или иного препарата. Так, из них можно узнать помогает ли определенный препарат людям или оказывается бездейственным: *That's quality stuff (Plastfree...), Loved the product. It works. 10/10 (Trulicity...).* А возможно, наоборот, приносит больше вреда в виде побочных эффектов: *Flu vaccines destroy the immune system.+death (NHS Flu ...).*

Еще одним вербальным средством воздействия на потребителей является рекламная прецедентная цитата, появляющаяся чаще всего в конце рекламы медицинского товара в виде слогана. Слоган в медицинском видеоролике кратко и емко отражает неповторимость рекламного предложения. Обладая такими характеристиками как краткость, легкость в произношении, понятность, слоган привлекает внимание и запоминается аудитории: *TAKING CARE OF YOUR HEALTH (Honest Meds), EVERY MIND MATTERS (Meghan Markle...), UNITED AGAINST DEMENTIA (Time to forget...), TRUST THE FACTS. GET THE VACCINE (NHS Flu...),*

PAINGONE. ANYTIME. ANYWHERE (Paingone Plus...), FEEL THE SCHOLL DIFFERENCE AND LOVE EVERY STEP (Scholl Footwear...), JOIN THE PLASTFREE REVOLUTION (Plastfree...), NATURE IS OUR PASSION (Natural Clothes...), LEAVE BLEEDING GUMS BEHIND (Corsodyl «Time»...), BRUSH LIKE A PRO (Oral-B...). Благодаря таким рекламным прецедентным высказываниям реклама вливается в массовую культуру и живет своей жизнью.

Для привлечения внимания к рекламе медицинского товара и усиления перлокутивного эффекта авторы рекламных видеороликов приглашают на исполнение главных ролей известных актеров и политических деятелей. Например, рекламную кампанию о важности психического здоровья поддерживают члены королевской семьи: Meghan Markle, Prince Harry, Prince William and Kate are making history, appearing in their first TV advert together for a mental health campaign (Meghan Markle...). Упоминание имени актрисы и герцогини Меган Маркл в названии данного рекламного ролика происходит с целью популяризации данного ролика, для увеличения количества просмотров. О данном факте свидетельствуют следующие комментарии: *...she draws international clicks, Meghan's name has become a commodity for some channels... (used like a cash cow)... her name brings the volume of traffic to the channel (Meghan Markle...).* В рекламе препарата для лечения диабета снимается американский актер Нед Люк, известный исполнением роли Майкла Де Санта в игре GTA, а также британская актриса Фламиния Синк, которая утверждает: *My body can still make its own insulin and I take Trulicity once a week to activate my body to release it (Trulicity...).* Об их популярности говорят многие комментарии: *...any gamer would realise that the second person that shows up in the commercial is the same guy that did the voice of Michael De Santa on GTA 5 (Trulicity...).*

Итак, как показал анализ рекламных роликов медицинских товаров и услуг, дискурс англоязычных масс-медиа часто прибегает к помощи звезд и политиков с целью пропагандирования и распространения товара, извлечения прибыли и коммерциализации продукта медицинского назначения, а также для продвижения активного и здорового образа жизни.

Выводы

Умелое оперирование ценностями (здоровье, семейный очаг, благополучие, материнство, любовь), использование в рекламе различных вербальных (слоганы, медицинские термины) и невербальных средств (таблицы, диаграммы, яркие мелодии и картинки, смайлы в комментариях, а также количество «лайков» и просмотров к видео) говорит о манипулятивном характере рекламного дискурса и способствует достижению перлокутивного эффекта. Наличие комментариев, свидетельствующих об опыте применения определенного препарата, повышает прагматический эффект, так как расширяет прагматический потенциал вер-

бального и невербального пространства в современном англоязычном масс-медийном дискурсе.

Анализ рекламных видеороликов позволил выявить проблемные области, на которых стремятся заострить внимание правящие круги Великобритании, а также выявить наиболее распространенные. Медицинские лингвистические маркеры, обнаруженные в ходе исследования, номинируют большей частью заболевания, лекарства и средства личной гигиены и одежды, что говорит о важности ведения здорового образа жизни и воспитания здорового молодого поколения.

Таким образом, медиализация современной интернет-рекламы характеризуется интенсивным рекламированием медицинского продукта, распространением влияния медицины на разные области общественной жизни. Медиализация проявляется в проникновении в массовую культуру и сознание медицинского языка, включающего в себя современные медицинские термины, представлений о причинах и формах протекания болезней и методах диагностики и лечения, о способах заботы о здоровье и соблюдении правил гигиены.

Источники фактического материала

Antibiotic resistance... – *Antibiotic resistance advert* – keep antibiotics working and take your doctor's advice // YouTube. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zTbLai2GaQM>.

Bristol Royal... – *Bristol Royal Hospital for Children – Lighthouse Ward* // YouTube. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Mlf_UtJt5ec.

Corsodyl «Time»... – *Corsodyl «Time» TV Advert 2019* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FrV35-d-ZEY>.

Every Medicine... – *Every Medicine Commercial Ever* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nry9AEBqJXI>.

Home Instead... – *Home Instead Senior Care 2019 – Become a CAREGiver Advert (The Third Stair)* // YouTube. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1ol6Z_G1cHM.

Honest Meds... – *Honest Meds | Ad* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w3lajiAyH0E>.

LEAKING... – *LEAKING: It's Time Tena Lady STOPPED Normalizing Incontinence* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b60EhAfrvC0>.

Meghan Markle... – *Meghan Markle and other young royals support mental health campaign | 5 News* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hldePxHQBGG>.

Natural Clothes... – *Natural Clothes – 'Nature is our Passion' commercial video* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Vnf1t50eEEc>.

NHS Flu... – *NHS Flu TV Advert October 2019* // YouTube. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=DB2HdS_n1jU.

Oral-B... – *Oral-B Electric toothbrush "Change one thing"* TV Ad // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DjY7I1xU-vQ>.

Paingone Plus... – *Paingone Plus TVC | UK Campaign, Autumn 2019 (30 second version)* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bJewZuSIM9s>.

Plastfree... – *Plastfree Sanitary Pads* // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m5FRTqvwDxc>.

Scholl Footwear... – *Scholl Footwear – Are you suffering pain in your heels, knees or back?* // Youtube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vrWaWtxACE0>.

TENA Silhouette... – *TENA Silhouette Noir Low Waist TV Advert – Skirt* // Youtube. 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=y-L_FR0nKtY.

Time to forget... – *Time to forget – Alzheimer's Society TV advert 2017, 90s* // Youtube. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jjnHcyI0XPU>.

Trulicity... – *Trulicity Commercial* // Youtube. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xpiotOLGDY>.

Welcome... – *Welcome to our new wards* // YouTube. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uH-yRb_ABpA.

Библиографический список

Pescosolido 1992 – *Pescosolido B. Beyond Rational Choice: The Social Dynamics of How People Seek Help* // American Journal of Sociology. 1992. P. 1096–1138.

Sigerist 1960 – *Sigerist H.E. On the Sociology of Medicine*. New York: MD Publications, 1960. 397 p.

Анохин 1996 – *Анохин А.М. Философия и медицина*. М., 1996. 215 с.

Ваничкина 2010 – *Ваничкина А.С. Аксиологическая составляющая рекламы в сми* // Вестник МГЛУ. 2010. С. 27–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16522322>.

Демина 2012 – *Демина М.А. Медиавоздействие и его составляющие: когнитивно-прагматический анализ* // Вестник МГЛУ. 2012. С. 65–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17343508>.

Жаров 1979 – *Жаров В.В. Медицина как феномен культуры* // Вестник академии медицинских наук СССР. 1979. Вып. 6. С. 70–75.

Завадская 2014 – *Завадская А.В. «Эпатажная» реклама как компонент современного масс-медиа дискурса: лингвистический аспект* // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 1 (162). С. 15–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21239072>.

Карасик 2002 – *Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. URL: <https://docplayer.ru/28188986-Yazykovoy-krug-lichnost-koncepty-diskurs.html>.

Красноярова 2010 – *Красноярова О.В. Медийный текст: его особенности и виды* // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2010. С. 177–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14866384>.

Леденева 2017 – *Леденева С.Н. О дискурсивных свойствах рекламных текстов* // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4 (12). С. 36–42. URL: <https://philnauki.mgimo.ru/jour/article/viewFile/6/7>.

Лободенко 2014 – *Лободенко Л.К. Особенности использования рекламы в коммуникационной политике интернет-СМИ* // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. 2014. С. 5–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21845313>.

Майборода 2017 – *Майборода С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования* // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29332682>.

Михалькова 2009 – *Михалькова Е.В. Прагматика и семантика инвективы в массмедийном дискурсе (на материале русских и американских комедийных телешоу): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 207 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-i-semantika-invektivy-v-massmediinom-diskurse>.*

Панкрухин 2007 – *Панкрухин А.П. Маркетинг: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Омега-Л, 2007. 656 с.*

Савельева 2007 – Савельева Ж.В. Рекламная коммуникация и процессы медиализации общества // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 146–152. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22271101>.

Скворцов 1993 – Скворцов В.Я. Искусство, эстетика, медицина. Волгоград, 1993. 160 с.

Сурикова 2007 – Сурикова Т.И. Друг рекламы – враг потребителя: язык как орудие манипулятора сознанием // Журналистика и культура русской речи. 2007. С. 30–38.

Харьковская 2016 – Харьковская А.А. Дискурсивный мир малоформатных интернет-текстов на сайтах британских и американских университетов // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. М., 2016. С. 244–247. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28182313>.

Харьковская, Голубых 2018 – Харьковская А.А., Голубых А.А. «Медикализация» англоязычного рекламного пространства // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. М.; Пльзень, 2018. С. 154–161.

Харьковская, Кривченко 2017 – Харьковская А.А., Кривченко И.Б. Концептуальная организация дискурса социальных сетей (на материале социальной сети FACEBOOK) // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 60–77. DOI: 10.25076/vpl.27.05.

References

Pescosolido 1992 – Pescosolido B. Beyond Rational Choice: The Social Dynamics of How People Seek Help. *American Journal of Sociology*, 1992, pp. 1096–1138 [in English].

Sigerist 1960 – Sigerist H.E. On the Sociology of Medicine. New York: MD Publications, 1960, 397 p. [in English].

Anokhin 1996 – Anokhin A.M. *Filosofiya i meditsina* [Philosophy and medicine]. M., 1996, 215 p. [in Russian].

Vanichkina 2010 – Vanichkina A.S. *Aksiologicheskaya sostavlyayushchaya reklamy v SMI* [Axiological component of the advertisements in mass media]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of MSLU], 2010, pp. 27–36. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16522322> [in Russian].

Demina 2012 – Demina M.A. *Mediavozdeistvie i ego sostavlyayushchie: kognitivno-pragmaticheskii analiz* [Media influence and its constituent elements: cognitive and pragmatic analysis]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of MSLU], 2012, pp. 65–77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17343508> [in Russian].

Zharov 1979 – Zharov V.V. *Meditsina kak fenomen kul'tury* [Medicine as a phenomenon of culture]. *Vestnik akademii meditsinskikh nauk SSSR* [Annals of the Russian Academy of Medical Sciences], 1979, no. 6, pp. 70–75 [in Russian].

Zavadskaya 2014 – Zavadskaya A.V. «Epatazhnaya» reklama kak komponent sovremennogo mass-media diskursa: lingvisticheskii aspekt [«Outrageous» advertising as a component of the modern mass media discourse: linguistic aspect]. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2014, no. 1 (162), pp. 15–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21239072> [in Russian].

Karasik 2002 – Karasik V.I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p. Available at: <https://docplayer.ru/28188986-Yazykovoy-krug-lichnost'-koncepty-diskurs.html> [in Russian].

Krasnoyarova 2010 – Krasnoyarova O.V. *Mediinyi tekst: ego osobennosti i vidy* [Media text: its characteristics and types]. *Izvestiya Irkutskoi gos. ekonomicheskoi akademii* [News of the Irkutsk State Academy of Economics], 2010, pp. 177–181. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14866384> [in Russian].

Ledeneva 2017 – Ledeneva S.N. *O diskursivnykh svoistvakh reklamnykh tekstov* [Discursive features of advertisements]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philology at MGIMO], 2017, no. 4 (12). Available at: <https://philnauki.mgimo.ru/jour/article/viewFile/6/7> [in Russian].

Lobodenko 2014 – Lobodenko L.K. *Osobennosti ispol'zovaniya reklamy v kommunikatsionnoi politike internet-SMI* [Peculiarities of advertising application in online media communication policy]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Linguistics»], 2014, pp. 5–9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21845313> [in Russian].

Mayboroda 2017 – Mayboroda S.V. *Meditsinskii diskurs: sovremennye teoretiko-metodologicheskie podkhody i perspektivy issledovaniya* [Medical discourse: modern theoretical and methodological approaches and research perspectives]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2017, no. 1 (11), pp. 63–74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29332682> [in Russian].

Mikhalkova 2009 – Mikhalkova E.V. *Pragmatika i semantika invektivy v massmediinom diskurse (na materiale russkikh i amerikanskikh komediinykh telezhov): dis. ... kand. filol. nauk* [Pragmatics and semantics of invective in mass media discourse (based on Russian and American comedy television shows): Candidate's of Philological sciences thesis]. Tyumen, 2009, 207 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-i-semantika-invektivy-v-massmediinom-diskurse> [in Russian].

Pankrukhin 2007 – Pankrukhin A.P. *Marketing: ucheb. posobie. 5-e izd.* [Marketing: schoolbook. 5th edition]. M.: Omega-L, 2007, 656 p. [in Russian].

Saveleva 2007 – Saveleva Zh.V. *Reklamnaya kommunikatsiya i protsessy medikalizatsii obshchestva* [Advertising communication and the processes of medicalization of society]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2007, no. 1, pp. 146–152. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22271101> [in Russian].

Skvortsov 1993 – Skvortsov V.Ja. *Iskusstvo, estetika, meditsina* [Art, aesthetics, medicine]. Volgograd, 1993, 160 p. [in Russian].

Surikova 2007 – Surikova T.I. *Drug reklamy – vrug potrebitelya: yazyk kak orudie manipulyatora soznaniem* [A friend of advertising is the enemy of the consumer: language as a tool of the consciousness manipulator]. *Zhurnalistika i kul'tura russkoi rechi* [Journalism and Culture of Russian speech], 2007, pp. 30–38. [in Russian].

Kharkovskaya 2016 – Kharkovskaya A.A. *Diskursivnyi mir maloformatnykh internet-tekstov na saitakh britanskikh i amerikanskikh universitetov* [Discourse world of small-format Internet texts on the sites of British and American universities]. In: *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya* [Language, literature and culture as the facets of intercultural communication]. M.; Plzen, 2016, pp. 244–247. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28182313> [in Russian].

Kharkovskaya, Golubikh 2018 – Kharkovskaya A.A., Golubikh A.A. «Medikalizatsiya» angloyazychnogo reklamnogo prostranstva [«Medicalisation» of English advertising space]. In: *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya* [Language, literature and culture as the facets of intercultural communication]. M.; Plzen, 2018, pp. 154–161 [in Russian].

Kharkovskaya, Krivchenko, 2017 – Kharkovskaya A.A., Krivchenko I.B. *Kontseptual'naya organizatsiya diskursa sotsial'nykh setei (na materiale sotsial'noi seti FACEBOOK)* [Conceptual organization of social network discourse (based on FACEBOOK social network)]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics], 2017, no. 3 (27), pp. 60–77. DOI: 10.25076/vpl.27.05 [in Russian].

Т.А. Доброрадных

**СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ГЕРУНДИЯ
КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

© Доброрадных Татьяна Анатольевна – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: aso.training@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-5229>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению особенностей функционирования герундиальных форм как полифункциональных единиц в текстах СМИ (формат online). В ходе исследования анализируются не только лингвистические аспекты употребления герундиальных форм в массмедийном дискурсе, а именно – их семантические, синтаксические и стилистические особенности, но и когнитивно-дискурсивный аспект реализации полифункциональных единиц в СМИ.

Целью данного исследования является проведение комплексного анализа для выявления системных и функциональных особенностей реализации герундиальных форм в англоязычных СМИ.

Материалом для исследования послужили онлайн-версии текстов британских журналов и газет социально-политической направленности The Guardian, The Times, The Independent, The Economist, The Week, The Telegraph.

В работе применяется комплексная методика, включающая такие виды анализа, как метод сплошной выборки, описательный метод, стилистический анализ и метод контекстуального анализа.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что явление полифункциональности рассматривается на уровне дискурса в контексте взаимодействия языковых средств и когнитивно-дискурсивных факторов.

В результате исследования было выявлено, что функциональные свойства герундиальных форм позволяют установить причины их полифункциональности на системном уровне.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что существующие в сознании индивида пропозициональные структуры, формирующие концептуальное содержание герундия как полифункциональной единицы, подвижны, и в зависимости от того, какая пропозициональная структура преобладает, герундиальная форма в большей или меньшей степени проявляет субстантивные или глагольные свойства.

Ключевые слова: полифункциональные единицы, герундий, формы на -ing, дискурс, пропозиции, лингвистический анализ, лингвокогнитивный анализ.

Цитирование. Доброрадных Т.А. Системные и функциональные свойства герундия как полифункциональной единицы английского языка // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 170–176. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-170-176>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**SYSTEMIC AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF GERUND
AS A POLYFUNCTIONAL UNIT OF THE ENGLISH LANGUAGE**

© Dobroradnykh Tatiana Anatolievna – postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: aso.training@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-5229>

ABSTRACT

The article deals with the specific characteristics of gerundial forms as polyfunctional units used in online mass media texts. Both the linguistic aspect of gerundial forms, including semantic, syntactical and stylistic features, and a cognitive discursive aspect of polyfunctional units use in mass media are studied.

The purpose of the study is a complex analysis for discovering systemic and functional characteristics of gerundial forms use in English mass media.

The material chosen for the research process is based on the mass media discourse presented in the format of online media texts of the British social and political newspapers and magazines (The Guardian, The Times, The Independent, The Economist, The Week, The Telegraph).

Following methods have been used as the methodological basis of the research due to its main purpose that deals with the linguistic and linguo-cognitive analysis of gerundial forms: sampling method, descriptive method, functional-stylistic analysis and contextual analysis.

Academic novelty of the paper is that polyfunctional units are studied from the point of view of discourse analysis and relations between linguistic units and cognitive-discursive factors.

As a result of the research it has been stated that functional features of gerundial forms contribute to discovering the systemic character of polyfunctionality.

In conclusion, it should be mentioned that mental propositional structures are objectively associated with the conceptual content of the gerund as a polyfunctional unit. The dynamic character of the above propositional structures is able to provide polyfunctional units verbalization in the format of either nominative or verbal structures.

Key words: polyfunctional units, gerund, -ing forms, discourse, propositional structures, linguistic analysis, linguo-cognitive analysis.

Citation. Dobroradnykh T.A. *Sistemnye i funktsional'nye svoistva gerundiya kak polifunktsional'noi edinitsy angliiskogo yazyka* [Systemic and functional characteristics of gerund as a polyfunctional unit of the English language]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 170–176. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-170-176> [in Russian].

Введение

С развитием сети Интернет в современном мире все более актуальным становится вопрос изучения языка в условиях существующих функциональных требований и ограничений. Массмедийный дискурс отражает текущее состояние языка и условия использования языковых средств для описания явлений окружающей действительности и достижения задач, стоящих перед автором. Особый интерес для данного исследования представляет изучение полифункциональных единиц с точки зрения репрезентируемого в определенной коммуникативной ситуации значения.

Исходя из утверждения, что герундий по ряду своих функциональных особенностей может проявлять как глагольные, так и субстантивные свойства, необходимо рассмотреть функционирование герундиальных форм в массмедийных онлайн текстах с целью выявления репрезентативных особенностей полифункциональных единиц на уровне

языка и в речи, то есть на системном и функциональном уровнях.

В качестве материала данного исследования выступили онлайн-версии британских журналов и газет социально-политического направления The Guardian, The Times, The Independent, The Economist, The Week, The Telegraph. Объем выборки составляет 500 конструкций, содержащих формы на -ing.

В работе применяется комплексная методика, включающая как методы лингвистического анализа, а именно – метод сплошной выборки, описательный метод и стилистический анализ, так и методы лингвокогнитивного анализа. Лингвистический анализ позволяет выявить системные характеристики функционирования отдельных форм и грамматических категорий как единиц языка, в то время как лингвокогнитивный анализ представляет собой анализ содержания и структуры концептов как единиц мышления.

Ход исследования

Значение единицы языка формируется в процессе ее функционирования в речи и обусловлено определенными контекстуальными условиями. Г.В. Колшанский в этой связи отмечает, что слово становится номинативной единицей в результате взаимодействия с другими словами в конкретном осмысленном высказывании. Семантика номинативной единицы предполагает конкретизацию в контексте, где контекст представляет собой «комплекс языковых и неязыковых знаний, получающих свое выражение на вербальном и невербальном уровнях» [Колшанский 1980, с. 24–25]. Ученый разграничивает лингвистический контекст, то есть языковое содержание, и контекст в широком понимании как совокупность обстоятельств коммуникации (ситуативных, социальных и культурных факторов). Иными словами, значение словоформы может быть установлено при учете как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Помимо лексического значения, которое формируется главным образом за счет семантического окружения и обусловлено фразеологией языка, единица языка получает также обобщенно категориальное значение, которое отражает морфосинтаксический аспект и формируется в результате взаимодействия элементов синтаксического окружения. Обобщенно категориальное значение определяет принадлежность единицы языка к определенному грамматическому классу и отражает соответствующий набор грамматических категорий, свойственный данному классу. Иными словами, обобщенно категориальное значение позволяет отнести единицу языка к определенной части речи и служит для формирования в сознании человека парадигматической схемы употребления конкретной языковой единицы.

Грамматические категории представляют собой синтаксически или морфологически вербализованные функционально-семантические категории, о которых в своих трудах пишут И.И. Мещанинов¹ и С.Д. Кацнельсон². Данные категории рассматриваются как понятийные и могут быть выявлены в семантике слова, его оформлении и в синтаксических построениях. Необходимо отметить двойственную природу понятийных категорий: с одной стороны, они заключают в себе ментальные сущности и мысли, с другой – выражают мысли с помощью языковых средств.

Вопрос корреляции конкретно-лексического значения слова с его общекатегориальным значением поднимается в работах А.И. Смирницкого, где он пишет: «Дело в том, что под формулами по-

строения предложения, и вообще связной речи, нельзя понимать только формулы соединения слов в речи, так как построить предложение или вообще некоторый отрезок связной речи значит применить известный словарный “строительный материал” таким образом, чтобы вместо простой суммы отдельных понятий получилось некоторое качественно новое целое, в котором помимо данных понятий имелось бы и осмысление того или иного их отношения к действительности, выражаемое, вместе с данными понятиями, средствами языка» [Смирницкий 1959, с. 121].

Известно, что обобщенное значение единицы языка формируется в результате взаимодействия коллокационного (лексико-фразеологического) и коллигационного (морфосинтаксического) аспектов³. В процессе реализации в речи различные грамматические и понятийные категории взаимодействуют и вербализуются в виде определенной словоформы, которая подчинена выполняемой в высказывании функции и имеет окказиональный характер. В случае когда одна и та же форма в различных синтаксических контекстах выполняет разные функции, то есть соотносится с разными грамматическими классами, возможно говорить о полифункциональности языковых единиц.

Теория полифункциональности с разных позиций рассматривается в трудах таких ученых, как О.С. Ахманова, Н.Н. Болдырев, О.Д. Вишнякова, Н.Б. Гвишиани, Г.С. Дзбановская, Н.А. Кобрина, Б.А. Мукашев, А.И. Смирницкий.

Н.Н. Болдырев изучает явление полифункциональности как поликатегориальность глагольных лексем и полифункциональность глагольных грамматических форм, то есть с точки зрения преобладания категориально-понятийной основы глагола при определении его функционального диапазона.

В работах Н.А. Кобриной и Г.А. Мисюры анализируемый в настоящей работе функциональный статус словоформы трактуется как полистатутность, зависящая от семантики и структуры окружения.

В данном исследовании вслед за О.С. Ахмановой, Н.Б. Гвишиани и О.Д. Вишняковой под полифункциональностью мы понимаем свойство языковых единиц проявлять способность к сопряженности их индивидуально-лексического значения с различными видами обобщенно-грамматического значения.

О.Д. Вишнякова исследует полифункциональные единицы применительно к формам на -able, в связи с чем пишет: «Выявление категориальной природы единиц на -able предполагает обращение к процессам взаимодействия лексической и грамматической морфологии, находящим свое воплощение на уровне реального речевого функци-

¹ Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 5–17.

² Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001.

³ Firth, J.R. 1951 Modes of Meaning. In: J.R. Firth, Papers in Linguistics 1934-1951, pp. 190-215. London: Oxford University Press.

онирования. Слова на *-able* могут рассматриваться как полифункциональные единицы вследствие возможности реализации в качестве самостоятельных слов и грамматических форм переходных глаголов» [Вишнякова 2013, с. 124].

В ходе анализа было выявлено, что полифункциональная природа герундия имеет исторические предпосылки. Суффикс *-ing*, с помощью которого от глагольной основы было образовано существительное, является одновременно и словообразовательным, и словоизменительным элементом, что приводит к функциональной вариативности форм, образованных с его помощью, и, как следствие, к принадлежности таких форм к различным грамматическим классам. Постепенно приобретая глагольные категории, такие как временная соотнесенность и залог, а также сочетаемость и управление, отглагольное существительное преобразуется в герундий, где субстантивные и глагольные признаки сочетаются и, в зависимости от контекста, проявляют в большей или меньшей степени свой потенциал.

Следует отметить, что ряд ученых (О. Есперсен, Р. Зандворт) объединяют герундий и отглагольное существительное в единый грамматический класс. Другие (Е. Крейзинга, В.Я. Плоткин, Л.С. Бархударов) относят герундий и причастие к одной форме с рядом функциональных отличий. Г.С. Дзбановская выделяет формы на *-ing*, в которых «признак предмета представлен скорее как «имя», чем «глагол» с точки зрения основной дихотомии «имя – глагол». Такая разницы в подходах к определению классовой принадлежности герундиальных форм обусловлена как лингвистическими особенностями, так и лингвокогнитивным аспектом.

А.И. Смирницкий объединяет все именные формы глагола в отдельную грамматическую категорию – субстантивную репрезентацию, в рамках которой ученый дополнительно выделяет инфинитив как минимально субстантивную репрезентацию и герундий как максимально субстантивную репрезентацию. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что герундий представляет собой субстантивную репрезентацию в грамматической категории глагола и в зависимости от речевой ситуации проявляет либо глагольные, либо субстантивные характеристики, например:

Under Theodore Roosevelt and Woodrow Wilson, the America that was rapidly industrializing and embracing many progressive reforms was plagued by theories of racial superiority and fears of the «other» that kept us from acting on the implications of the promise of the country (The Time, URL).

Конструкция *kept us from acting on the implications* содержит герундиальную форму *acting*, которая имеет глагольное управление и дополняется предложным дополнением *the implications*. Таким образом, форма *acting* проявляет в большей степени глагольные характеристики и репрезентирует действие как процесс.

And he is unlikely to be able, at this late stage, to establish himself as a serious contender in the early primary states, even if he is prepared to double Steyer's record spending (The Week a, URL).

В вышеприведенном примере герундиальная форма *spending* в составе конструкции *to double Steyer's record spending* выступает в качестве максимально субстантивной репрезентации, поскольку определяется существительным и используется в функции прямого дополнения к глаголу *to double*. При этом форма *spending* сохраняет глагольные черты, так как образована от глагольной основы *spend*.

Особый интерес для изучения полифункциональных характеристик представляет собой такое явление, как полугерундий (слитное причастие, герундиальное причастие), которое находится на стыке двух грамматических классов. Б.А. Мукашев в этой связи пишет: «Среди проблем, связанных с переходом слов в другую часть речи, особое внимание привлекает проблема гипостазиса – перехода слов одной части речи в другую по конверсии в широком смысле, то есть с включением адъективации и субстантивации. В этом отношении большой интерес представляют английские причастия и герундий, функционирование которых в речи имеет некоторые особенности, затрудняющие их однозначное отнесение к той или иной части речи» [Мукашев 1983, с. 6].

Например:

But I wonder now how much Donald Trump's success in 2016 really had to do with his being a billionaire, as opposed to someone who is very good at playing one on television (The Week b, URL).

Данный пример наглядно иллюстрирует использование формы на *-ing* в сочетании с притяжательным местоимением в составе конструкции *to do with his being a billionaire*, что позволяет отнести форму *being* к разряду полифункциональных единиц, обобщенно категориальное значение которых подвижно и динамично. В этом случае употребление формы на *-ing* обусловлено прагматическими и дискурсивными факторами, поскольку форма *being* используется как для выражения действия и его процессуальных характеристик, так и для экономии языковых средств.

Facebook has been at the centre of a number of political storms in both the US and UK in recent years. Most of these have revolved around two issues: the first is “fake news” or disinformation; and the second is the nature of Facebook advertising. The latest has combined both (The Independent, URL).

Форма на *-ing* в конструкции *the nature of Facebook advertising*, как и в предыдущем примере, определяется существительным, что позволяет сделать вывод о полифункциональной природе данной языковой единицы. *Advertising* используется как содержательно емкая единица с целью экономии языковых средств, что соответствует требованиям англоязычного массмедийного дискурса.

Таким образом, глагольные или субстантивные характеристики форм на -ing проявляются в условиях определенной речевой ситуации и обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими фактами, а именно, языковой сферой функционирования рассматриваемых нами форм, то есть «дискурсоферой» [Менджерицкая 2017].

В этой связи целесообразно сослаться на определение «дискурса» в работах основоположника дискурс-анализа Т. ван Дейка, который понимает под ним речевую реализацию языковой сущности текста, процесс перехода мыслей в речь, процесс преобразования глубинных структур в языковые средства, используемые для выражения мысли [Дейк 1999].

Н.Д. Арутюнова в своем определении «дискурс есть речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990, с. 136–137] подчеркивает фактор соотносительности речи и окружающей действительности, которая определяет особенности функционирования языка.

О.В. Александрова и Е.С. Кубрякова отмечают динамику развертывания речи в определенной коммуникативно-прагматической ситуации: «Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения» [Кубрякова, Александрова 1997, с. 16], где ключевую роль играет совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, лежащих в основе создания текстов.

В этой связи необходимо отметить роль участников коммуникации в процессе создания речевого произведения и его последующей интерпретации. По мнению В.З. Демьянкова, интерпретация – это «целенаправленная когнитивная деятельность» [Демьянков 2008, с. 379], которая основывается на опыте языковой деятельности участников коммуникации, а также на опыте их культурной, социальной и профессиональной деятельности.

Дефиниция Е.О. Менджерицкой отражает факт существования в сознании участников коммуникации определенных форматов реализации содержания высказывания: дискурс – «это передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации» [Менджерицкая 2011, с. 59].

Речевой опыт и знания индивида об окружающем мире хранятся в его памяти в виде различных ментальных сущностей, а именно концептов, фреймов, пропозиций, сценариев и так далее. В процессе речепроизводства данные ментальные единицы извлекаются из памяти для дальнейшего использования, особый интерес для нас представляют пропозиции, поскольку именно они отражают системные установки использования языковых средств и форм в речи.

По мнению Е.С. Кубряковой, пропозициональные структуры представляют собой устойчивые концептуальные объединения, необходимые для перехода от глубинных структур к поверхностным, то есть, для выражения концептуального содержания посредством речевого высказывания.

При рассмотрении функционирования пропозициональных структур в сознании индивидов для передачи концептуального содержания Д. Герартс отмечает динамичную, подвижную природу значения, так как оно описывает явления окружающей действительности и трансформируется в соответствии с изменениями, происходящими в мире, то есть, в зависимости от контекстуальных обстоятельств. Среди элементов, составляющих обобщенное значение, ученый выделяет глубинные структуры, к которым он относит потенциал и опыт употребления слов и конструкций в процессе коммуникации [Geeraerts 2006, p. 2–6]. Исходя из утверждения, что пропозиция является глубинной структурой, формирующей в сознании индивида определенную стратегию употребления ментальной единицы в речи, можно сделать вывод, что существуют отдельные пропозициональные структуры, выражающие концептуальное содержание именной репрезентации, и пропозициональные структуры, выражающие концептуальное содержание глагольной репрезентации. Герундий, как полифункциональная единица, проявляющая как глагольные, так и субстантивные свойства, имеет сложную концептуальную организацию и находится на стыке фреймов, что приводит к подвижности пропозициональной структуры либо в сторону глагола, либо в сторону существительного. Так, пропозициональная структура глагола и пропозициональная структура существительного взаимодействуют между собой в рамках герундиальной формы:

It's worth noting that this issue isn't specific to Facebook, and that such stories can spread anywhere. But because Facebook is so ubiquitous, it is often where they do (The Independent, URL).

С одной стороны, конструкция *is worth noting* является фразеологическим сочетанием и традиционно включает именную форму, в качестве которой может выступать либо существительное, либо герундий, что указывает на наличие пропозициональной структуры существительного. С другой – образование формы на -ing от основы *note* предполагает обращение к пропозициональной структуре глагола и проявление глагольных характеристик. Следует отметить, что герундиальная конструкция употреблена в данном случае для усиления значения, что достигается посредством ее идиоматичной природы и определенной просодии высказывания.

So you want to run for president. Which is more important: having relevant experience or billions of dollars? (The Week, URL).

Данный пример также представляет интерес с точки зрения взаимодействия пропозициональ-

ных структур глагола и существительного и проявления их полифункциональных характеристик. Высказывание *Which is more important: having relevant experience or billions of dollars?* содержит форму на -ing и однородные прямые дополнения *relevant experience* и *billions of dollars*, которые позволяют активировать в нашем сознании глагольную пропозицию. Однако выполняемая в предложении функция позволяет говорить о субстантивной природе формы *having*. Сформулированное в виде вопроса высказывание с противопоставлением альтернативных вариантов развития событий служит риторическим приемом, а его графическое оформление позволяет создать в сознании адресата определенный просодический рисунок. Данные стилистические и риторические приемы использованы для реализации основной функции исследуемого дискурса – воздействие на адресата.

Is Trump up for combating this challenge?
(The Week, URL).

Герундиальная форма *combating* выступает в данном случае в качестве дополнения к фразеологической единице *to be up for* и проявляет субстантивные характеристики. Наличие глагольного управления и прямого дополнения свидетельствует о глагольной природе герундиальных форм, то есть о присутствии пропозициональной структуры глагола. Сформулированное в виде вопроса высказывание является стилистическим приемом и позволяет посредством этой конструкции воздействовать на читателя, побуждает к размышлению и формирует в сознании адресата определенное отношение к ситуации.

Приведенные выше примеры иллюстрируют взаимодействие пропозициональных структур глагола и существительного в рамках форм на -ing в процессе реализации их коммуникативно-прагматического потенциала. Маркированные с точки зрения стилистики, риторики и прагматики герундиальные формы используются для реализации воздействующей, в ряде случаев манипулятивной, функции СМИ. В этой связи Е.В. Пономаренко и А.А. Харьковская отмечают роль коммуникативного и личностного опыта участников коммуникации и важность экстралингвистического аспекта в процессе интерпретации информации: «...принципиальная разница между манипуляцией и убеждением заключается в наличии (в первом случае) или отсутствии (во втором случае) намерения скрытно воздействовать на сознание реципиента, не декларируя истинных целей воздействия, решая вопрос о манипулятивном характере речевого поведения, следует учитывать личностные характеристики самого объекта воздействия – как индивидуального, так и коллективного» [Пономаренко, Харьковская 2014, с. 116]. Таким образом, системные и функциональные особенности герундиальных форм как полифункциональных единиц способствуют реализации коммуникативно-прагматических задач, стоящих перед участниками коммуникации.

Полученные результаты и выводы

Пропозициональная структура глагола и пропозициональная структура существительного взаимодействуют между собой в рамках герундиальных форм и проявляются при актуализации репрезентации в большей или меньшей степени. Такая сложная концептуальная структура сложилась вследствие исторического формирования отглагольного существительного из глагола при помощи суффикса -ing и в результате дальнейшего появления у существительного глагольных характеристик, обусловленных, в том числе, необходимостью выражения определенного концептуального содержания.

Особенности употребления герундиальных форм в текстах онлайн СМИ обусловлены как необходимостью реализации воздействующей функции массмедийного дискурса, так и эвристическими факторами, такими, как временная и пространственная ограниченность передачи информации, тенденция к экономии языковых средств и воздействующая функции средств массовой информации.

Таким образом, лингвистический анализ показал, что существует ряд семантических, лексико-фразеологических, синтаксических и риторико-стилистических особенностей употребления герундиальных форм в текстах СМИ, которые способствуют реализации их функционального потенциала в условиях определенной коммуникативно-дискурсивной парадигмы.

Лингвокогнитивный анализ позволил внести уточнения в проблематику существования герундиальных форм и конструкций на системном уровне, а именно – сделать вывод о подвижности пропозициональных структур, формирующих концептуальное содержание герундия как полифункциональной единицы.

Источники фактического материала

The Independent – *The Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/independentpremium/politics-explained/facebook-controversy-zuckerberg-election-ads-advertising-information-data-a9193891.html> (accessed: 09.11.2019);

The Time – *The Time*. URL: <https://time.com/5720747/jon-meacham-trump-impeachment-inquiry> (accessed: 09.10.2019);

The Week a – *The Week*. URL: <https://theweek.com/articles/877265/democratic-partys-embarrassing-billionaires> (accessed: 09.10.2019);

The Week b – *The Week*. URL: <http://theweek.com/articles/777100/how-china-playing-3d-chess-against-trump-trade> (accessed: 10.06.2018);

Библиографический список

Geeraerts 2006 – Geeraerts D. Cognitive Linguistics: Basic Readings / edited by Dirk Geeraerts. p. cm. (Cognitive linguistics research; 34). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. 496 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110199901>.

- Арутюнова 1990 – Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Яреца. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137. URL: <https://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168>.
- Вишнякова 2013 – Вишнякова О.Д. Существует ли «модальное причастие» в английском языке? // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 3. С. 124–135. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20419428>.
- Дейк 1999 – Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / под. ред. В.В. Петровой. М.: БГК им. И.А. Бодуэна Де Куртенэ, 1999. 310 с. URL: <https://docplayer.ru/73689555-T-a-van-deyk-yazyk-poznanie-kommunikaciya.html>.
- Демьянков 2008 – Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М.: Альма Матер, 2008. С. 374–394. URL: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm>.
- Колшанский 1980 – Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 154 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3039478/0a2d12>.
- Кубрякова, Александрова 1997 – Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: сб. тр. конф. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19–20.
- Менджерияцкая 2017 – Менджерияцкая Е.О. Дискурсофера печатных СМИ: игра на выживание: монография. М.: МАКС Пресс, 2017. 310 с.
- Менджерияцкая 2011 – Менджерияцкая Е.О. Дискурс, медиадискурс и когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 54–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16853388>.
- Мукашев 1983 – Мукашев Б.А. Лексико-грамматические классы слов и проблема гипотазиса в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Пономаренко, Харьковская 2014 – Пономаренко Е.В., Харьковская А.А. Риторическое воздействие как фактор межнационального делового общения // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: сб. науч. тр. М.: Издательство «ТрансАрт», 2014. С. 111–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22607454>.
- Смирницкий 1959 – Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 440 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3517695/002505>.
- Vishnjakova 2013 – Vishnjakova O.D. Sushchestvuet li «modal'noe prichastie» v angliiskom yazyke? [Is there the «Modal Participle» in English?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication], 2013, no. 3, pp. 124–135. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20419428> [in Russian].
- Dijk 1999 – Dijk T. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: sb. rabot. Pod. red. V.V. Petrovoi* [Language. Cognition. Communication: collection of works. V.V. Petrova (Ed.)]. M.: BGK im. I.A. Boduena De Kurtene, 1999, 310 p. Available at: <https://docplayer.ru/73689555-T-a-van-deyk-yazyk-poznanie-kommunikaciya.html> [in Russian].
- Dem'jankov 2008 – Dem'jankov V.Z. *Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI* [Interpretation of the political discourse in mass media]. In: *Yazyk sredstv massovoi informatsii. Pod red. M.N. Volodinoi* [Language of mass media. M.N. Volodina (Ed.)]. M.: Al'ma Mater, 2008, pp. 374–394. Available at: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm> [in Russian].
- Kolshanskii 1980 – Kolshanskii G.V. *Kontekstnaya semantika* [Context Semantics]. M.: Nauka, 1980, 154 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3039478/0a2d12> [in Russian].
- Kubryakova, Aleksandrova 1997 – Kubryakova E.S., Aleksandrova O.V. *Vidy prostranstv teksta i diskursa* [Types of spaces of text and discourse]. In: *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: sbornik trudov konferentsii* [Categorization of the world: space and time: collected work of the conference]. M.: Dialog MGU, 1997, pp. 19–20 [in Russian].
- Mendzheritskaya 2017 – Mendzheritskaya E.O. *Diskursosfera pechatnykh SMI: igra na vyzhivanie: monografiya* [Discourse–sphere of print media: survival game]. M.: MAKSS Press, 2017, 310 p. [in Russian].
- Mendzheritskaya 2011 – Mendzheritskaya E.O. *Diskurs, mediadiskurs i kognitivno-diskursivnaya paradihma v lingvistike* [Discourse, media discourse and cognitive discursive paradigm in linguistics]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2011, no. 3, pp. 54–60. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16853388>.
- Mukashev 1983 – Mukashev B.A. *Leksiko-grammaticheskie klassy slov i problema gipostazisa v sovremennom angliiskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-grammatical classes of words and the problem of «hypostasis» in the modern English language: Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 1983 [in Russian].
- Ponomarenko, Kharkovskaya 2014 – Ponomarenko E.V., Kharkovskaya A.A. *Ritoricheskoe vozdeistvie kak faktor mezhnatsional'nogo delovogo obshcheniya* [Rhetoric influence as a factor of international business communication]. In: *Yazyk i kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom sotsiume: sbornik nauch. trudov* [Language and communication in the modern polycultural society: collection of scientific words]. M.: Izdatel'stvo «TransArt», 2014, pp. 111–117. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22607454> [in Russian].
- Smirnitsky 1959 – Smirnitsky A.I. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [Morphology of the English language]. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1959, 440 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3517695/002505> [in Russian].

References

- Geeraerts 2006 – Geeraerts D. *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Edited by Dirk Geeraerts. p. cm. (Cognitive linguistics research; 34). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006, 496 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110199901> [in English].
- Arutyunova 1990 – Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Gl. red. V.N. Yartseva [Linguistic Encyclopedic Dictionary. V.N. Yartseva (Ed.)]. M.: Sov. Entsiklopediya, 1990, pp. 136–137. Available at: <https://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168> [in Russian].

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-177-180
УДК 94(47)

Дата поступления статьи: 31/X/2019
Дата принятия статьи: 30/XI/2019

В.И. Шувалов

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НЕФЕДОВ В.В. СЕПГ И КУЛЬТУРА ГДР.
М.: НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КНИГА, 2019. 559 С.**

© Шувалов Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: mitvister@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2371-4511>

АННОТАЦИЯ

Дана оценка монографии, посвященной истории и культурному развитию ГДР. Высоко оценена историческая и культурологическая квалификация В.В. Нефедова. Дан глубокий анализ поставленной проблемы. Монография ярко иллюстрирует общую культуру стран социализма.

Ключевые слова: СЕПГ, ГДР, КПСС, СССР, культура, социализм.

Цитирование. Шувалов В.И. Рецензия на книгу: Нефедов В.В. СЕПГ и культура ГДР. М.: Научно-политическая книга, 2019. 559 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 177–180. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-177-180>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

V. I. Shuvalov

**REVIEW ON THE BOOK: NEFEDOV V.V. SOCIALIST UNITY PARTY OF GERMANY
AND CULTURE OF THE GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC.
M.: NAUCHNO-POLITICHESKAYA KNIGA, 2019, 559 P.**

© Shuvalov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, professor, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

E-mail: mitvister@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2371-4511>

ABSTRACT

The monograph devoted to the history and cultural development of the German Democratic Republic is evaluated. V. V. Nefedov's historical and cultural qualification is highly appreciated. A deep analysis of the problem is given. The monograph vividly illustrates the general culture of the countries of socialism.

Key words: Socialist Unity Party, German Democratic Republic, Communist party, Soviet Union, culture, socialism.

Citation. Shuvalov V. I. *Retsenziya na knigu Nefedov V.V. SEPG i kultura GDR. M.: Nauchno-politicheskaya kniga, 2019. 559 s.* [Review on the book: Nefedov V.V. Socialist Unity Party of Germany and culture of the German Democratic Republic. M.: Nauchno-politicheskaya kniga, 2019, 559 p.]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 177–180. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-177-180> [in Russian].

Данная монография известного историка-германиста В.В. Нефедова, ставшая итогом его многолетних исследований, увидела свет. И это не случайно, ведь в ней в концентрированном, то есть в самом сжатом, виде ярко представлены предыстория и весь период культурной жизни Восточной Германии, с 1949 г. ставшей Германской Демократической Республикой. Напомню, что как в Советском Союзе правящей партией являлась КПСС, так и в ГДР в подобной же роли выступала Социалистическая единая партия Германии.

Коммунистические и родственные им партии всегда рассматривали культуру как важное оружие в борьбе за умы людей, в деле воспитания их в духе марксистско-ленинской идеологии. Они исходили из известного тезиса о том, что в каждой культуре есть две культуры – «буржуазная» и «пролетарская».

Удивительно, что ГДР добилась определенных успехов во многих областях культуры – это феномен, научное объяснение которого до выхода этой монографии в свет не было дано. За короткое время в республике, как отметил литературовед Л. Симонян, ее граждане прошли путь «от фальшивой веры к безверию и от безверия к истинной вере». На вооружение был взят лозунг «Учиться у Советского Союза - значит учиться побеждать!», а к 40-летнему юбилею республики было заявлено о построении «социализма в красках ГДР».

Политика государства в области культуры определялась высшим руководством СЕПГ, поэтому истоки успехов и неудач ГДР в развитии культуры следует искать именно в политике ее правящей партии, ставшей в республике «партией порядка». В Восточной Германии за короткое время был совершен переход от нацистской по духу и

содержанию культуры к культуре, пропагандировавшей идеи социализма и коммунизма как «лучшего будущего всего человечества».

Общая атмосфера жесткого социально-психологического давления, характерная для режима СЕПГ, требовала активизации культурной жизни. Для населения ГДР театр, кино, музыка, изобразительное искусство были не просто средством удовлетворения духовных потребностей, но и своеобразным способом ухода от реальности, к иллюзии стабильности и порядка, в так называемую внутреннюю эмиграцию, в «двоедушие».

Интерес к культурной сфере общества «советской Германии» сопряжен с общими моментами, связанными с взаимоотношением культуры и государственной власти, с функционированием культуры в рамках государства. Настоящее издание дает возможность не только познакомиться и уяснить частности культурной политики СЕПГ и ее влияние на жизнь граждан ГДР, но и впервые в отечественной исторической германистике автор выдвинул новую концепцию культурной политики правящей партии в Восточной Германии. Это «биттерфельдский путь» развития культуры «социалистической немецкой нации».

Знакомство с «официальной» культурой ГДР показывает, что она представляла собой не только насаждаемый искусственно культ созидания нового социума, но и сложный комплекс идей и образов, которые имели определенную социальную направленность, выразившуюся в раскрытии тем умственного и производственного труда, крестьянства и крестьянского быта, роли женщины в обществе и так далее.

Культурные преобразования подразумевали в Восточной Германии соединение народа и офи-

циальной культуры, одобренной руководством СЕПГ, изменение субъекта культурного процесса – человека – путем его вовлечения в творческую деятельность. Культурные изменения предполагали не только создание благоприятных условий для потребления культуры, но и активную творческую деятельность самих людей в области культуры, не только непосредственную, но и представительную. Содержание культурных реформ в новом социуме Восточной Германии, те задачи, которые выдвигались в ходе их осуществления, показывают, что они являлись общей закономерностью во всех странах советского блока.

В связи с этим в данной книге рассмотрены общие черты культурных преобразований, характерные для стран Восточной Европы, проанализированы субъективные и объективные факторы, которые определяли своеобразие культурных мероприятий как в группе стран, так и в отдельно взятой стране – ГДР.

Это первая в отечественной историографии обобщающая работа, в которой анализируется культурная политика СЕПГ на протяжении 43 лет деятельности партии в течение всего времени существования ГДР. Каждое из двух немецких государств настаивало на своей монополии в преемственности национальных ценностей и одновременно демонстрировало дух обновления. Выступая с претензией на историческую легитимность, и ГДР, и ФРГ внимательно следили за успехами и неудачами друг друга. Наличие государства-конкурента влияло на общественное и культурное развитие Демократической и Федеративной Германии. «Генетически» западная модель была подготовлена к многолетней конкуренции лучше, чем восточная. Свобода и открытость взяли верх над замкнутостью общественных структур и партийно-государственным контролем над обществом. Хотя популярный у советских читателей журнал «ГДР» в свое время вполне объективно констатировал, что в республике «мир, демократия и равноправие давно уже стали реальностью».

Автор постарался дать всесторонний, а не тенденциозно однобокий анализ содержания политики СЕПГ на каждом этапе истории ГДР. В данном исследовании впервые предпринята попытка нового прочтения опубликованных до 1991 г. документов.

В книге выдвинута точка зрения, что в «добиттерфельдский» период упор делался на распространение идеологии СЕПГ среди граждан ГДР через культуру, которую создает творческая интеллигенция. В «биттерфельдский» период была предпринята попытка «в живой связи с массами» творить «социалистическую культуру» для трудящихся руками самих трудящихся (хотя бы частично). В «постбиттерфельдский» период акцент был перенесен с «классовых аспектов» на художественные достоинства произведений литературы. Эти тезисы в самой сжатой форме стали основной концепцией настоящей монографии.

В. Нефёдов впервые дает периодизацию культурной политики руководства СЕПГ. По его мнению, можно выделить:

- 1) «добиттерфельдский» период (1949–1959);
- 2) «биттерфельдский» этап (1959–1960-е гг.);
- 3) период модифицированной культурной политики в 1970-е гг.;
- 4) этап тотального противостояния с влиянием западной культуры в условиях нарастающего внутреннего кризиса в ГДР (1980-е гг.).

Автор учитывал объективные конкретно-исторические факторы, определившие характер и специфику изучаемой проблемы, а также провел системную обработку доступных исторических источников и литературы. На этой основе достоверно были проанализированы общие закономерности и особенные проявления предмета пристального изучения ученого-германиста – это особенности культурной политики СЕПГ, ее влияния на социально-культурное развитие ГДР в контексте мировой системы социалистического сообщества.

Главными источниками послужили документы съездов СЕПГ и пленумов ее Центрального комитета. Автор указывает на неоднозначность и двойственность роли публикаций в главном печатном органе ЦК СЕПГ «Нойес Дойчланд» (аналог газеты «Правда» в Союзе ССР), но в каждом случае их надо было учитывать, так как они отражали реакцию партийного руководства на все основные явления культурной жизни и выявляли его позицию практически по всем вопросам. В качестве источников автор использовал также публикации в главном теоретическом журнале ЦК СЕПГ «Айнхайт» и главной молодежной газете ГДР «Юнге вельт», тексты из «Внешнеполитического бюллетеня» управления печати и информации МИД ГДР. Были удачно использованы публикации периодической печати СССР и РФ (от «Правды» и «Известий» до «Огонька» и «Нового мира»). Конечно же, достоверность средств массовой информации как источников может подвергаться сомнению, но обращение к ним правомерно, поскольку они сигнализировали об интенсивности тех или иных политических процессов, уровне напряженности в обществе и сообщали (особенно в передовых статьях) официальную точку зрения руководства СЕПГ и ГДР, КПСС и СССР на происходившие события в Восточной Германии. Радует, что автор старался оставаться объективным в своих оценках, не ударяться в другую крайность и замалчивать идеи «основных идеологов ГДР» К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, которые оказывали значительное влияние на культурную политику СЕПГ. Он стремился также показать, как СЕПГ претворяла в жизнь советские наработки в области культуры и что обусловило специфику культурного развития в ГДР.

Важное место заняли мемуарная литература на немецком и русском языках, выступления и воспоминания участников и свидетелей политических и культурных процессов в ГДР (от Эгона Кренца до Н.И. Рыжкова, от космонавтов до народных артистов СССР). Приведены в качестве источников многочисленные воспоминания и дневники историков, литературоведов, искусствоведов, педагогов, деятелей кинематографии, писателей, артистов. Отрадно, что в процессе подготовки книги

к изданию Вячеслав Викторович воспользовался помощью значительного количества авторов, ученых и деятелей культуры.

Вызывает искреннее сожаление, что (как видно из приведенных примечаний) значительная часть материалов и собеседований не вошла в окончательный текст монографии, прежде всего из-за своего немалого объема. Но в каждом случае они оказали позитивное воздействие на изучение данной проблематики.

Вполне можно согласиться с ученым Л.Е. Кертманом, что «историк может и должен воспользоваться результатами исследований специалистов – литературоведов, искусствоведов и так далее, он не претендует на то, чтобы подменить их, но само историко-комплексное исследование – дело историка», а по мнению члена-корреспондента АН СССР Ю.А. Полякова, «важнейший инструмент историка – слово».

В монографии ученый использовал документы и донесения референтуры по ГДР из Архива внешней политики РФ, которые впервые введены в научный оборот, они и составили документальную базу книги. Это в высшей степени достоверные источники, в них есть то, что никак не могло попасть в СМИ – негатив и трудности в культурной сфере ГДР. Именно эти материалы позволяют увидеть некоторые новые стороны культурной жизни ГДР и культурной политики СЕПГ.

Несмотря на сходство с СССР, культурные преобразования в ГДР имели свои особенности. Опыт внедрения советских рецептов в республике заслуживает особого внимания. Ведь это была часть страны, имевшей высокий уровень культуры в прошлом, богатые парламентские и демократические традиции, страны, пережившей трагедию нацистского периода, уничтожавшего на кострах лучшие достижения немецкой культуры, а образование и науку поставившего на службу гитлеровскому правительству в целях завоевания мирового господства.

Конечно же, в одной монографии невозможно рассмотреть все проблемы историко-культурного процесса. Сама по себе задача выделения основных проблем комплексного изучения культуры из-за ее недостаточной изученности представляется непростым делом. Поэтому автор монографии на каждом из этапов роста культуры ГДР обращает внимание на основные проблемы ее развития под руководством СЕПГ, наиболее интересные ее вехи, характеризующие основные векторы культурной жизни Демократической Германии.

Процесс культурной жизни ГДР был тесно связан с развитием экономики, политики и международных условий существования республики, в первую очередь с многочисленными контактами со странами социалистического содружества – от Советского Союза до Северной Кореи, от Кубы до Монголии. Этот процесс преобразований в республике имел свои национальные черты и особенности. Осуществление преобразований облегчалось грамотностью населения, наличием материальной базы культуры и кадров интеллигенции, существованием культурного наследия, возможностью использования опыта «старшего брата» –

СССР и его помощи в культурном развитии, официальной поддержкой политики СЕПГ в области культуры всеми партиями Национального фронта республики.

В то же время имелись факторы, затруднявшие преобразования в сфере культуры. Это прежде всего влияние западной культуры, распад гуманистической культуры в период господства нацизма, почти полное отсутствие идеологических предпосылок для становления социалистической культуры, что в значительной мере затрудняло и использование интеллигентов старой школы для «революционно-демократической» культуры.

Ученый утверждает, что позитивный образ Восточной Германии в качестве «новой “ударной бригады”» был нужен не только правящей элите ГДР и СССР – «самого выдающегося активиста мировой революции», он был нужен большинству советских людей, так как свидетельствовал о правильности пути, выбранного Советским Союзом – «быть всегда вместе со своими братьями – народами стран социализма». Писательница М.С. Шагинян, находясь в республике, сделала запись: «...воздух общения был такой же, как у нас».

Основной вывод из монографии: СЕПГ добилась определенных успехов в развитии «социалистической культуры», но этого оказалось недостаточно для решения главной политической задачи: перевоспитания в духе идеалов социализма всего населения, особенно творческой интеллигенции страны. Экономический фактор оказался сильнее идеологической составляющей. К. Маркс был прав (не случайно, видимо, памятник ему и Энгельсу вынесен на обложку книги): бытие определяет сознание (и политические настроения). Писатель Р. Виллемсен отметил, что Восток Германии отставал в экономике, а ее Запад явно отставал в морали.

В каждом случае много лет ГДР выступала для советских граждан как наглядное воплощение сознательного и подсознательного стремления к лучшей жизни. История сотрудничества СССР и ГДР, «друзей, товарищей, партнеров», показывает нам возможность – пусть хотя бы ограниченного – примирения двух народов после только что закончившейся войны. Влияние СССР на ГДР вполне может рассматриваться в рамках своеобразной попытки ранней глобализации.

Перемены в ГДР осенью 1989 г. были составной частью геополитических изменений в Европе, связанных с окончанием холодной войны, которая была порождена конфликтом идеологий, а не национальных интересов. Исход борьбы между «социальным рыночным хозяйством» и «социализмом на немецкой земле» привел к решению вопроса о национальном единстве на основе западной модели. Последовавший после разрушения Берлинской стены крах «режима СЕПГ» открыл дорогу к объединению Германии в 1990 году.

Таким образом, анализ культурного развития в ГДР, как позитивного, так и негативного, может оказаться полезным в поиске оптимальных путей развития культурной жизни.

В заключение можно отметить, что автору было непросто ужимать и сокращать собранный материал под размер монографии.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-181-184
УДК 342.553(470.57)“1917”(060)

Дата поступления статьи: 10/X/2019
Дата принятия статьи: 25/XI/2019

К.Л. Захарова

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ: УФИМСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ В 1917 ГОДУ: ПРОТОКОЛЫ И ДОКУМЕНТЫ. К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ / АВТ.-СОСТ. Г.В. МОРДВИНЦЕВ. УФА: ИНФОРМРЕКЛАМА, 2017. 726 С.: ИЛ.

© Захарова Ксения Леонидовна – младший научный сотрудник, сектор истории общественно-политического развития, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: minienrique@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1620-3470>

АННОТАЦИЯ

В рецензии на сборник документов, подготовленный кандидатом исторических наук, членом-корреспондентом Академии военных наук Российской Федерации Г.В. Мордвинцевым, проведен всесторонний критический анализ представленного издания.

Сделан вывод, что качественный состав размещенных в сборнике документов отражает задачи издания. Источники довольно полно характеризуют структуру и компетенцию Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов, раскрывают основные принципы его политики, главные направления и результаты деятельности, его взаимоотношения с другими акторами политического процесса, а также позволяют определить роль и место Совета в революционных событиях 1917 г. в Башкирии.

В то же время в рецензии отмечена недостаточно полная разработка научно-справочного аппарата сборника. Вызывают вопросы принцип отбора материала и степень археографической обработки автором-составителем опубликованных в сборнике источников. Серьезным упущением является и почти полное отсутствие авторских комментариев по содержанию публикуемых документов.

Несмотря на существующие недостатки, издание, подготовленное Г.В. Мордвинцевым, оценивается позитивно. Рецензируемый сборник является существенным вкладом в развитие отечественной историографии революции 1917 г. в России и позволяет расширить исследовательскую проблематику.

Ключевые слова: революция 1917 г., Уфимская губерния, Советы, политические практики, исторические источники, делопроизводственные документы, периодическая печать.

Цитирование. Захарова К.Л. Рецензия на сборник документов: Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы и документы. К 100-летию создания Совета рабочих и солдатских депутатов / авт.-сост. Г.В. Мордвинцев. Уфа: Информреклама, 2017. 726 с.: ил. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 181–184. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-181-184>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-181-184
UDC 342.553(470.57)“1917”(060)

Submitted: 10/X/2019
Accepted: 25/XI/2019

K.L. Zakharova

**REVIEW ON THE COLLECTION OF DOCUMENTS:
UFA SOVIET OF WORKERS' AND SOLDIERS' DEPUTIES IN 1917:
PROTOCOLS AND DOCUMENTS. ON THE 100TH ANNIVERSARY OF CREATION
OF THE SOVIET OF WORKERS' AND SOLDIERS' DEPUTIES. AUTHOR-COMPLIER
G.V. MORDVINTSEV. UFA: INFORMREKLAMA, 2017, 726 P.: IL.**

© Zakharova Kseniya Leonidovna – junior researcher, Department of History of Social and Political Development, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

E-mail: minienrique@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1620-3470>

ABSTRACT

In the review of the collection of documents prepared by the Candidate of Historical Sciences, corresponding member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation G.V. Mordvintsev, a comprehensive critical analysis of the presented publication was carried out.

It was concluded that the qualitative composition of the documents included in the collection reflects the objectives of the publication. The sources quite fully characterize the structure and competence of the Ufa Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, reveal the main principles of its policy, the main directions and results of its activities and its relations with other actors of the political process. The publication also allows to determine the role and place of the Soviet in the revolutionary events of 1917 in Bashkortostan.

At the same time, the review noted the insufficient development of scientific and reference apparatus. The principle of selection of material and the archeographic processing degree of sources published in the collection by the author raise concerns. Another significant drawback is also almost a complete absence of author's comments on the content of published documents.

Despite the existing weaknesses, overall the publication prepared by G.V. Mordvintsev is evaluated positively. The peer-reviewed collection is a significant contribution to the development of the Russian historiography of the revolution of 1917 and allows to expand research issues.

Key words: revolution of 1917, Ufa Province, Soviets, political practices, historical sources, office-work documents, periodical press.

Citation. Zakharova K.L. *Retsenziya na sbornik dokumentov: Ufimskii Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu: protokoly i dokumenty. K 100-letiyu sozdaniya Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov / avt.-sost. G.V. Mordvintsev. Ufa: Informreklama, 2017. 726 s.: il.* [Review on the collection of documents: Ufa Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917: protocols and documents. On the 100th anniversary of creation of the Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies. Author-complier G.V. Mordvintsev. Ufa: Informreklama, 2017, 726 p.: il.]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 181–184. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-181-184> [in Russian].

Юбилей революции 1917 г. актуализировал интерес исследователей к событиям столетней давности, результатом чего стал выход в свет многочисленных статей, монографий, а также документальных изданий, посвященных этой теме. Научная публикация письменных источников всегда являлась базой и важнейшим условием исторических исследований. Подбор и комментирование вводимых в научный оборот документов часто определяют направление осмысления событий прошлого, создают условия для их глубокого и непредвзятого анализа или, напротив, ограничивают такую возможность.

Демократизация политической системы как следствие Февральской революции 1917 г. вызвала к жизни практически повсеместное распространение такой формы политической организации населения, как Советы. Изучению истории борьбы за

власть Советов в центре и на местах (одной из магистральных тем советской историографии) способствовало формирование необходимой источниковой базы. Археографы не обошли вниманием и проблему установления власти Советов в Башкирии. Одним из ключевых шагов в научной разработке темы стала публикация в 1957 г. сборника «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. (Февраль 1917 г. – июнь 1918 г.)», содержавшего 392 документа. В 1979 г. в развитие данной проблематики был издан сборник документов и материалов «Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. – май 1918 г.)», в который было включено 226 документов (в 1987 г. вышло второе, расширенное издание), раскрывавших в более глубокой перспективе революционный процесс в Башкирии в первые месяцы существования советской власти.

Рецензируемый сборник, подготовленный кандидатом исторических наук, членом-корреспондентом Академии военных наук Российской Федерации Г.В. Мордвинцевым, продолжил традицию специальных документальных изданий по указанной теме. Апеллируя к исключительной роли Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов (фактически являвшегося губернским) в развитии революции в Башкирии в 1917 г., автор убедительно обосновывает необходимость издания полной и систематизированной тематической документальной публикации, посвященной истории этого властного органа.

Сборник открывает введение, включающее краткий историографический обзор и изложение основных этапов политического процесса в Уфимской губернии в 1917 г. Затем в разделе «От составителя» дана краткая характеристика состава документов и сформулированы археографические принципы, которыми руководствовался автор. Далее следует основная часть, содержащая преимущественно делопроизводственную документацию Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов (в основном – протоколы заседаний его исполнительного комитета) и материалы уфимских газет. В сборнике имеются приложения: хроника выборов рабочих депутатов в Уфимский Совет, воспоминания о деятельности Совета, а также биографические справки на двух его председателей. Завершают сборник список сокращений и именной указатель.

Во вводной части сборника лаконично, но довольно емко изложены события 1917 г. в Уфимской губернии и история создания Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов, дана характеристика его структуры и состава, направлений и результатов деятельности. Однако явно недостаточно внимания уделено историографии и анализу документальных сборников, изданных предшественниками и отражающих процесс создания Советов и установления их власти в Башкирии. Если сборник документов «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. (Февраль 1917 г. – июнь 1918 г.)» (1957) охарактеризован кратко, но содержательно, то сборник «Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. – май 1918 г.)» (1979; 1987) только назван. Никакого представления о принципе подбора материала, полноте публикации и уровне археографической обработки опубликованных в сборниках документов получить из введения невозможно. Более детальный анализ предшествующих изданий и историографический анализ научной литературы по истории революционного процесса в Башкирии в 1917 г. помог бы определить место документов, включенных в данный сборник, среди других исторических источников, а также оценить их потенциал для изучения той или иной конкретной проблемы.

Неоспоримым достоинством является солидный объем издания. В рецензируемый сборник

автором-составителем был включен 481 документ, охватывающий период с 3 марта по 20 декабря 1917 г. Состав опубликованных Г.В. Мордвинцевым документов также довольно разнообразен. Поэтому сразу необходимо отметить, что подзаголовок сборника «протоколы и документы» не совсем корректно отражает его внутреннее наполнение.

Основной массив источников был выявлен в фондах Национального архива Республики Башкортостан (НАРБ). Значительная часть документов извлечена непосредственно из фонда Р-2 «Уфимский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Автором были отобраны такие источники, как протоколы общих еженедельных собраний Совета и протоколы заседаний его исполкома, списки членов Совета и мандаты депутатов, деловая переписка Уфимского Совета, в том числе с Временным правительством, ВЦИК Советов, а также с Советами разных уровней. Часть подлинников и копий протоколов исполкома Совета была извлечена из фонда 1832 «Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции Башкирского обкома ВКП(б) (Истпарт)». Также был использован ряд документов из состава фонда 1720 «Штаб Казанского военного округа» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Эти источники (в основном – телеграммы) характеризуют деятельность военной секции Уфимского Совета, ее взаимодействие с командующим Казанским военным округом.

Также автором-составителем были привлечены материалы местной периодической печати, а именно: газет «Вперед!», «Известия Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Земля и воля», «Уфимская жизнь». На страницах изданий публиковались протоколы общих собраний Уфимского Совета и заседаний его исполкома, что позволило восполнить значительный пласт документов, подлинники которых не сохранились. Помимо этого, в сборник были включены напечатанные в газетах разного рода объявления и обращения Уфимского Совета, отчеты о его деятельности, иные материалы, так или иначе отражающие участие Совета в революционных событиях в масштабах как губернии, так и России.

В своей совокупности опубликованные в сборнике документы довольно полно и точно характеризуют структуру и компетенцию Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов, дают представление о механизмах формирования и динамике состава Совета и его исполнительного аппарата, раскрывают основные принципы его политики, главные направления и результаты деятельности, его взаимоотношения с другими акторами политического процесса, а также позволяют определить его роль и место в революционных событиях 1917 г. в Башкирии.

Документы в издании систематизированы по хронологическому принципу. Возможно, следовало бы отдать предпочтение проблемно-хронологическому принципу публикации документов. Выделение тематических разделов в столь внушительном по объему сборнике помогло бы упорядочить материалы, значительно облегчив работу с ними. Но, вероятно, именно многогранность содержания документов не позволила сделать этого. При этом вызывают вопросы состав документов и критерии отбора, в соответствии с которыми был сформирован сборник. Основной массив источников, безусловно, имеет исключительное значение и потенциал для разработки темы. Однако часть документов (как правило, небольших по объему), кажется, включена в сборник случайно. Эти второстепенные и малоинформативные материалы касаются частных вопросов, имеют сомнительную научную ценность и принципиально не влияют на расширение исследовательской проблематики.

Как указывает сам Г.В. Мордвинцев, археографическое оформление документов сборника произведено в соответствии с требованиями, предъявляемыми к изданиям научно-популярного типа (при этом фактически состав документов, отличающийся полнотой и внутренней связанностью, скорее характерен для изданий научного типа). В предисловии автору следовало сослаться на «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1990), которые детализируют и конкретизируют методы подготовки исторических документов к публикации в научно-популярных изданиях, и подробно оговорить все те принципы, которыми он руководствовался. В этой связи

сложно судить о степени археографической обработки опубликованных документов.

К сожалению, существенным упущением является и почти полное отсутствие авторских комментариев по содержанию публикуемых документов. Стоило обогатить издание сведениями биографического характера; дать дополнительную поясняющую информацию о конкретных фактах, событиях и процессах, отраженных в документах; отобразить исторические и социокультурные реалии времени, что позволило бы вписать деятельность Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов в контекстуальную канву революционного периода.

Фактически примечания по содержанию оказались смешаны с текстуальными примечаниями, помещенными в конце документов после легенд. Собственно же текстуальные примечания в основном воспроизводят маргиналии (служебные пометы и резолюции), имеющиеся на документах. Также в примечаниях оговариваются ошибки и неточности, обнаруженные в источнике, даются краткие пояснения, если смысловая трактовка отдельных фрагментов текста неясна.

Несмотря на недостаточно полную разработку научно-справочного аппарата (в части историко-археографического введения и комментариев), рецензируемый сборник является существенным вкладом в развитие отечественной историографии революции 1917 г. в России и позволяет расширить исследовательскую проблематику. Издание, подготовленное Г.В. Мордвинцевым, представляет собой ценный комплекс взаимосвязанных документов, последовательно и всесторонне освещающих процесс становления Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов как властной структуры во всей его сложности и противоречивости.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: КАБЫТОВ П.С., ЕЛИСЕЕВ А.И. ГРАДОНАЧАЛЬНИК
АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ РОСОВСКИЙ. САМАРА: САМАРСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ, 2019. 100 С.**

© Тюрин Вадим Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: vad.im@inbox.ru. **ResearcherID:** AAC-9674-2019. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>

© Леонов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: mleonov40@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

АННОТАЦИЯ

Рецензия посвящена анализу монографии Кабытова П.С., Елисеева А.И., которые осуществили научное исследование биографии и деятельности выдающегося администратора г. Куйбышева – Алексея Андреевича Росовского, внесшего большой вклад в развитие экономического потенциала и социокультурного пространства административного центра Куйбышевской области. Изучение деятельности А.И. Росовского построено через призму выявления черт его характера. Рассмотрение важнейших этапов биографии градоначальника органично сочетается с изучением его деятельности по развитию Куйбышева в 1960–1980-е гг. Книга подготовлена на обширной источниковой базе и с привлечением новейшей литературы и является серьезным вкладом в изучение проблем функционирования элит советского общества второй половины XX в.

Ключевые слова: элиты, Куйбышев, исполкомы советов, А.И. Росовский, биография, социальная инфраструктура, жилищное строительство СССР.

Цитирование. Тюрин В.А. Рецензия на монографию: Кабытов П.С., Елисеев А.И. Градоначальник Алексей Андреевич Росовский. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. 100 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 185–188. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-185-188>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-185-188
UDC 94(47).081+94(47).082

Submitted: 13/X/2019
Accepted: 22/XI/2019

V.A. Tyurin, M.I. Leonov

**REVIEW ON THE MONOGRAPH: KABYTOV P.S., ELISEEV A.I. TOWN GOVERNOR
ALEXEY ANDREEVICH ROSOVSKY. SAMARA:
SAMARSKAYA GUMANITARNAYA AKADEMIYA, 2019, 100 P.**

© Tyurin Vadim Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: vad.im@inbox.ru. ResearcherID: AAC-9674-2019. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>

© Leonov Mikhail Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: mleonov40@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

ABSTRACT

The review is devoted to the analysis of the monograph by Kabytov P.S., Eliseev A.I., who carried out a scientific study of the biography and activities of the prominent administrator of the city of Kuibyshev – Alexei Andreevich Rosovsky, who made a great contribution to the development of the economic potential and sociocultural space of the administrative center of the Kuibyshev Region. The study of the activities of A.I. Rosovsky built through the prism of identifying traits of his character. The consideration of the most important stages in the biography of the town leader is organically combined with the study of his activities for the development of Kuibyshev in the 1960-ies – 1980-ies. The book has been prepared on an extensive source base, using the latest literature, and is a serious contribution to the study of the functioning problems of the elites of Soviet society in the second half of the 20th century.

Key words: elites, Kuibyshev, executive committees of the soviets, A.I. Rosovsky, biography, social infrastructure, housing construction of the USSR.

Citation. Tyurin V.A. *Retsenziya na monografiyu: Kabytov P.S., Eliseev A.I. Gradonachal'nik Aleksei Andreevich Rosovskii. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2019. 100 s.* [Review on the monograph: Kabytov P.S., Eliseev A.I. Town governor Alexey Andreevich Rosovsky. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2019, 100 p.]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 185–188. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-185-188> [in Russian].

В 2019 г. российская региональная историография пополнилась заметным исследованием, монографией самарских историков П.С. Кабытова, А.И. Елисеева «Градоначальник Алексей Андреевич Росовский». Ее появление было обусловлено тем, что в современной российской историографии явственно видна недостаточная изученность вопросов, связанных с формированием и деятельностью региональных элит. Так, изучение самарских (куйбышевских) элит второй половины XX в. представлено лишь отдельными статьями и единственной монографией «Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е годы: очерки истории» (П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская и др. Самара, 2014) [Элиты... 2014]. При этом многие сюжеты, в первую очередь полноценное исследование ярких представителей местных элит, все еще ожидают внимания исследователей.

Алексей Андреевич Росовский, почетный гражданин Самары, – личность легендарная, но в новейший период развития российского общества ушедшая на второй план в памяти самарского обывателя. При этом Росовский занимал должность председателя исполнительного комитета Куйбышевского городского совета народных депутатов с 1964 по 1982 г. Восемнадцать лет руководства индустриальным Куйбышевом (рекорд для новейшей

истории города!) совпали с периодом бурного роста областного центра. В те годы в областном центре строились крупные промышленные объекты, учреждения культуры и науки, возводились новые микрорайоны, формировалась новая инфраструктура. Безусловно, точная оценка роли и места А.А. Росовского, осуществленная авторами книги, позволяет полнее реконструировать социально-экономическое и социокультурное развитие Куйбышевской области в 1960–1980-е гг.

Во «Введении» авторы убедительно показали фрагментарность историографии изучения системы местного управления Самарского (Куйбышевского) региона во второй половине XX в., где личности героя книги были посвящены лишь отдельные статьи, преимущественно публицистического характера.

При написании биографии А.А. Росовского авторы опираются на прочный фундамент документальных источников. Основой этого комплекса выступает делопроизводственная, нормативная документация партийных и советских органов власти, в которых нашла отражение многогранная профессиональная деятельность А.А. Росовского. Использованы также источники личного происхождения. В первую очередь это мемуары и очерки Алексея Андреевича, в которых он рассказывает о

своем жизненном пути. Кроме того, авторы книги привлекли и немало воспоминаний коллег и современников. Очень уместно и ценно на страницах книги звучат материалы устной истории – опросы респондентов, которым довелось работать или лично общаться с А.А. Росовским.

В первой главе книги авторы проследили процесс формирования личности политического деятеля А.А. Росовского. Здесь читатель найдет оценки, характеризующие целеустремленность, работоспособность и разносторонность героя книги. Сельский юноша, поступив в Сумской машиностроительный техникум, не ограничил себя успехами в учебе, он активно включился в общественную жизнь. Его избирают председателем профсоюзного комитета, он активно занимается спортом. Понимая, что любовь к спорту была характерной чертой личности А.А. Росовского, авторы книги уделяют немало внимания его занятиям легкой атлетикой, волейболом, наконец, они отмечают его увлечение футболом на протяжении всей жизни. Футболом Алексей Андреевич в течение нескольких лет занимался вполне профессионально. До конца 1940-х гг. Росовский играл за заводскую команду «Маяк», кроме того, несколько сезонов он был футболистом в городской команде «Крылья Советов», неизменно защищая ее ворота. В зрелые годы А.А. Росовский оставался страстным футбольным болельщиком, неизменно помогавшим любимым «Крыльям».

Начало профессиональной деятельности А.А. Росовского совпало с началом войны. Уже в июле 1941 г. выпускник техникума прибыл по распределению на куйбышевский завод № 122, строившийся на Безымянской промышленной площадке. Вскоре он был объединен с государственным авиационным заводом № 1. Алексей Андреевич принимал непосредственное участие в трудовом подвиге. Он участвовал в выпуске эвакуируемыми заводами штурмовиков Ил-2. На его глазах росла и строилась трудовая Безымянка, превращаясь в индустриальный пригород. Кстати, развитию этого района он уделял внимание многие десятилетия, будучи партийным руководителем, а затем градоначальником областного центра.

Алексей Андреевич не только достойно выдержал тяготы работы на сверхответственном военном производстве, но и стал за годы войны профессионалом своего дела. Уже в 1947 г. он возглавил отдел стандартизации завода № 1.

Скрупулезно восстанавливая жизненный путь А.А. Росовского, авторы книги не забывают находить в исторических источниках и оценивать черты его личности. Особенно ярко показаны такие качества, как работоспособность, дисциплинированность. Современники Росовского, его коллеги свидетельствуют: «...он был скромным, вежливым и корректным человеком, всегда разговаривал с людьми на равных...» [Кабытов 2019, с. 33], «Росовского не просто уважали, его любили и подчиненные, и начальники» [Кабытов 2019, с. 34].

Свойства личности, профессиональный опыт и завоеванный среди коллег авторитет открыли дорогу для партийной карьеры. В 1946 г. Росовский стал членом КПСС, а уже в 1952 г. возглавил партийную организацию родного завода. Этот карьерный рост объяснялся прежде всего не честолюбием и амбициозностью, а доверием, оказанным ему как работоспособному, ответственному и перспективному специалисту. Сам Росовский вспоминал: «Через 15 лет работы на предприятии... мне пришлось его покинуть и возглавить районную партийную организацию. Желания я такого не высказал, более того, возражал...» [Кабытов 2019, с. 41].

Занимая в 1956–1963 гг. партийные должности (в райкоме, горкоме и обкоме партии), Алексей Андреевич сделал немало для развития Куйбышева. Благодаря его усилиям был преодолен послевоенный жилищный кризис, особенно в промышленных районах города. По его инициативе была внедрена эффективная для того времени схема строительства жилья с участием нуждающихся в квартирах горожан. Заметно выросло количество возводимых школ и детских садов, иной социальной инфраструктуры.

Драматическая ситуация возникла во время строительства Дворца культуры на площади им. С.М. Кирова. Этот дворец должен был стать главным культурным центром для всей промышленной Безымянки, и его проектировали с большим размахом. Однако постановление ЦК КПСС 1955 г. «Об устранении излишеств в строительстве и архитектуре» заставило кардинально упростить проект. Болея душой за украшение родного района, отдавая дань родному заводу № 1, силами которого и строилось здание, А.А. Росовский взял ответственность на себя и одобрил восстановление многих «излишеств» проекта, а главным украшением здания стал монументальный 10-колонный классический портик. Реакция Москвы не заставила себя долго ждать: в газете «Правда» была опубликована статья, автор которой критиковал местные власти за помпезность куйбышевского Дворца культуры. А.А. Росовскому был объявлен выговор. К числу достоинств книги следует отнести то, что в ней достаточно полно воссозданы различные эпизоды жизни А.А. Росовского, показаны причины и следствия тех или иных событий партийной жизни Куйбышева 1950–1960-х гг.

Вторую главу книги «Градоначальник Алексей Андреевич Росовский» авторы посвятили основному этапу служебной деятельности Алексея Андреевича – работе на посту председателя Куйбышевского горисполкома. Эта должность существенно увеличила объем его работы. Помимо текущих повседневных забот он вынужден был решать совершенно новые проблемы и задачи. Действительно, сложностей прибавилось – система исполкомов советов была несамостоятельной, строго подчиненной партийным структурам, имела мало возможностей влиять на крупные хозяй-

ствующие субъекты. Нельзя не согласиться с мнением авторов книги: «...важную роль играла личность руководителя Совета, способного выстроить отношения с различными организациями и объединить их ресурсы для достижения поставленных целей» [Кабытов 2019, с. 54]. В качестве иллюстрации для этого тезиса выступает разработанная Росовским схема массового жилищного строительства, в которой горисполком являлся «единым заказчиком», аккумулируя финансовые средства предприятий-дольщиков строительства и паритетно распределяя возведенное жилье. Подобные новации были признаны удачными на союзном уровне. В итоге за годы работы А.А. Росовского на посту председателя горисполкома жилищный фонд города удвоился, причем стали массово строиться 9–12-этажные здания. Застройка города осуществлялась микрорайонами, что предполагало комплексное сооружение всей необходимой сопутствующей инфраструктуры при строгом соблюдении Генерального плана развития города. Конечно, были и некоторые просчеты, так, дизайну и внешнему виду новой застройки уделялось мало внимания.

Авторы приводят доказательства искреннего, бескорыстного желания А.А. Росовского сделать город лучше. Так, в 1960-е строительство объектов медицины резко отставало от темпов роста строительства жилья. Преодолевая строгую регламентацию финансовых потоков плановой экономики, он смог придумать «обходные пути». А.А. Росовский под свою ответственность сумел построить несколько зданий больниц, оформив их как строительство типовых общежитий. Однако его хитрость была разоблачена, и руководителю города был объявлен выговор, но важен итог – жители города получили новые больницы.

Еще одним направлением активной деятельности А.А. Росовского было решение транспортной проблемы: город обзаводился новыми микрорайонами, дорожная сеть с трудом вмещала все увеличивающийся поток транспорта. Власти Куйбышева задумались о строительстве метро. В итоге этот вид транспорта пришел в Куйбышев с громадным опозданием, обсуждение проекта началось в 1965 г., первые сваи были забиты лишь в 1980 г., а торжественное открытие метро состоялось 25 декабря 1987 г. Столь длительная эпопея объяснялась главным образом нежеланием Госплана СССР давать согласие на мероприятие огромной стоимости, которое строилось «на перспективу». А.А. Росовский более десяти лет убеждал различные столичные учреждения и ведомства в необходимости строительства метро. Более того, в декабре 1977 г. А.А. Росовскому и секретарю обкома В.П. Орлову пришлось отправиться в Москву, напрямую обратиться в Госплан, Политбюро и к К.У. Черненко. Только после этого вопрос был решен окончательно.

Верно оценивая вклад А.А. Росовского, авторы книги подчеркивают, что Самарский метрополитен по праву носит его имя.

Следует особо отметить приложение к книге, здесь мы видим ценные источники: тексты интервью с людьми, знавшими А.А. Росовского; вкладку иллюстраций с фотографиями Алексея Андреевича на разных этапах жизни; фотографии городских объектов, появившихся его стараниями.

Невозможно в краткой рецензии перечислить все достижения славного градоначальника. Остается лишь выразить огромную благодарность авторам за теплые слова, подробный и поучительный для нынешней эпохи рассказ о человеке, который не занимался политикой, а строил то, что радует нас и сейчас. Книга написана ясно и легко, с большим удовольствием и ностальгией самарский читатель найдет в ней интересные подробности строительства городских парков, новых театров, здания Цирка, Дома Актера, ДК «Звезда», комплекса площади Славы и т. д. И за всем этим масштабным преобразованием города, его архитектурным и инфраструктурным взлетом 1960–1970-х годов – бессонные ночи, напряженный труд и вера в светлое будущее настоящего созидателя и патриота Самарской земли, почетного гражданина города Самары Алексея Андреевича Росовского.

Библиографический список

Кабытов 2019 – Кабытов П.С., Елисеев А.И. Градоначальник Алексей Андреевич Росовский. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. 100 с.

Элиты... 2014 – Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е годы: очерки истории: [коллектив. моногр.] / [П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская, В.В. Рябов, И.А. Носков, Ю.Н. Гусева, А.А. Мякотин, В.А. Тюрин, А.В. Сюков]; под ред. П.С. Кабытова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Самар. гос. ун-т. Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 2014. ISBN 978-5-86465-641-9.

References

Kabytov 2019 – Kabytov P.S., Eliseev A.I. Gradonachal'nik Aleksei Andreevich Rosovskii [Town governor Alexei Andreevich Rosovsky]. Samara: Samarskaya humanitarnaya akademiya, 2019, 100 p. [in Russian].

Elites 2014 – Elity Samarskoi (Kuibyshevskoi) oblasti v 1960–1990-e gody: ocherki istorii: [kollektiv. monogr.]. [P.S. Kabytov, G.E. Kozlovskaya, V.V. Ryabov, I.A. Noskov, Yu. N. Guseva, A.A. Myakotin, V.A. Tyurin, A.V. Syukov]; pod red. P.S. Kabytova; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Samar. gos. un-t. [Elites of the Samara (Kuibyshev) Region in the 1960–1990-ies: essays on history: [multi-authored monograph] [P.S. Kabytov, G.E. Kozlovskaya, V.V. Ryabov, I.A. Noskov, Yu.N. Guseva, A.A. Myakotin, V.A. Tyurin, A.V. Syukov]; P.S. Kabytov (Ed.); Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Samara State University. Samara: Izd-vo «Samar. un-t», 2014. ISBN 978-5-86465-641-9 [in Russian].